Н. П. КАМАНИН

СКРЫТЫЙ КОСМОС

Книга 4: 1969-1978 гг

Annotation

Автор этой книги, будучи с 1960 по 1971 год помощником Главнокомандующего ВВС по космосу, зафиксировал в своих дневниках многие важнейшие события «утра космической эры», в которых он принимает самое непосредственное участие. Собранные воедино, «Космические дневники генерала Каманина» — так озаглавил свои записи сам автор — читаются как увлекательная повесть о людях, готовивших и осуществлявших первые пилотируемые полеты в космос. В книге отражена острая борьба идей, мнений и интересов тех, кто определял развитие отечественной космонавтики на начальном этапе освоения космического пространства.

- Н. П. Каманин
  - Книга четвертая
    -
    - 1969 год
    - 1970 год
    - 1971 год
    - 1973–1978 годы
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

AvE4eVaMuViMixRecords AvE4eVaMuViMixRecords

Н. П. Каманин
СКРЫТЫЙ КОСМОС

Книга четвертая
1969–1978 гг.

Проиграв в конце 60-х годов негласное соревнование с США за право быть первыми на Луне, руководители советской космонавтики сосредоточили основные усилия на создании в околоземном космическом пространстве долговременных орбитальных станций с периодически сменяемыми экипажами. Создание таких станций стало главным направлением развития пилотируемых космических полетов в нашей стране на долгие годы.

Окончание службы Н. П. Каманина в должности помощника Главнокомандующего ВВС по космосу совпало с трагической гибелью экипажа «Союза-11» при возвращении его с первой в мире орбитальной станции «Салют». Трагедии могло и не случиться, если бы космонавты Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев надели скафандры перед спуском с орбиты, но…скафандров на борту корабля не было. Большинство главных конструкторов и руководителей пилотируемых космических полетов уже уверовали в то, что «в космос можно летать в трусиках».

Генерал Каманин, опираясь на авторитетное мнение специалистов ВВС, задолго до катастрофы настаивал (к сожалению, безуспешно) на необходимости иметь скафандры на борту космических кораблей. Лишь после гибели экипажа «Союза-11» Госкомиссия приняла решение: на самых ответственных этапах полета — взлет, стыковка, расстыковка, посадка — космонавты должны быть облачены в спасательные скафандры. Это требование безопасности космических полетов сохраняется до сих пор.

1969 год

После блестящей экспедиции на Луну американских астронавтов в июле этого года и целой серии наших провалов с лунными автоматами и ракетой Н-1 у нас не сделано никаких выводов.

…Мы отстали от США на 4–5 лет. Больно признавать этот горестный факт, но еще больнее сознавать, что у нас пытаются замаскировать наше поражение и мало что делают для того, чтобы предотвратить наше дальнейшее отставание.

1 января. Дача «Заборье».

Итак, начался новый, 1969 год. Завтра на самолете Ил-14 группа инженеров и врачей вылетает на космодром, а 4 января туда же вместе со мной отправятся космонавты. В январе нам предстоит осуществить очень ответственный полет двух «Союзов» с ручной жесткой стыковкой на орбите и переходом двух космонавтов с корабля на корабль. Такого полета еще не было у американцев, и они не смогут повторить его вслед за нами: на подготовку подобного полета им потребуется, видимо, два-три года, хотя по своей значимости он, разумеется, не может сравниться с полетом «Аполлона-8».

Сегодня утром с удовольствием прошелся на лыжах: ночью выпал снег, температура понизилась до -8 градусов, лыжи скользили отлично. Днем долго возились с Левиной «Волгой», готовили ее к сдаче в капитальный ремонт. Она прошла более 90 тысяч километров, да к тому же Лева сам обслуживал ее так «любовно», что она захирела от его излишнего внимания (он по десятку раз снимал и разбирал многие агрегаты и детали машины): нарушена система охлаждения, совершенно разрегулировался карбюратор, окончательно сел аккумулятор. С грехом пополам удалось запустить мотор у этой «Антилопы-Гну». За два часа Лева с Людой добрались на ней до Москвы (в пути им пришлось несколько раз останавливаться и добавлять воду в радиатор).

3 января. Москва.

В это утро я чуть не стал инвалидом. Когда мы с Мусей приехали с дачи, я вышел из машины и на подходе к подъезду, несколько засмотревшись по сторонам, неожиданно наткнулся на острый металлический стержень мусорного ящика, неосмотрительно оставленного уборщицей прямо на дороге. Удар пришелся в пах и был настолько сильным, что я упал, с трудом поднялся и не помню, как дошел до лифта. На мне было длинное кожаное пальто на меху — это меня и спасло: кожа и мех ослабили силу удара.

Вышел на работу. Был у Вершинина — доложил ему обстановку на космодроме и подтвердил готовность вылета туда экспедиции ВВС.

С космодрома звонили Керимов и Ващенко. Подготовка «Союзов» идет по графику, космонавты должны начать тренировки на кораблях утром 5 января. Керимов просил меня вместе с Е. И. Воробьевым (Минздрав) резко сократить численность медицинского персонала, заявленную ВВС и Минздравом для выезда на полигон. Я договорился с Бабийчуком и Воробьевым о переносе основных предполетных и послеполетных обследований с космодрома в Москву, что позволило на 60 процентов сократить число врачей, командируемых на космодром. Приказал генералу Кузнецову взять для всех космонавтов теплое летное обмундирование (на космодроме 30-градусный мороз и сильный ветер).

4 января. Тюра-Там.

На двух самолетах Ан-24 прилетели на космодром (я летел в одном самолете с Береговым, Егоровым, Шаталовым, Волыновым, Хруновым и Елисеевым). Всего здесь собралось уже более 50 офицеров ВВС — все они будут участвовать в подготовке и управлении полетом «Союза-4» и «Союза-5». На аэродроме космонавтов встретили председатель Государственной комиссии Керимов Керим Алиевич, Войтенко, Щеулов, Юрасов, Тополь, Варшавский и другие товарищи.

Вечером на совещании со специалистами ЦКБЭМ рассмотрели и решили все вопросы предстоящей завтра

тренировки космонавтов на кораблях «Союз».

Генерал Щеулов пригласил меня присутствовать завтра утром на пуске межпланетной станции на Венеру. Для меня этот пуск не представляет никакого интереса: я уже несколько лет назад убедился, что подобные пуски не оправдывают затрачиваемых на них средств и что было бы разумнее заняться планетами только после освоения Луны.

Уже несколько дней над Казахстаном стоит мощный антициклон, температура понизилась до 25–30 градусов ниже нуля. Ребята прибыли на полигон здоровыми, но тут есть случаи заболевания гриппом и «широкие возможности» для простуды. Я приказал генералу Карпову ограничить контакты космонавтов с личным составом гарнизона и специалистами промышленности.

Подготовка кораблей к полету пока идет строго по графику из расчета пуска «Союза-4» 12 января, а «Союза-5» — 13 января.

5 января.

Сегодня в 9:26 московского времени с площадки № 2 стартовала АМС «Венера-5».

Вместе с генералом Кузнецовым, Севериным, Смирновым В. А. и большой группой специалистов промышленности я наблюдал пуск станции «Венера-5» с наиболее высокой точки 31-й площадки. От нас до старта по прямой линии было около 17 километров. Небо в момент пуска было безоблачно, видимость — более 30 километров, температура — «минус 23». Меня больше всего интересовало качество подготовки ракеты к пуску в условиях сильных морозов (у многих были опасения, что из-за больших холодов могут быть упущения и ошибки при старте). Но старт прошел отлично, все ступени ракеты отработали нормально. Мы наблюдали полет ракеты более четырех минут, она прошла на восток, оставляя длинный инверсионный след. От старта до нас звук шел почти минуту. Был момент, когда ракета беззвучно пролетела прямо над нами, и лишь потом появился звук — он как бы катился по инверсионному следу, все больше и больше отставая от ракеты.

Через 90 минут сработал разгонный блок, и станция, набрав вторую космическую скорость, устремилась к Венере.

Все восемь космонавтов — членов экипажей «Союзов» — сегодня полностью выполнили тренировки в своих кораблях. Тренировки проходили на 31-й площадке под руководством Георгия Берегового. Я, Кузнецов и Смирнов в течение двух часов беседовали с Шабаровым, Юрасовым, Тополем, Севериным, Егоровым и другими специалистами о программе предстоящего полета. Все согласились с нашей точкой зрения: по возможности не вносить изменений в программу, а если они все же будут необходимы (не получится стыковка, не выйдет на орбиту один из двух кораблей и т. д.), то на этот случай иметь запасной вариант программы полета.

Вечером ко мне заходили Главный конструктор «Венеры-5» Георгий Николаевич Бабакин и председатель Государственной комиссии (по пускам беспилотных космических аппаратов. — Ред.) Александр Григорьевич Мрыкин. Я поздравил их с успешным стартом «Венеры-5» и пожелал такого же успеха и в пуске «Венеры-6», назначенном на 10 января.

Получено сообщение из США о том, что старт «Аполлона-9» с тремя астронавтами на борту назначен на 28 февраля (программой испытательного полета «Аполлона-9» предусматривалось выполнение астронавтами всех операций, необходимых для осуществления лунной экспедиции, но только на околоземной орбите. — Ред.). Исполняющий обязанности директора НАСА Томас Пейн заявил, что США планируют осуществить две высадки астронавтов на Луну в 1969 году и еще две — в 1970 году. Я не уверен, что американцам удастся высадиться на Луну уже в этом году, но в том, что они будут там раньше нас, не может быть, к сожалению, никаких сомнений. Только ряд крупных неудач у них и непрерывные успехи у нас могли бы уравнять шансы сторон, однако практика последних трех лет свидетельствует о том, что мы имеем неудач больше, чем они.

На днях американцы опубликовали сравнительную таблицу по статистике пилотируемых космических полетов, выполненных

в США и в Советском Союзе до 1969 года. Вот эта таблица.

Показатель	США	СССР
Общее количество полетов	18	10
Суммарный налет космонавтов в часах	3215	629
Число выходов в открытый космос	9	1
Число встреч, осуществленных пилотируемыми кораблями на орбите	12	2
Количество стыковок пилотируемых кораблей	7	0
Число летавших пилотируемых маневрирующих кораблей	12	1

Таблица эта составлена несколько тенденциозно, но в целом она верно отражает наше большое отставание от США в космосе. Если в 1963 году наши газеты со злорадством писали: «Одна наша Валентина Терешкова налетала в космосе больше, чем все американские космонавты, вместе взятые», то в 1969 году американцы с полным основанием могут сказать, что только один полет «Аполлона-8» перекрывает все космические успехи русских.

6 января.

Подготовка кораблей «Союз» идет строго по графику. Космонавты отрабатывают бортжурналы и схему перехода.

Мишин на космодром еще не прибыл, нет Келдыша, Глушко, Пилюгина, Рязанского, Бармина и многих других ведущих главных конструкторов. За последние три года мы выполнили только один благополучный пилотируемый полет. Казалось бы, в такой обстановке, и особенно после успешного облета Луны экипажем «Аполлона-8», Мишин и все другие главные конструкторы обязаны лично готовить ответственный полет двух «Союзов», а они приедут только тогда, когда подготовка к пуску будет в основном закончена. Меня, откровенно говоря, отсутствие Мишина и Келдыша мало тревожит. Товарищи

Шабаров, Юрасов и Тополь успешно заменяют Мишина, а Келдыш здесь вообще не нужен.

7 января.

Морозная погода очень затрудняет жизнь и работу на космодроме. Холодно в казармах и гостиницах, но особенно достается боевым расчетам на стартах. За первые пять дней января погибли от обморожения шесть военнослужащих, в том числе четыре офицера (были на охоте).

Вчера долго беседовал с генералом А. Г. Мрыкиным — председателем Госкомиссии по пускам станций «Венера-5» и «Венера-6». Мрыкин рассказал о сильном нажиме со стороны ЦК (Устинов, Сербин) на Афанасьева и председателей Госкомиссий с требованием «дать ответ американцам». Поскольку дать достойный ответ — послать людей на Луну — мы не можем, то решили все усилия бросить на пуск автоматов (АМС «Венера», Е-8, Е-8-5). Мрыкин понимает, что пуски «Венер» — это не ответ, а в проектах Е-8 и Е-8-5 еще очень много фантастики и нет никаких оснований надеяться, что они успешно сработают в 1969 году. Удовлетворительным ответом может быть только признание ошибкой наше увлечение автоматами и вывод: как можно больше готовить и осуществлять пилотируемые полеты в космос.

Говорил с Керимовым по поводу предложения генерала Кутасина о переносе посадки «Союзов» с первого посадочного витка на второй (первый виток проходит через Аральское море, и не исключена посадка на воду). Для «водобоязни» у Кутасина есть все основания: он хорошо помнит, как утонули наши «плавающие» корабли — «Союз» в Аральском море и «Космос» в Волге. Однако с учетом конкретной обстановки предстоящего полета двух «Союзов» предложение Кутасина вряд ли можно признать целесообразным по ряду обстоятельств. Во-первых, вероятность посадки кораблей в Аральском море крайне мала — не выше 0,003. Во-вторых, в зимнее время большая часть моря покрыта льдом, а оставшаяся незамерзшей часть водной поверхности легко «перекрывается» пятью вертолетами и тремя амфибиями Бе-12. Наконец, в-третьих, малая

продолжительность зимнего дня (7 часов 30 минут) затрудняет перенос посадки на другие витки.

Космонавты занимаются сегодня заполнением бортжурналов. Генералы Кузнецов и Береговой поехали на 31-ю площадку договариваться с Шабаровым и Юрасовым о распорядках предстартового и стартового дней. Я договорился с Е. И. Воробьевым и Б. Б. Егоровым о том, чтобы для будущих полетов Минздрав разработал съемные медицинские датчики. Опыт полета Берегового показал, что даже в непродолжительном полете несъемные датчики раздражают кожу и мешают работе космонавта. При длительных полетах под такими датчиками на теле космонавта могут образоваться язвы.

8 января.

Сегодня встречался с командующим 73-й воздушной армией генерал-лейтенантом Рыбалко и его заместителем генералом Долгушиным. Оба генерала заверили меня, что у них достаточно вертолетов и хороших специалистов, чтобы спасти космонавтов, если они приводнятся в Аральском море. Правда, поднять сам корабль будет нелегко: струя от вертолета Ми-6 создает метровые волны и массу брызг, и подцепить корабль на 60-метровый вертолетный трос будет очень непросто. Долгушин, лично летавший на Ил-14 на разведку обстановки в Аральском море, доложил, что по трассе первого посадочного витка всюду лед толщиной от 12 до 50 сантиметров. Я дал задание генералу Рыбалко подготовить самолеты, вертолеты, катера и другие средства поиска и эвакуации для надежного «прикрытия» трассы спуска космического корабля, а Долгушина обязал продолжать ежедневную разведку состояния льда в Аральском море.

Провел занятие с космонавтами по выживаемости при сильном морозе и разрешил дополнительно взять на борт подшлемники, перчатки и защитные очки. Договорились об использовании всех утепляющих средств НАЗ (гидрокостюм, белье, унтята, подшлемник и др.)

Из Москвы прилетели генерал Горегляд и полковник Лапочкин — они привезли на подпись Афанасьеву документы по

созданию службы поиска для Л-3, направляемые в ЦК КПСС и правительство. Документы уже подписаны Главкомами ВВС и ВМФ, готов подписать их и маршал Гречко. Более трех лет тянется волокита, а решения по этому важному вопросу так до сих пор и нет.

Несколько позже на Ил-18 прилетели Мишин, Пономарев, Уткин, Казаков, Пилюгин, Черток и другие. Народу на полигоне собралось видимо-невидимо одних генералов авиации девять человек, да еще полдюжины замминистров. Мы спокойно могли бы обойтись без доброй половины этих руководителей. А поздно вечером прилетит еще и генерал Кутасин. Жалея Главкома, придется щадить и Кутасина, а опасений, что он опять может «сесть в лужу», хоть отбавляй. Его предложение отказаться от первого посадочного витка вызовет бурю на заседании Госкомиссии — Керимов и Мишин наверняка будут категорически против. Спасая авторитет ВВС, придется мне спасать и Кутасина. Между прочим, все космонавты высказались за использование для посадки первого витка каждых суток полета.

9 января.

На 12-й площадке под председательством министра Афанасьева заседала Госкомиссия по Н-1. В заседании участвовали многие главные конструкторы и большая группа военных во главе с маршалом Крыловым — Керимов, Мишин, Пилюгин, Рязанский, Кузнецов Н. Д., Карась, Курушин и другие. От ВВС присутствовали Пономарев, Кутасин, Лапочкин и я. С докладами выступили Дорофеев, полковник Моисеев, подполковник Патрушев, академик Иосинян, Черток, Кузнецов, Мозжорин, Рязанский, Пилюгин и другие. Основное содержание докладов: ракета Н-1 прошла все комплексные испытания, было много существенных недостатков и замечаний, но все они устранены; оставшиеся неустраненными мелкие неполадки по ракете и наземному оборудованию будут устранены до начала заправки головного блока 13 января; ракету можно заправлять и готовить к первому пуску 18 февраля 1969 года. Казалось, все пройдет гладко, но взял слово генерал Курушин и заявил:

«Ракета и наземное оборудование имеют еще много недостатков. Как начальник полигона и член Государственной комиссии я возражаю против пуска неподготовленной ракеты». Это заявление Курушина произвело эффект разорвавшейся бомбы — заседание пришлось прервать. В перерыве на маршала Крылова, а также на генералов Курушина и Карася был оказан сильнейший нажим со стороны Афанасьева, Мишина, представителя ЦК Строганова и многих других членов Госкомиссии. Все они дружно навалились на маршала Крылова — он не выдержал такого мощного натиска и дал согласие на пуск Н-1 в феврале при условии, что все недостатки, отмеченные в выступлении начальника полигона, будут своевременно устранены. Все присутствовавшие восприняли это решение маршала как крупное поражение военных и как большую победу промышленности. Следующее заседание Госкомиссии по Н-1 решили провести 11 января.

В гарнизоне участились случаи гриппозных заболеваний. Вчера отправил в Москву заболевшего гриппом заместителя министра оборонной промышленности Н. К. Мордасова, а сегодня пришлось изолировать генерала Н. Ф. Кузнецова, у которого появилась инфекционная сыпь на нижней губе, — завтра и его отправим в Москву.

Дал указание генералу Е. А. Карпову подготовить вместе с Е. И. Воробьевым письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить проведение трехдневного послеполетного медосмотра космонавтов не на полигоне, а в Москве. Такая просьба имеет целью: 1) повысить качество осмотра; 2) обеспечить более высокую безопасность полета космонавтов в Москву (можно будет выбирать лучшие погодные условия для перелета); 3) значительно сэкономить рабочее время членов Госкомиссии, исключив лишние перелеты их из Евпатории на полигон и с полигона в Москву. Это письмо должны будут подписать три министра Афанасьев, Петровский и Гречко.

10 января.

Пуск АМС «Венера-6» прошел нормально. Запустить в космос две межпланетные станции за первые десять дней

января — это неплохое начало 1969 года.

Космонавты полностью выполнили работы над бортжурналами. Завтра врачи закончат предполетные медицинские обследования. Пока все здоровы, и у врачей нет к ребятам никаких претензий.

Провели заседание Государственной комиссии по «Союзам». Пуск «Союза-4» (7К-ОК № 12А) назначили на 13 января, а «Союза-5» (7К-ОК № 13П) — на 14 января 1969 года. На заседании было отмечено, что оба корабля и их носители прошли все испытания с минимальным числом замечаний — все неполадки устранены. Сегодня В. П. Мишин проявил сильную волю и твердый характер. Устинов и Афанасьев требовали, чтобы он заменил в программе полета ручную стыковку на автоматическую, но Мишин категорически отказался делать это. Я поздравил Василия Павловича с трудным, но правильным решением и пообещал быть вместе с ним в борьбе против необдуманных «рекомендаций» высокого начальства. Мне очень часто приходилось бороться с упрямством Мишина, но сегодня он прав, и я — за такое «упрямство».

Дважды говорил с Вершининым по «ВЧ». Я просил его решить вопрос с лыжами для поисковых вертолетов Ми-4 и выделить 120 комплектов летного обмундирования, с тем чтобы на каждом вертолете имелось по три таких комплекта для космонавтов. Главком дал все необходимые распоряжения.

Провел совещание с группой генералов и офицеров ВВС (Горегляд, Береговой, Карпов, Крышкевич, Хлебников, Моисеенко, Никерясов, Ващенко). Рассмотрели и решили вопросы организации нашей работы в предстартовые и стартовые дни. Дал указания о запрещении любых контактов космонавтов с «посторонними» и о сведении к минимуму встреч с корреспондентами, кино-, фото- и телеоператорами. Серьезно предупредил Берегового и Крышкевича за допущенные ими послабления в предполетном режиме космонавтов.

11 января.

В 10:00 состоялось заседание Госкомиссии по комплексу Н-1 — Л-3. Приняли окончательное решение о первом пуске ракеты

Н-1 18 февраля 1969 года. С 13 января начнутся необратимые операции по подготовке пуска, и в частности заправка горючим головного блока ракеты. Утвержден график готовности четырех ракет к пускам в этом году: в первый полет назначена ракета под номером 4; последующие ракеты (№ 5, № 6 и № 7) будут готовиться к пускам в апреле, июне и ноябре соответственно. Трудности выполнения такого графика очень большие, особенно много задержек будет из-за несвоевременной поставки аппаратуры. Но все же можно надеяться, что пуски ракет Н-1 под номерами 4, 5 и 6 состоятся в этом году. А вот со строительством корабля Л-3 дело обстоит очень плохо, и нет почти никаких надежд на то, что он поднимется в космос до окончания 1969 года.

В 18:00 на 17-й площадке должно было начаться заседание Госкомиссии для утверждения состава экипажей «Союза-4» и «Союза-5». В 17:15, когда все уже съезжались к назначенному времени на заседание, позвонил с 31-й площадки Керимов и попросил перенести его открытие на 19:00. Так как министр Афанасьев, маршал Крылов, Мишин, Строганов, почти все члены Госкомиссии и более сотни гостей уже приехали на 17-ю площадку, то пришлось организовывать в трех залах просмотр по телевидению хоккейного матча между ЦСКА и московским «Динамо». Во время просмотра Афанасьев при поддержке Бармина и генерала Карася несколько раз безуспешно пытался уговорить Мишина отказаться от ручной стыковки (я защищал позицию, занятую Мишиным). К окончанию трансляции матча (армейцы выиграли со счетом 7:0) прибыл Керимов. Он сообщил, что на носителе «Союза-4» обнаружены неисправности, но они будут устранены в течение часа, так что можно начинать заседание.

С докладом о готовности кораблей и носителей к пускам 13 и 14 января выступил В. П. Мишин. Я представил Госкомиссии восемь космонавтов, полностью закончивших программу подготовки к полету на двух «Союзах», и внес следующее предложение о назначении основного и дублирующего составов экипажа группы космических кораблей: командир корабля

«Союз-4» (он же командир всего экипажа) В. А. Шаталов (дублер — Г. С. Шонин); командир корабля «Союз-5» Б. В. Волынов (дублер А. В. Филипченко); бортинженер — А. С. Елисеев (дублер В. Н. Кубасов); инженер-исследователь — Е. В. Хрунов (дублер — В. В. Горбатко). Госкомиссия утвердила мое предложение.

Так закончился мучительно долгий путь Бориса Волынова к космическому полету. Он начал готовиться к полетам вместе с Гагариным, пять раз был дублером и один раз назначался командиром «Восхода», но перед предстоящим полетом создалась большая угроза, что его не включат в экипаж «Союза-5» только из-за того, что у него мать — еврейка (отец — русский). В самые последние дни приходили письма из ЦК с призывом: «Не посылайте евреев в космос!». С большим трудом удалось защитить хорошего парня от злобных и глупых нападок.

С приветствиями к космонавтам и пожеланиями успешного полета выступили министр Афанасьев, маршал Крылов и генерал-полковник Пономарев. Лучше всех выступил Крылов: «У нас уже большой отряд космонавтов, есть и первый «космический» генерал, а будут и маршалы…» Да, число пилотов космических кораблей увеличивается, и сегодня я впервые представлял Госкомиссии сразу восемь (с учетом дублеров) членов экипажей «Союза-4» и «Союза-5». Но сила, как говорится, не в числе, а в умении. Умение у космонавтов есть, дело только за кораблями. А с кораблями перспективы неважные. Сегодня Афанасьев несколько раз проговорился: «Мы — за автоматику», — желая тем самым показать, что в космос «более гуманно» посылать автоматы. Эти высказывания Афанасьева подтверждают мои опасения в том, что наши руководители (Устинов, Смирнов, Келдыш, Афанасьев) даже после полета «Аполлона-8» не поняли всю глубину наших ошибок в направленности космического кораблестроения. В ближайшие годы мы будем все больше отставать от США в пилотируемых полетах, если мне и космонавтам не удастся добиться отказа от курса на полную автоматизацию космических кораблей.

12 января.

Утром провели с основными и дублирующими экипажами пресс-конференцию, в которой участвовали: Фокин Юрий Валерьянович (телевидение), Борзенко Сергей Александрович («Правда»), Остроумов Георгий Николаевич («Известия»), Летунов Юрий Александрович (Всесоюзное радио), Голованов Ярослав Кириллович («Комсомольская правда»), Ребров Михаил Федорович («Красная звезда») и другие товарищи. Конференция прошла вяловато, ребята держались скованно и излишне скромничали. Лучше других отвечал на вопросы Шаталов. Волынов и Елисеев иногда были почему-то откровенно грустными. Все мои попытки «расшевелить» ребят оказались безуспешными.

После пресс-конференции я провел инструктивное занятие с экипажами, на котором особенно выделил роль командира группы космических кораблей, ответственного за полное выполнение программы полета. Убедился, что ребята хорошо знают свои обязанности и ответственно относятся к задачам каждого члена экипажа.

Вчера, кстати, я присутствовал при интересном разговоре Мишина и Керимова с космонавтами, состоявшемся сразу после заседания Госкомиссии. Говорили о главном — о стыковке и переходе из корабля в корабль. Мишин сказал: «Вы лучше нас понимаете, что главное в этом полете переход, а перехода не будет, если не будет стыковки. «Союзы» уже два раза успешно стыковались автоматически, попытка Берегового осуществить ручную стыковку не получилась, поэтому среди руководства большинство — за автоматическую стыковку. Только трое — Керимов, Каманин и я — твердо верим, что вы выполните ручную стыковку кораблей. В данном полете для этого будут все условия: сближение будет над территорией СССР при наличии связи и при наблюдении с Земли, заключительный этап стыковки будет осуществляться на светлой стороне Земли — в любой момент мы сможем подсказать вам в случае необходимости, что надо делать». С напутствием к космонавтам обратился и Керимов: «Вы понимаете, что произойдет, если не

будет стыковки? Задание на 90 процентов будет не выполнено, а нас всех вместе с вами будут считать виновниками срыва полета. Поэтому действуйте осмотрительно — ведь у вас четыре пары глаз, а не одна, как у Берегового». Шаталов, Волынов, Хрунов и Елисеев заверили нас, что у них нет никаких сомнений в возможности выполнения всей программы полета.

В 16:30 я вместе с космонавтами приехал на 31-ю площадку к установленной на старте ракете. Ракета и корабль «Союз-4» прошли все предполетные проверки и готовы к заправке и пуску завтра в 10:30 московского времени.

В 17:00 в МИКе на 31-й площадке состоялся традиционный предстартовый митинг. С приветствиями к космонавтам и пожеланиями счастливого полета обратились ракетчики и представители промышленности. С ответным словом выступили Шаталов и Волынов.

Вечером говорил с Шаталовым один на один. Шаталов понимает, что надо, очень надо осуществить именно ручную стыковку. Но я категорически предупредил его, что сейчас главное не в методе стыковки, а в том, чтобы она была выполнена в любом случае. Я приказал Шаталову при появлении малейших сомнений в осуществимости ручной стыковки немедленно включить автоматику и попытаться осуществить автоматическую стыковку.

Итак, завтра предстоит очень важный пуск. Думаю, что Шаталов и Волынов сделают все возможное для успеха полета. Зная, что успешное выполнение полетного задания зависит не только от экипажей кораблей, но и от тех, кто будет руководить полетом с Земли, я только что провел совещание с руководящим составом экспедиции ВВС, на котором дал все необходимые распоряжения на завтрашний день.

13 января.

Я никогда не верил и не верю в приметы, хотя знаю: в жизни бывают такие невероятные совпадения событий, что многим людям они кажутся заранее предопределенными. Сегодня, в понедельник 13 января, космонавт № 13 собирался

стартовать в космос, но… нарушили мы обычаи наших предков и, как говорится, «сели на мель»: старт «Союза-4» не состоялся.

Утром врачи подняли Шаталова в половине седьмого. Когда в 6:45 я зашел к нему и спросил: «Как спалось?» — он с улыбкой ответил: «Меня вчера так прочистили, что я спал как убитый…» (это был намек на процедуру по очищению желудка). Пожелав Шаталову счастливого полета, я поехал на заседание Госкомиссии. Оно было недолгим, и в 8:30 началась заправка ракеты горючим и кислородом. Несмотря на низкую температуру (-24 градуса) и довольно сильный ветер (8-10 метров в секунду), подготовка к пуску проходила нормально.

В 10:30 местного времени Шаталов сел в корабль и начал проверку средств связи и оборудования. На связи с Шаталовым был Береговой, иногда подключались Мишин и я. До часовой готовности все шло хорошо, кроме одного: при включении телекамеры на борту радиосвязь с кораблем нарушалась. Мы видели и слышали Шаталова отлично, а он при включенном телевидении не слышал нас. Такое нарушение связи повторилось несколько раз. Убедившись, что при включенном телевидении надежной радиосвязи не будет, приняли решение выключить его на участке выведения и пользоваться только радиосвязью. За 9 минут до старта, когда у ракеты никого уже не было, а все руководство пуском собралось в бункере, обнаружился отказ гироскопов ракеты. Подобный случай у нас имел место перед полетом Быковского, но тогда был длинный летний день мы за три часа устранили дефект и осуществили пуск. Сейчас же, в короткий морозный день, трудно было устранить такую серьезную неисправность, а главное, нельзя было пускать ракету позже 15 часов (не будет светлого времени на поиск корабля после его посадки). Решили эвакуировать космонавта из корабля и перенести пуск ориентировочно на сутки. Шаталов спустился с ракеты и с горьким юмором заметил, что он установил сразу два рекорда: осуществил самый короткий «полет» и произвел самую точную «посадку». Я забрал Шаталова к себе в машину, а затем передал его в руки врачей.

Сегодняшняя отмена пуска может сильно осложнить новую попытку старта «Союза-4». Морозная погода очень мешает устранению дефектов на ракете и корабле и затрудняет поддержание в них нормальных уровней температуры. Я позвонил Главкому и доложил ему сложившуюся обстановку (у него не было точных данных о причинах отмены пуска, и он очень беспокоился о состоянии космонавта).

В 18 часов Мишин провел совещание главных конструкторов и членов Госкомиссии. С докладами о возможных причинах отказа гиросистемы ракеты выступили Патрушев, Соколов, Осипов, Кожевников и Финогеев. Наиболее вероятной причиной отказа большинство специалистов считает отсутствие контакта в одном из штекеров наземного кабеля из-за большой (80-процентной) влажности и возможности образования ледяной корки в штекерном соединении. Приняли решение: заменить все гироприборы ракеты, установить до утра следующего дня причину задержки пуска и устранить ее; пуск ракеты с «Союзом-4» произвести завтра 14 января по графику, который был установлен на сегодня.

В связи с переносом пуска на сутки ухудшаются условия работы системы аварийного спасения. Возникшие в связи с этим опасения были, к счастью, развеяны специалистами по САС. Они проанализировали обстановку и доложили, что температура пороховых движков САС не понизится за ночь больше чем на 2 градуса ниже нуля. При такой температуре движки потеряют только 5 процентов импульса, что не повлияет существенно на работу системы и, следовательно, спасение космонавта в случае аварии ракеты при пуске будет обеспечено. Остается надеяться, что число «четырнадцать» окажется счастливее числа «тринадцать».

14 января.

Сегодня в 10:30 московского времени корабль «Союз-4» с космонавтом Владимиром Александровичем Шаталовым на борту поднялся в космос.

Старт прошел очень четко — без единой задержки. Даже радиосвязь «примирилась» с соседством телевидения и

работала безупречно. Утром я заходил к Шаталову и предупредил, что с гироприборами все в порядке, а причины нарушения радиосвязи не устранены. Мы с ним договорились, что в случае повторения вчерашнего дефекта будем пользоваться и телевидением, и радиосвязью, но при этом на активном участке выведения возможны перебои в слышимости Земли (на этом этапе полета для нас более важна информация с борта корабля, чем передача сообщений космонавту с Земли). Но выведение «Союза-4» на орбиту обошлось без изъянов: радиосвязь и телевидение все время работали хорошо.

Перед пуском я позвонил Вершинину и доложил, что сегодня все мы полны веры в успех полета (перед стартом Патрушев, Осипов и Финогеев дружно доложили Госкомиссии, что причина вчерашнего отказа гироприборов ими выяснена и устранена). И все-таки это был очень волнующий старт, потому что повторная неудача с выводом в космос «Союза-4» могла отбросить нас далеко назад.

Экипаж Волынова наблюдал пуск с 17-й площадки, ребята очень радовались успешному старту Шаталова, открывающему путь в космос еще трем космонавтам. Настроение у них заметно улучшилось: появилась уверенность, что завтра их черед…

Во время вечерней прогулки мы с космонавтами подошли к аллее Героев. В аллее пока двенадцать деревьев, вскоре будут посажены еще четыре. Волынов сказал, что скоро тут будет большая аллея, а я ответил ему, что мечтаю еще увидеть большой парк на высоком берегу Сырдарьи. Вечер был чудесный (температура повысилась до -7 градусов), и мы гуляли больше часа, но разговора о предстоящем полете не было, только вскользь коснулись вопроса о возможной посадке в Аральское море и о выживаемости при сильных морозах. Я договорился с Хруновым и Елисеевым о том, что они будут не только первыми людьми, перешедшими в открытом космосе из корабля в корабль, но и первыми космическими почтальонами, поручив им передать Шаталову письмо от жены, мое письмо и газеты «Правда» и «Известия», в которых опубликовано сообщение о полете «Союза-4».

Только что доложили: у Шаталова все нормально, он очень четко выполнил коррекцию орбиты и все пункты программы полета на первых пяти витках.

15 января. Евпатория.

Ужасно хочется спать (последние три ночи мне не удавалось заснуть больше чем на три-четыре часа), но не могу не записать в дневнике хотя бы несколько фраз.

…Около трех часов ночи из Москвы прилетел самолет Ан-12, доставивший на космодром помимо всего прочего по 10 экземпляров разных газет с сообщениями о полете «Союза-4», а также письмо Шаталову от жены и детей. В 05:15 провели заседание Госкомиссии, на котором решили выполнить пуск «Союза-5» в 10:04:30. После Госкомиссии я заехал на командный пункт и переговорил с Шаталовым. Он доложил, что полет проходит хорошо, все системы корабля работают нормально. Я передал Шаталову: «У нас все идет по графику, ребята готовятся, все должно пройти хорошо. Счастливого тебе полета!»

После разговора с Шаталовым я поехал встречать автобус с экипажем «Союза-5». Когда до назначенного времени прибытия космонавтов к ракете оставалось 15 минут, пришлось немного поволноваться: автобуса и сопровождающей его колонны автомашин еще не было видно в пределах видимости дороги от 2-й площадки на 17-ю. Но все же автобус прибыл вовремя, и я успел вручить Хрунову и Елисееву почту для Шаталова, а с Волыновым уточнить содержание его рапорта председателю Государственной комиссии К. А. Керимову. Космонавты прибыли на старт без опоздания, но зато опоздали председатель Госкомиссии Керимов и министр Афанасьев: произошла неприятная трехминутная заминка. Как выяснилось потом, Афанасьеву и Керимову (они направились от бункера к ракете пешком) перегородил дорогу заправочный поезд — министр и председатель не рискнули лезть под вагоны и вынуждены были задержаться в пути.

Сразу же после посадки экипажа в корабль генерал Береговой установил устойчивую радиосвязь с «Байкалом»

(позывной Волынова). Телевизионный сигнал с борта «Союза-5» проходил нормально, мы отлично видели работу Волынова и Хрунова; у Елисеева были видны только кисти рук, да и то только тогда, когда они попадали в поле зрения установленной под ним телекамеры.

По полуторачасовой готовности был обнаружен «плюс» на борту ракеты появилась реальная угроза срыва пуска. Было много волнений, Мишин, Финогеев, Юрасов и Тополь непрерывно совещались друг с другом и за 25 минут до старта решили заменить один из электроприборов. Инженер-капитан Виктор Васильевич Алешин, которому поручили эту операцию, вынужден был раздеться до белья и в 20-градусный мороз, на пронизывающем ветру голыми руками снял неисправный и смонтировал новый прибор. Нормально этот прибор закрепляется четырьмя болтами, но Алешин успел привернуть только три болта, а с четвертым он не смог справиться обмороженными руками. Пришлось академикам Иосиняну и Мишину дать согласие на старт ракеты с прибором, закрепленным не по инструкции.

Старт «Союза-5» состоялся точно в заданное время. При выведении корабля на орбиту и на первых двух витках полета все члены экипажа сохраняли высокую работоспособность.

В 15:00 московского времени мы вылетели в Крым на самолете Ил-18. Перед вылетом генерал Кутасин пугал нас туманами над всеми крымскими аэродромами, пришлось мне самому детально разбираться с погодными условиями. Мы спокойно приземлились в Симферополе, хотя на аэродромах Феодосия и Саки действительно стояли густые туманы…

Только что генерал Кузнецов и космонавт Беляев доложили, что на обоих «Союзах» все в порядке и что УКВ-связь с кораблем возобновится в 3 часа ночи.

Завтра экипажу группы космических кораблей предстоит выполнить самую трудную часть программы полета — стыковку и переход.

16 января.

Вчера в самолете Мишин, Афанасьев, Керимов, Пономарев, Казаков и я немного выпили за успешное продолжение полета двух «Союзов», а с Мишиным мы даже сыграли в очко. Язык у Василия Павловича развязался, и он рассказал мне, как к нему приходил Алексей Леонов и пытался доказывать, что пускать в космос Волынова нельзя. Меня сообщение Мишина ошеломило: я знал, что у Волынова много противников, в том числе и в ЦПК, но я и мысли не допускал о том, что одним из его «ближайших друзей» является космонавт Леонов.

Сегодня у нас был большой космический день: Шаталов и Волынов успешно провели ручную жесткую (и электрическую) стыковку кораблей «Союз-4» и «Союз-5».

Весь процесс сближения и стыковки проходил над территорией Советского Союза в светлой полосе. Все прошло изумительно хорошо, космонавты работали мастерски. Помогать им с Земли не пришлось, мы работали только на прием. Приятно было наблюдать по телевидению уверенное сближение «Союзов», сопровождавшееся увлекательным репортажем Шаталова. А еще через виток мы наблюдали процедуру надевания скафандров Хруновым и Елисеевым.

Во всем этом полете наиболее слабым его звеном я считал переход Елисеева (у него в прошлом были случаи обморочного состояния). Когда при переходе Елисеев сначала перестал двигаться, а потом и вообще безжизненно замер, у меня по спине побежали мурашки… Все облегченно вздохнули, когда через две-три минуты увидели, что Елисеев помахал рукой. Переход Хрунова и Елисеева из «Союза-5» в «Союз-4» прошел блестяще — Афанасьев, Мишин, Керимов и все, кто был на КП, восхищены мастерством космонавтов.

В 16 часов я собрал посадочную комиссию. Разобрали условия посадки «Союза-4» и решили сажать его завтра на первом суточном витке в 9:40 московского времени в районе Караганды. Потом я долго беседовал с Афанасьевым и Мишиным о дальнейшем использовании «Союзов». Оба очень заинтересовались моим предложением заказать 10–15 «Союзов»

для Министерства обороны. Я обещал, что буду пытаться уговорить Вершинина и Гречко оформить такой заказ.

Сегодня у Берегового было много переживаний, ему пришлось наблюдать отличную работу своих товарищей там, где сам он наделал много ошибок. Последнее время я внимательно наблюдаю за Береговым — мне хотелось бы видеть в нем будущего руководителя Центра имени Гагарина. Пока я многим в нем недоволен: у него еще не только нет навыков командира-воспитателя, но и нередко проявляется личная несобранность. После полета двух «Союзов» у нас появятся еще четыре летчика-космонавта СССР и руководить Центром станет еще труднее. Особенно трудно будет совмещать воспитание космонавтов с их продолжительными командировками на космодром. Сейчас у них нет «своего» общепризнанного вожака, с которым они могли бы решать повседневно возникающие вопросы, и это вредит делу. Вчера, например, позвонил Быковский и сказал: «Николай Петрович, вы про нас забыли, а у нас много вопросов, которые могут быть решены только вами...»

17 января.

Еще один замечательный космический день — сегодня Шаталов, Хрунов и Елисеев благополучно приземлились на «Союзе-4» в 40 километрах от расчетной точки посадки (40 километров северо-западнее Караганды). Корабль «Союз-5», на котором взлетели в космос Хрунов и Елисеев, еще на орбите, а они уже на Земле в объятиях друзей. Но, пожалуй, самое замечательное то, как работали космонавты на всех этапах полета. Все отлично выполнили свои задания, особенно хорошо работал Шаталов. Он проделал много сложных маневров корабля при минимальном расходе рабочего тела, великолепно вел репортаж и перекрыл все рекорды по качеству связи. При всех предыдущих полетах космонавтов радиосвязь с ними прекращалась после сгорания антенн, а Шаталову удалось передать нам очень ценные сведения о ходе спуска через щелевую антенну и через антенну в стренге парашюта. После посадки он немедленно доложил из корабля о благополучном приземлении.

При приземлении «Союза-4» отлично сработала система мягкой посадки. Погодные условия для поиска корабля были благоприятные: ясно, ветер слабый, температура -30 градусов, толщина снежного покрова 60–80 сантиметров. Наибольшую опасность для космонавтов представляла угроза обморожения, поэтому я приказал экипажу после приземления корабля не выходить из него до прибытия первого вертолета. Через пять минут после того, как вертолет сел рядом с «Союзом-4», космонавты уже были в теплом летном обмундировании.

И все же на заключительном этапе полета «Союза-4» были моменты, изрядно потрепавшие нам нервы. Когда по телеметрии мы получили сообщение, подтвержденное затем и Шаталовым: «Табло «Поток ионов» не горит», у всех закралась тревога, не сорвется ли спуск на первом посадочном витке. Я вспомнил, что перед спуском «Союза-3» у Берегового тоже была примерно трехминутная задержка с загоранием такого же табло. Секунды томительного ожидания казались нам минутами… Всех обрадовал уверенный голос Владимира Шаталова, дважды повторившего: «Все в порядке, все в порядке».

За десять лет совместной работы все мы привыкли к «стандартной» очередности сообщений, поступающих от службы поиска. Доклад: «Самолеты идут по «Притоку»…» должен был для нас означать, что космический корабль уже на Земле и самолеты летят на сигналы его радиомаяка. Обычно такой доклад поступал через 12–15 минут после раскрытия парашюта и только после работы «Кругов» — мощных пеленгаторов, засекающих в КВ-диапазоне спуск корабля на парашюте. При спуске «Союза-4» все получилось по-другому. Еще до начала работы «Кругов» генерал Кутасин доложил: «Два самолета идут по «Притоку»…». Это сообщение нами было воспринято как подтверждение благополучной посадки корабля, все радостно зашумели, но через минуту у Мишина и других товарищей возникло сомнение в достоверности доклада Кутасина: посадка на 15 минут раньше расчетного времени не могла быть благополучной! Я связался с Кутасиным и спросил: «Почему «Притоки» работают раньше «Кругов»?» Он не задумываясь

ответил: «Так и должно быть», — а ему следовало доложить, что самолеты принимают радиопередачу Шаталова с «Союза-4» на такой-то волне. Кутасина в данном случае подпутала сверхотличная работа на связи Шаталова, передачу которого на УКВ по щелевой антенне он принял за работу радиомаяка после приземления корабля.

Через 25 минут после посадки Шаталов, Хрунов и Елисеев были доставлены двумя вертолетами в Караганду. В гостинице «Чайка» они побрились, перекусили, прошли медобследование и провели первую пресс-конференцию. В 16:45 космонавты, сопровождаемые генералом Гореглядом, вылетели на самолете Ан-24 на космодром…

Только что провел заседание посадочной комиссии. Изучив условия посадки «Союза-5», приняли предварительное решение сажать его с первого суточного витка 18 января в 9:30 московского времени. Окончательное решение о посадке «Союза-5» примем завтра в 6 часов утра.

18 января. Евпатория — Тюра-там.

День больших волнений и день большой нашей победы — день, который не забудется ни нами, участниками свершившихся событий, ни историей.

В пять часов утра Беляев доложил, что на борту «Союза-5» все в порядке (когда корабль совершал тринадцатый виток третьих суток полета, состоялся сеанс УКВ-связи с Волыновым). В 6:00 я собрал посадочную комиссию. Погодные условия на всех трех посадочных витках были почти такие же, как вчера (антициклон усилился, температура понизилась до -35 градусов). Решили сажать «Союз-5» на первом посадочном витке (через Каспий и Аральское море — на Караганду) с использованием ручной ориентации корабля перед сходом его с орбиты.

С целью проверки надежности ориентации вручную дали Волынову задание «отрепетировать» ее выполнение на предпоследнем витке третьих суток полета. Волынов выполнил задание, но из его доклада следовало, что с момента выхода корабля из тени до момента включения ТДУ остается всего 9

минут и этого времени не хватает для завершения точной ручной ориентации (космонавт не имеет возможности изменять угловые скорости вращения корабля по крену, тангажу и рысканию, от которых зависит продолжительность ориентации). Проведенная Волыновым тренировка показала, что ему не хватило каких-нибудь двух минут. Стало ясно, что мы не сможем с полной уверенностью посадить «Союз-5» на первом посадочном витке. Но у нас были два запасных посадочных витка и запасные сутки полета, самочувствие Волынова было хорошее, все системы корабля работали отлично, и в этих условиях мы решили пойти на риск срыва посадки на первом витке в интересах проверки ручной ориентации. Феоктистов, Трегуб, Башкин, Черток, Варшавский, Береговой — все высказались за ориентацию вручную.

Дали Волынову рекомендации по проведению ручной ориентации при дефиците времени и попросили его не волноваться, если она не пройдет на первом витке. Одновременно для страховки выдали на борт «Союза-5» все команды, обеспечивающие посадку по автоматическому циклу на втором витке.

…Мы (я, Мишин и Агаджанов) сидим у пульта управления, а за нашими спинами — члены Госкомиссии и около сотни специалистов. В зале напряженная тишина, мы ждем сообщений с борта корабля. Проходит расчетное время (8:48:49) включения ТДУ на первом посадочном витке, но Волынов молчит. Проходят еще долгие семь минут ожидания, и, наконец, мы слышим спокойный голос Волынова: «Я — «Байкал». Ориентация не прошла, не хватило двух минут светлого времени. Жду указаний». После такого сообщения «Байкала» нам не оставалось ничего другого, как послать ему указание: «Готовиться к автоматической посадке на втором витке»…

…Вчера во второй половине дня заболел министр Афанасьев. Этим обстоятельством воспользовался Мишин: вечером он поехал на банкет к крымским руководителям, прихватив с собой Берегового. Береговой вернулся с банкета довольно рано и совершенно трезвый, а Мишин гулял до утра. В

8:00, когда уже были приняты все решения о посадке и переданы на борт «Союза-5» необходимые команды, Мишин явился на КП. Он сам и его помощник Виктор Васильевич (фамилия не указана. — Ред.), а также секретарь парткома ЦКБЭМ и секретарь Калининградского райкома были неприлично пьяными. Керимов и я пытались принять все меры, чтобы оградить Мишина от «общения с массами», но все знали, что у него сегодня день рождения, и стремились встретиться и облобызаться с ним. Мне было противно наблюдать картины хмельных излияний, особенно в такой ответственный момент, каким является посадка пилотируемого космического корабля…

Перед посадкой на втором витке мы также не имели данных о включении ТДУ, и только радиопередачи Волынова через щелевую антенну дали нам первые сведения о ходе спуска корабля (данные об исполнении команд приходили с опозданием на 10–12 минут). Первый доклад о раскрытии парашюта мы получили от самого Волынова, но перед этим он доложил: «Корабль вращается со скоростью пол-оборота в секунду». Это означало, что СУС отказала и, значит, спуск будет баллистический. Возникла опасность закрутки парашюта — все заволновались, вспомнив о трагедии с Владимиром Комаровым. К счастью, этого не случилось — парашют раскрылся нормально, и спуск на нем продолжался примерно 12 минут. Прошло более четверти часа после приземления «Союза-5», прежде чем Кутасин доложил: «Космонавт чувствует себя отлично» (несколько ранее этого доклада мы получили данные о работе передатчиков приземлившегося корабля, но полной уверенности в его благополучной посадке у нас еще не было). Сообщение об успешном завершении полета все восприняли с восторгом начались объятия с поцелуями и взаимными поздравлениями…

…В 14 часов московского времени я, Мишин, Керимов, Пономарев, Казаков и группа специалистов вылетели на полигон на мишинском самолете Ил-18 (наш Ил-18 я предоставил Афанасьеву и группе офицеров ВВС во главе с Беляевым они полетели в Москву). Почти все, кто был в самолете, пили за

успешное окончание группового полета двух «Союзов», добавил и Мишин — пришлось чуть ли не силой уложить его спать…

…На 17-й площадке космодрома я встретился и расцеловался с Шаталовым, Хруновым и Елисеевым. Ребята выглядели немного уставшими, но чувствовалось, что они счастливы и довольны результатами полета. Около 21:00 московского времени с ними говорил по телефону Л. И. Брежнев. Через полчаса с места посадки «Союза-5» был доставлен на космодром и Волынов, и мы еще раз соединились с Брежневым. Леонид Ильич поздравил космонавтов с благополучным завершением полета и очень высоко оценил его итоги. Он сказал: «Примите мои, пока неофициальные, поздравления… Мы будем встречать вас в Москве, и я сам сделаю доклад о вашем подвиге… Советский народ гордится вами и встретит вас как настоящих героев».

В разговоре с Керимовым и со мной Леонид Ильич дал понять, что за осуществление успешного полета «Союзов» будут награждены не только космонавты.

19 января.

В 10 часов утра в спортивном зале 17-й площадки состоялось заседание Государственной комиссии. Шаталов, Волынов, Хрунов и Елисеев в течение двух часов докладывали о результатах полета, самокритично анализируя допущенные ими ошибки. За все время полета были зафиксированы всего два недостатка, которые лишь в какой-то мере могут быть отнесены на счет экипажа: 1) перепутывание фалов Хрунова и Елисеева при выходе (Хрунову пришлось возвращаться из космоса в бытовой отсек и распутывать фалы); 2) невыполнение киносъемки перехода из корабля в корабль из-за неудачной установки кинокамеры. Обсуждение записанных на пленку докладов космонавтов решили продолжить в Москве в рабочем порядке. На Госкомиссии присутствовали представители прессы. После заседания Керимов, Мишин и я коротко ответили на вопросы корреспондентов радио и телевидения об итогах полета.

В полдень улетели в Москву почти все члены Госкомиссии, главные конструкторы и многие из нашей экспедиции (Пономарев, Горегляд, Кузнецов, Береговой, Смирнов и другие). На космодроме со мной остались Шаталов, Волынов, Хрунов, Елисеев, Николаев, Быковский и группа врачей во главе с генералом Карповым. Сегодня и завтра будет продолжаться медицинское освидетельствование космонавтов. Ребята подарили мне свои одиночные и групповые фотографии с очень теплыми надписями, сделанными ими во время космического полета. Борис Волынов, вручая мне свою фотографию, сказал: «Николай Петрович, обратите внимание — я надписал ее вчера в 9:30, то есть тогда, когда пошел на второй круг».

Позвонил Вершинину. В воскресный день он был на службе и лично руководил организацией полетов для спасения людей из зоны внезапного разлива рек на юге страны. Я доложил Главкому о докладах космонавтов и о высокой оценке результатов полета всеми членами Госкомиссии. Вершинин сообщил, что завтра утром на полигон вылетят два самолета Ил-18 для доставки космонавтов в Москву, и предупредил, что в Москве резко портится погода. Возможно, нам придется вылететь не 22 января, как было намечено, а раньше — завтра или послезавтра.

По просьбе генерала Кузнецова вчера вечером долго беседовал с ним. Кузнецов просил ни много ни мало, как полного всепрощения, любовного к себе отношения и всяческой поддержки. В то же время он обвинил меня в излишней доверчивости к начальнику политотдела Центра Крышкевичу, которого обозвал пьяницей и развратником, и наговорил много плохого о Горегляде, Масленникове и других товарищах. Мне было неприятно слушать Кузнецова — я оборвал его и сказал, что он ничего не понял из предупреждений Вершинина и что с ним очень трудно работать. Я посоветовал ему больше думать о работе и поменьше заботиться о собственной персоне, выгораживая себя и черня других.

А сегодня вечером у меня был долгий разговор с Андрияном Николаевым. Без согласования со мной Николаев участвовал в

поездке группы космонавтов в ЦК КПСС к Сербину, организованной по инициативе Алексея Леонова. На этой встрече они поднимали вопросы, которые легко могу решить я, но никогда не решит Сербин (поездки космонавтов на космодром, приглашения их на Госкомиссии, штатные и другие вопросы). Я и раньше знал, а из сегодняшней беседы еще раз убедился, что Николаеву трудно руководить космонавтами. Он честный и добросовестный человек, знает космическую технику, имеет опыт космического полета и высокие звания, но всего этого для руководителя недостаточно. Ему надо много помогать, а у меня для этого нет времени.

Поздно вечером позвонил Главком и передал, что маршал Гречко не доволен тем, что газеты печатают фото Шаталова, Волынова и Хрунова в погонах подполковников. Я объяснил маршалу, что это совершенно естественно, так как приказ министра обороны о присвоении им звания полковников не опубликован и никто, кроме нас и самих космонавтов, еще не знает об этом приказе. Вершинин просил меня «нажать» на газеты и впредь печатать снимки космонавтов только в погонах полковников.

20 января.

Сегодня опять не удалось выспаться — в пять утра я уже был на ногах: с Николаевым, Быковским и группой офицеров отправились на 81-ю площадку, где в 7:14 предстоял пуск ракеты УР-500К с технологическим кораблем Л-1. Там я встретил Тюлина, Курушина, Шабарова. Ни один из главных конструкторов на пуске не присутствовал, были только «замы их замов». Но Тюлин был доволен качеством подготовки ракеты и шел на пуск с большой уверенностью в успехе. У меня такой уверенности не было, хотя не было и особых оснований для сомнений.

Ракета стартовала отлично. После отделения первой ступени я сел в машину и поехал на КП второй площадки. На КП мне доложили, что на 501-й секунде полета ракета начала падать. Через несколько минут собрались все специалисты, приехали Тюлин и Курушин. Генерал Кутасин доложил, что

«Круги» принимают пеленги корабля Л-1 из района юго-западнее Иркутска на территории Монголии. Примерно в 8:20 московского времени генерал Горин представил пленки телеметрических записей. Из анализа пленок телеметрического контроля полета стало ясно, что 4-й двигатель второй ступени не доработал 25 секунд, третья ступень включилась и могла бы «вытянуть» корабль на орбиту, но «умный» автомат, зафиксировав отказ двигателя, включил СБН — систему безопасности носителя, а СБН дала команду САС на спасение космического корабля. Так система автоматов сорвала очередной облет Луны. Корабль Л-1 благополучно приземлился на территории Монголии в 350 километрах от Иркутска. На поиск корабля ушло свыше трех часов, но с учетом аварийной ситуации и трудного для поиска района посадки (корабль сел в узкой долине между гор высотой более 3 000 метров) это время можно признать вполне удовлетворительным.

В разгар выяснения причин срыва полета мне позвонил Главком, а на несколько минут позже — маршал Гречко. Оба предъявили претензии, что на фотографиях в сегодняшнем номере «Правды» Шаталов, Волынов и Хрунов все еще в погонах подполковников (вчера они требовали от меня не допускать таких публикаций в печати). Эти наскоки двух больших начальников возмутили меня до глубины души. Ни один из них не спросил: «Почему упала 100-миллионная ракета?»; их это не интересовало, зато из-за пустяка они подняли шум. Гречко пальцем не шевельнул, чтобы помочь нам в космических делах, и вот теперь он «вносит поправки» в нашу деятельность. Я не сдержался и отвечал обоим маршалам непочтительно.

Смысл моих ответов сводился к тому, что я занят здесь очень серьезным делом и у меня нет времени заниматься пустяками. Я сказал, что «неприятные» для маршалов публикации имели место потому, что приказ министра о присвоении космонавтам новых званий до сих пор не опубликован, что Главное политическое управление МО и Политуправление ВВС ничего не делают, а я не могу взять на

себя ответственность за бездеятельность людей, непосредственно подчиненных министру обороны и Главкому, тем более что я нахожусь в трех тысячах километров от Москвы. Разговор был неприятный, и Гречко мне еще припомнит мое непочтительное поведение. На Вершинина я не обиделся: это была первая стычка между нами за 20 лет; просто Главком, смертельно уставший от работы, не выдержал нажима со стороны маршала Гречко.

Вечером министр гражданской авиации Логинов прислал в мое распоряжение два специальных самолета Ил-18 для перелета космонавтов в Москву. Главком сегодня лично занимался анализом метеопрогноза и прислал мне телеграмму, в которой гарантирует, что 22 января к моменту (13:00) прилета космонавтов во Внукове будет хорошая погода. Прилетевший на одном из самолетов генерал-майор Н. В. Чугунов привез из Москвы тексты рапортов Шаталова и Волынова, а также проекты докладов всех четырех космонавтов на торжественной встрече во Дворце съездов. И то, и другое у нас уже было подготовлено, но наши тексты, кроме меня, никто не читал, а материалы, привезенные Чугуновым, «одобрены» ЦК КПСС. Когда ребята прочитали новые варианты докладов, им многое в них не понравилось. Я дал согласие на предложенные ими изменения и поправки в текстах докладов. Чугунов недовольно морщился, но вынужден был всю ночь согласовывать с Москвой пожелания космонавтов. Свой рабочий день я закончил беседой с ребятами о предстоящих им в ближайшие дни встречах и разговорах с руководителями партии и правительства, о докладах на пресс-конференции и т. п.

21 января.

Вчера закончили все медицинские обследования: ребята здоровы, отмечавшаяся у них после полета небольшая усталость прошла. Основная группа врачей во главе с генералом Карповым отбыла в Москву.

Сегодня сразу после завтрака послушал рапорты и доклады космонавтов, указал на ошибки и дал время на дополнительную подготовку. Говорил с Вершининым, он сказал, что решение о

времени прилета и месте встречи космонавтов еще не принято (в Москве стоят сильные морозы, и это затрудняет проведение встречи на аэродроме Внуково). После обеда получили, наконец, сообщение из Москвы о распорядке дня на завтра: вылет — 8:00, открытие дверцы самолета во Внукове — 13:00, митинг во Дворце съездов — 14:30, правительственный прием — 16:00. Чуть позже позвонили от секретаря ЦК КПСС Демичева: он прочитал сегодня тексты рапортов и докладов космонавтов и внес в них много изменений — это уже третий вариант текстов, «одобренный» ЦК.

Из Москвы непрерывно звонят с просьбами о выделении пригласительных билетов на правительственный прием. Билеты распределяет аппарат ЦК, и на прием по случаю нашей победы в космосе попадет 99 процентов людей, не имеющих к ней никакого отношения. А люди, по десять с лишним лет работающие в космонавтике, билетов не получат — целым институтам и КБ не дадут ни по одному билету. Будет много обиженных: лучше уж не устраивали бы вообще этих пышных встреч. Только что позвонил командующий 73-й Воздушной армией генерал Рыбалко и попросил билет на прием (на армию, активно участвующую в поиске космических летательных аппаратов, не дали ни одного билета). Я доложил Главкому о просьбе Рыбалко, и он обещал поддержать ее, но через полчаса перезвонил мне и сообщил: «Не разрешили, так как Рыбалко должен лично руководить борьбой с наводнением на Амударье в районе Чарджоу» (насколько мне известно, опасная обстановка в Чарджоу к этому времени была уже ликвидирована).

Кроме меня и космонавтов на космодроме остается пока еще и Тюлин — он намерен лично участвовать в работе комиссии по расследованию причин аварии ракеты УР-500К. Это был ее 12-й пуск. Из 12 пусков 4 были аварийными (в одном отказала первая ступень, еще в одном — третья и в двух — вторая). Таким образом, надежность ракеты УР-500К оценивается числом 0,75. Надежность корабля Л-1, а точнее надежность его САС, более высокая: во всех трех аварийных случаях, когда ракета поднимала корабль на некоторую высоту,

он благополучно опускался на парашюте. В пуске 20 января использовался корабль Л-1 № 7, ранее уже совершивший одну вынужденную посадку. После небольшой доработки ему был присвоен № 13, и он вновь «вышел на старт», но нас опять подвело злополучное совпадение тринадцатого номера корабля с понедельником днем пуска. Зато этот корабль установил своеобразный рекорд — два раза вынужденно садился на парашюте САС.

В последние дни мне много пришлось говорить о наших космических перспективах с Афанасьевым, Мишиным, Тюлиным, Керимовым и другими товарищами. Приходится констатировать, что сейчас у нас нет единой точки зрения по этому вопросу. В Академии наук и в промышленности очень сильны настроения в пользу автоматов и против активного развития пилотируемых полетов. Эти устремления поддерживают ЦК, ВПК и ракетные войска. Все космонавты и я — за пилотируемые полеты. Мы уверены, что космонавтам надо как можно больше летать, летать на любых кораблях, чтобы значительно продвинуть вперед всю нашу космическую программу. Но против нас выступают очень мощные силы, большинство наших руководителей считает необходимым закрыть программу облета Луны кораблями Л-1. Такое решение будет повторением ошибки, которую совершили Смирнов и Устинов с кораблем «Восход». Ошибка с «Восходом» отбросила нас на 2–3 года, а отмена полетов на Л-1 задержит появление наших космонавтов на Луне еще лет на пять.

22 января. Тюра-Там — борт Ил-18 — Москва.

На часах 5:30 московского времени. Сегодня в 8:00 вылетаем в Москву. На борту специального самолета Ил-18 № 74268 будет всего 15 пассажиров: четверка космонавтов, два врача, пять фото- и кинооператоров и руководители экспедиции.

По установившейся за 9 лет традиции всех наших космонавтов, начиная с Юрия Гагарина, я лично доставлял с космодрома на аэродром Внуково и «сдавал» в руки правительства. Сегодня впервые со мной полетят в Москву сразу

четверо новых героев космоса. Я мечтал дожить до того дня, когда повезу в Москву наших парней, вернувшихся с Луны. Это были вполне реальные мечты, но крупные ошибки руководителей нашей космической программы (Устинов, Смирнов) и излишняя автоматизация космических кораблей (Королев, Мишин) привели к тому, что американцы вырвались вперед и первыми облетели Луну на корабле «Аполлон-8» в декабре прошлого года. Сейчас, в результате плохого руководства и отсутствия государственной программы пилотируемых космических полетов, в Советском Союзе никто не знает, когда наши космонавты будут на Луне или хотя бы облетят ее. Обидно, позорно, но это факт: сложилась такая обстановка, что даже прогнозировать полеты космонавтов невозможно…

…Наш полет продолжается почти полтора часа. Мне уже приходилось летать с экипажем опытнейшего летчика Никитенко Константина Сергеевича экипаж отличный (в очень сложных метеоусловиях на этом же самолете мы с Георгием Береговым летели с космодрома в Москву 1 ноября 1968 года). Прослушал рапорты Шаталова и Волынова — чеканности произношения у них пока нет: предложил им продолжать тренировки. Тексты докладов все четверо читают хорошо, правда, Хрунов неправильно произносит слово «начать».

Сегодня прекрасная погода, но очень сильный мороз (утром в Москве было «минус 28»). Ребятам будет холодно ехать в открытой машине по дороге из Внукова — заставлю всех одеться потеплее. Перед встречей в Москве они волнуются больше, чем перед космическим полетом. При повторной проверке в самолете Волынов запутался с рапортом, пришлось заняться с ним дополнительно…

…Полет прошел отлично, над Москвой наш самолет эскортировала семерка истребителей. Ровно в 13:00 открылась дверца самолета, и четверка моих орлов вышла из него навстречу новым испытаниям. Шаталов отрапортовал четко, а Волынов все же немного запинался. С аэродрома все ехали в

закрытых машинах, только перед Каменным мостом космонавты пересели в открытую машину.

При въезде в Кремль какой-то тип в милицейской форме произвел восемь выстрелов из пистолета по машине, следовавшей в колонне второй. Обычно при подобных встречах во второй машине находились Брежнев, Подгорный и Косыгин, но в этот раз в ней были космонавты Береговой, Леонов, Николаев и Терешкова. Выстрелами, предназначавшимися руководителям страны, был тяжело ранен шофер, а космонавтов они только напугали — в трех местах на одежде Леонова остались следы от пуль.

Брежнев сдержал данное им слово и очень хорошо выступил на митинге во Дворце съездов. А на приеме он вместе с Подгорным и Сусловым подошел к нашему столу и тепло поздравил космонавтов-дублеров, всех их товарищей и жен. Я думал, что Брежнев уже забыл, как меня зовут, но и он, и Суслов, обращаясь ко мне, правильно называли мое имя и отчество, лишь Подгорный окрестил меня «Павловичем».

23 января.

В 10 часов утра у Мишина слушали подробные доклады экипажей «Союзов» о групповом полете. Потом состоялся большой митинг, а после митинга небольшой банкет, с которого нам удалось довольно быстро удрать: ребята поехали обедать, а я — на службу.

В 17:30 Пашков, Мозжорин, Керимов, Замятин, Береговой, Газенко, я и другие собрались у Келдыша для подготовки пресс-конференции. Приняли мое предложение: на конференции выступать только Келдышу, Шаталову, Волынову, Хрунову и Елисееву; присутствовать всем летавшим космонавтам. В текст доклада Келдыша внесли мелкие поправки, несколько замечаний стилистического характера по текстам выступлений космонавтов учли после их «озвучивания» по моему поручению Береговым (хотя у него перед совещанием у Келдыша было два часа свободного времени, читал он неважно, «не успев» предварительно ознакомиться с текстами).

24 января.

На нашу семью навалился грипп: Лева только встал на ноги, Муся болеет уже шестой день, а вчера слегла Люда. Боюсь, что мне, Оле и Коле тоже не удастся избежать заболевания.

Вместе с генералом Бабийчуком был у А. А. Вишневского, рассказал ему о своем падении 3 января. Он осмотрел образовавшуюся у меня в паху опухоль и рекомендовал с месяц понаблюдать за ушибленным местом: если опухоль не рассосется, то придется делать операцию.

Сегодня у меня и космонавтов очень напряженный день: в 15:00 состоится пресс-конференция в МГУ, а вечером — встреча с телезрителями. Мне приходится всячески изворачиваться, чтобы выкроить для ребят время на подготовку к этим мероприятиям — она им крайне необходима.

Звонил министр внутренних дел Щелоков и просил организовать сегодня встречу с космонавтами. Я вынужден был ответить министру отказом — он наверняка обидится, так что число моих «друзей» будет расти. Отказывать приходится в 99 случаях из 100, много обид и жалоб, и во всем виноват я один. На днях Сербин выразил мне неудовольствие по поводу того, что Феоктистов разводится со своей второй женой. По логике Сербина виноват в этом я, а не сам Феоктистов и его начальник Мишин, который потворствовал прихотям Феоктистова и настойчиво пытался «протолкнуть» его во второй космический полет (кстати, Сербин и сам нажимал на меня, всячески защищая кандидатуру Феоктистова).

В сегодняшних газетах опубликовано сообщение о провокационных выстрелах по космонавтам в Кремле 22 января. Зарубежная пресса обсасывает эту «косточку» в своих интересах: «Заговор против правительства», «Подпольная организация», «Стреляли в высших советских руководителей» и т. п. На предстоящей пресс-конференции космонавтам могут быть заданы вопросы об этом инциденте. Я обещал Андропову и Замятину, что Береговой и Леонов могут выступить и подтвердить, что стреляли в космонавтов.

25 января.

Вчера на пресс-конференции хорошо выступили и отвечали на вопросы Шаталов и Елисеев, удачно отвечал на многие вопросы и Хрунов, но он допустил несколько оговорок. Волынов выступил вяловато. На вопросы иностранных корреспондентов о провокационных выстрелах в Кремле ответил Леонов. На конференции присутствовали все летчики-космонавты СССР, кроме Николаева (гриппует) и Феоктистова (разводится с женой). После пресс-конференции все космонавты были на обеде в Доме приемов (Воробьевское шоссе, 59), а с 19 часов до полуночи всем составом принимали участие в телевизионной передаче встречи с делегациями всех Советских республик, артистами, журналистами и другими деятелями культуры. Было излишне много приветствий и подарков, а в общем — длинно, скучно и маловразумительно.

Получил информацию о подготовке к пуску «Аполлона-9» 28 февраля. Главная задача предстоящего полета — испытания лунного корабля на околоземной орбите, стыковка его с орбитальным лунным модулем и несколько переходов астронавтов через открытый космос из корабля в модуль и обратно. Программа полета, прямо скажем, внушительная. А у нас после успешного полета двух «Союзов» и неудачного январского пуска корабля Л-1 в облет Луны наступает очередное затишье в пилотируемых полетах. Наше руководство все надежды возлагает на ракету Н-1 и АМС Е-8-5, а у меня нет веры в надежность ни той, ни другой. Наиболее реальной была бы программа дальнейшего развития полетов на «Союзах» и осуществления облета Луны космонавтами на корабле Л-1 в первой половине 1969 года. А вот нашу программу экспедиции на Луну придется, по-видимому, пересматривать: надо строить новый лунный корабль с экипажем из 4–5 человек и выводить его в космос двумя ракетами Н-1 или серией ракет УР-500К (автор имеет в виду непрямой перелет к Луне со стыковкой отдельных модулей корабля на околоземной орбите. — Ред.).

Беседовал с Вершининым. Он очень удовлетворен итогами полетов «Союза-4» и «Союза-5», не осознавая еще всю глубину провала наших планов и программ. Трескотня и шумиха вокруг

успешной стыковки «Союзов» и перехода Хрунова и Елисеева из корабля в корабль на одну неделю приглушила и замаскировала нарастающее, как снежный ком, наше отставание от США. Но уже наступает «похмелье», когда еще отчетливее ощущаются «дыры» и пустота в наших перспективах и планах.

27 января.

Вместе с Шаталовым, Волыновым, Хруновым и Елисеевым был в Агентстве печати «Новости» (АПН). Бурков, Спиридонов, Пищик и другие руководители АПН очень тепло приветствовали космонавтов, рассказали им о масштабах работы агентства и подарили много ценных изданий, в том числе книг на иностранных языках. Потом мы побывали на встрече с сотрудниками редакции и типографии «Известий». Для общего развития космонавтов и подготовки их к большой общественной деятельности такие встречи очень полезны.

28 января.

Были на приеме в ЦК ВЛКСМ. Космонавты рассказали о полете «Союза-4» и «Союза-5», ответили на многочисленные вопросы и поблагодарили комсомол и его руководителей за «науку жизни и труда» и за сегодняшнюю теплую встречу. Первый секретарь ЦК Евгений Михайлович Тяжельников очень умело вел встречу. Он несколько раз выступал и всегда к месту, удачно и остроумно. Космонавты были награждены грамотами ЦК ВЛКСМ и значками в честь 50-летия комсомола. Евгений Михайлович, обращаясь ко мне со словами привета и благодарности, сказал, что я — «человек из легенды», и преподнес недавно вышедшую в «Молодой гвардии» книгу Николая Котыша «Стрижонок» — повесть о жизни и полетах моего сына Аркадия.

Вечером были в НИИЦПК имени Гагарина.

29 января.

Побывали на заводе «Звезда» у Главного конструктора космических скафандров Гая Ильича Северина. Космонавты выступили на совещании конструкторов и дали подробные отзывы о работе в полете скафандров, ранцев, кресел, ложементов, АСУ и других систем, разрабатываемых КБ

Северина. В самом большом помещении завода — цехе копровых испытаний — провели митинг рабочих и служащих. Осмотрели лунный скафандр полужесткой конструкции. Он весит 80 килограммов, способен обеспечить 10-часовое пребывание в открытом космосе и снимает 500 больших калорий тепла в час, что обеспечивает полный теплосъем при очень тяжелой физической работе космонавта (скафандры Леонова и Хрунова снимали всего 200–250 килокалорий в час). Уже изготовлены и проходят все виды испытаний 14 экземпляров скафандра.

Во второй половине дня посетили НИИ парашютно-десантных систем, провели беседу с инженерно-конструкторским персоналом и митинг с личным составом института. Начальник НИИ Александр Николаевич Лобанов показал нам швейный цех. В цеху работают одни женщины. На небольших ручных швейных машинках работницы сшивают громадные купола грузовых парашютов грузоподъемностью свыше 10 тонн. Есть здесь и парашюты (для людей) весом всего 6 килограммов. Осмотрели мы и цех № 3, где с помощью 40-тонного пресса производится укладка парашютов для спуска космических кораблей (большой парашют должен занимать в корабле минимальный объем).

30 января.

Г. А. Тюлин сообщил мне по телефону, что он и Мишин вылетают 3 февраля на космодром для подготовки пусков Е-8 и Н-1. Пуск лунного самохода Е-8 намечен на 18 февраля, а пуск мощнейшей нашей ракеты Н-1 — на 21 февраля. Тюлин просил меня прибыть на космодром для участия в заседаниях Госкомиссий.

Получено решение ЦК КПСС и Совмина от 8 января 1969 года № 19–10 «О плане работ по исследованию Луны, Венеры и Марса автоматическими станциями». Планом предусматриваются ориентировочные сроки пусков различных АМС в 1969 году:

1) Е-8-5 — апрель, май, июнь, август, сентябрь;

2) Е-8 — февраль, октябрь, ноябрь;

3) «Венера-69» — январь (два пуска);

4) «Марс-69» — март, апрель.

А вот что запланировали на этот год американцы:

1) 10-суточный полет «Аполлона-9» на околоземной орбите — 28 февраля;

2) тренировочный полет «Аполлона-10» на селеноцентрической орбите апрель;

3) высадка людей на Луну — июнь-июль.

Американский план пилотируемых полетов в 1969 году грандиозен, и есть много оснований считать, что он может быть выполнен. У нас же для высадки людей на Луну нет еще ни ракеты, ни корабля, нет и подготовленных для этой цели экипажей. Устинов и Смирнов пытаются пусками автоматов заткнуть зияющую брешь в нашей программе пилотируемых полетов, поэтому они и добивались решения ЦК от 8 января 1969 года.

Наши планы на этот год по пилотируемым космическим полетам остаются туманными. Можно было бы выполнить 3–4 полета на «Союзах» и один-два облета Луны на кораблях Л-1, но и эти полеты еще не спланированы: конкретных программ и сроков полетов нет, целеустремленной подготовки космонавтов к ним также нет. Возможно, в 1969 году мы добьемся некоторых успехов с пусками АМС, но у нас нет никаких надежд сравняться с американцами в значимости пилотируемых полетов.

Итак, наше высшее руководство отдает предпочтение полетам автоматов перед пилотируемыми космическими полетами. Это очень плохо, это тяжелая плата за наши ошибки последних 4–5 лет. Еще хуже то, что мы до сих пор не признали эти ошибки и не сделали правильных выводов.

31 января.

Позвонил министру культуры Е. А. Фурцевой — пришлось пожаловаться Екатерине Алексеевне на ее первого заместителя В. И. Попова. Больше полугода Попов водит нас за нос с организацией творческих групп для создания обелисков и памятников, увековечивающих подвиг Гагарина. Фурцева с присущей ей энергичностью взялась за устранение волокиты,

устроенной ее заместителем, и назначила на 3 февраля совещание со всеми предполагаемыми участниками творческих групп. Я обещал Фурцевой прислать к ней Титова и Леонова.

Вчера снова говорил с Вершининым о необходимости заказа для ВВС десяти кораблей «Союз». Главком и члены Военного совета ВВС согласились с моим предложением. Вершинин дал указание готовить ходатайства маршалу Гречко и в ЦК КПСС об оформлении заказа. Сегодня собираем руководящих деятелей ВВС для ознакомления их с итогами пилотируемых космических полетов. На этом совещании выступят по моему поручению следующие товарищи: Быковский («Восток»), Беляев («Восход»), Леонов (первый выход в открытый космос), Шаталов, Волынов, Хрунов и Елисеев («Союз-4» и «Союз-5»).

1 февраля.

На вчерашнем совещании руководящих работников ВВС (Главком, члены Военного совета, начальники академий, институтов и управлений центральных учреждений ВВС) космонавты выступили с хорошими докладами. Больше других я беспокоился за Быковского и Волынова. Но Быковский отлично подготовился и выступил без замечаний, а вот Волынов доложил о полете «Союза-5» ниже своих возможностей: он часто повторялся и недостаточно четко обрисовал сложный характер вращения корабля при спуске с орбиты. Главком и многие генералы выразили мне свое удовлетворение докладами космонавтов. В заключительном слове Вершинин сказал: «Мы впервые проводим такое ответственное совещание по космическим вопросам. Космонавтика — одно из ведущих направлений деятельности ВВС. Мы обязаны видеть все возможности использования КЛА (космических летательных аппаратов. — Ред.) в интересах обороны страны. Всем нам предстоит еще очень много поработать для того, чтобы наши взгляды на развитие космонавтики получили признание. Надо создавать КЛА, способные взлетать в космос с помощью самолетов-разгонщиков и возвращаться из космических полетов по-самолетному (по-вертолетному) на обычные аэродромы».

Весь день был в Центре имени Гагарина. Беседовал с космонавтами о возможных программах, сроках и составах экипажей для полетов пилотируемых кораблей по всем направлениям космических исследований. Наибольшее беспокойство космонавтов вызывает отсутствие конкретных программ очередных полетов на «Союзах». Очень волнуют их и разговоры Мишина о «прикрытии» пилотируемых полетов на Л-1.

Провел заседание Совета Центра, на котором присутствовали все летчики-космонавты СССР. Обратил внимание Кузнецова и Крышкевича на слишком длительные промежутки времени между заседаниями Совета и на недостаточную настойчивость руководства Центра в выполнении плана мероприятий по увековечению памяти о Ю. А. Гагарине. Космонавты проявили большую заинтересованность в работе Совета. Леонов и Беляев выдвинули ряд полезных предложений, Быковский пытался критиковать позиции ВВС по ряду вопросов, но его выступление было ошибочным, поскольку он не знал о соответствующих решениях правительства и министра обороны.

Обсуждение на Совете многих вопросов деятельности Центра было полезным как для его руководителей, так и для всех космонавтов. Хорошо налаженная работа Совета поможет укреплению коллектива Центра и создаст более благоприятную рабочую обстановку. Сегодня я лишний раз укрепился во мнении, что мне нужно как можно чаще лично обсуждать с космонавтами все основные вопросы, выносимые на заседания Совета.

3 февраля. Тюра-Там.

На самолете Ан-24 я, Алексей Леонов и группа офицеров ВВС прилетели в 15:30 местного времени на космодром, куда на полчаса раньше нас уже прибыли члены Госкомиссий во главе с Г. А. Тюлиным.

Вечером с Леоновым и Ващенко ездили на 31-ю площадку. Ознакомились с объектом Е-8 — космической станцией, предназначенной для осуществления мягкой посадки на Луну. На борту станции находится восьмиколесная тележка, способная

самостоятельно перемещаться по лунной поверхности, преодолевая 30-градусные уклоны и подъемы, и передавать по телевидению изображение окружающей местности. Тележка может быть использована и для передвижения высадившихся на Луну космонавтов. После вывода на селеноцентрическую орбиту станция Е-8 будет иметь массу 1700 килограммов (земной вес). Работы по подготовке и испытаниям станции идут нормально, старт может состояться 19–20 февраля.

4 февраля.

На 81-й площадке провели заседание Госкомиссий по носителю УР-500К. А. Д. Конопатов доложил соображения аварийной комиссии об отказах второй и третьей ступеней ракеты УР-500К при пуске 20 января. Отказ четвертого двигателя второй ступени (он не доработал 25 секунд) произошел при значительном повышении температуры в газогенераторе и перегреве подшипника ТНА (турбонасосного агрегата. — Ред.). Примерно при аналогичных условиях отказали и двигатели третьей ступени. Видимой причиной отказа двигателей Конопатов считает разрушение подшипников, но первопричину его выявить пока не удалось — решили продолжать расследование. Установлено, что двигатели этого типа безотказно отработали на испытаниях и в полетах более 700 раз. Учитывая обнадеживающие данные статистики, решили, не дожидаясь окончательного выяснения причины отказа двигателей, разрешить очередной пуск ракеты УР-500К с объектом Е-8.

В 14:30 местного времени на 31-й площадке состоялось заседание Госкомиссии по Е-8. Военные испытатели и Главный конструктор Е-8 Георгий Николаевич Бабакин доложили, что подготовка объекта идет по графику. Приняли решение: начать заправку станции компонентами топлива, произвести стыковку ее с носителем и вывоз комплекса на старт, исходя из расчетного срока пуска 19–20 февраля.

5 февраля. Москва.

Вчера поздно ночью наш Ан-24 приземлился на аэродроме Чкаловская. Вместе со мной с космодрома возвратились

В. А. Казаков, И. В. Лобов, Г. Н. Бабакин, А. Д. Конопатов и группа инженеров и конструкторов.

Подробно доложил Вершинину план февральских пусков и новое штатное расписание ЦПК. Утвержденный начальником Генерального штаба маршалом Захаровым новый штат Научно-исследовательского испытательного центра подготовки космонавтов (НИИЦПК) имени Ю. А. Гагарина увеличен на 600 офицерских должностей, введены восемь генеральских должностей (была одна), в Центре теперь будет три управления (не было ни одного) и шесть заместителей начальника (вместо трех, имевшихся в ЦПК). Новый штат Центра позволит значительно качественнее и более углубленно организовать подготовку космонавтов, а также широко развернуть научно-исследовательскую и испытательную работу. Теперь все будет зависеть от того, насколько умело мы подберем руководящие кадры, в первую очередь начальника Центра, его заместителей, начальников управлений и отделов. Я твердо решил не искать «варягов», а смелее выдвигать на руководящие должности самих космонавтов.

Вершинин сообщил мне, что 3 февраля он весь день провел в Центре и на аэродроме Чкаловская. Последний раз Главком был в ЦПК четыре года назад, а за это время Центр неузнаваемо вырос. Вершинин остался очень доволен посещением Центра и не высказал никаких замечаний.

6 февраля.

Министр обороны маршал А. А. Гречко еще ни разу не был в Центре подготовки космонавтов, хотя неоднократно собирался побывать там. Недавно Вершинин договорился с Гречко о его поездке в Центр в первой половине февраля, но точная дата поездки пока не установлена. Сегодня Н. Ф. Кузнецов приезжал в Главный штаб ВВС с планом встречи министра обороны в НИИЦПК. Я направил Кузнецова к Вершинину, имея в виду, что он воспользуется этой встречей с Главкомом и переговорит с ним о делах Центра и о своих личных служебных перспективах. Вершинин принял Кузнецова и утвердил план встречи с министром, но доверительный разговор между ними не

состоялся. Я все же дал понять Кузнецову, что решение об освобождении его от должности не принято и что у него есть еще возможность остаться начальником НИИЦПК.

Вместе с Беляевым, Леоновым и Шаталовым был у начальника Главного финансового управления генерал-полковника В. Н. Дутова. Договорились с Дутовым о тарификации новых штатов Центра: оклады начальника НИИЦПК и его заместителей будут примерно такие же, как у руководящего состава воздушной армии, и не ниже, чем в ГНИКИ ВВС.

Сегодня у меня состоялась еще одна откровенная и полезная беседа с Алексеем Леоновым (мы много говорили с ним о наших космических делах, когда были на космодроме, и в самолете при возвращении в Москву 4 февраля).

В приемной Дутова мне бросился в глаза плакат «Уметь работать» (такой плакат висел когда-то в кабинете Ленина). Я обратил внимание Леонова на содержание плаката и особенно на первый его пункт: «Не спешить!». Леонов понял мой намек и внимательно прочитал ленинские мысли о стиле работы. В моем кабинете, куда мы вернулись после встречи с Дутовым, наш разговор продолжился — мы говорили о необходимости выдвижения космонавтов на руководящие должности в НИИЦПК. Леонов, хорошо знающий всех своих товарищей по работе, дал им характеристики, которые в основном совпали с моим мнением об их достоинствах и недостатках. Высказывания Леонова о его взглядах на перспективы космических полетов еще больше укрепили меня в намерении смелее выдвигать космонавтов в руководящий состав Центра. Между прочим, из разговора с Леоновым я понял, что он не мог выступать против назначения в полет Волынова, о чем «проговорился» мне Мишин в день старта «Союза-5».

7 февраля.

Был в посольстве ПНР, где мне и многим другим генералам и офицерам Советской Армии польский посол вручил высокие награды в связи с 25-летием Вооруженных Сил Польши (я награжден орденом «Крест за храбрость»).

Советовался с П. С. Кутаховым и Ф. С. Гудковым о целесообразности назначения Г. Т. Берегового начальником НИИЦПК. И тот и другой высказались против кандидатуры Берегового и рекомендовали не торопиться со смещением генерала Кузнецова.

10 февраля.

На всей территории Союза длительное время стоят сильные морозы. Сегодня утром на даче «Заборье» было «минус 32», на Каспии — «минус 36», а на космодроме — 42 градуса ниже нуля. Таких устойчиво низких температур в январе и феврале я не припоминаю за всю свою жизнь.

Был в Центре имени Гагарина. Встречался там с Трегубом, который сообщил мне наметки ЦКБЭМ по полетам «Союзов». Корабль № 14 намечается к одиночному семисуточному полету с двумя космонавтами на борту в апреле-мае сего года. Корабли № 15 и 16 с пятью космонавтами предполагается запустить в космос в августе-сентябре на семь суток (полет в состыкованном состоянии в течение трех суток). Полеты кораблей № 17, 18, 19 и 20 планируется осуществить до мая 1970 года. В целом план неплохой, но нуждается в уточнении и доработке. Мы согласовали с Трегубом и состав группы космонавтов, которую будем готовить к полетам на всех этих семи кораблях.

С Кузнецовым, Масленниковым и Крышкевичем более трех часов обсуждал кандидатуры на ведущие должности в НИИЦПК. Решили внести такие рекомендации: Берегового, Николаева и Титова назначить заместителями начальника Центра, Беляева — начальником 1-го управления, Леонова — заместителем начальника управления, Поповича, Быковского и Шаталова — начальниками отделов 1-го управления. Подбор кандидатов на другие вакантные должности будем продолжать в первую очередь среди тех, кто уже хорошо зарекомендовал себя, работая в Центре.

11 февраля.

С космодрома сообщили, что подготовка к пускам Е-8 и Н-1 проходит строго по графику. Тюлин просил меня прибыть на космодром не позже 17 февраля.

Позвонил К. А. Керимов и рассказал о своей беседе с Д. Ф. Устиновым, интересовавшимся программой очередного полета «Союза». Выслушав без всякого удовольствия предложение Керимова о семисуточном полете корабля «Союз» с экипажем из двух космонавтов, Устинов сказал: «Жидковато, надо бы погуще…» Но Устинов хорошо знает, что «погуще» ничего нет — ни готовых кораблей, ни четкого плана полетов, нет даже конкретной программы очередного полета. Мы дошли до полного абсурда и рекордной непредусмотрительности: в стране нет ни одного человека, который мог бы сказать, каким будет очередной полет в космос. Не знает этого Устинов, не знают Келдыш, Смирнов, Мишин — вообще никто не знает! Все мои попытки добиться составления государственного плана пилотируемых космических полетов ни к чему не привели: такого плана не было, нет и маловероятно, что он будет. В условиях, когда руководство само создает сумятицу и неразбериху, готовить космонавтов к полетам неимоверно трудно.

По моему настоянию Керимов обещал созвать Госкомиссию для обсуждения программ очередных пилотируемых полетов.

12 февраля.

Говорил с Вершининым о предполагаемых назначениях на руководящие должности в НИИЦПК. Главком сказал, что Кузнецова можно оставить начальником Центра, но надо обязательно еще раз серьезно предупредить его. Он согласился с моим предложением о назначении Берегового, Николаева и Титова заместителями начальника НИИЦПК. Рассматривая наши наметки по выдвижению других космонавтов, Вершинин задал только один вопрос: «Кто тут будет обижен?» Я ответил, что ни у одного из них не будет оснований для обиды: все они получат значительное продвижение по службе и возможность проявить себя на руководящих должностях. «Обиженными» могут оказаться лишь отдельные участки работы из-за недостаточного опыта молодых руководителей, а чтобы этого не случилось, надо будет не только помогать новым начальникам, но и усиленно их контролировать.

Сегодня чилийское посольство устраивает прием в честь В. В. Терешковой. Вчера Валя звонила мне и просила быть на приеме и помочь подготовить ее выступление. Дал распоряжение Кузнецову, чтобы три-четыре космонавта с женами были на этом приеме. Космонавтов стало много, участились встречи их с иностранцами как в нашей стране, так и в зарубежных поездках. Для лучшей организации этого участка их деятельности нужны специалисты-международники, а у меня в аппарате нет ни одного «дипломата»: многое приходится делать самому.

19 февраля.

В Доме литераторов 14 февраля провели встречу космонавтов с писателями. Во встрече участвовали и выступали космонавты Шаталов, Хрунов и Елисеев (Волынов не присутствовал из-за болезни), писатели и поэты — Константин Федин, Леонид Соболев, Александр Безыменский, Расул Гамзатов, Сергей Баруздин, Марк Максимов, Дина Терещенко, Белла Ахмадулина. Для меня эта встреча была неудачной: чувствуя, что заболеваю, я еле-еле досидел до ее окончания — меня бросало то в жар, то в холод. Дома измерил температуру оказалось, что у меня «38 и 7». Пришлось лечь в постель и отлеживаться целых четыре дня (моя командировка на космодром, естественно, сорвалась).

Сегодня в 9:48 должен был состояться пуск ракеты УР-500К с лунной тележкой Е-8. Пуск состоялся точно в назначенное время, но через 40 секунд ракета взорвалась и упала в 15 километрах от старта. Пока нет точных данных о причинах происшествия. Ясно одно: наша лунная программа вновь потерпела крупную неудачу. Только блестящий успех первого полета нашей самой мощной ракеты Н-1 мог бы еще кое-как поправить наши дела, но надеяться на чудо трудно — более вероятно, что и предстоящий пуск продолжит затянувшуюся серию провалов.

21 февраля.

Мы получили новый тяжелый удар: при первом испытательном полете упала и взорвалась ракета Н-1. На 41-й

секунде полета отказал один из 32 двигателей первой ступени и выключился другой, симметрично расположенный. Отключение двух двигателей еще не могло быть причиной аварии, ракета должна нормально лететь даже при шести выключенных двигателях. Полет продолжался еще примерно 50 секунд — ракета, медленно заваливаясь, достигла высоты всего 27 километров и упала в 23 километрах от старта. Система аварийного спасения сработала, и корабль Л-1 благополучно опустился на парашюте. Причина происшествия пока неясна, возможно, оно произошло из-за недостаточной эффективности новой системы стабилизации полета.

Обидно до слез, хотя случилось еще не самое худшее из того, что могло произойти. Ракета взлетела, оба старта не повреждены. Вполне возможно, что ракета Н-1 еще будет летать, но надежным носителем она никогда не будет. Сейчас ясно только одно: наша лунная программа, рассчитанная на ракету Н-1, безнадежно отстала от американской программы. Но выход из тупика есть — надо строить большую серию ракет УР-500К (несмотря на ряд неудачных пусков в целом это хорошая ракета) и, используя стыковку на орбите, готовить лунные экспедиции.

22 февраля.

С полигона вернулись Кутасин, Муравьев, Лапочкин и другие товарищи, все потрясены тяжелым происшествием.

Сегодня у меня были старший лейтенант Ветер и его непосредственный начальник майор Скачков. Проявляя незаурядную волю, Константин Ветер уже на протяжении 12 лет индивидуально и самостоятельно готовится к полету в космос. Он многого добился (высшее образование, 600 парашютных прыжков, специальные тренировки), но медкомиссия по подсказке генерала Бородина отнесла его к категории «ненормальных». В интересах выяснения истины я разрешил зачислить Ветра в кадры офицеров и принять на службу в ЦПК. Уже больше года он работает в Центре, и подавляющее большинство офицеров отзывается о нем хорошо. Но часть врачей, а под их дудку и генерал Кузнецов склонны добиваться

увольнения Ветра из армии. В прошлом году Ветер допустил серьезную ошибку: он получил разрешение съездить на три дня в Ленинград, но в Ленинграде не был и не доложил начальству, где он провел эти дни. В письме ко мне Ветер пишет, что посещал в Курске больную мать. Сегодняшняя беседа с майором Скачковым и его подчиненным не дала мне оснований для пересмотра моих взглядов на личность Константина Ветра.

Сегодня опубликован указ о присвоении П. С. Кутахову звания маршала авиации.

10 марта.

Две недели лечился в авиационном госпитале в Сокольниках в связи с резким обострением хронического левостороннего гайморита. Состояние мое было тяжелое, но большой опыт и золотые руки врача Ивана Ивановича Брянова помогли мне довольно быстро встать на ноги.

Кроме физических недомоганий и слабости я перенес в госпитале и большую моральную травму, когда пришло известие об уходе с поста Главкома ВВС Главного маршала авиации Вершинина и о назначении на его место маршала Кутахова. А тут еще поступило сообщение о полете американского космического корабля «Аполлон-9». Американцы осуществляют полную программу испытаний своего лунного корабля на околоземной орбите, и на фоне наших неудач успехи США в космосе особенно весомы. Теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что 1969 год будет годом триумфа американской астронавтики и годом, когда люди впервые побывают на Луне. Мы отстаем от американцев на 3–4 года, работать в такой обстановке очень тяжело, а без постоянной помощи и поддержки Вершинина меркнут любые надежды на наши будущие успехи.

11 марта.

Был у Вершинина. Он сказал, что есть решение Политбюро ЦК КПСС об освобождении его от должности, но это решение ему еще не показывали: ждут, по-видимому, возвращения маршала Гречко из Пакистана. Я просил Вершинина созвать

Военный совет ВВС для утверждения назначений на руководящие должности в НИИЦПК.

Говорил сегодня с генералом Карасем по поводу письма Главкома министру обороны о заказе на 1970–1971 годы 10–12 кораблей «Союз». Генштаб и ракетные войска против этого заказа, они считают, что семи строящихся «Союзов» будет вполне достаточно на 1969–1970 годы, а в 1971 году надо рассчитывать на военные корабли, строительство которых следует форсировать. Некоторые основания для такой позиции имеются, но те, кто выступает против постройки новой серии «Союзов», забывают о непрерывных запаздываниях промышленности в выполнении заказов. Это приведет к тому, что уже во второй половине 1970 года нам не на чем будет летать в космос, а следующий год вообще окажется «пустым», так как военные корабли не будут готовы раньше 1972 года.

Сегодня опять был в госпитале: воспалительный процесс не закончился, и И. И. Брянов был вынужден сделать мне уже пятую пункцию.

14 марта.

Вчера корабль «Аполлон-9» благополучно приводнился в Атлантическом океане — 10-суточный орбитальный полет трех астронавтов успешно завершен. Программа полета (переход астронавтов из корабля в лунный модуль, расстыковка, удаление лунного модуля от «Аполлона-9» на 175 километров, сближение и стыковка) выполнена полностью, и это дает американцам большую уверенность в том, что полет с высадкой людей на Луну может быть осуществлен ими уже в этом году.

15 марта.

Отметили вчера в Доме журналиста 60-летие писателя Рябчикова Евгения Ивановича. На юбилей собралось много видных писателей, журналистов, работников кино, радио, телевидения и деятелей авиации (в числе последних были Громов, Шевелев, Мазурук, Ляпидевский, Аккуратов, Чкалова, Береговой, Леонов и другие). Я знаю Евгения Ивановича около 35 лет, мы встречались с ним сотни раз — это были приятные деловые встречи. Последние десять лет Рябчиков много работал

как сценарист всех наших кинофильмов о полетах в космос. Эти его работы особенно ценны, в них отражена история «утра космической эры» и навечно запечатлены образы Королева, Келдыша, Гагарина, Терешковой, Леонова.

Вчера мне звонила Терешкова и просила помочь ей в приобретении космических сувениров для приехавших на совещание представительниц женских организаций социалистических государств.

Беседовал с К. А. Вершининым о наших неудачах и об успехах американцев. Он еще не сдал официально обязанности Главкома, но фактически уже отошел от решения практических вопросов руководства ВВС. Через два-три дня подписанный 10 марта маршалом Гречко приказ о назначении П. С. Кутахова Главкомом ВВС войдет в полную силу. Я посоветовал Константину Андреевичу немедленно заняться своим здоровьем, зная его привычку ссылаться на занятость и отбиваться от настойчивых рекомендаций врачей. Моя сегодняшняя встреча с ним была, по-видимому, нашим последним официальным свиданием. Для меня расставание с Вершининым означает завершение самого интересного и продуктивного периода моей деятельности. В перспективе своей дальнейшей работы я предвижу много неприятных моментов и неудовлетворенности: маршалы Кутахов и Гречко не станут поддерживать мои предложения по развитию пилотируемых космических полетов.

17 марта.

В минувшую субботу Вершинин собрал сотни четыре офицеров и генералов из руководящего состава ВВС — от членов Военного совета до начальников отделов и служб — и выступил перед ними с прощальным словом. Зачитав приказ министра обороны о назначении маршала Кутахова Главнокомандующим ВВС, он дал ему хорошую характеристику, а затем коротко рассказал о том, как готовил его в течение года к роли Главкома. Вершинин поблагодарил собравшихся за добросовестную совместную работу и выразил уверенность, что генералы и офицеры управления ВВС сделают все возможное для успешной деятельности его под руководством нового

Главкома. Потом он кратко изложил свои взгляды на задачи, которыми Главком ВВС должен, по его мнению, заниматься в первую очередь: 1) совершенствование техники; 2) освоение новой техники летным и инженерно-техническим составом строевых частей; 3) воспитательная работа и укрепление дисциплины; 4) подбор и расстановка кадров; 5) организация управления и взаимодействия. Рассказал он и о методах решения этих задач, явно адресуя эти советы новому Главкому: «…Обязанности у каждого из нас настолько обширны, что в голове всего не удержишь. Я никогда не требовал от своих подчиненных немедленного и точного ответа на любой вопрос. В практической работе иногда нужно доходить до рядового офицера или солдата, чтобы глубоко понять сложившуюся обстановку и объективно оценить состояние дела. Беседа с подчиненными должна проходить в спокойном тоне, без нажима со стороны старших по званию…» Одним словом, Константин Андреевич произнес очень умную и полезную для многих новых руководителей речь. После Вершинина выступил (по бумажке) маршал Кутахов, а за ним — генерал Мороз.

Когда после совещания я вместе с Вершининым спускался с четвертого на третий этаж, он задал мне трудный вопрос: «Скажи, кто из Главкомов ВВС уходил отсюда так, как я?» Хорошо зная судьбы всех высших руководителей ВВС, я ответил без промедления: «Только первый — Баранов». Все остальные Алкснис, Локтионов, Смушкевич, Рычагов, Новиков, Жигарев — снимались с поста Главкома в очень неприятной, тяжелой обстановке: трое из них — Алкснис, Смушкевич и Рычагов были расстреляны, а Новиков отсидел семь лет без суда и следствия. У Вершинина тоже было много неприятностей — его несколько раз отстраняли от должности, но все же он руководил ВВС дольше всех (14 лет) и сделал для развития нашей военной авиации больше, чем любой из его предшественников. Жаль, очень жаль расставаться с Вершининым, но… всему бывает конец.

18 марта.

Дважды был у нового Главкома и почувствовал, что он еще не научился организовывать свою работу: перегружая себя мелочами, не может сосредоточиться на главном. Кутахов приказал мне доложить завтра Военному совету о космических задачах ВВС на 1969–1970 годы и о предполагаемой расстановке руководящих кадров в НИИЦПК имени Гагарина. Сегодня я советовался по кадровым вопросам с генералами Морозом и Гудковым. Выяснилось, что у них, как и у меня, нет единого с Кутаховым мнения о кандидатурах Кузнецова, Титова и Масленникова.

Был у меня Георгий Береговой. Он в отпуске, но отдыхать никуда не поехал и много выступает на встречах с общественностью. Сегодня он, Коряков, Кучумов и Денисенко выезжают в Винницу на празднование 25-летия со дня освобождения города. Винничане приглашали и меня на праздник (5-й ШАК, которым я командовал во время войны, получил наименование «Винницкий»), но врачи настоятельно рекомендовали мне не ездить. Полковник в отставке В. Н. Коряков на днях был у меня, и я уговорил его поехать вместе с Береговым в Винницу (Коряков командовал штурмовым авиаполком, в котором служил Береговой). Последние четыре года он работал шофером грузовика, развозя кирпич по новостройкам Москвы. Я всегда восхищался Коряковым — гвардии полковником, Героем Советского Союза, в 63 года добровольно взявшим на себя такой тяжелый труд, — и он продолжает оставаться достойным восхищения.

20 марта.

Снова был у И. И. Брянова — он сделал мне еще одну пункцию. Мое общее самочувствие заметно улучшается, головные боли прекратились.

Вчера я докладывал Военному совету об объеме космических работ, выполняемых ВВС в 1969 году, и о задачах на 1970 год. Началось с того, что новый Главком, войдя в зал заседаний, с ходу спросил меня: «Товарищ Каманин! А где же схемы к вашему докладу?» Я ответил, что схем не готовил, но и без них могу доложить по всем основным вопросам подготовки и

осуществления пилотируемых космических полетов. В течение 50 минут я довольно подробно рассказал о ходе создания и испытаний шести типов пилотируемых КЛА космических летательных аппаратов «Союз», Л-1, Л-3, «Алмаз», ВИ и «Спираль», — а также о программах и возможных датах полетов, о подготовке космонавтов и тренажерах, о строительстве объектов испытательной базы и пр.

В докладе я утверждал, что по пилотируемым космическим полетам мы отстаем от США на два-три года, что у американцев есть реальная возможность высадить людей на Луну уже в этом году, а у нас нет оснований планировать лунную экспедицию хотя бы на 1970 год (очень плохо обстоят дела с комплексом Н-1 — Л-3).

Я обратил внимание маршала Кутахова и всех членов Военного совета на необходимость заказа 10 новых кораблей «Союз»: если их строительство будет приостановлено на «Союзе» № 20 (летали № 1-13), то это приведет к тому, что со второй половины 1970 года и весь 1971 год в СССР не будет кораблей для осуществления пилотируемых полетов.

В ходе обсуждения доклада мне было задано множество вопросов. Главное, что беспокоило присутствующих — это военное использование космического пространства, методика и сроки подготовки космонавтов к полетам, вопросы строительства и тренажеры. В связи с тем, что члены Военного совета были мало знакомы с космической тематикой, решили считать мой вчерашний доклад «информационным» и обязали меня подготовить к 15 апреля новый доклад с подробным анализом основного вопроса: как обстоит дело с военным применением КЛА и что должны предпринять ВВС для лучшей организации использования космоса в целях обороны?

После обсуждения моего доклада генерал Гудков доложил наши совместные предложения по формированию руководящего состава НИИЦПК. Военный совет принял решение: освободить генерала Н. Ф. Кузнецова от обязанностей начальника ЦПК и назначить начальником НИИЦПК имени Ю. А. Гагарина генерала Г. Т. Берегового. Заместителем Берегового утвержден Николаев,

начальником 1-го управления — Беляев, а его заместителем — Леонов. Начальниками отделов назначены Шаталов, Попович, Быковский и Титов. Утверждены наши предложения и по замещению других должностей (до начальников отделов включительно).

27 марта.

Исполнился ровно год со дня гибели Гагарина. В 9 часов утра у Кремлевской стены собрались родственники и друзья Юрия Алексеевича. Валентина Ивановна, космонавты, секретари ЦК ВЛКСМ (в том числе бывший первый секретарь ЦК С. П. Павлов) принесли к урне с прахом Гагарина живые цветы. Потом все поехали к монументу «Космос» и на аллее Героев возложили цветы к бюстам Королева, Гагарина и Комарова.

Во второй половине дня были в Центре, смотрели кинофильм о Гагарине. В 20:30 Валентина Ивановна пригласила космонавтов и близких Юрия Алексеевича на вечер его памяти.

28 марта.

Рано утром меня вызвал Кутахов и приказал: «Передачу дел от Кузнецова Береговому прекратить, оба мои приказа по этому вопросу возвратить мне». Приказание было предельно ясным, я ответил: «Есть!» — и приступил к его реализации.

Первые дни работы Кутахова в роли Главкома принесли уйму неприятностей. Кутахов нервничает и мечется, как загнанный заяц. До заседания Военного совета ВВС 19 февраля он высказывался за оставление генерала Кузнецова на должности начальника Центра, а на заседании голосовал за смещение Кузнецова и назначение на его место генерала Берегового. На второй день после Военного совета Кутахов отказался подписывать приказ о назначении Берегового, а еще через день подписал и его, и приказ о назначении комиссии по сдаче и приему дел. Оба эти приказа были объявлены всему офицерскому составу Центра, Кузнецов приступил к сдаче дел… и вот поступает новый приказ: «Стоп, дать задний ход».

Подобные действия очень плохо аттестуют нового Главкома — они мешают работать и еще больше осложняют и без того тяжелую обстановку вокруг нашей космической программы. А

то, что обстановка эта действительно тяжелая, лишний раз подтверждается последним событием на космодроме. Вчера должен был состояться пуск межпланетной станции М-69 («Марс-69»), и он состоялся, но… отказала третья ступень ракеты УР-500К — станция упала и разбилась. Это уже пятая (и четвертая подряд) авария лунной ракеты. На фоне пяти успешных стартов американского носителя «Сатурн-5» аварии наших лунных ракет УР-500К и Н-1 выглядят особенно неприятно.

Сегодня получил письмо начальника Генерального штаба маршала Захарова. Он пишет (в ответ на письмо Вершинина), что заказывать дополнительно 10 кораблей «Союз» нецелесообразно из-за недостаточной их ценности в военном отношении. Маршал Малиновский на аналогичные наши просьбы о заказах «Востоков» и «Восходов» отвечал лаконично и предельно выразительно: «Военного значения эти корабли не имеют, заказывать их не будем». Таков же по существу и ответ маршала Захарова, который до сих пор не понял, что готовые военные космические корабли с неба не падают, что их надо готовить многими полетами «кораблей, не имеющих военного значения». В прошлом (1966–1968 годы) мы уже имели длительный перерыв в пилотируемых полетах из-за близорукой политики Малиновского и Захарова. Сегодня продолжается та же политика, способствующая дальнейшему увеличению преимущества США в использовании космоса в военных целях.

29 марта.

Маршал Кутахов, члены Военного совета, генералы и офицеры Главного штаба ВВС просмотрели три киноленты по космической тематике: «Аполлон-8», «Аполлон-9» и «Авиационно-космическая выставка 1968 года в Турине». Все были очень довольны возможностью посмотреть эти фильмы (первые два из них мне удалось достать в американском посольстве через АПН).

31 марта.

Весь день провел в Центре имени Гагарина: занимался в основном кадрами, беседовал с Николаевым, Титовым,

Леоновым и другими. В связи с отменой приказа о назначении Берегового начальником НИИЦПК здесь сложилась очень нездоровая обстановка, все ходят опустив голову. В соответствии с директивой Главного штаба ВВС о переходе Центра на новый штат с 25 марта около 30 человек уже переведены на руководящие должности, нет только приказа маршала Кутахова о назначении начальника НИИЦПК. Поскольку решение Военного совета о нецелесообразности назначения на эту должность генерала Кузнецова остается в силе, Кутахов приказал генералу Гудкову подыскивать нового начальника из числа командующих воздушными армиями и их заместителей. Я не согласен с таким решением Кутахова: начальником Центра должен быть космонавт, побывавший в космосе, — кто-либо другой на этой должности будет поставлен в тяжелейшие условия и не справится с работой. Зная, что подавляющее большинство личного состава Центра настроено против Кузнецова, я все же считаю возможным временно оставить его начальником НИИЦПК при условии, что первым заместителем у него будет Береговой.

1 апреля.

Обсуждали у Кутахова проект решения Совета Министров по созданию единой базы строительства космических тренажеров. Присутствовали Богданов (Совмин), Горегляд, Фролов. Этот проект уже больше года «маринуется» в аппарате Совмина. За это время его завизировали полтора десятка министров, осталось добиться лишь визы министра авиационной промышленности П. В. Дементьева. Дементьев и его заместителя Кобзарев и Казаков обещали мне завизировать проект, но своих обещаний не выполнили. Цель сегодняшней встречи с Кутаховым состояла в том, чтобы он согласился оказать давление на Дементьева, но вместо этого новый Главком занялся критикой подписанного Вершининым проекта с предложениями ВВС. Придется мне при встрече один на один «учить» маршала Кутахова уму-разуму: не следует при посторонних критиковать документы, подписанные Главкомом ВВС. Сегодня я еще раз сам разговаривал с Дементьевым — он

не хочет, чтобы МАП занималось космическими тренажерами, и готов с удовольствием передать группу Даревского в МОМ. Но министр Афанасьев не желает принимать «голенького» Даревского и ждет, когда тот «обрастет мясом» (здание, оборудование, кадры).

По моему настоянию Кутахов подписал сегодня приказ о назначении генерала Н. Ф. Кузнецова временно исполняющим должность начальника НИИЦПК. Я считаю, что после того, как министр обороны не согласился с выдвижением на эту должность Берегового, такой вариант будет меньшим злом, чем назначение любого нового кандидата (я надеюсь, что в сложившейся обстановке Кузнецов будет стараться работать лучше, чем до сих пор). Было бы целесообразно на один-два года оставить Кузнецова на своем месте, а потом заменить его Береговым или Беляевым. Одним словом, я буду принимать все меры к тому, чтобы не передавать вновь власть в Центре «варягам», а растить руководителей из числа самих космонавтов.

2 апреля.

На космодроме новая большая неприятность: сегодня при попытке пуска ракеты УР-500К со станцией М-69 произошла авария — ракета упала в двух километрах от старта из-за отказа ее первой ступени. Это уже шестой аварийный пуск лунной ракеты. Вся программа полетов АМС к Марсу, запланированных на этот год, сорвана. Станций М-69 у нас больше нет: первая разбилась 27 марта, а вторая — сегодня. Остается еще довольно большая программа полетов к Луне (10–12 пусков УР-500К и Н-1), но из-за малой надежности ракет нет никакой уверенности, что мы добьемся больших успехов во второй половине 1969 года.

Побывал в Центре. Прибывший на должность начальника штаба НИИЦПК генерал-майор Пашков произвел на меня благоприятное впечатление.

Договорился с Мишиным и Дементьевым о поездке Шаталова и Елисеева в Париж на выставку авиационно-космической техники.

4 апреля.

В Главный штаб прибыл и приступил к исполнению обязанностей первого заместителя Главкома ВВС генерал-полковник Ефимов Александр Николаевич. До перевода в Москву он около четырех лет командовал Львовской Воздушной армией. Сегодня, беседуя с Ефимовым более трех часов, я убедился, что новые масштабы работы ему совершенно незнакомы. Думаю, для «ввода в строй» Ефимову потребуется не меньше года, но хочется верить, что из него выйдет хороший первый заместитель Главкома.

7 апреля.

Вместе с Береговым, Шаталовым, Волыновым, Хруновым и Елисеевым 5 и 6 апреля был в Калуге. Нас разместили на обкомовской даче, расположенной на высоком лесистом берегу Оки. Первый секретарь обкома Андрей Андреевич Кандренков и председатель облисполкома Александра Ивановна Демидова — очень обаятельные люди, сделавшие все возможное для того, чтобы наше пребывание в Калуге было интересным и неутомительным. Мы побывали в домике Циолковского, посетили Государственный музей истории космонавтики, носящий его имя. Оба музея произвели на космонавтов хорошее впечатление. Выходя из домика Циолковского, Георгий Береговой сказал: «Трудно представить, как в такой бедности, при скудных возможностях Константин Эдуардович мог заниматься глубокой творческой работой, предвидя на 50-100 лет вперед развитие науки и усилия человечества по освоению космоса». Музею истории космонавтики я передал на хранение подлинный бортжурнал Гагарина, на котором 12 апреля 1961 года он первым из людей написал первые слова в космосе. На лицевой стороне бортжурнала можно прочитать:

«9:33. Вошел в тень Земли. В иллюминатор ничего не видно.

9:42. В тени. Самочувствие хорошее. Слышу «Амурские волны». Связи с Землей нет. Слышу позывные ВС-1» («Весна-1» — позывные наблюдательно-измерительного пункта в Хабаровске. — Ред.).

На обратной стороне бортжурнала Гагарин записал ответы на вопросы:

«Можно ли определить вращение космического корабля?» — «Да».

«Виден ли горизонт?» — «Виден хорошо».

«Чувствуется ли скорость полета космического корабля?» — «Да».

Кроме подлинника гагаринского бортжурнала я передал музею копии бортжурналов Титова, Комарова, Феоктистова и Егорова.

Вечером каждый из нас выступил на торжественном заседании, посвященном Дню космонавтики. В конце заседания было объявлено решение Калужского городского совета о присвоении Каманину, Береговому, Шаталову, Волынову, Хрунову и Елисееву званий почетных граждан Калуги. Председатель горисполкома вручил каждому из нас диплом, ключ от города и ленту через плечо с надписью «Почетный гражданин Калуги». Уже четыре города — Братислава, Пловдив, Рига и Калуга избрали меня своим почетным гражданином.

9 апреля.

Вчера до 8 часов вечера был в Центре вместе с генерал-полковником А. Н. Ефимовым. Я уже провел с ним несколько бесед, он очень добросовестно знакомится с нашими космическими делами, а вчерашнее посещение Центра стало для него первым практическим «выходом в реальный космос». На космонавтов и руководящих работников НИИЦПК он произвел хорошее впечатление. Будем надеяться, что мы не обманемся в наших первых впечатлениях о Ефимове. Александр Николаевич вдумчив и нетороплив в высказывании мнений и принятии решений. Одним словом, первый заместитель нового Главкома — прямая противоположность своему начальнику, с которым, кстати сказать, у меня вчера была небольшая стычка. Кутахов решил оказать нашей космонавтике свою первую «большую услугу» — отобрать шесть единиц из штата моего аппарата. Споря с маршалом Кутаховым и пытаясь добиться отмены этого решения, я доказывал ему, что сокращать и без того мизерный

аппарат нельзя. В споре со мной Главком вынужден был пойти на уступки и отобрал вместо шести всего две единицы.

Сегодня Кутахов подписал приказ о назначении генерала Г. Т. Берегового первым заместителем начальника НИИЦПК.

11 апреля.

В Кремле состоялось торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики. В этом году решением ФАИ день 12 апреля признан Международным днем авиации и космонавтики. На собрании были все космонавты, кроме Елисеева (он встречает этот праздник в Болгарии). С основным докладом выступил М. В. Келдыш. Доклад его был длинный и, мягко выражаясь, не совсем удачный. Хорошо выступил Владимир Шаталов. Впервые за все годы празднования Дня космонавтики на торжественном собрании не присутствовали Брежнев, Косыгин и Подгорный.

12 апреля.

Я, Быковский и Леонов были в городе Гагарине. На митинг, посвященный закладке памятника Ю. А. Гагарина, собралось чуть ли не все население города, приехали и руководители Смоленской области. Посетили семью Гагариных, побывали в избе, где прошли детские годы Юры. Мать — Анна Тимофеевна чувствует себя нормально, активно участвует в общественных мероприятиях, ведет большую переписку. Отец — Алексей Иванович — сильно постарел (ему уже 67 лет), систематически пьет. Братья и сестра Юрия производят хорошее впечатление.

17 апреля.

На днях вышла в свет книга маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» (издание АПН). Пожалуй, за всю свою жизнь я не припомню случая, чтобы еще какая-либо книга вызвала такой огромный общественный интерес: все хотят немедленно иметь ее у себя, длиннейшие очереди выстраиваются у книжных магазинов, хотя она туда еще и не поступала. С помощью председателя комитета по печати Н. А. Михайлова и генерального директора АПН Б. С. Буркова мне удалось достать 50 экземпляров книги для космонавтов и руководства ВВС.

Вчера вечером я внимательно просмотрел эту, бесспорно, очень интересную книгу. В ней много новых ценнейших материалов о ходе Великой Отечественной войны, в частности о роли И. В. Сталина в войне, так что громадный интерес широких масс к мемуарам маршала Жукова вполне оправдан. Обидно только за авиацию. Всем хорошо известно, что без авиации нельзя было бы победить в минувшей войне — это десятки раз справедливо подчеркивали Сталин, Жуков и другие наши военачальники. Но в этой своей книге Жуков невольно умаляет роль авиации в достижении победы. Описывая боевые действия, он подробно излагает ход событий на полях сражений, перечисляет общевойсковые и танковые армии, корпуса, дивизии, полки и даже батальоны, роты, батареи. Он показывает мужество и героизм наших пехотинцев, танкистов, артиллеристов, называя фамилии отличившихся солдат и офицеров. Все это правильно и уместно в такой книге, но было бы не менее правильно и уместно отразить в ней участие в боях и наших отважных летчиков. Автор, к сожалению, не сделал этого, ограничившись короткими фразами типа: «Войска 1-го Украинского фронта поддерживала 2-я Воздушная армия».

18 апреля.

Из Винницы во главе с секретарем обкома Леонтием Леонтьевичем Криворучко ко мне приехала целая делегация: Костюк В. А., Подчурская Е. А., Корицкий В. Ф., Соленый В. И. и Руденко Ольга Степановна. Делегаты вручили мне диплом, ленту и другие регалии почетного гражданина города Винницы. Этой высокой чести я удостоен в день 25-летия освобождения Винницы от фашистских захватчиков.

Герман Титов не ночевал сегодня дома. Вчера он по моему заданию проводил в Звездном деловую встречу с двумя киноработниками. Делом они занимались не больше часа, а потом отправились пить к Титову на квартиру. Около трех часов дня вся компания выехала в Москву на машине Германа. В Измайлове постовой задержал Титова за управление «Москвичом» в нетрезвом виде, но вызванный из ГАИ майор милиции отпустил его с миром, — компания добралась до

квартиры одного из киношников и пьянствовала там до утра. За последние три года это первый, но очень тяжелый срыв Титова. Он дважды пренебрегал требованиями приказа по гарнизону (без разрешения в Москву не выезжать, в нетрезвом состоянии за руль не садиться) и грубо нарушил режим космонавта. Я приказал генералу Кузнецову строго наказать Германа Титова.

19 апреля.

Два с лишним часа «просвещал» маршала Кутахова по проблемам космоса. В зале заседаний Военного совета, где проходила наша беседа, было развешено десятка два плакатов со схемами и таблицами, полностью отражающими состояние космических дел у нас и в США. Из плакатов явствовало, что Америка резко вырвалась вперед (все наши космонавты налетали в космосе около 900 часов, а астронавты США — чуть ли не в пять раз больше) и широким фронтом проводит исследования по использованию космического пространства в военных целях. Рассказав Главкому Кутахову о главных причинах нашего отставания — плохой работе промышленности и слабом руководстве освоением космоса со стороны Устинова, Смирнова, Пашкова и Келдыша, — я признал, что мы — работники ВВС (Вершинин, Руденко, Каманин, Пономарев) — не сумели доказать Генеральному штабу и министру обороны всю важность военных космических исследований: Малиновский, Захаров и Гречко палец о палец не ударили, чтобы помочь нам, а наоборот, глушили любую инициативу ВВС в этом вопросе. Кутахов остался доволен проведенной беседой. Думаю, что подобные встречи взаимно полезны.

25 апреля.

Вместе с группой офицеров был вчера в полку имени В. С. Серегина. Подробно ознакомился с состоянием летной работы и самолетным парком, с оборудованием аэродрома ангарами и служебными помещениями. Общее впечатление: полк медленно, но верно укрепляется, набирает силу и уже может решать основные задачи по летной подготовке космонавтов. Работа полка затруднена ремонтом главной взлетно-посадочной полосы длиной 3500 метров (сейчас для

полетов используется только двухкилометровая ВПП), а также строительством и ремонтом других аэродромных сооружений. В самое последнее время полк получил значительные площади для размещения классов, тренажеров и различных служб, которое может быть завершено к середине мая. Командир полка полковник Алексеев производит хорошее впечатление, правда, его попытки руководить полетами не с командно-диспетчерского пункта, а с полкового КП не делают ему чести. А вот начальник штаба полка полковник Ремезов — работник слабый, придется его менять.

26 апреля.

В состоявшемся вчера заседании Госкомиссии по «Союзам» участвовали Керимов, Тюлин, Мишин, Глушко, Казаков, Карась, Бушуев, Шабаров, Мельников, Спица, Рязанский и другие.

Заслушали сообщения Шабарова и Коржиневского о причинах нештатного разделения отсеков «Союза-5» при спуске его с орбиты в полете Волынова 18 января. На корабле «Союз» имеются 102 замка, обеспечивающих необходимую жесткость конструкции в местах соединения отсеков. Отказ хотя бы одного из этих замков может вызвать задержку разделения. В результате проведения большого комплекса исследований и испытаний проверены десятки возможных вариантов отказов и задержек. Установлено, что для нормального разделения отсеков достаточно силы в 70 килограммов, но пиропатроны могут иногда создавать и большее усилие, вызывающее заклинение основного замка. По-видимому, именно такой случай и имел место при спуске «Союза-5».

Рассмотрели программу полетов со стыковкой кораблей «Союз» от № 14 до № 20 и наметили сроки их пусков: № 14, 15 и 16 — август 1969 года; № 17 и № 18 ноябрь; № 19 и № 20 — февраль-март 1970 года. Утвердили состав экипажей трех кораблей для совместного полета в августе: Шонин, Кубасов («Союз-14»); Филипченко, Волков, Горбатко («Союз-15»); Николаев, Севастьянов («Союз-16»). Дублерами назначили Куклина, Гречко и Колодина. Продолжительность полетов кораблей № 14, 15 и 16 составит от 4 до 5 суток, причем после

выполнения стыковки «Союза» № 15 с «Союзом» № 16 они двое-трое суток будут летать в режиме орбитальной станции. В полетах последующих кораблей продолжительностью от 15 до 16 суток будет использоваться новая СЖО и будет испытана новая система стыковки, разрабатываемая для корабля Л-3. Программой полетов предусмотрено проведение ряда важных экспериментов:

1. Визуальная засечка экипажами пусков ракет («Свинец»).

2. Фото- и киносъемка экипажем «Союза» № 14 с расстояния 400–300 метров состыкованных кораблей № 15 и № 16 («Инспекция»).

3. Сварка в невесомости («Вулкан»).

4. Автономная навигация («Секстант»).

5. Радиосвязь на средних волнах.

6. Проверка новых телевизионных датчиков для системы ориентации.

8 мая.

Почти две недели не прикасался к дневнику — не было никакого желания написать хотя бы несколько строк. Более того, часто за эти дни ловил себя на мысли все бросить и «убежать» от дел на дачу.

Три-четыре года назад я писал в дневнике, что наша космическая программа под руководством Мишина, Келдыша, Пашкова, Смирнова и Сербина зайдет в тупик, что мы отстанем от США и будем переживать большие неприятности. Эти черные дни настали: американцы уже слетали на лунную орбиту и энергично готовятся к высадке людей на Луну в июле этого года. Надо отбросить все иллюзии относительно возможных срывов американских планов, надо признать, что вероятность успеха США в высадке людей на Луну значительна. А наши возможности осуществления лунной экспедиции в ближайшие 2–3 года почти нулевые.

Вчера В. А. Шаталову предстояло встретиться с японскими корреспондентами. Перед встречей Шаталов приехал ко мне посоветоваться об ответах на ряд возможных острых вопросов: «Когда русские космонавты полетят на Луну? Почему Советский

Союз уступает США первенство в космических полетах? Когда и каким будет очередной полет русских? Какими достижениями в космосе будет отмечено 100-летие со дня рождения Ленина?» Эти и другие подобные им вопросы ставят космонавтов в очень затруднительное положение.

Сказать открыто всю правду о наших провалах и ошибках мы не можем приходится крутиться вокруг да около, пытаясь изобразить хорошую мину при плохой игре. Для меня лично, помимо больших неприятностей с полетами, дело усугубляется сменой начальства. Я не ошибся в своих прогнозах о Кутахове, когда писал, что Вершинина из Кутахова никогда не получится, а сейчас к этому можно еще добавить, что ему будет трудно хотя бы удовлетворительно выполнять роль Главкома ВВС. Он очень горяч, постоянно торопится, нервничает, дергает и унижает подчиненных, принимает поспешные, необдуманные решения и легко от них отказывается. По любому пустяковому вопросу он готов внести десятки поправок и пытаться навязать свое мнение. Работать с Вершининым было приятно. Работа с Кутаховым — взаимная трепка нервов.

12 мая.

В субботу 10 мая выступал на Военном совете ВВС с докладом на тему: «Состояние и перспективы развития военных исследований в космосе». Обратив внимание членов Военного совета на значительное отставание СССР от США в этой области космических исследований, я настойчиво убеждал их в необходимости дополнительного заказа 10–12 кораблей «Союз»: корабль 7К-ВИ и станция «Алмаз» будут готовы к полетам не раньше 1972 года, а последний из семи имеющихся «Союзов» должен быть использован в первом квартале 1970 года, так что в течение почти двух лет нам не на чем будет летать в космос. Главком Кутахов вначале категорически возражал против дополнительного заказа «Союзов», но после выступлений Мишука, Ефимова, Мороза и других членов Военного совета, поддержавших мое предложение, он вынужден был замаскировать свою позицию, поручив специальной комиссии во главе с Ефимовым еще раз изучить сложившуюся обстановку и

подготовить доклад министру обороны. Впервые я предложил сделать дополнительный заказ кораблей «Союз» в октябре прошлого года — тогда это было абсолютно правильное предложение. Таким оно остается и сегодня. Но пройдут еще два-три месяца, и это предложение может устареть. Скорее всего, так и будет.

Кроме основного доклада о военной космонавтике я доложил Военному совету и о том, как нами выполняется приказ министра обороны № 003 от 7 января 1969 года (содержание приказа автор не раскрывает. — Ред.). По ходу обоих докладов Кутахов задавал много вопросов и высказывал неудовлетворение работой НИИЦПК и моего аппарата. Наскоки Главкома были необоснованными, и я в довольно резкой форме отбивался от них. Кутахов обозлился, но он, видимо, понял, что меня голыми руками не возьмешь. Короче говоря, мне едва ли удастся сработаться с новым Главкомом, и я все чаще склоняюсь к мысли об уходе в отставку. Сегодня, например, генерал Мороз приказал мне выехать с космонавтами в Ленинград 13 мая, а Кутахов возражает против поездки. Два начальника не могут договориться между собой, ставя подчиненного перед необходимостью не выполнять приказ одного из них.

Стал редко писать в дневник. Наверное, пришла пора забросить его совсем.

16 мая.

Двухдневная поездка в Ленинград с космонавтами Береговым, Шаталовым, Волыновым, Хруновым и Елисеевым все же состоялась. В 10:00 14 мая нас принял в Смольном первый секретарь Ленинградского обкома партии Василий Сергеевич Толстиков. Побывали в комнате Ленина и в актовом зале Смольного, где в ночь на 26 октября 1917 года (по старому стилю) Ильич объявил о победе пролетарской революции. Кроме меня и Шаталова, никто из ребят в Ленинграде раньше не был — пришлось показать им памятник Ленину у Финляндского вокзала, крейсер «Аврора», Петропавловскую крепость, Марсово поле, Эрмитаж, Зимний дворец, памятник Петру I, Исаакиевский собор и другие исторические места города. Посетили мы и

Пискаревское кладбище, где в годы блокады Ленинграда было захоронено более полумиллиона его жителей. Это кладбище стало самым крупным на планете захоронением людей (за 900 дней обороны города), здесь особенно остро вновь и вновь переживаешь всю тяжесть наших потерь в годы войны.

В тот же день вечером все космонавты и я выступали на партактиве округа в Доме офицеров, а также на собрании трудящихся города в Таврическом дворце. С 21 до 23 часов ужинали на обкомовской даче (бывшая дача купца Елисеева) вместе с ленинградскими руководителями. В. С. Толстиков и другие товарищи высказали космонавтам и мне много теплых приветственных слов и добрых пожеланий. 15 мая я выступал сначала с Волыновым и Хруновым на Металлическом заводе, а потом с Береговым и Елисеевым — на встрече с курсантами высших военных училищ в Петродворце. Шаталов и Елисеев побывали на «Электросиле». Затем Шаталов выступал перед школьниками и пионерами города. Береговой встречался с моряками Балтики и с летчиками Сиверского гарнизона. Все космонавты выступали не по запискам и устанавливали хорошие контакты со слушателями, умело ориентируясь в обстановке и интересах аудитории.

17 мая.

Вчера в атмосферу Венеры вошла наша АМС «Венера-5», а сегодня «Венера-6». Полет от Земли до Венеры продолжался 130 суток.

Сегодня был в Центре. Проверил ход подготовки группы «Союз», более трех часов беседовал с Николаевым, Шониным, Филипченко, Горбатко, Кубасовым, Волковым и Гречко. Пока подготовка космонавтов этой группы идет строго по графику.

19 мая.

Все наши газеты уже три дня трезвонят о «новом колоссальном успехе СССР в космосе» — входе в атмосферу Венеры межпланетных станций «Венера-5» и «Венера-6». Успех, бесспорно, есть, но он не может затмить еще больший успех США — начавшийся вчера полет «Аполлона-10» к Луне. Это второй пилотируемый полет американцев на окололунную

орбиту. Командир «Аполлона-10» Томас Стаффорд и второй пилот Джон Янг уже дважды побывали в космосе до этого полета, а пилот лунной кабины Юджин Сернан — один раз. Полет «Аполлона-10» это генеральная репетиция перед высадкой на Луну астронавтов в июле 1969 года, но «Правда» ничего о нем не написала, а радио ограничилось очень коротким сообщением без комментариев. Впрочем, я ошибся: «Правда» сегодня напечатала несколько строк о полете «Аполлона-10», но, конечно, не на первой странице, как он того заслуживает.

20 мая.

«Аполлон-10» успешно продолжает полет к Луне. Об этом выдающемся полете у нас пишут мало, зато прожужжали уши успехами на Венере, хотя даже пионерам ясно, что значение полета «Аполлон-10» в десятки раз весомее полетов всех наших «Венер».

Мы пришли к логическому концу — полному провалу нашей программы полетов на Луну. Люди, виновные в этом (Мишин, Пашков, Смирнов, Сербин, Устинов, Келдыш), делают все возможное и невозможное, чтобы доказать, что мы и намерений не имели быть первыми на Луне, что полет людей на Луну — затея очень опасная, а мы, дескать, гуманные люди и не хотим подвергать наших космонавтов большому риску. Вся эта безудержная ложь может показаться правдой только в том случае, если американцы не смогут добраться до Луны на кораблях «Аполлон». Но анализ всех полетов кораблей этого типа подтверждает их очень высокую надежность. Нам, видимо, придется до конца испить горькую чашу наших неудач и быть свидетелями выдающегося триумфа США в освоении Луны.

Сегодня я написал и отправил в ЦК КПСС характеристику на генерала Н. Ф. Кузнецова с выводом о том, что его нельзя утверждать в должности начальника НИИЦПК (маршал Кутахов с таким выводом согласился).

21 мая.

Беседовал с генерал-полковником С. Ф. Ушаковым о новых руководителях ВВС (Кутахов, Ефимов, Мороз). Стремление нового руководства навести порядок в частях, чтобы в два-три

раза сократить число летных происшествий, вполне понятно и обоснованно. Но, поставив перед собой и подчиненными в основном правильные задачи, «молодые» руководители спешат, нервничают, недостаточно согласуют между собой свои решения и часто излишне много уделяют внимания мелочам, забывая о главном. По этим же вопросам говорили со мной Пономарев, Мишук, Матвеев и Фролов. Все очень недовольны резкостью и горячностью Кутахова, которые особенно бросаются в глаза тем, кто долгие годы работал с К. А. Вершининым. Константин Андреевич был очень мудрым, вдумчивым, дипломатичным руководителем. Новому Главкому пока явно не хватает этих высоких качеств, но будем надеяться, что и он со временем чему-нибудь научится. Кутахову очень нужны мудрые советники, какими должны были бы стать начальник Главного штаба Брайко и член Военного совета Мороз, но и тот и другой — плохие советчики. Генералы Ефимов, Мишук, Ушаков и Остроумов могли бы во многом помочь новому Главкому, но он не проявляет желания прислушиваться к их мнениям и советам.

24 мая.

Вчера экипаж «Аполлона-10» завершил основные операции на селеноцентрической орбите. 22 мая примерно в 18 часов московского времени астронавты Стаффорд и Сернан перешли из корабля в лунный модуль. В 22:10 лунный модуль отделился от «Аполлона-10», на борту которого остался Джон Янг. Стаффорд включил двигательную установку лунного модуля и перевел его на эллиптическую орбиту. Лунный модуль дважды приближался на 15 километров к поверхности Луны, после чего 23 мая в 6:11 он был состыкован с «Аполлоном-10». Астронавты утверждают, что с высоты 15 километров поверхность Луны выглядит сильно пересеченной (кратеры, камни, трещины). Цвет поверхности в основном бурый, но много участков и серого цвета от светлого до темного тонов. В глубине многих кратеров астронавты наблюдали свечения, возникающие, по всей вероятности, в результате распада радиоактивных веществ типа урана.

Сегодня «Аполлон-10» отправится в обратный рейс к Земле. Будем надеяться, что 26 мая отважные астронавты благополучно приводнятся в Тихом океане. Полет «Аполлона-10» — крупнейший шаг в деле освоения Луны и развития в будущем межпланетных сообщений. Полет еще не закончен, но самые трудные его этапы уже позади, и поэтому можно утверждать, что он подтверждает возможность осуществления экспедиций на Луну. Надо полагать, что ближайшее десятилетие станет периодом быстрого освоения Луны и создания на ней крупных баз различного назначения.

Американские газеты в эти дни много пишут о том, что освоение космоса это дело всего человечества, что достижения в космосе нельзя использовать только в национальных интересах США, России или любой другой страны. Мысли абсолютно правильные, но на этом пути и мы, и американцы наделали уже очень много ошибок. Наши взаимоотношения на Земле далеки от нормальных (и в этом виноваты не только американцы). Слишком велики взаимная подозрительность и недоверие: в сложившейся обстановке трудно приступить к объединению усилий в космосе. Но к такому объединению надо искать пути, и можно лишь приветствовать подобные высказывания отдельных американских ученых и обозревателей.

26 мая.

Главком Кутахов провел сегодня совещание руководящего состава ВВС с участием командующих воздушными армиями и ВВС округов. С докладом об итогах работы ВВС за первое полугодие выступил генерал Пстыго. По сравнению с тем же периодом 1968 года несколько возрос налет на одно летное происшествие (было 15600 часов, стало 21150), при этом число аварий и катастроф уменьшилось незначительно — с 40 до 37. Лучшие результаты за последние два года имеет 26-я Воздушная армия (командующий — генерал-полковник Жуковский). Хуже, чем у других, идут дела в 1-й, 15-й, 16-й и 73-й Воздушных армиях.

С заключительной речью выступил маршал Кутахов, и выступил, надо признать, удачно. Опыт работы командующим

одной из воздушных армий и многочисленные поездки в последний год по частям и учреждениям ВВС дали ему богатый материал для правильной в основном характеристики современного состояния наших Военно-воздушных сил. У нас, как справедливо отметил Кутахов, еще очень много недостатков: плохо обстоит дело с боевой подготовкой частей, гарнизоны бедны и неблагоустроенны (длительное время на содержание и развитие ВВС выделяли очень скудные средства, да и теперь не дают и пятой доли того, что необходимо), в частях растет число нарушений воинского порядка и дисциплины, ослабла воспитательная работа и требовательность командного состава, плохо работают штабы. Главком сказал, что руководитель любого ранга должен показывать личный пример в работе, повышать требовательность к подчиненным в наведении уставного порядка в частях и добиваться 100-процентного выполнения планов учебно-боевой подготовки. Многим из присутствовавших выступление Кутахова не понравилось, но я считаю, что в основном оно было правильным и полезным.

27 мая.

Вчера благополучно завершился полет «Аполлона-10». Он был, бесспорно, самым сложным из всех пилотируемых космических полетов, выполненных землянами к настоящему времени. Все, конечно, хорошо понимают, что без полета Юрия Гагарина и без выхода в открытый космос Алексея Леонова не было бы и полета к Луне «Аполлона-10», но для нас это очень слабое утешение. Мы имели все возможности сохранить лидерство в космических полетах, но утратили его из-за ошибок нашего руководства.

28 мая.

Был вчера на полетах в полку имени Серегина. После гибели Гагарина ни один из космонавтов не летал самостоятельно в течение 14 месяцев. Мне пришлось долго и упорно отстаивать необходимость полетов космонавтов на самолетах, против чего возражали многие высокие руководители. Еще больше времени ушло на создание в полку

условий для повышения безопасности полетов. Многое уже сделано: созданы специальные классы, установлены тренажеры, подготовлены более надежные самолеты, улучшено оборудование аэродрома, повышено качество методической подготовки инструкторов. Но какая-то степень риска при полетах все равно остается, и начальники всех рангов и званий страшатся ответственности за летные происшествия с космонавтами. Чтобы преодолеть эти перестраховочные настроения, пришлось мне самому поехать в полк, проверить подготовленность к вылету Германа Титова и выпустить его в самостоятельный полет. Титов слетал отлично. Сегодня он выполнил еще три полета. Начало положено, но для обеспечения регулярных полетов космонавтов предстоит еще многое сделать (основные трудности связаны с длительным ремонтом главной ВПП).

Сегодня впервые в этом сезоне играл в теннис с полковником Карпенко на стадионе имени Ленина.

30 мая.

Вчера Кутахов и Ефимов с большой группой генералов и офицеров ВВС вылетели на Дальний Восток — там в течение двух недель будет проводиться большое военное учение с целью проверить наши возможности, а заодно и попугать китайцев.

Вчера я присутствовал на заседании Госкомиссии под председательством Г. А. Тюлина. Доклады о результатах расследования последних трех аварийных пусков ракет УР-500К сделали академик Глушко, Главный конструктор Конопатов и академик Челомей. Все аварии произошли из-за отказа двигателей по производственным причинам. Челомей доложил, что из всех 13 пусков ракет УР-500К семь были аварийными. За первые семь пусков была одна авария, а все последние шесть пусков оказались аварийными. Установлено, что конструкция ракеты «не виновата» в происшествиях. Из семи аварий две произошли по вине разгонного блока Д (Главный конструктор Мишин), две — из-за отказа двигателей первой ступени конструкции Глушко, изготовленных на пермском заводе

(директор Субботин), и три — из-за отказа двигателей второй и третьей ступени (конструктор Конопатов, воронежский завод).

Все эти отказы — результат плохой работы заводов. На предприятиях много нарушений технологического процесса, слабая производственная дисциплина и низкая квалификация рабочих. Сравнительно легко можно устранить любой обнаруженный конструктивный дефект, но очень трудно повысить культуру производства, качество изготовления и надежность двигателей. Двигатели для всех трех ступеней имеющегося экземпляра ракеты УР-500К уже изготовлены, делались они теми же рабочими и в тех же условиях, что и аварийные двигатели. Хотя Челомей, Глушко, Конопатов и другие товарищи заверяли Госкомиссию, что гарантируют надежность очередных пусков УР-500К, верить этим заверениям трудно. По-видимому, мы еще будем иметь аварии при пусках ракет, пока не добьемся высокого качества работ, выполняемых на заводах.

На 14 июня назначен пуск ракеты УР-500К с «луночерпалкой» Е-8-5 (посадка на Луну, забор лунного грунта и возвращение спускаемого аппарата на Землю). Одна такая попытка уже окончилась неудачей.[1] Я не верю в успех этого эксперимента и при повторной попытке, но в принципе такая операция возможна, хотя она не может претендовать и на десятую долю того триумфа, который будет сопутствовать экспедиции людей на Луну.

Сегодня прочитал сообщение ТАСС о том, что американцы, готовя к полету на Луну корабль «Аполлон-11», больше всего боятся, как бы русские не опередили их с помощью автомата, который привезет на Землю пробы лунного грунта. Я думаю, что американцам нечего бояться: успешный полет «Аполлона-11» затмит все мыслимые успехи любого автомата, да и вероятность полного успеха полета Е-8-5 ничтожно мала.

2 июня.

После морозной зимы и холодной весны наступило хмурое лето: сегодня, как и вчера, температура не поднимается выше

10 градусов.

В субботу 31 мая был в Центре. В этот день Терешкова, Сергейчик и Пицхелаури защищали дипломные работы. Все трое защищались очень хорошо и получили дипломы с отличием. В комиссии было более десяти генералов (Филиппов, Волков, Матвеев, Кузнецов, Белоцерковский и другие), все они были приятно удивлены блестящей защитой Терешковой дипломной работы на тему: «Тормозная двигательная установка для орбитального самолета». Нет, не ошибся я в Вале Терешковой. Семь лет назад Валя была простой ткачихой, а теперь она не только первая женщина-космонавт, но и общественная деятельница высокого международного класса и эрудированный инженер. После защиты я поздравил Валю с большим успехом и посоветовал ей, как и шесть лет назад, побыстрее забыть высшую математику и механику и с головой уйти в общественно-политическую деятельность.

6 июня.

В Москве вчера открылось Международное совещание рабочих и коммунистических партий. Главная цель совещания, в работе которого участвуют представители 75 пролетарских партий, — укрепление единства в борьбе за мир и социализм. На совещании отсутствуют представители компартий Китая, Японии, Кореи, Югославии, Албании и ряда других стран.

Вчера в Центре совещались по вопросам развития учебно-тренажной базы НИИЦПК. В ходе обсуждения доклада начальника 2-го управления полковника Клишова выступили десять офицеров. Все выступавшие сошлись на том, что у нас пока еще очень бедная учебная база и нет узаконенных путей для ее развития (проект решения ЦК и правительства, разработанный нами два года назад, лежит без движения в ВПК). Я поставил руководству Центра задачу: уточнить и научно обосновать наши потребности в тренажерах на ближайшие 10 лет; во всех расчетах развития учебной базы и строительства служебных и жилых помещений исходить из того, что Центр должен быть в состоянии обеспечить подготовку не менее 500 космонавтов.

7 июня.

Состоялось решение ЦК и правительства о приглашении в СССР на июль 1969 года американского космонавта Фрэнка Бормана — командира корабля «Аполлон-8». Мне поручено подготовить программу пребывания Бормана в Советском Союзе и ее практическое осуществление. Я был против приглашения американского астронавта в момент ошеломляющих достижений США в космосе, но решение состоялось, и придется его выполнять. В народе растет большое недовольство тем, что СССР уступил лидерство в космосе, а теперь нам самим придется подогревать это недовольство встречами с американским астронавтом.

Нашим космонавтам сейчас все труднее и неприятнее проводить встречи с публикой. Их спрашивают: «Когда русские полетят на Луну? Почему США обогнали СССР в космосе?» Дать удовлетворительные ответы на подобные вопросы они не могут, и я делаю все возможное, чтобы до предела сократить встречи и поездки космонавтов. Добиться этого мне пока не удалось: Шаталов и Елисеев находятся в данное время в Париже, Хрунов готовится к поездке в Италию, Береговой и Терешкова поедут в Финляндию, предстоят еще поездки космонавтов в Польшу, ГДР, Афганистан, Перу и другие страны.

9 июня.

Вчера маршал Якубовский, я и космонавты (Терешкова, Титов, Николаев, Беляев, Леонов, Береговой, Хрунов, Шонин и Филипченко) принимали в Центре имени Гагарина польскую делегацию во главе с Владиславом Гомулкой, прибывшую в Москву для участия в Международном совещании коммунистических и рабочих партий. Делегацию сопровождали заместитель председателя Совета Министров Кириллин, генералы Ефимов и Чугунов. Береговой ознакомил гостей с комплексным тренажером «Союз», Николаев, Беляев и Леонов — с лунным и стыковочным тренажерами, а Терешкова угостила их «космическим» завтраком. Гости прошлись по служебной и жилой территориям Звездного, посетили Музей Гагарина, просмотрели кинофильм «Четверо на орбите». Во время обеда с

речами выступили космонавты, маршал Якубовский и Владислав Гомулка. Встреча прошла хорошо, Якубовский и Ефимов остались довольны ее организацией и программой.

10 июня.

Получил решение ВПК по уточненному графику пусков лунных автоматических станций до конца 1969 года. Пять пусков станций Е-8-5 с целью доставки на Землю лунного грунта планируется осуществить 14 июня, 13 и 28 июля, 25 августа и 25 сентября. Два пуска станции Е-8 для доставки на Луну самоходной тележки запланированы на 22 октября и 21 ноября.

Наши планы пилотируемого облета Луны на кораблях Л-1 провалились, а программа лунной экспедиции не выполняется из-за неготовности ракеты Н-1 и корабля Л-3. Провалилась с треском и первая попытка «перекрыть» рекордные полеты «Аполлонов» пусками большой серии космических автоматов на Луну, Марс и Венеру в первой половине 1969 года: пуски лунных и марсианских автоматов оказались безуспешными, и только «Венера-5» и «Венера-6» выполнили свои задачи. Остается лишь надеяться, что семь предстоящих пусков автоматических станций будут более удачными.

13 июня.

На состоявшейся 1 июня встрече Леонова с японскими журналистами ему было задано много каверзных вопросов о предстоящих полетах на Луну. Ответы Леонова были правильными и достаточно осторожными, что подтверждается всеми нашими корреспондентами, слышавшими их, а также докладной запиской о проведенной встрече самого Леонова. Однако японцы преподнесли в своих газетах интервью с Леоновым как «новое слово советского космонавта о лунной программе русских», согласно которой русские пилотируемые корабли или автоматические станции обязательно добудут и доставят на Землю «лунный камень» до марта 1970 года. Эти японские «сенсации» целую неделю пережевываются газетами США, Англии, Франции и других стран, и по этому поводу мне уже несколько раз звонили из ЦК. Как могу, отбиваю все нападки на Леонова.

Вчера Шаталов и Елисеев доложили о поездке во Францию. По их рассказам и отзывам министра Дементьева и нашего посла в Париже Зорина, она прошла вполне успешно: космонавты осмотрели достопримечательности Парижа, ознакомились с новинками авиационной и космической техники, встречались с экипажем «Аполлона-9».

14 июня.

Неприятности продолжаются. Сегодня при пуске станции Е-8-5 ракетой УР-500К произошел очередной (седьмой) срыв полета лунного автомата.

В данном происшествии ракета не виновата. Все три ступени УР-500К сработали отлично, но для выведения станции на орбиту должен был еще включиться разгонный блок Д. Это творение В. П. Мишина уже неоднократно подводило нас, отказало оно и в данном полете: не набрав орбитальной скорости, «луночерпалка» упала в океан. Таким образом, погибли уже две станции Е-8-5. У нас есть еще четыре таких станции, но вероятность успешной операции по доставке лунного грунта на Землю автоматами раньше американцев близка к нулю.

Каждый пуск ракеты УР-500К стоит 100 миллионов рублей. На автоматы мы тратим впустую уйму денег: если бы хоть половина израсходованных на них средств была выделена в свое время (в 1960 году) на обеспечение пилотируемых полетов, мы не были бы сейчас в таком тяжелом положении.

17 июня.

Вчера Звездный посетила делегация болгарской компартии во главе с Тодором Живковым. Болгарских товарищей сопровождали заместитель председателя Совета Министров И. В. Новиков (Госстрой СССР), заведующий отделом ЦК КПСС Н. Н. Органов и другие. От Министерства обороны гостей встречали маршал Якубовский, генералы Ефимов, Чугунов, Кузнецов и я. Космонавты Береговой, Николаев, Беляев, Титов, Шаталов и Хрунов ознакомили гостей с классами, лабораториями и тренажерами Центра (Живков даже посидел в комплексном тренажере «Союз»). Гости и наши начальники

остались довольны встречей, продолжавшейся более четырех часов. На обеде Тодор Живков сказал, что Болгария была и будет одним из самых верных союзников СССР. Он заявил буквально следующее: «Болгария хотела бы стать 16-й республикой Советского Союза, но кое-кто вне нашей страны считает, что сейчас неподходящая для рассмотрения этого вопроса международная обстановка». Живков пригласил меня и космонавтов посетить Болгарию в этом году. Из наших космонавтов там еще не были только Береговой, Шаталов, Волынов и Хрунов.

18 июня.

Накануне был у Георгия Николаевича Пашкова — заместителя Л. В. Смирнова по космическим исследованиям. Говорил с ним о проекте правительственного решения по развитию учебно-тренажной базы НИИЦПК. Когда я рассказал Пашкову о том, что разработанный нами проект такого решения уже около двух лет лежит без движения в канцелярии ВПК, он сначала сделал удивленное лицо, но потом вызвал Царева и Бобырева и дал им задание закончить согласование проекта до 26 июня.

Сегодня Мишин и я подписали уточненный список кандидатов в состав экспедиции на Луну (Леонов, Быковский, Воронов, Хрунов, Елисеев, Макаров, Рукавишников, Пацаев). Мишин считает, что до конца 1970 года мы сумеем высадить людей на Луне. Убежден, что этот прогноз Мишина не оправдается. Афанасьев и Мишин пытаются модернизировать ракету Н-1, но на это потребуется 3–4 года, а она давно уже морально устарела. На 3 июля намечен второй пуск ракеты Н-1. Будет большим чудом, если она полетит, но даже это «чудо» не прикроет существенно наше большое отставание от США.

19 июня.

Получил сообщение от нашего посла в США Добрынина о том, что Фрэнк Борман с женой и двумя сыновьями прибудет в СССР 1 июля. Борман высказал пожелание возвратиться в Америку 10 июля, так как в последнее время он работает в Белом доме по политическому обеспечению лунных полетов и

хотел бы быть на своем рабочем месте в момент полета «Аполлона-11» с целью высадки людей на Луну. Для нас удобнее принимать Бормана до полета «Аполлона-11», поэтому мы с удовольствием дали согласие на встречу Бормана в Москве 1 июля.

Программой пребывания Бормана в СССР предусматривается посещение Москвы, Ленинграда и Крыма и проведение встреч с учеными, космонавтами, журналистами. Из космических объектов мы покажем ему только НИП в Евпатории и жилой городок Центра имени Гагарина. Пока не решено, будет ли Борман принят кем-нибудь из руководителей страны (Германа Титова в 1962 году принимал президент США Джон Кеннеди). Фрэнк Борман заслуживает быть принятым на самом высоком уровне, и я буду добиваться, чтобы такой прием состоялся. Министр Гречко уже согласился с моим мнением и будет докладывать Косыгину о целесообразности встречи с Борманом. Многие ответственные руководители беспокоятся об организационных вопросах визита Бормана (размещение, охрана, питание, транспорт, деньги на подарки и прочее). По всем этим вопросам мне звонили начальник Генерального штаба маршал Захаров и Н. В. Попова из Союза обществ дружбы (СОД). Руководители МИД, СОД и МО не хотят заниматься ими, а управление Совета Министров согласно лишь оплачивать расходы. Нина Васильевна Попова проявила завидную энергию, оказывая нажим на маршала Захарова, но тот ничего не стал решать сам, а приказал мне убедить Попову в том, что прием Бормана это не дело Министерства обороны (хотя в решении ЦК записано, что организация этого приема возлагается на МО). Завтра мне предстоит малоприятная встреча с маршалом Захаровым.

Сегодня беседовал с Главкомом Кутаховым о наших космических делах. Беседа прошла вполне успешно и обошлась без обычных взаимных колкостей пожалуй, впервые между нами состоялся хороший деловой разговор. Кутахов подписал письмо маршалу Гречко о наборе 30 космонавтов и одобрил программу визита Бормана.

20 июня.

Был сегодня у маршала Захарова. Маршал рассмотрел программу пребывания Бормана в СССР и согласился с ней.

При мне Захарову звонил заместитель председателя Госплана и просил его дать согласие на финансирование строительства ряда космических объектов по смете Министерства обороны. Захаров ответил категорическим отказом, мотивируя его тем, что финансировать эти объекты должны Академия наук и гражданские министерства. Закончив разговор по телефону, маршал, обращаясь ко мне, сказал: «Ваш космос у меня в печенках сидит… У нас не хватает средств на свои нужды, а Академия наук, Министерство связи и другие гражданские организации пытаются нас доить. Дудки! Больше этого не будет ни копейки не дадим!»

1 июля.

Сегодня в Москву прилетает американский астронавт Фрэнк Борман с женой и двумя сыновьями (одному сыну пятнадцать лет, другому — семнадцать).

Разговоров, переговоров и согласований программы пребывания Фрэнка Бормана в СССР было больше, чем требовалось. Наконец программа была утверждена, но вчера состоялся разговор с секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым, который внес в нее существенные поправки и рекомендовал не организовывать массовых встреч и резко ограничить сообщения о пребывании Бормана в стране. Суслов сказал, что пока нет намерений принимать Бормана кем-либо из руководителей страны; все они выступают сейчас с докладами об итогах Московского совещания коммунистических и рабочих партий: Брежнев — в Днепропетровске, Косыгин — в Новосибирске, Подгорный — в Ленинграде. Я был против приезда Бормана в июле, но правительство приняло такое решение и поручило нам разработать программу визита. Сейчас, когда программа утверждена и доведена до исполнителей, ее сокращают и выхолащивают. Это вторая ошибка руководства: если уж пригласили Бормана приехать в СССР, то и принимать его надо

как выдающегося астронавта, а не как представителя агрессивной Америки.

Борману безумно везло в космосе, а вот при поездке в СССР везение ему явно отказало. Американский самолет «Боинг» должен был сегодня приземлиться в Шереметьеве в 13:55, но самолет не прилетел. Оказывается, один из двигателей самолета отказал, и экипажу пришлось произвести вынужденную посадку в Канаде. Пока нет точных данных о времени прилета Бормана, но ясно уже, что программа его поездки по СССР будет пересматриваться и сокращаться (по-видимому, придется отменить посещение Новосибирска, а может быть, и Ленинграда). С аэродрома Шереметьево звонил Е. И. Рябчиков — там собралось множество представителей печати, радио, кино и телевидения: все ждут прилета Фрэнка Бормана. Выезд на аэродром космонавтов Берегового, Титова и Феоктистова я задержал.

Сегодня заседал Военный совет ВВС. Только в июне этого года в частях произошло в четыре раза больше происшествий, чем за июнь 1968 года. За один месяц случилось три столкновения самолетов в воздухе (двух Ан-12, одного Ан-12 с Ил-14 и двух Ту-22), в результате которых погиб 131 человек. Маршалу Кутахову крепко не повезло: он очень много работает и делает немало полезного (за какие-нибудь два месяца сильно подтянул центральный аппарат), но все его усилия пока не сказались на состоянии дел в частях.

2 июля.

Борман с семьей прилетел в Москву только сегодня в 7:40. Оказалось, что при подлете к Копенгагену и на другом самолете обнаружилась неисправность отказали три важных контрольных прибора. На аэродроме Шереметьево семейство Бормана вместе со мной встречали Береговой, Феоктистов и Титов с женой Тамарой. От Союза обществ дружбы во встрече участвовали Горшков, Муравьев и другие товарищи. От посольства США были посол и два его сотрудника. Было человек тридцать иностранных корреспондентов, а наших было мало: видимо,

наша пресса получила команду не сообщать широко о прибытии американского астронавта.

Фрэнк Борман, его жена и оба сына производят впечатление скромных и симпатичных людей. За завтраком в гостинице «Советская» мы согласовали с Борманом программу его пребывания в Советском Союзе. Когда заговорили о полете в Новосибирск, жена Бормана спросила: «А там не холодно?» Ее успокоили ответом, что сейчас в Новосибирске +32 градуса, то есть в два раза теплее, чем в Москве.

В 11:00 на самолете Ту-124 семья Бормана вылетела в Ленинград. Ее сопровождают Шаталов И. И., Феоктистов, Титов с женой и Муравьев (СОД). В Москву вся эта группа вернется утром 4 июля.

3 июля.

Из Ленинграда сообщили, что прием Бормана прошел хорошо. Я распорядился отправить сегодня вечерним поездом из Ленинграда в Москву Бормана и всех сопровождающих. Маршал Кутахов собирался вылететь завтра в Свердловск, но мне удалось уговорить его остаться на субботу в Москве и лично принимать Бормана в Звездном. Все сегодняшние центральные газеты вышли с сообщением ТАСС о прилете в СССР Фрэнка Бормана, но ни одна из них не поместила его портрета и не дала биографической справки о нем.

Вчера получил приказ маршала Гречко о новом наборе 30 космонавтов. Мне пришлось много поработать, чтобы убедить руководство МО в необходимости такого набора.

Герман Титов подал рапорт с просьбой о возобновлении самостоятельных полетов на МиГ-21. Сегодня Главком Кутахов по моему представлению согласился удовлетворить просьбу Титова.

4 июля.

Вчера в 23:18 была предпринята вторая попытка поднять в космос ракету Н-1. Я был убежден, что ракета не полетит, но где-то в глубине души теплились надежды на успех. Нам до зарезу нужен был успех, особенно сейчас, когда американцы собираются через несколько дней высадить людей на Луну,

когда у нас гостит американский астронавт Фрэнк Борман. Но все надежды были рассеяны мощным взрывом ракеты через пять секунд после команды «Пуск»...

При первой попытке пуска 21 февраля ракета Н-1 пролетела 23 километра, не причинив никакого вреда старту. Теперь она упала в двух километрах от старта и нанесла громадный ущерб полигону. Эта неудача отбросила нас назад еще на полтора-два года.

7 июля.

В субботу 5 июля мы принимали Бормана с семьей в Центре имени Гагарина. В 16:00 Главком Кутахов, маршал Руденко, я и космонавты с женами встретили гостей на пороге Дома офицеров. Фрэнку Борману преподнесла цветы Валентина Терешкова, а госпоже Сюзанне Борман — Евгений Хрунов.

Официальная часть встречи проходила в зале Дома офицеров. После того, как маршал Кутахов зачитал приветственную речь, Фрэнк Борман кратко рассказал о себе и о полете «Аполлона-8», ответил на вопросы, продемонстрировал и подарил советским космонавтам 15-минутную киноленту с видами Луны с расстояния 100 километров и видом Земли над лунным горизонтом. Мы показали Борману фрагменты кинокартины о Гагарине «Дорога в космос» и фильм «Четверо в космосе». От имени наших космонавтов Георгий Береговой вручил ему копию космического корабля «Восток», а Павел Попович фотоальбомы и значки. При осмотре музея Звездного в роли гида выступал Герман Титов.

Вечером за ужином, на котором присутствовало человек двадцать, произносили тосты Кутахов, Борман, Титов, Береговой и другие. Борис Волынов преподнес госпоже Борман палехскую шкатулку, а Борману и обоим его сыновьям — часы «Полет». В ответ Фрэнк Борман снял с руки свои часы и вручил их Герману Титову со словами: «Передаю эти часы в музей Звездного. Я получил их от президента Джонсона в Вест-Пойнте сразу после посадки «Джемини-7». Они были со мной в полете на «Аполлоне-8» вокруг Луны».

В общей сложности Борман и его семья провели в Звездном более 8 часов, произведя на всех очень благоприятное впечатление. Фрэнк Борман скромен, точен, дисциплинирован. Он блестящий и остроумный оратор, тонкий дипломат и политик. По интеллектуальному развитию его можно было бы сравнить с Гагариным или Титовым, но у него больше опыта и, пожалуй, выше чувство ответственности и самодисциплины. Во всех своих выступлениях он настойчиво проводит такую мысль: «Наша планета очень небольшая, она служит домом для всего человечества, и нельзя драться и разрушать родной дом. Перед нами открыт путь во Вселенную — мы обязаны добиться мира и взаимопонимания на Земле, чтобы направить наши усилия на освоение космоса».

Борман очень искренне благодарил меня за организацию встречи с космонавтами. Он сказал: «Я понимаю, что вам, генерал Каманин, принадлежит решающая роль в организации нашей поездки по Советскому Союзу, и благодарю вас за проявленное к нам внимание, за теплоту и сердечность встреч».

Вчера утром Борман и сопровождающие его лица вылетели в Крым на самолете Ил-18.

20 августа.

Сегодня утром вышел на работу после 40-дневного отпуска. Проводив 10 июля Бормана и его семью, я прямо из Шереметьевского аэропорта уехал к себе на дачу и провел там весь отпуск. Отдохнул хорошо, окреп физически (косил, копал, пилил и т. п.), много занимался с внучатами. За лето заметно улучшилось и самочувствие жены.

21 августа.

В НИИЦПК вчера приезжали Мишин, Керимов, Трегуб и Анохин — я знакомил их с ходом подготовки экипажей для кораблей «Союз» № 14, 15 и 16.

Все десять космонавтов, готовящихся к групповому полету трех «Союзов», в июле отлично сдали экзамены, однако по результатам комплексной тренировки экипаж № 16 (Николаев и Севастьянов) получил только «удовлетворительно» при отличных оценках у экипажей № 14 и № 15. Экипажу Николаева

были назначены восемь дополнительных тренировок и новая комплексная тренировка. Руководство Центра, да и сам Николаев плохо организовали проведение дополнительных тренировок, в результате чего оценки экипажа № 16 по семи уже выполненным дополнительным тренировкам были в целом невысокие: две «удовлетворительно», четыре «хорошо» и только одна «отлично». Почти во всех тренировках Николаев и Севастьянов допускали серьезные ошибки, которые могут оказать влияние на ход и исход полета.

Перед всеми предыдущими пилотируемыми полетами мы готовили на каждый основной экипаж один-два и даже больше дублирующих экипажей. При одновременной подготовке трех основных экипажей готовить большое количество дублеров стало невозможным — нас лимитирует работа космонавтов на тренажерах. Было решено назначить только трех дублеров — летчика Куклина и инженеров Гречко и Колодина. Но Куклин вскоре был «забракован» врачами (не прошел испытания на центрифуге), и его срочно заменили Хруновым. После трех недель подготовки к полету Хрунов нарушил режим космонавта и попал в автомобильную аварию. Пришлось Хрунова заменить Шаталовым, который, ссылаясь на ограниченное время для тренировок, попросил включить в экипаж уже летавшего Елисеева. Вчера мы решили готовить для «Союза» № 16 два «равноправных» экипажа: Николаев-Севастьянов и Шаталов-Елисеев. Какой из них посылать в полет, решим по результатам зачетной комплексной тренировки, хотя надо прямо сказать, что у Николаева шансы на участие в полете «Союза» № 16 резко понизились.

26 августа.

На состоявшемся сегодня заседании Госкомиссии по «Союзам» все главные конструкторы доложили, что пилотируемый групповой полет кораблей № 14, 15 и 16 можно осуществить в первой половине октября. На Госкомиссии выявилась масса трудностей в одновременной подготовке сразу трех кораблей. Проводить такую подготовку трудно всем — космодрому, Центру управления полетами, Центру имени

Гагарина и многим другим организациям. В процессе испытаний кораблей при сборке и на технической позиции на каждом из них обнаружено от 40 до 60 дефектов и заменено от 17 до 25 приборов и агрегатов. Основная масса дефектов и отказов является следствием низкого качества работ на предприятиях-изготовителях, ошибок при сборке и повреждений при транспортировке кораблей. Пуск «Союза» № 14 решили произвести 4–6 октября, а каждый последующий корабль — запускать с интервалом в одни сутки. Техническое руководство проведем 18 сентября на космодроме и там же на заседании Госкомиссии 20 сентября примем решение о заправке кораблей топливом.

Президент Ричард Никсон прислал приглашение двум советским космонавтам посетить США с семьями в ноябре 1969 года. Это работа Фрэнка Бормана — он сдержал свое обещание, данное при встрече в Москве.

28 августа.

Весь вчерашний день провел в Липецке — знакомился с Центром боевой подготовки. Начальник Центра генерал-лейтенант Луцкий произвел на меня хорошее впечатление. Аэродром и авиагарнизон содержатся хорошо, руководство и личный состав Центра проявляют большую заботу о благоустройстве жилья, служебных помещений и территории. И все же, как и в любом авиационном гарнизоне, здесь ощущается недостаточность ассигнований на капитальное строительство и ремонтные работы. Липецк быстро растет (в 1945 году в нем было 40000 населения, а сейчас — почти в 10 раз больше), идет бурное строительство, в результате которого старый аэродром, где в 20-е годы базировалась 40-я эскадрилья имени Ленина, оказался почти в центре города и на 90 процентов уже застроен (стоят, правда, еще три ангара, но и они доживают последние дни).

В Липецке встречался с Германом Титовым — он здесь летает на МиГ-21. За месяц Герман налетал 30 часов, причем половину из них ночью и в сложных метеоусловиях днем. Летает он хорошо, и по летной работе к нему нет никаких претензий.

Несколько дней назад в Липецк приехала Тамара с дочерьми, и это должно благотворно повлиять на Титова. Я не могу утверждать, что до приезда семьи Герман совершал какие-либо неблаговидные поступки, но у меня нет и полной уверенности в отсутствии в его поведении ошибок, каких у него было немало в прошлом. Последние три года он заметно меняется к лучшему, но все же иногда допускает небольшие срывы. Герман Титов, бесспорно, очень способный человек, но он еще не нашел себя, не определился окончательно в выборе жизненного пути, и это меня беспокоит.

30 августа.

Ездил вчера в НИИЦПК. Генерал Ефимов тоже приехал в Центр с намерением провести там весь день и побывать на ночных полетах, но через час после приезда его вызвали на коллегию Министерства обороны. Долго беседовал с генералом Береговым, исполняющим сейчас обязанности начальника Центра (генерал Кузнецов лежит в госпитале с инфарктом).

Береговой уже четыре месяца числится первым заместителем начальника НИИЦПК, но фактически в этой должности он не работал и 10 дней: генерал Кузнецов охотно отпускал его в многочисленные поездки и не привлекал к активной деятельности. Я запретил Береговому выезды из Центра без моего личного разрешения и обязал его энергичнее взяться за работу. Затем провел совещание по всем ближайшим задачам НИИЦПК, уделив особое внимание подготовке к полету на трех кораблях «Союз» и летной работе полка. Кроме Берегового в совещании участвовали Пашков, Крышкевич, Николаев, Беляев, Леонов, Попович, Шаталов, Быковский и Хрунов.

Вчера Валентина Терешкова вернулась из поездки в Афганистан.

1 сентября.

После блестящей экспедиции на Луну американских астронавтов в июле этого года и целой серии наших провалов с лунными автоматами и ракетой Н-1 у нас не сделано никаких выводов.

Я много думал о причинах утраты нашего лидерства в космосе. Естественно, что наше отставание от Америки обнаружилось не сразу. С 1957 по 1964 год мы были передовой космической державой мира. Но уже первое знакомство с американской программой космических исследований в 1961–1962 годах и сравнение этой программы с положением дел у нас настораживало: появились опасения, что США быстро догонят СССР. Успех программы «Джемини» поставил Америку рядом с нами, а первые полеты кораблей серии «Аполлон» выдвинули США вперед. В этот период многие наши ученые, конструкторы и кое-кто из космонавтов еще верили в успех полетов Л-1, Л-3 и лунных автоматов. Только очень небольшая группа людей, в том числе и я, поняла, что мы проиграли «битву за космос» уже при первом пуске «Сатурна-5». После полета «Аполлона-8» наше поражение стало очевидным для всех. Блестящий полет «Аполлона-11», контрастирующий двум взрывам нашей самой мощной ракеты Н-1, неопровержимо доказал, что мы отстали от США на 4–5 лет. Больно признавать этот горестный факт, но еще больнее сознавать, что у нас пытаются замаскировать наше поражение и мало что делают для того, чтобы предотвратить наше дальнейшее отставание.

В чем причины нашего отставания? Их много, здесь я назову лишь самые главные.

1. У нас не было и нет квалифицированного государственного руководства космическими исследованиями (то, что делают для освоения космоса Устинов и Смирнов — пародия на руководство). Нас слишком заедают ведомственность и отсутствие четких планов, целеустремленных решений, строгой государственной и производственной дисциплины. Мы не приказываем и не требуем исполнения, а просим и уговариваем. Денег тратим много, но действуем растопыренными пальцами, не сосредоточивая усилия на главном направлении.

2. Королев, Келдыш, Мишин, Феоктистов и другие переоценили значение автоматических систем в пилотируемых

полетах и недооценили роли космонавтов («заавтоматизировались»).

3. Королев и Мишин при создании ракеты Н-1 не послушались советов академика Глушко и других двигателистов и яро защищали ее плохо продуманную конструкцию. Королеву удалось «протолкнуть» в правительстве и ЦК КПСС свое «детище» и охаять ракету Челомея УР-700. Ракета Н-1 оказалась «сырой» — два первых ее пуска закончились взрывами.

4. Вопреки мнению всех членов Госкомиссии Устинов и Смирнов запретили полет «Восхода-3» на 18 суток (два корабля и два экипажа были полностью подготовлены к такому полету) и форсировали подготовку «Союзов». Спешка с «Союзами» привела по вине промышленности к трагической гибели Комарова, а она породила много перестраховки и на год-полтора задержала наши пилотируемые полеты. Невосполнимый ущерб нашей космонавтике был нанесен кончиной Королева и гибелью Гагарина.

5. Назначение Мишина Главным конструктором ракетно-космических систем было большой ошибкой. Мишин не справлялся и не справляется с обязанностями технического руководителя всей нашей космической программы.

3 сентября.

Вчера у меня был Главный конструктор тренажеров С. Г. Даревский. Решением ЦК и Совмина Даревский обязан закончить тренажер «Л-3» в мае 1970 года. Это третье и самое свежее решение по организации лунной экспедиции, в нем устанавливается срок высадки советских космонавтов на Луну — до декабря 1970 года. Но это решение, как и два предыдущих, не будет выполнено: у нас нет ракеты, нет корабля, и мы не приступали к подготовке космонавтов, хотя более трех лет тому назад выделили 20 человек для этой цели. Все наши планы по освоению Луны, связанные с комплексом Л-3 — Н-1, надо немедленно пересматривать, но пока никаких принципиально новых решений нет, растерянность продолжается и наша «космическая машина» буксует.

Сегодня генералы Ефимов, Мороз и я принимали космонавтов-женщин. Пономарева, Соловьева, Еркина и Кузнецова начинали космическую подготовку вместе с Терешковой. После полета Терешковой они закончили академию и дважды приступали к подготовке к полетам в космос, но оба полета были отставлены. Месяц назад по моему совету космонавтки написали письмо в ЦК КПСС с просьбой подготовить и осуществить в честь столетия Ленина женский космический полет на корабле «Союз». Устинов, Смирнов и Пашков не раз на словах поддерживали подобную идею, но, получив это письмо, забыли свои обещания и запросили мнение заинтересованных организаций. МОМ, МАП, Минздрав, Академия наук и ВВС — все высказались против предложения космонавток. Сегодня генерал Ефимов объявил космонавткам отрицательный ответ на их письмо.

Совершена еще одна ошибка. Мы первыми начали полеты женщин в космос, и мы же без всяких оснований прекращаем их. Будучи инициатором полета Терешковой и твердо веря, что женщины будут летать в космос, я делал все возможное, чтобы продолжать подобные полеты, но бюрократы и перестраховщики одержали верх. К сожалению, в этом вопросе меня не поддержали ни мои начальники (Кутахов, Ефимов, Мороз), ни подчиненные (Кузнецов, Горегляд и космонавты).

5 сентября.

На заседании Госкомиссии Тюлина доклад о результатах полета станции «Луна-15» и о готовности к пуску очередного автомата для забора лунного грунта сделал Главный конструктор Г. Н. Бабакин. Станция вышла на окололунную орбиту, но вместо мягкой посадки сорвалась с орбиты и шлепнулась на Луну. Хотя причины «непослушания» второго экземпляра «луночерпалки» не установлены, все же решили 23 сентября запустить третий экземпляр (первый разбился на космодроме).

Я уверен, что и этот пуск не принесет нам успеха, но не возражал против него из тех соображений, что 90 процентов всех расходов на автоматы и ракеты для них уже реализованы.

В этой ситуации все же лучше запускать автоматы, а не выбрасывать их на свалку.

8 сентября.

Генерал Кузнецов, вышедший из госпиталя после инфаркта, получил 45 суток отпуска по болезни. Центром продолжает командовать генерал Береговой.

По два-три раза в неделю бываю в Центре, учу Берегового работать и пытаюсь делать все возможное для того, чтобы он почувствовал себя руководителем, а его подчиненные признали в нем начальника. Пока дела идут лишь удовлетворительно, но я не теряю надежды добиться в этом направлении и более высоких результатов. Мне хотелось бы видеть Берегового хорошим начальником Центра, а многих из космонавтов — командирами отрядов, начальниками отделов и управлений и более высокими руководителями нашей программы пилотируемых полетов. Космонавты Беляев, Попович и Шаталов уже делают первые успешные шаги на этом пути.

12 сентября.

Проверил вчера в НИИЦПК ход подготовки Шаталова и Елисеева к полету на корабле «Союз-8» (заводской № 16. — Ред.), которую они должны полностью закончить к 15 сентября. Все упражнения на тренажерах, стендах и центрифуге оба космонавта выполняют только с отличными оценками. Врачи Попов и Хлебников доложили, что по состоянию здоровья Шаталова и Елисеева не имеют никаких замечаний.

Вчера же беседовал с Николаевым и дал ему понять, что его шансы на полет на «Союзе-8» резко падают. Я предупредил Андрияна, что сложилась очень неприятная для него обстановка, и предостерег от необдуманных поступков в случае перемещения его в дублеры. А сегодня у меня была Валентина Терешкова — она пыталась защищать Андрияна и даже выразила намерение поехать к Устинову и Полянскому с целью отстоять интересы мужа. Мне с большим трудом удалось убедить Валю, что ехать ей надо не к Устинову или Полянскому, а к Андрияну Николаеву, чтобы поддержать его в трудную минуту и предостеречь от новых ошибок. Николаев сам во

многом виноват в том, что вместо него в полет будет назначен Шаталов (при тренировках на тренажере получил несколько «троек»). Экипаж Шаталов-Елисеев, без сомнения, гораздо сильнее экипажа Николаев-Севастьянов. К тому же Мишин заявил, что подготовленность Севастьянова к полету он считает слабой и не допустит его назначения в основной экипаж. Это заявление Главного конструктора лишило нас всякой возможности отстаивать кандидатуры Николаева и Севастьянова и заставило согласиться с назначением в полет экипажа Шаталова. Сегодня маршал Кутахов и министр Афанасьев подписали письмо в ВПК о переводе Николаева в дублеры.

17 сентября.

По-прежнему часто бываю в Центре: заместители начальника НИИЦПК работают на своих должностях всего по 3–4 месяца — всем им приходится много помогать. Сегодня подвели итоги подготовки одиннадцати космонавтов к групповому полету на трех кораблях. Семь из них войдут в основной состав экипажей, остальные четверо будут дублерами. Провели традиционное перед выездом на космодром партийное собрание. Все подготовленные к полету космонавты заверили собрание и руководство, что они оправдают оказанное им высокое доверие.

18 сентября.

Вчера Л. В. Смирнов был у Д. Ф. Устинова и получил от него указание включить в состав экипажей трех «Союзов» побольше уже побывавших в космосе космонавтов. После встречи с Устиновым Смирнов потребовал от руководителей ВВС объяснений, почему мы готовили так мало дублеров для основного состава экипажей. Маршал Кутахов и генерал Ефимов, не зная сути дела, не смогли дать удовлетворительный ответ на этот вопрос и вызвали меня из Центра. Мне удалось доказать им, что сложившуюся ситуацию с дублерами изменить уже нельзя и что космонавты и личный состав Центра сделали максимум возможного для качественного проведения группового полета.

Сегодня утром перед выездом к Смирнову я и Ефимов еще раз встретились с Кутаховым и договорились не отступать от позиций ВВС и добиваться решения правительства об укреплении учебно-тренажной базы НИИЦПК, проект которого два года лежит в аппарате Смирнова. В 19:15 в кабинете у Л. В. Смирнова собрались Афанасьев, Керимов, Черток, Охапкин, Кутахов, Ефимов, я, Титов, Строев, Горшков и Царев. Леонид Васильевич пытался навязать присутствующим решение об увеличении числа космонавтов, готовящихся к полету на «Союзах», и обвинял нас в том, что мы допустили грубую ошибку, выделив лишь четырех дублеров на семь космонавтов основного состава экипажей. От наскоков Смирнова отбивался я один, остальные сочувствовали мне, но молчали. Смирнов вынужден был согласиться с моими аргументами и принять предложения ВВС о числе и составе дублеров.

В 10:00 в Овальном зале Кремля состоялось заседание ВПК под председательством Смирнова. О готовности осуществить групповой пилотируемый полет трех «Союзов» доложили Черток, Карась, Пушкин, Воробьев, я и Керимов. На заседании было принято решение выполнить полет в период между 5 и 15 октября 1969 года. В основной состав экипажей включены: Шонин, Кубасов («Союз-6»), Филипченко, Волков, Горбатко («Союз-7»), Шаталов, Елисеев («Союз-8»). Дублерами назначены Николаев, Севастьянов, Колодин и Гречко. Хотя мне и удалось убедить всех присутствовавших в том, что из-за плохого состояния тренажера «Союз» (он выработал свыше двух норм ресурса) мы не имели возможности готовить больше четырех дублеров на все три экипажа, но я прекрасно понимаю, что повторять такую практику подготовки пилотируемых полетов нельзя, — на каждого члена основного экипажа надо иметь одного-двух дублеров.

20 сентября.

Был вчера в Центре. Провел совещание по доработкам тренажера «Союз». Уточнил состав космонавтов в группе «Союз» для полетов на кораблях № 17, 18, 19, 20 и в группе «Л-1» для облета Луны. На совещании с руководящим составом

Центра уточнил его задачи на период моей командировки на космодром (вылет назначен на понедельник 22 сентября). Кузнецов, Береговой и другие товарищи утверждают, что Андриян Николаев очень болезненно переживает перевод его в дублеры, заметно растерян и вообще как-то раскис.

Вчера заседала Госкомиссия по Л-1. Успешный полет «Зонда-7» (автор имеет в виду выполненный в августе 1969 года облет Луны беспилотным кораблем Л-1, завершившийся, как и предшествующий полет «Зонда-6», управляемым спуском в атмосфере Земли и посадкой на территории СССР. — Ред.) несколько подбодрил руководителей МОМ (Афанасьев, Тюлин, Мишин); они начали понемногу выходить из шокового состояния, в которое их повергли наши неудачи с Н-1 и блестящие полеты американцев на кораблях «Аполлон». Мишин и Тюлин возобновили разговоры о пилотируемом облете Луны кораблем Л-1. Решили в начале декабря запустить беспилотный «Зонд-8», а в апреле 1970 года осуществить облет Луны кораблем Л-1 с двумя космонавтами на борту. Намеченный план выглядит довольно бледно на фоне успешных полетов «Аполлонов», но ничего более существенного в 1970 году мы сделать не сможем. Из 15 кораблей Л-1 у нас осталось только три, и если хотя бы один из них облетит Луну с космонавтами на борту, то это событие станет заметным шагом вперед в реализации нашей лунной программы.

22 сентября. Тюра-Там.

Около 15 часов местного времени прилетели на космодром — два самолета Ту-124 приземлились на аэродроме Тюра-Там с пятнадцатиминутным интервалом (чуть раньше нас там же сел самолет Ил-18 с членами Госкомиссии и конструкторами на борту). Вместе со мной прилетели космонавты Береговой, Николаев, Шаталов, Елисеев, Шонин, Кубасов, Филипченко, Волков, Горбатко, Севастьянов, Колодин и Гречко. На аэродроме нас встречали председатель Госкомиссии К. А. Керимов, представители промышленности и полигона. Ведущий инженер по «Союзу» Е. А. Фролов доложил, что завтра с 10:00 все три

корабля будут готовы для занятий космонавтов по проверке связи и оборудования.

Вся экспедиция ВВС (49 человек) разместилась на 17-й площадке. После обеда занимались уточнением планов и программ предполетной подготовки космонавтов на полигоне, ознакомлением с распорядком предстартовых дней и уяснением конкретных задач каждого из специалистов. Вечером посмотрели польский кинофильм «Закон и кулак».

Две-три недели назад на космодроме была эпидемическая вспышка дизентерии. Принятыми мерами она заглушена, но все же случаи заболеваний еще есть. Перед заместителем начальника НИИЦПК по медицине полковником Поповым и всем составом экспедиции я поставил задачу: не допустить ни одного случая заболевания. С этой же целью установил очень строгий порядок общения космонавтов со специалистами полигона и промышленности.

23 сентября.

На двух автобусах и двух «Волгах» все космонавты и специалисты ВВС прибыли к 10:00 на 31-ю площадку. На полигоне мы возим космонавтов только на автобусах со скоростью не более 60 километров в час, причем во всех переездах их сопровождают врачи и ответственные руководители (Береговой, Николаев, Попов). С целью повышения безопасности поездок я приказал не останавливать автобусы с космонавтами на контрольно-пропускных пунктах для проверки пропусков.

С 10 до 13 часов в МИКе 31-й площадки основные экипажи и дублеры занимались на своих кораблях проверкой связи, их систем и оборудования. В 11:00 началось совещание технического руководства. В отсутствие Мишина (он болен) совещание вели Юрасов, Фролов и Солдатенков. С докладами о готовности кораблей, носителей и стартовых систем полигона выступили товарищи Патрушев, Фролов, Пиковский, Даревский, Мнацаканян, Сапожников, Чернов, Курушин, Богомолов, Расплетин и другие. На технической позиции все три корабля имели немало замечаний: «Союз-6» (7К-ОК № 14) — 24,

«Союз-7» (7К-ОК № 15) — 52, «Союз-8» (7К-ОК № 16) — 26. Около 90 процентов всех неполадок устранено, а остальные «допущены к полету» решениями главных конструкторов. Все докладчики выразили уверенность в надежности систем кораблей и носителей и подтвердили возможность осуществления пусков 5, 6 и 7 октября.

На 81-ю площадку, где должен был состояться очередной пуск ракеты УР-500К со станцией Е-8-5, я поехал с генералами Пушкиным и Береговым. Оба они еще ни разу не были на пусках УР-500К, а генерал Пушкин вообще первый раз на космодроме (он заменил Кутасина и возглавляет теперь службу поиска).

Я уже более десяти раз видел пуски УР-500К. Не все старты из виденных мною были удачными, но мне нравится эта ракета Челомея. Почти все неудачные пуски УР-500К не порочат конструкции ракеты и объясняются дефектами изготовления ее двигателей и оборудования. Если бы ракета УР-500К была использована для запусков пилотируемых кораблей два-три года тому назад и если бы корабли Л-1 конструкции Мишина и его же разгонные блоки не оказались узким местом нашей лунной программы, то сегодня мы выглядели бы намного лучше и могли бы первыми облететь Луну.

Программа «Е-8-5» — это наш слабый ответ на успешные полеты «Аполлонов». Я не очень верю в успех этой программы. В принципе автомат может доставить на Землю лунный грунт, но отработка такого автомата обойдется нам недешево, и в конечном счете «лунный камень», доставленный на Землю «луночерпалкой», будет значительно дороже того, который привез на Землю экипаж «Аполлона-11».

Ровно в 17:00 московского времени мы наблюдали старт ракеты УР-500К. Ракета отработала отлично и вывела станцию на промежуточную орбиту. Но разгонный блок снова не сработал — станция осталась на орбите. Так Е-8-5 стала «Космосом-300»...

Вечером смотрели неплохой американский фильм «Хорошо устроился» о мужчине в роли няни троих детей.

24 сентября.

Встретившись с Г. А. Тюлиным, уточнил у него ситуацию с вышедшим на орбиту аппаратом Е-8-5. На участке довыведения разгонный блок отработал точно по программе, но повторно его двигатель не запустился, после чего он отделился от аппарата. Специалисты полагают, что при первом запуске двигателя «завис» один из клапанов его топливной системы и все горючее высосалось в космический вакуум. Тюлин считает возможным «покомандовать» автоматом Е-8-5 с целью вернуть его на Землю.

Беседовал с начальником НИИ-2 МО генерал-лейтенантом Королевым и Главным конструктором Савиным, занимающимся антиракетами. Оба они заинтересованы в проведении эксперимента «Свинец» (обнаружение старта ракет засечкой факела продуктов сгорания). Я согласовал с ними все вопросы методики выполнения этого важного исследования. Савин и генерал Королев подтвердили, что предложение Л. В. Смирнова о пуске при проведении эксперимента «Свинец» одной твердотопливной ракеты не проходит, так как ее данные резко отличаются от данных жидкостных ракет. Ранее я просил Смирнова не вносить изменений в программу первых испытаний по теме «Свинец», но он не согласился со мной и записал в решении ВПК предложение об использовании твердотопливной ракеты, требующее существенного изменения методики эксперимента. Четыре года тому назад Л. В. Смирнов «зарубил» полет «Восхода-3», а с ним и исследования по теме «Свинец» — это сильно затормозило создание советской системы противоракетной обороны.

Договорился с Ю. В. Фокиным и специалистами телевидения о программе телесъемки и записи на пленку выступлений космонавтов.

Вечером мне звонил К. А. Керимов. Сообщив, что его немедленно вызывают в ЦК КПСС, он попросил меня остаться за него на космодроме.

25 сентября.

Из Москвы позвонил генерал Горегляд. В ЦК КПСС не согласны с предложенной нами датой вылета Беляева и

Шаталова в США 5 ноября (мы имели в виду возможность присутствия их на пуске «Аполлона-12», намеченном на 14 ноября). ЦК рекомендует назначить вылет космонавтов на 22 октября и в связи с более ранней датой вылета послать в США не Беляева и Шаталова, а Берегового и Беляева или Берегового и Феоктистова. Я дал указание Горегляду возражать против кандидатуры Феоктистова.

Космонавты занимались сегодня на 17-й площадке: весь день ушел на уточнение программы полетов и изучение бортовых инструкций. Все ребята здоровы и регулярно занимаются спортом, перемежая занятия по технической подготовке бегом, теннисом, волейболом и упражнениями на шведской стенке. Врачи ВВС вместе с представителем Минздрава Воробьевым проводят большую работу по профилактике инфекционных заболеваний. Я приказал им усилить мероприятия по борьбе с дизентерией, чтобы перекрыть все возможные пути проникновения инфекции к космонавтам.

Закончил чтение книги «Америка бросает вызов» и дал почитать ее Береговому. Четыре дня работы на космодроме в роли руководителя предполетной подготовки космонавтов Береговой провел хорошо. Я предоставляю ему широкую инициативу, но при этом внимательно слежу за каждым его шагом. У меня растет уверенность, что из него можно подготовить неплохого руководителя НИИЦПК. Дважды беседовал с Николаевым. Он болезненно переживает перемещение его в дублеры, но старается сделать все возможное, чтобы сдержать данное мне слово и не наделать новых ошибок. Играл сегодня в шахматы с Волковым и Колодиным и победил обоих, хотя, надо признать, Волков играет вполне прилично.

Вечером позвонил из Москвы Керимов и сказал, что он вместе с Афанасьевым, Мишиным и Карасем был у секретаря ЦК Д. Ф. Устинова. Решение о пуске трех «Союзов» пока не утверждено. Возможно, что завтра этот вопрос будет обсуждаться на Политбюро, и не исключено, что пуск будет перенесен на ноябрь. Никаких веских причин и разумных

доводов для такого решения нет, и новая задержка пуска может принести нам только одни неприятности: остаточные ресурсы систем кораблей не превышают 20–30 процентов, ресурс тренажера «Союз» выработан более чем на 200 процентов, а ведь потребуется проведение повторных испытаний систем на технической позиции и дополнительных тренировок космонавтов. Устинов и Смирнов плохо руководят выполнением нашей космической программы, а их вмешательство в ход подготовки пилотируемых полетов непосредственно перед стартом приносит только вред.

Все четыре дня на космодроме очень сильный ветер, облачности почти нет. Сегодня к вечеру ветер начал ослабевать, в небе появились перистые облака, погода будет, по-видимому, улучшаться.

26 сентября.

Снова звонил из Москвы Керимов. Программа полета трех «Союзов» устно утверждена Устиновым, но он хочет получить ее одобрение на заседании Политбюро, которое состоится, как выяснилось, не раньше понедельника 29 сентября. Такая нерешительность высокого руководства задержит старт кораблей не меньше чем на неделю, и будет хорошо, если вся эта бюрократическая волокита не вызовет каких-либо других последствий. Керимову все же разрешили вернуться на космодром вместе с Мишиным — они вылетят сюда завтра утром.

Сегодня занимался программой полета. Рассмотрел и утвердил распорядок предстартовых и стартовых дней. Порекомендовал Воробьеву и Егорову немедленно начать подготовку второй бригады по наклейке медицинских датчиков. Играл в теннис с В. А. Смирновым — разошлись по-мирному (счет 1:1). Все космонавты ежедневно и очень охотно занимаются теннисом. Правда, пришлось запретить им игру со счетом (на асфальтовых кортах ребята увлекаются и тянутся за труднейшими мячами).

Юрий Фокин провел сегодня съемку Шаталова и Елисеева (экипаж «Союза-8») в парке нулевого квартала. Парк стал уже

по-настоящему тенистым, деревья поднялись до уровня второго этажа, а когда мы отправляли в полет Гагарина, они были только в рост человека. Сохранилась и беседка, в которой Королев, Москаленко, я и другие 9 апреля 1961 года поздравляли Юрия с оказанным ему доверием выполнить первый полет в космос.

27 сентября.

Сегодня предполагается начать заправку «Союза-6» топливом, а это значит, что его старт может состояться не раньше 9 октября, то есть с опозданием на четверо суток от ранее намеченного срока.

С В. А. Смирновым и специалистами еще раз внимательно рассмотрели случай нештатного разделения отсеков корабля на заключительном этапе полета Волынова на «Союзе-5». Истинная причина этой серьезной предпосылки к летному происшествию так и не установлена, но проведенными доработками элементов системы разделения (замки, пиропатроны и др.) она (система)принципиально улучшена. Выполнен вполне достаточный цикл наземных испытаний доработанной системы, смущает только отсутствие чистового летного испытания ее на корабле «Союз». Правда, Мишин и его заместители считают, что проверка выполненных доработок в успешно проведенном полете «Зонда-7» вполне заменяет чистовое испытание на «Союзе».

Занимаясь сегодня в спортзале, ребята поймали фалангу. Большинство космонавтов увидели ее впервые, поэтому мне пришлось поподробнее познакомить их с «прелестями» природы Средней Азии и рассказать о скорпионах, фалангах и каракуртах. В связи с этим мне вспомнился нашумевший в 30-х годах роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», в котором излишне преувеличена опасность этих древних представителей фауны (в осенне-зимний период фаланга совершенно безвредна).

Был сегодня со всеми космонавтами на второй площадке. Посетили домик С. П. Королева и музей Гагарина (домик

космонавтов), сфотографировались у обелиска, посвященного запуску первого спутника.

28 сентября.

Несмотря на то, что сегодня воскресенье, космонавты работали — уточняли методики проведения научных экспериментов по отработке техники и автономной навигации. От ЦКБЭМ им помогали Башкин, Фролов и другие специалисты. Вместе с Береговым, Николаевым и методистами я уточнил вопросы управления полетом с Земли, потом утвердил документы по связи, таблицы взаимодействия и планы работ до дня старта первого корабля. Работы очень много для всех, а космонавты занимаются по 10 часов в сутки без выходных.

Вчера Е. И. Воробьев просил моего разрешения на то, чтобы космонавты начали ежедневно принимать новый витамин общеукрепляющего действия, который якобы должен способствовать организму человека в перенесении им повышенных доз радиации без опасных последствий. Я ответил отказом, поскольку многие из наших врачей возражают против применения этого препарата, еще не прошедшего экспертизы.

Провел совещание руководящего состава экспедиции ВВС с задачей: подготовить до 5 октября план мероприятий по развитию строительства, озеленения и обводнения 17-й площадки. Поручил Копылову и Никерясову совместно с политотделом космодрома восстановить в домике космонавтов ту обстановку, которая там была в ночь с 11 на 12 апреля 1961 года. Всю эту памятную ночь перед первым полетом человека в космос в домике находились Гагарин, Титов, Каманин, Карпов и Никитин, а вечером и утром заходил Сергей Павлович Королев.

29 сентября.

Утром беседовал с командирами всех трех кораблей. Шонин, Филипченко и Шаталов доложили, что подготовка экипажей проходит нормально. Основное внимание в эти дни они уделяют заполнению бортжурналов и сверке записей в них с программой полета и инструкциями (в печатном тексте бортжурналов, подготовленном в ЦКБЭМ отделом Анохина, выявлено много ошибок). Шаталов внес интересное предложение в методику

ручной стыковки кораблей. Суть его в том, что в случае удачного выведения кораблей в космос (на близкие расстояния) можно попытаться сэкономить топливо и время на стыковку, отказавшись от «услуг» системы автоматического сближения и проводя вручную не только собственно стыковку, но и процесс сближения. Надо будет более детально разобрать предложение Шаталова со специалистами.

По всем имеющимся у меня данным, по совместимости членов экипажей Шонина и Шаталова ни у кого нет никаких замечаний, а вот в экипаже Филипченко отмечаются небольшие шероховатости в поведении Волкова: он излишне разговорчив, своеволен и считает, что лучше всех знает корабль «Союз» и его системы. Беседуя по этому поводу с Филипченко и Горбатко, я рекомендовал им попристальнее наблюдать за поведением Волкова в полете и при необходимости не стесняться ставить его на место. Филипченко требовательный офицер, и я надеюсь, что он подчинит Волкова своей воле. Меня продолжает беспокоить и недостаточная активность Николаева: он почти незаметен как заместитель начальника НИИЦПК по космической подготовке и делает не все из того, что положено делать дублеру.

Больше часа беседовал с начальником 3-го Главного управления Минздрава Е. И. Воробьевым. Он высказывается за более тесное взаимодействие Минздрава с медицинскими учреждениями ВВС. В принципе Воробьев прав: хотя «войну» между Минздравом и ВВС мы и прекратили, но состояние мира у нас еще непрочное, а в интересах общего дела нам нужны более плотные контакты. Я дал Попову указание искать пути взаимного сближения с Минздравом.

30 сентября.

Последний день сентября выдался солнечным и теплым (+22 градуса).

На 17-ю площадку приезжали специалисты по озеленению. Как и три года назад, они признали, что озеленение площадки и система полива находятся в плохом состоянии. Курушин и Войтенко обещали мне сделать все возможное для

благоустроенного размещения космонавтов, но обещания свои не выполнили. Пищеблок и столовая в запущенном состоянии, горячая вода — грязная, полив зеленых насаждений явно недостаточен, капитальное строительство не ведется. Я разговаривал с начальником капитального строительства в гарнизоне и понял, что отношение здесь к нуждам 17-й площадки самое плевое и что без большого нажима из Москвы мы мало чего добьемся. Хотя по всем этим вопросам 3–4 года назад были письменные распоряжения маршалов Крылова и Гречко, придется снова крепко воевать в Москве, чтобы здесь почувствовали наконец необходимость проявлять заботу о быте космонавтов.

Звонил И. Е. Юрасов. Он доложил, что предстартовая подготовка корабля «Союз-6» заканчивается и завтра в 10:00 можно провести последнюю тренировку экипажа в корабле.

Каждый день играю в теннис. Вчера играл один на один с В. А. Смирновым счет 6:1, 6:3, 6:4 в мою пользу. Мне уже за шестьдесят, но я все еще обыгрываю всех космонавтов в большой теннис, в шахматы и бильярд и только немногим из них уступаю в настольном теннисе.

1 октября.

Вчера на Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос о полете трех «Союзов». О готовности к полету кораблей и космонавтов коротко доложили Устинов, Смирнов, Афанасьев, Мишин и Кутахов, после чего Политбюро одобрило программу полета. На этой процедуре мы потеряли целую неделю — остается лишь надеяться, что эта задержка не будет иметь роковых последствий (сейчас крайне нежелательна любая, даже самая незначительная задержка пуска).

Сегодня в очередной раз беседовал с генералом Береговым о методах работы руководителя и воспитателя. Береговой исполнителен, дисциплинирован и неплохо знает дело, но он еще не умеет работать с подчиненными, у него маловато инициативы и нет широкого охвата наших важнейших проблем и ясного видения перспектив развития космонавтики. Короче, Береговой пока не готов к самостоятельной работе начальником

НИИЦПК, и у меня нет твердой уверенности, что за год-два из него можно подготовить хорошего руководителя. Но другого выбора у меня нет: Николаев, Беляев, Леонов и любой другой из космонавтов как руководители не выше Берегового. Искать талантливых руководителей на стороне нет никакого смысла — буду терпеливо растить их из среды космонавтов.

2 октября.

Вчера в 16:00 на 31-й площадке состоялось заседание Госкомиссии. Вел заседание Керимов. Из постоянных членов комиссии присутствовали только Курушин, Воробьев, Максимов и я. За Мишина был Юрасов, за Казакова — Уткин. В повестке дня было четыре основных вопроса.

1. Результаты испытаний и ход подготовки объектов 11Ф615 (кораблей «Союз». — Ред.) № 14, 15, 16 на технической позиции. Докладчики: инженер-подполковник В. А. Булулуков, И. Е. Юрасов, Е. А. Башкин, Г. П. Шкворников, Д. К. Лаврентьев, В. И. Курушин, И. Н. Сапожников, А. С. Мнацаканян, И. И. Пиковский, В. И. Фридлянд, П. Ф. Брацлавец, Б. Н. Семенов, М. Р. Капланов, О. П. Евдокимов, Б. В. Михайлов, С. Г. Даревский, О. И. Волков, Н. А. Чернов, А. И. Шильников, А. С. Солодухо, В. А. Тепляков, В. А. Гуда, С. Н. Анохин, Е. А. Фролов.

2. Доклады о готовности:

а) изделий 11А511 (ракет-носителей «Союз». — Ред.) и стартовой позиции — А. М. Солдатенков;

б) средств контрольно-измерительного комплекса — инженер-подполковник Е. П. Лавров;

в) средств полигона — генерал-майор артиллерии В. Г. Дашкевич;

г) средств медицинского обеспечения — Е. И. Воробьев.

3. Предложения по плану дальнейших работ — инженер-подполковник В. С. Патрушев.

4. Заключение технического руководства и план дальнейших работ И. Е. Юрасов.

Конструкторы и их уполномоченные доложили: подготовка ракет-носителей, кораблей и их систем к пускам в основном

закончена; имевшиеся при испытаниях замечания устранены; корабли и ракеты можно заправлять топливом и вывозить на старт. Комиссия решила: приступить к заправке кораблей топливом; 11 октября осуществить пуск «Союза-6», 12 октября — «Союза-7» и 13 октября «Союза-8». Шаталову, как и в прошлый раз, достался понедельник и число 13. Тогда пуск не состоялся и был перенесен с 13 на 14 января. Будем надеяться, что на этот раз все обойдется и переносов не потребуется.

Проанализировав сегодня состояние подготовки каждого экипажа, мы пришли к выводу, что в последние дни перед стартами можно выделить больше времени на занятия спортом и отдых. Пока все ребята здоровы — принятые профилактические меры и строгое ограничение контактов себя оправдали.

Беседовал с Шониным. Убедился, что он отлично знает полетное задание и полностью готов к его выполнению.

3 октября.

Вчера на космодром прилетела группа главных конструкторов во главе с Мишиным. В обстановке, когда подготовка кораблей почти закончена и все их системы и оборудование проверены, «главные» нужны здесь только для «парадного» заседания Госкомиссии. На этот раз я резко сократил число «лишних» руководящих представителей ВВС: на космодроме нет генералов Пушкина, Кузнецова, Карпова, Фролова, Пономарева. Генералы Ефимов и Горегляд прилетят сюда перед самым пуском «Союза-6» — Ефимову нужно ознакомиться с космодромом, а Горегляд будет участвовать в управлении полетом и встречать космонавтов в районах посадки.

Сегодня у нас в гостях на 17-й площадке были генералы Курушин, Дружинин, Дашкевич и Горин. Сфотографировались всей группой с экипажами «Союзов». Уже несколько дней специалисты московского телевидения во главе с Юрием Фокиным проводят съемки и записи бесед с космонавтами, они сильно мешают нам, но приходится скрепя сердце выкраивать время и на них.

Вчера и сегодня был на занятиях космонавтов по методикам проведения научных экспериментов. Организации, готовящие эти эксперименты, как правило, запаздывают с отработкой методов их выполнения, вносят много поправок и стремятся дать «последние указания» перед самым стартом. В худшую сторону в этом отношении выделяются институты Минздрава и ЦКБЭМ. До полета остается всего неделя, а по эксперименту с искусственной гравитацией, в частности, имеется еще много неточностей и неувязок.

5 октября.

Все космонавты закончили работу с бортжурналами — основными документами экипажей в полете. В бортжурнал каждый член экипажа заносит основные пункты программы полета, способы выполнения отдельных ее разделов, выдержки из инструкций, методики и точное время проведения экспериментов по виткам полета. Работа по заполнению бортжурнала занимает очень много времени (две-три недели и более), но она крайне необходима: в бортжурнале космонавт может найти ответ на любой возникающий в полете вопрос не только в штатной, но и в аварийной ситуации.

Из Москвы прилетела последняя группа врачей. Предстартовый медицинский осмотр членов экипажей начнется 7 октября. Пока все здоровы.

Сегодня воскресенье, и у нас сокращенный рабочий день. Вся наша группа вместе с присоединившимися к нам Мишиным, Керимовым, Карасем, Лобовым и Максимовым побывала в нулевом квартале. Я рассказал собравшимся о подготовке первого полета человека в космос, о гагаринских местах на космодроме, о встрече 9 апреля 1961 года руководства Государственной комиссии с шестеркой первых космонавтов — Гагариным, Титовым, Нелюбовым, Поповичем, Николаевым и Быковским. В той памятной встрече на берегу Сырдарьи участвовали председатель Госкомиссии К. Н. Руднев, Главный конструктор С. П. Королев, маршал К. С. Москаленко, генералы Ф. А. Агальцов, И. А. Лавренов, начальник Центра подготовки космонавтов Е. А. Карпов и я. За восемь с половиной лет многое

изменилось: из собравшихся здесь сегодня 12 космонавтов только один Андриян Николаев — был участником встречи в апреле 1961 года, сейчас тут густой красивый парк, а тогда самые высокие деревья были в рост человека.

Сегодня провели турниры по шахматам, теннису, бильярду и пинг-понгу. Я участвовал только в шахматных баталиях. Королем шахмат 17-й площадки стал космонавт Владислав Волков.

6 октября.

На космодром прилетели сегодня генералы Ефимов, Картаков и Горегляд.

Во второй половине дня Мишин провел техническое руководство, а около 19 часов вместе с Керимовым и группой специалистов (Башкин, Фролов и другие) приехал к нам на 17-ю площадку. При участии Ефимова и Мишина провели беседу с экипажами «Союзов» о программе полета. У космонавтов было несколько уточняющих вопросов, вызванных отсутствием окончательных решений по ряду экспериментов. Очень важный вопрос поднял Владимир Шаталов.

Он просил разрешения выполнить вручную сближение кораблей в том случае, если после выведения на орбиты экипажи «Союза-7» и «Союза-8» будут визуально наблюдать друг друга. Применение такого способа позволит экономить время и топливо на этапе сближения и будет иметь большое значение для отработки способов перехвата спутников противника. Мишин, сославшись главным образом на нежелательность дополнительного риска, ответил на просьбу Шаталова отказом.

Дело в том, что наши космические корабли типа «Союз» рассчитаны в основном на автоматическое управление полетом. На них не установлены приборы для индикации относительной скорости сближения кораблей и расстояния между ними, а визуальный контроль процесса сближения экипажами затруднен плохим обзором (на кораблях имеются только боковые иллюминаторы). И вообще все вопросы пилотирования космических кораблей экипажами разработаны у нас

недостаточно: тут есть над чем подумать и конструкторам, и самим космонавтам. Мною уже была поставлена задача перед НИИЦПК о подготовке к выполнению нескольких НИР по вопросам ручного управления полетом и посадкой пилотируемых космических кораблей.

Программа технических (раздел А), научных (Б) и военно-прикладных (В) экспериментов, намечаемых к проведению на кораблях «Союз-6, -7, -8», весьма насыщена (здесь приведены лишь некоторые пункты этой программы. — Ред.):

А-1. Наблюдение и фотографирование процессов сближения, причаливания, стыковки и расстыковки.

А-6. Отработка систем ориентации и управления движением.

А-15. Отработка методов автономной навигации.

Б-1. Наблюдение и фотографирование облаков, циклонов и снежных покровов Земли.

Б-5. Фотографирование геолого-географических объектов земной поверхности.

Б-10. Исследование методов сварки металлов в условиях полета ИСЗ.

Б-13. Наблюдение светящихся частиц.

Б-19. Исследование микрометеорной эрозии поверхности иллюминаторов.

Б-32. Исследование артериального давления до и после физической нагрузки.

В-15. Изучение особенностей наблюдения земной поверхности в условиях светлой и темной стороны.

В-19. Исследование распространения радиоволн среднего диапазона через ионосферу.

В-20. Измерение энергетической плотности излучения факелов двигательных установок.

В-22. Исследование возможности проведения прицельного фотографирования.

Помимо выполнения программы экспериментов экипажам «Союзов» предстоит провести несколько телевизионных

передач, знакомящих телезрителей с условиями работы и быта космонавтов в орбитальном полете.

7 октября.

Во второй половине дня был на заседании Госкомиссии. Главные конструкторы и начальники служб доложили о полной готовности ракет, кораблей, космодрома и средств управления полетом. Я доложил о подготовленности к полету экипажей, а генерал Картаков — о готовности службы поиска. Решением Госкомиссии подтверждены даты пусков трех кораблей «Союз», намеченные ранее на заседании 1 октября.

8 октября.

К 8:00 я, Ефимов и Горегляд прибыли на 31-ю площадку, чтобы понаблюдать вывозку на старт состыкованного с ракетой корабля «Союз-6». Я уже десятки раз видел эту процедуру — для меня это обычная деловая операция, но генерал Ефимов с ней еще незнаком, и я рекомендовал ему посмотреть ее.

На вывозке «Союза-6» присутствовали Керимов и Мишин. В телефонном разговоре вчера поздно вечером Мишин пытался убедить меня в необходимости замены Владислава Волкова в экипаже «Союза-7» инженером Георгием Гречко. В принципе это дело Мишина: оба кандидата на полет работают в его конструкторском бюро, и ему решать, кто из них лучше другого. Однако сейчас, за три дня до пуска нет каких-либо оснований и особо веских причин для такой замены (десять дней назад мы направили в ЦК и правительство письмо с предложением о включении Волкова в состав экипажа «Союза-7»). По телефону я высказал Мишину свои соображения по этому поводу, но он тем не менее просил подумать о возможности замены. О нашем ночном разговоре с Мишиным мне удалось предупредить Керимова — он согласился с моими доводами и пообещал отбивать любые попытки изменить состав экипажа. Но сегодня утром Мишин уже не поднимал вопрос о замене Волкова.

В 9:30 мы приехали в МИК ракеты Н-1, где нас встретил один из заместителей Мишина — Дорофеев Борис Аркадьевич. Четыре года назад ракета Н-1, два старта для нее и монтажно-испытательный корпус (самое большое здание в Европе)

произвели на меня очень сильное впечатление, но позже, когда мне довелось подробнее ознакомиться с Н-1, я понял, что она спроектирована неудачно и вряд ли станет надежным носителем. Я уклонился от участия в работе Государственной комиссии по этой ракете (уговорил Вершинина выдвинуть от ВВС в состав комиссии генерал-полковника Пономарева) и не присутствовал на двух пусках Н-1, состоявшихся в феврале и июле этого года. Оба пуска оказались аварийными, причем в июльском пуске ракета взорвалась прямо над стартом, нанеся ему огромные повреждения. Ракета Н-1 сильно проигрывает в сравнении с американским носителем «Сатурн-5», но другой мощной ракеты, с помощью которой мы могли бы послать людей на Луну, у нас нет. Я знаком с решениями правительства и докладами Афанасьева и Мишина о необходимости доработки Н-1 — намерения «лечить» плохую ракету казались мне ошибочными. Сегодня я поехал в МИК ракеты Н-1 только из желания показать ее генералу Ефимову и посмотреть разрушенный взрывом старт.

В МИКе мы осмотрели раздельно все три ступени и головной блок ракеты. Б. А. Дорофеев рассказал нам о причинах двух аварий Н-1 и мероприятиях по повышению ее живучести. В сопровождении полковника Моисеева мы побывали у ракеты, установленной на старте, поднимались в лифте к головной ее части на высоту 104 метра и осмотрели рабочие отсеки всех трех ступеней. Затем мы очень подробно ознакомились со стартовым комплексом, состоящим из наземных башен обслуживания высотой 120 метров и пятиэтажных подземных сооружений. В результате осмотра ракеты и старта, а также в ходе бесед с Дорофеевым, Моисеевым, Барминым и другими специалистами, хорошо знающими Н-1, я пришел к выводу, что попытки «лечить» ее не столь уж и безрассудны, как мне представлялось раньше. Будем надеяться, что ракета Н-1 все-таки «научится» летать. Без такой надежды наши космические перспективы очень мрачны: 7–8 лет отставания от США в освоении Луны и планет.

Сегодня я выступал с докладом на заседании Госкомиссии по утверждению экипажей «Союзов». Присутствовали: Афанасьев, Мишин, Керимов, Ефимов, Карась, Бармин, Лобов, Курушин, Уткин, Воробьев и другие. По моему докладу комиссия приняла решение о назначении:

1) командиром «Союза-6» — Шонина Г. С., бортинженером — Кубасова В. Н.;

2) командиром «Союза-7» — Филипченко А. В., бортинженером — Волкова В. Н., инженером-исследователем — Горбатко В. В.;

3) командиром «Союза-8» — Шаталова В. А., бортинженером — Елисеева А. С.

Комиссия согласилась также с моим предложением об утверждении полковника Шаталова В. А. командиром группы космических кораблей и начальником орбитальной станции.

9 октября.

Космонавты выполнили заключительную сверку текстов бортжурналов. Я и генерал Курушин еще раз проверили знания Шонина и Кубасова по методике проведения исследований по теме «Свинец» (отработка аппаратуры для засечки взлета ракет по факелам двигательных установок) и убедились, что экипаж «Союза-6» отлично подготовлен к проведению этого эксперимента. Провели встречу экипажей с журналистами, Шаталов и Елисеев держались уверенно и удачно отвечали на все вопросы, а новички несколько смущались и допускали ошибки как по существу ответов, так и в произношении некоторых слов. Полковник Попов официально доложил мне об окончании медицинских обследований космонавтов: ни к одному из одиннадцати никаких претензий по состоянию здоровья не имеется.

Беседовал с Береговым. Крупных промахов в работе у него нет, но нет пока и умения работать со своими ближайшими помощниками (между прочим, такого умения нет и у маршала Кутахова). Береговой недостаточно опирается на Николаева как своего заместителя по космической подготовке и больше полагается на помощь со стороны методистов. Есть у него и

другие мелкие недостатки (опоздания, излишняя доверчивость и непостоянство контроля, равнодушное отношение к спорту и т. п.), которые мешают и будут мешать ему стать полноценным наставником космонавтов.

Состоялось решение ЦК о поездке наших космонавтов в США. Мы представляли в ЦК предложение послать в Америку Беляева и Шаталова, но с нами не согласились: решено направить туда Берегового и Феоктистова. Против поездки Берегового у нас нет возражений, но посылать в США Феоктистова по меньшей мере неразумно, хотя бы уже потому, что он женат третьим браком.

10 октября.

Погода резко ухудшилась — весь день дождь и сильный ветер (12–15 метров в секунду).

В 15:00 на 31-й площадке у ракеты с «Союзом-6» состоялась традиционная встреча космонавтов с испытателями. Шонин, Филипченко и Шаталов, отвечая на приветствия военных и гражданских испытателей, заверили их, что сделают все возможное для успешного осуществления группового полета.

Сегодня на космодром прилетел член Военного совета ВВС генерал-лейтенант И. М. Мороз. Вечером Ефимов и я в беседе с Морозом говорили о том, что пора уже добиваться от ЦК и правительства решения о некотором сокращении потока наград за повторные полеты в космос. По нашему мнению, за повторные полеты (кроме особо важных) следует награждать космонавтов только орденами и денежными премиями, а не вручать им звезды Героев Советского Союза с одновременным повышением воинских званий. Генерал Мороз предложил оставить пока все как есть.

11 октября.

На моих часах 23:00 местного времени, я только что вернулся в гостиницу с КП 2-й площадки. Сегодня стартовал в космос «Союз-6» с Шониным и Кубасовым на борту.

…Мы разбудили космонавтов в 7:30 (в записях от 11 и 12 октября всюду указывается местное время. — Ред.). Короткий врачебный осмотр подтвердил хорошее самочувствие экипажа.

Всю ночь и утром шел дождь, так что зарядку на свежем воздухе пришлось отменить. Завтракали все вместе в столовой на 17-й площадке. В 11:00 на 31-й площадке состоялось заседание Госкомиссии. Я доложил о готовности Шонина и Кубасова к полету, а всех средств поиска ВВС и ВМФ — к работе. Мишин и другие товарищи доложили о полной готовности корабля и ракеты. Решили: начать заправку ракеты топливом и произвести ее пуск в 16:10. В 12:30 автобус с космонавтами прибыл на 31-ю площадку. Снаряжение экипажа и регистрация физиологических функций заняли чуть больше получаса. Потом мы пообедали вместе с космонавтами — обед был земной и очень вкусный, мне особенно понравился бульон с гренками. Ровно за два часа до пуска Шонин доложил председателю Госкомиссии о готовности экипажа к полету, после чего он и Кубасов заняли свои места в корабле. Я, Береговой и Бакуменко были на связи с экипажем до старта и на всем участке выведения на орбиту.

Взлет «Союза-6» прошел отлично, но после отделения корабля от третьей ступени ракеты не прошла команда на наддув системы двигателей причаливания и ориентации (ДПО). Отказ ДПО грозил нам срывом выполнения полной программы полета за счет резкого ограничения возможностей для маневрирования на орбите. Первые попытки экипажа включить наддув ДПО с пульта корабля не увенчались успехом. Команда на наддув прошла лишь на третьем витке полета, после того как Шонин включил пиротехнический клапан…

Несколько минут назад я звонил на КП: на борту «Союза-6», совершающего уже шестой виток, все в порядке.

12 октября.

Проснулся рано и сразу же переговорил с дежурящим на КП Береговым. Он доложил, что полет «Союза-6» проходит нормально, члены экипажа еще спят. Когда я выбежал на зарядку, солнце едва поднялось над Сырдарьей. Вчера всю ночь шел дождь, а сегодня утро выдалось тихое и ясное, от вчерашней непогоды остались только лужи. Мои шефы Ефимов и Мороз уехали на охоту. Оба они прилетели на пуски трех

«Союзов», но не только не помогают мне, но даже не проявляют большого интереса к нашим делам.

В 7:30 я успел только поздороваться с Филипченко, Горбатко и Волковым они уже попали в руки врачей. На мой вопрос: «Как спалось?» — Филипченко ответил: «Проснулся рановато, но чувствую себя хорошо». В 10:30 на 2-й площадке провели предстартовое заседание Госкомиссии, на котором решили произвести пуск «Союза-7» в 13:44:42.

Пуск прошел отлично. Экипаж «Союза-7» быстро освоился с условиями космического полета и уже на первом витке хорошо провел телерепортаж с борта корабля.

В 16:28 космонавты Шонин и Кубасов выполнили операцию «Свинец». Доклада экипажа о результатах проведения эксперимента «Свинец» еще нет, но по ряду косвенных признаков можно заключить, что он прошел успешно.

Ближе к вечеру подвели итоги двух пусков и наметили мероприятия по повышению надежности пуска «Союза-8». Весь состав нашей экспедиции работает много и с хорошим настроем. Впереди у нас еще старт «Союза-8» и трудная «космическая неделя». Я верю, что групповой полет трех «Союзов» пройдет хорошо. Правда, у меня остаются еще некоторые сомнения в безопасности разделения отсеков кораблей при спуске. После нештатного разделения отсеков перед посадкой «Союза-5» ЦКБЭМ выполнило большой объем доработок всей автоматики разделения, был проведен цикл наземных испытаний доработанной системы, но не было чистового испытания в космическом полете. На мои пожелания провести чистовое испытание, высказанные Керимову и Мишину, ЦКБЭМ дало письменное заключение о высокой надежности проведенных доработок.

Сегодня за ужином мы полакомились дичью (на утренней охоте генерал Мороз подстрелил трех уток и одного гуся).

13 октября. Тюра-Там — Евпатория.

Вчера поздно вечером с КП доложили: «На борту кораблей «Союз-6» и «Союз-7» все нормально. Экипаж Шонина выполнил эксперимент по теме «Свинец» полностью».

Утро довольно хмурое, солнце ненадолго выбралось из облаков и снова скрылось, вот-вот начнется дождь. Мои «шефы» опять уехали на охоту, и я доволен, что они мне не мешают. В 7:50 врачи доложили: экипаж «Союза-8» осмотрен и допускается к полету…

…Только что (на часах начало двенадцатого ночи) добрались до евпаторийского КП — перелет из Тюра-Там в Саки на Ил-18 занял около пяти часов. Ефимов и Мороз улетели в Москву, а я с группой офицеров перелетел в Крым. Вместе с нами прилетели Афанасьев, Мишин, Керимов, Карась, Царев, Уткин и человек 70 специалистов. Сейчас все три «Союза» ушли на «глухие» витки, и до восьми часов утра большой работы на КП не будет. Хочется написать хоть несколько строк о пуске «Союза-8».

В 10:30 местного времени на 31-й площадке провели короткое заседание Госкомиссии. В 13:05 Шаталов и Елисеев доложили о готовности к полету и поднялись на лифте к самому верху ракеты. Через 15 минут после посадки экипажа в корабль Мишин и Керимов порекомендовали мне и Николаеву выступить по телевидению. По возвращении в бункер я узнал о настораживающем сообщении Шаталова — он обнаружил трещину на одной из трех спиц штурвала люка-лаза. Попытались заменить штурвал, однако из этого ничего не вышло. Возникла реальная угроза срыва пуска (поломка штурвала могла привести к разгерметизации корабля при спуске), но Мишин пошел на риск и дал разрешение продолжать подготовку к полету. Завершающие предстартовые операции и сам старт «Союза-8» прошли без замечаний. Повторный космический полет Шаталова и Елисеева начался успешно.

Итак, в космосе одновременно находятся три корабля с семью космонавтами на борту — полет, безусловно, интересный. Уже 21 космонавт поднимался в космос, а трое из них — Комаров, Шаталов и Елисеев — поднимались дважды.

14 октября.

Проснулся в 6:30. С удовольствием пробежал два километра по проселочной дороге при красивой утренней заре на ясном

крымском небе. На борту кораблей пока все в порядке: на мой запрос о ходе полета Шаталов, Шонин и Филипченко ответили, что самочувствие всех членов экипажей нормальное и что у них есть уверенность в выполнении полетного задания.

По программе полета сегодня должны были состояться стыковка «Союза-7» с «Союзом-8» и подход к ним «Союза-6» на дистанцию около 50 метров. Коррекции орбит прошли хорошо, и корабли начали сближаться (перед началом сближения расстояние между «Союзом-7» и «Союзом-8» составляло примерно 250 километров). В конце процесса сближения расстояние между ними не превышало одного километра, но радиозахвата не произошло — не сработала автоматическая система «Игла». Экипажи двух «Союзов» могли бы продолжить процесс сближения вручную, но на такой вариант у них не было разрешения от технического руководителя полетом. После краткого анализа сложившейся ситуации Мишин все же дал согласие на ручное сближение и стыковку при условии, что корабли будут находиться на удалении не более 1500 метров один от другого, но было уже поздно: к этому моменту «Союз-7» и «Союз-8» разошлись примерно на 3000 метров, и Шаталов не отважился нарушить мишинский запрет.

Отказ «Иглы» крайне затрудняет выполнение ручной стыковки — у экипажей нет точных данных по скорости сближения, взаимному положению кораблей и расстоянию между ними. Да и Мишин как технический руководитель ведет себя плохо: отдает необдуманные распоряжения, а затем легко отказывается от них, создавая тем самым нервозную обстановку как на КП, так и на борту кораблей. Обнадеживает только то обстоятельство, что все три «Союза» ушли на «глухие» витки в нормальном состоянии и с запасами топлива, вполне достаточными для повторных попыток сближения и стыковки.

Провел совещание посадочной комиссии и дал указание всем специалистам готовить исходные данные для посадки кораблей. Меня очень беспокоит плохая погода в районах приземления (в Приаралье штормовой ветер силой до 25–30 метров в секунду).

15 октября.

Вчера вечером после последней коррекции орбит баллистики обещали, что к 9 часам утра «Союз-7» и «Союз-8» окажутся на удалении не более одного километра друг от друга. Фактически же расстояние между кораблями к этому времени составляло около 40 километров — пришлось «потратить» два витка на дополнительные измерения и коррекции орбит. В 12:40 корабли сошлись на расстояние 1700 метров и экипажи начали маневрирование для сближения и причаливания. Шаталов четыре раза включал двигатели, но из-за отсутствия точных данных по скорости сближения и взаимному положению кораблей причаливание не состоялось, и «Союзы» разошлись на безопасное расстояние. В моменты наибольшего сближения бортинженеры кораблей визуально наблюдали друг друга, но, не имея достоверной информации о процессе маневрирования, они не могли точно определить величину и направление импульсов, потребных для осуществления стыковки. В эти минуты космонавты обоих экипажей испытывали сильное нервное напряжение — пульс у них перевалил за сотню. Все, кто был на КП, тоже волновались за исход операции: мы понимали всю сложность и опасность ситуации, но ничем не могли помочь экипажам.

Неудавшиеся попытки осуществления стыковки вручную (без участия «Иглы») открыли нам глаза на крупные недостатки в системах управления полетом, используемых на «Союзах». В этих системах все рассчитано на безупречную работу автоматики, а когда она отказывает, космонавты остаются без надежных средств управления. Шаталов и Елисеев лучше кого-либо другого подготовлены для стыковки в космосе, и если они, видя «Союз-7», не смогли к нему причалить, то это лишний раз подтверждает невозможность ручного сближения без минимально необходимого для этой цели оборудования кораблей. Неудачный опыт стыковки вручную напугал многих ответственных руководителей. Нам уже звонили из Москвы и дали ясно понять, что сейчас главное — не стыковка без

«Иглы», а успешная посадка всех трех «Союзов». Афанасьев, Керимов и Царев высказались за осторожные решения.

Вечером управляемый Шониным и Кубасовым «Союз-6» подходил к «Союзу-7» на 800 метров. Шонин отлично выполнил все полетное задание, за что мы передали ему по радио благодарность.

Провел сегодня второе совещание посадочной комиссии, на котором решили сажать «Союз-6» завтра на 81-м витке полета (текст протокола совещания дан без каких-либо сокращений. — Ред.).

Протокол совещания группы посадки и поиска

16 октября 1969 года. 8 часов 20 минут.

На совещании рассматривался вопрос о посадке объекта «Союз-6».

Заслушан доклад представителя метеослужбы инженер-полковника Ершова Г. Д. Метеоусловия позволяют провести посадку корабля на 81-м витке. Прогноз на время посадки: облачность — 6–9 баллов на высоте 500–800 метров; видимость — 6-10 километров; ветер — западный, силой 6–9 метров в секунду. Исходя из анализа метеообстановки сделан вывод: посадка корабля на 82-м или 83-м витках преимуществ не имеет.

По докладу представителя баллистической группы инженера Григорьева Л. С. — включение двигателя на торможение должно производиться в 12:12:39. Тормозной импульс — 105 метров в секунду. Раскрытие парашюта — в 12:40. Координаты расчетной точки приземления: при управляемом спуске — 50 градусов 36 минут северной широты, 72 градуса восточной долготы; при баллистическом спуске — соответственно 47 градусов 52 минуты, 62 градуса 40 минут.

По докладу представителя группы управления инженер-майора Бакакина расчет для посадки на 81-м витке произведен. В работе принимают участие: ИП-3 выдает команду на включение программы № 5 в 12:02:39; ИП-15 выдает дублирующую команду на включение программы № 6 в 12:12:39.

По докладу представителя поисково-спасательной службы ВВС инженер-полковника Лапочкина Г. П. — силы и средства поисково-спасательных команд ВВС к работе готовы.

Заслушав доклады представителей, группа посадки и поиска решила:

1. Посадку корабля «Союз-6» производить на 81-м витке в соответствии со штатной программой полета.

2. Запасными витками для посадки считать 82-й и 83-й витки, а также 84-й виток с посадкой на запасной полигон.

Председатель совещания генерал-полковник авиации Каманин

Секретарь совещания подполковник Колодин

16 октября.

На часах 22:00, я только что вернулся с КП в гостиницу после напряженного дня посадки «Союза-6».

Нам повезло: погода в районе приземления заметно улучшилась, ветер ослабел — посадка прошла хорошо, и уже через 10 минут к приземлившемуся «Союзу-6» подлетел поисковый вертолет. Когда к нам на КП поступило от службы поиска сообщение о том, что «Союз-6» находится в вертикальном положении и один из членов экипажа уже вышел из корабля, я понял: «Союз-6» сел нормально и космонавты невредимы. Я был уверен, что второй космонавт задержался в корабле из-за переодевания в утепленную одежду. Но Мишин, Керимов и Афанасьев и знать ничего не хотели — через каждые полминуты они теребили меня: «Запросите, где второй космонавт?» Стараясь их успокоить, я неизменно повторял: «Ждите. Сейчас доложат, что все в порядке». Мои уверенные ответы вывели Керимова из равновесия, он перешел на истерический крик: «Николай Петрович! Я требую, чтобы вы немедленно запросили о судьбе второго космонавта!» Но вот наконец пришло подтверждение от генерала Картакова: «Оба космонавта здоровы. С вертолета им передано утепленное летное обмундирование». Раздались аплодисменты, все стали поздравлять друг друга с успешным завершением полета Шонина и Кубасова.

После посадки «Союза-6» были предприняты еще две попытки вручную состыковать «Союз-7» и «Союз-8», но и на этот раз они оказались бесплодными, главным образом из-за больших ошибок баллистиков при расчете коррекции орбит.

На последнем (перед уходом «Союза-7» в Атлантику) витке полета я поздравил Филипченко и Горбатко с присвоением им воинского звания «полковник» и поблагодарил за успешное выполнение полетного задания.

17 октября.

Проснулся раньше обычного — солнце еще не взошло, но на востоке уже занимается заря. Сегодня предстоит посадка «Союза-7». Волнений и тревожных переживаний, как всегда, будет немало. Правда, мои сомнения в надежном разделении отсеков корабля при спуске сняты отличной посадкой «Союза-6». Погода в заданном районе приземления сегодня не хуже вчерашней…

…Сейчас 18:30, я немного отдохнул от больших волнений и хочу записать события дня в хронологическом порядке.

В 8:00 я прибыл на КП и провел совещание посадочной группы — решили сажать «Союз-7» на 97-м витке (включение двигателя на торможение — в 11:44:11, импульс — 95 метров в секунду, раскрытие парашюта — в 12:12:34). Руководитель дежурной смены Павел Попович доложил, что на борту обоих кораблей все в порядке, за исключением того, что у командира «Союза-7» на пульте управления высветился сигнал «АСП» (автоматическая система посадки). В штатной ситуации этот сигнал должен высвечиваться только в двух случаях либо после разделения отсеков корабля, либо после нажатия двух специальных кнопок на пульте. Но команда на разделение не подавалась, а экипаж программу автоматической посадки не включал. Значит, сигнал АСП появился от какой-то электрической наводки. Так как причина этой наводки была нам неизвестна, то существовала серьезная опасность преждевременного срабатывания автоматики спуска и посадки. Связавшись с Филипченко, я попросил его не волноваться и ждать наших указаний.

В Москве и Евпатории были собраны лучшие специалисты для анализа возникшей ситуации. После долгих дебатов, изучения электросхем и подробного разбора логики работы АСП они пришли к единодушному выводу, что высвечивание сигнала не представляет опасности — автоматика посадки не сработает до разделения отсеков корабля. Это заключение специалистов мы немедленно передали экипажу «Союза-7». Космонавтов-то мы, как могли, успокоили, но сами не перестали тревожиться за исход посадки: блуждающие токи уже не однажды доставляли нам неприятности, а наводки в электрических цепях АСП могли привести к очень тяжелым последствиям.

К счастью, полет «Союза-7» завершился благополучным приземлением в заданном районе. Во время спуска Филипченко поддерживал надежную радиосвязь с КП, используя щелевую антенну. Через две минуты после посадки рядом с кораблем сел поисковый вертолет, а еще через пару минут мы приняли радостное для всех нас сообщение генерала Пушкина: «Все три космонавта чувствуют себя нормально»…

…В 19:30 впервые в нашей практике провели сеанс связи с «Союзом-8» через ретрансляционный спутник «Молния». Для нас этот эксперимент очень важен: он должен «излечить от глухоты» наши космические корабли на шести-семи витках полета, не проходящих над территорией Советского Союза.

На часах 21:30. Филипченко, Горбатко и Волков уже перелетели из Караганды на космодром.

18 октября. Евпатория — Тюра-Там.

Сегодня мне исполнился 61 год. Не верится, что я уже старик. Энергии еще много, и хочется сделать для освоения космоса все, что в моих силах.

По полевой дороге пробежал два километра. У гостиницы меня встретили космонавты и поздравили с днем рождения. В начале девятого я вышел на связь с «Союзом-8». На борту корабля все в порядке, экипаж готовится к посадке. Шаталов и Елисеев поздравили меня с «выходом на 62-й виток» и передали добрые пожелания. Поблагодарив космонавтов, я спросил: «Как штурвал?» Ответил бортинженер Елисеев: «Люк лаза закрыли.

Стравили давление в бытовом отсеке. Герметичность спускаемого аппарата надежная». Этот четкий доклад полностью снял наши опасения по поводу возможной разгерметизации корабля при спуске. Я сообщил экипажу последние данные о погоде в районе посадки и попросил подробнее информировать нас о ходе спуска по всем радиоканалам. В 11:15 я сел за пульт управления полетом.

…По выданной на борт «Союза-8» команде его ТДУ должна включиться в 11 часов 29 минут 29 секунд и отработать ровно 145 секунд. В зале КП мертвая тишина, все ждут сведений, подтверждающих нормальное срабатывание ТДУ. Проходит несколько томительных минут, прежде чем к нам поступает первое сообщение с наших морских судов в Атлантике: двигатель тормозной установки включился точно в назначенное время, но выключился почти на минуту раньше положенного срока. Вторая часть этого сообщения вызывает озабоченные вздохи и шум в зале — все понимают, что при такой значительной недоработке ТДУ корабль сядет с очень большим перелетом…

Информация о раннем выключении двигателя, к счастью, оказалась ошибочной. Вскоре появилась радиосвязь по УКВ-каналу с Шаталовым, и он доложил, что двигатель недоработал всего четыре секунды. Шаталов вел подробный радиорепортаж о ходе спуска, поступали четкие доклады генерала Пушкина, с каждой минутой росла наша уверенность в успешном завершении полета. И вот поступило заключительное донесение от службы поиска: «Вертолет приземлился около «Союза-8». Космонавты вышли из корабля и машут руками». Громовое «Ура!» и бурные аплодисменты потрясли зал, все начали обниматься, целоваться и поздравлять друг друга.

О благополучном завершении полетов всех трех «Союзов» мы доложили Брежневу, Косыгину, Устинову и Смирнову. Высокие руководители выразили полное удовлетворение результатами эксперимента в космосе и поблагодарили всех его участников.

В 16:40 мы вылетели на Ил-18 из Евпатории на космодром. В полете я завел разговор о необходимости изготовления еще 8-10 кораблей «Союз». Афанасьев и Керимов поддержали меня, а Мишин и Карась высказались против. Споры вокруг этой темы продолжались в течение всего полета. Больше года я борюсь за строительство десяти «Союзов», у меня уже есть союзники, но до победы еще далеко — придется продолжать борьбу. На моей стороне все космонавты, они могут и должны оказывать немалое влияние на руководство, определяющее техническую политику и перспективы развития нашей космонавтики.

Поздно вечером из Караганды в Тюра-Там прилетел экипаж «Союза-8». В гостинице на семнадцатой площадке в полном составе собралась «великолепная семерка»: Шонин, Кубасов, Филипченко, Волков, Горбатко, Шаталов, Елисеев.

19 октября.

Заслушали на Госкомиссии краткие (по 10–15 минут) доклады всех членов экипажей об итогах полета. Основной вывод по докладам: полет трех «Союзов» дал нам много ценных материалов по ручному управлению и автономной навигации, подтверждающих необходимость более активного участия космонавтов в выполнении программ полетов на пилотируемых космических кораблях. После Госкомиссии провели встречу с представителями прессы и телевидения. Кроме экипажей «Союзов» во встрече участвовали Николаев, Попович и Волынов. За эти дни я близко сошелся с Ю. В. Фокиным. Юрий Валерьянович очень смелый и энергичный человек, он сделал много полезного для наиболее полного и оперативного освещения на телевидении всех этапов группового полета на «Союзах».

Генерал Горегляд, Николаев, Попович, Волынов и основная масса офицеров ВВС улетели в Москву. Со мной на 17-й площадке остались только экипажи «Союзов» и врачи. Встреча космонавтов в Москве назначена на 22 октября.

20 октября.

Послеполетные медицинские обследования космонавтов сегодня будут закончены. Все ребята за время полета потеряли

в весе от 1,5 до 3,5 килограммов. Больше всех похудел Филипченко.

Вчера играл в теннис с Горбатко, Шониным и Волковым. Несмотря на мои предупреждения играть осторожно, все трое много падали. А до полета не было ни одного случая падения за две недели. Это явное доказательство того, что последствия пребывания в невесомости не проходят бесследно за один-два дня. Сегодня вечером мы в паре с Волковым сражались против Горбатко и Шонина лучшей пары Центра имени Гагарина. Выиграть у них удалось с трудом (счет 8:6).

Афанасьев, Мишин и Керимов сегодня улетели в Москву.

21 октября.

Космонавты готовятся к московской встрече. Подготовленные в Москве тексты рапортов и докладов были доставлены на космодром вчера поздно вечером. Тексты рапортов оказались четкими и не вызвали у ребят замечаний или поправок (от самолета к правительственной трибуне космонавты пойдут колонной по два во главе с командиром группы Шаталовым, рапортовать будут только Шаталов, Шонин и Филипченко). С докладами дело обстоит гораздо хуже это не доклады космонавтов о полете, а наборы нескольких десятков казенных фраз. Мы попытались было оживить эту мертвечину впечатлениями об особенностях группового полета трех кораблей, но генерал Мороз, ссылаясь на решение ЦК (Усков, Строганов), категорически запретил вносить какие-либо поправки в тексты докладов.

Утром звонил Главком Кутахов, разговор свелся к наставлениям и требованиям, чтобы космонавты четко рапортовали во Внукове и не запинались при чтении докладов во Дворце съездов. Я провел уже две тренировки с ребятами — пока у всех есть ошибки в произношении отдельных слов (в основном неправильные ударения).

22 октября. Тюра-Там — Москва.

Трудный, насыщенный день предстоит нам сегодня: в 9:00 — взлет с аэродрома Тюра-Там, в 13:00 нас встречает Москва, в 14:30 состоится митинг в Кремлевском Дворце съездов, а в

16:00 там же будет правительственный прием. Вот уже девятый год летаю я с космонавтами на космодром, готовлю их к старту, управляю полетом, руковожу посадкой и поиском, а после возвращения на Землю сопровождаю их в Москву и передаю в руки правительства…

…Сегодня новые герои космоса вместе со мной прилетели в Москву на самолете Ил-62. Перед вылетом с космодрома я еще раз проверил их готовность к рапортам правительству во Внукове, докладам на митинге и прохождению строем от самолета до трибуны. На подходе к Москве нас встретил почетный эскорт — шесть истребителей МиГ-21. Ровно в 13:00 открылась дверца самолета, и мои подопечные шагнули в новую большую жизнь.

Встреча и рапорты космонавтов во Внукове прошли без замечаний, хорошо держались ребята и во Дворце съездов. Шаталову и Елисееву дали по второй звезде Героя, хоть мы ходатайствовали о награждении их только орденами Ленина. На правительственном приеме были сотни теплых встреч. Я встречался с Брежневым и Косыгиным, но разговора о наших космических делах не получилось: Брежнев и другие руководители спешили к вылету на Байконур для проведения операции «Тюльпан» (речь идет, по-видимому, о показе ракетной техники. Ред.).

23 октября.

С утра и почти до пяти часов вечера были в ЦКБЭМ. Провели традиционную встречу космонавтов в «узком» (около сотни присутствующих) кругу с главными конструкторами, руководителями ведомств и учреждений (Конотоп, Афанасьев, Руднев, Мишин, Керимов, Пилюгин, Бармин, Северин, Воронин, Уткин и многие другие). Космонавты ответили на многочисленные вопросы собравшихся и детально рассказали об основных недостатках полетов трех «Союзов». Затем состоялся митинг, а после него — обед. На митинге и на обеде вся «великолепная семерка» также выступала с речами и тостами. Выступил на обеде и я.

Поддержав заявление Афанасьева о том, что сейчас главные усилия следует сосредоточить на комплексе Н-1 — Л-3, я сказал, что нам надо летать, летать и летать, — для этого необходимо построить еще 8-10 кораблей «Союз», надежно отработать на них стыковку, выход и работы в открытом космосе, длительные орбитальные полеты и провести целый ряд научно-технических экспериментов и военных исследований. Заканчивая свое выступление, я сказал, что мы должны организовывать плановые (пять-шесть в год) космические полеты, прекратить вокруг них парадную шумиху и по-деловому решать стоящие перед нами задачи. Все находившиеся в зале (около 300 человек) дружно аплодировали моим предложениям, кроме Мишина, по-прежнему упорно возражающего против постройки новой партии «Союзов».

24 октября.

Сегодня в румынском посольстве мне вручили орден Тудора Владимиреску в связи с 25-летием Вооруженных сил республики Румынии (по этому поводу награждена большая группа советских военачальников — Гречко, Захаров, Горшков, Судец, Гетман, Покрышкин и многие другие). Приятно было встретить боевых друзей. На мой вопрос А. И. Покрышкину: «Помнишь, Александр Иванович, нашу первую встречу?» — он ответил: «Я-то помню, а вот ты, наверное, не помнишь… Весной 1934 года, когда в Новосибирске встречали челюскинцев, я стоял в толпе встречающих и хорошо видел тебя, ну а ты, естественно, не обратил на меня никакого внимания». Задавая вопрос, я, разумеется, имел в виду не встречу с пареньком из толпы, а свою первую встречу на фронте с известным асом Покрышкиным в 1944 году под Дубно. Она произошла на полевом аэродроме, точнее, на большом, пригодном для строительства аэродрома поле, куда я приземлился на своем По-2: осмотревшись, я обнаружил в кустах «чужой» По-2, летчик которого (им оказался майор Покрышкин), увидев мой самолет, решил посмотреть, кто это там еще сел на приглянувшееся ему поле. Так состоялась моя первая встреча с дважды Героем Советского Союза А. И. Покрышкиным, потом мы встречались еще сотни раз,

вместе учились в академии Генерального штаба. Спустя четверть века после памятной фронтовой встречи трижды Герой генерал-полковник авиации Александр Иванович Покрышкин полон сил и энергии.

После вручения наград ко мне подошел маршал Гречко и попросил передать привет отважной семерке космонавтов. Он сказал также, что собирается приехать в НИИЦПК. На мое замечание о том, что мы уже пять лет ждем этой встречи, маршал ответил: «Да, я несколько раз собирался, но, к сожалению, не мог приехать. После октябрьских праздников я обязательно приеду к вам».

25 октября.

Маршал Кутахов провел совещание руководителей научных организаций и академий ВВС. Главная цель совещания — усиление влияния научных исследований на состояние дел в частях и соединениях ВВС. Предметом обсуждения были: боевая подготовка и боеготовность, совершенствование техники и вооружений, эффективность боевых средств ВВС, подготовка и воспитание кадров и другие вопросы, имеющие прямое отношение к укреплению мощи нашей авиации. С докладами выступили: Семенов (ЦНИИ-30 МО), Шуст (НИИЭРАТ), Финогенов (научно-испытательный институт во Владимировке), Рудный (медицинская служба ВВС), Руденко (академия имени Гагарина), Федяев (академия имени Жуковского) и другие товарищи. Совещание было полезным.

27 октября.

Вчера отдыхал на даче. Первый раз за последние две недели хорошо выспался.

Сегодня утром Кутахов открыл сборы командующих воздушными армиями и ВВС округов. Присутствовать при открытии сборов мне, к сожалению, не удалось надо было к 10:00 ехать с семеркой космонавтов в ЦК ВЛКСМ. Е. М. Тяжельников устроил для ребят очень теплую встречу с комсомольским активом Москвы и делегациями комсомольцев из городов, где космонавты раньше жили, учились и работали.

В 12 часов я был у Келдыша. Договорились с ним по принципиальным вопросам организации и проведения пресс-конференции участников полета трех «Союзов» с советскими и иностранными журналистами. Конференцию проведем в МГУ 4 ноября, выступать будут Келдыш и все семеро космонавтов.

Вечером был на сборах командующих, слушал выступления Горбатюка, Цедрика, Логинова, Рыбалко, Шинкаренко и других товарищей. Среди командующих уже нет ни одного из тех, кто во время войны командовал воздушной армией или корпусом, — для меня все они «молодые» (их средний возраст — 50 лет), новые, малознакомые лица: я не знаю и добрую половину из них, а они хорошо наслышаны обо мне. Выступления командующих и ответы маршала Кутахова на поднятые ими вопросы мне не понравились: уж очень легко отказываемся мы порой от опыта, накопленного авиацией за десятилетия ее развития, и излишне ограничиваем права командиров и начальников в организации летной работы из-за боязни новых катастроф и аварий.

28 октября.

Сегодня я порекомендовал группе Шаталова покинуть правительственные дачи на Воробьевых горах и вернуться в Звездный, чтобы заняться подготовкой отчетов о полете и докладов на пресс-конференции.

Вместе со мной семерка космонавтов побывала в редакциях «Красной звезды» и «Правды». Все ребята, делясь впечатлениями о полете, выступали очень удачно. В 19 часов мы приехали в Дом офицеров Звездного, где состоялись торжественная встреча, концерт и затянувшийся до полуночи ужин. Среди гостей Звездного были Тяжельников, Керимов, Царев, Бобырев, Черток, Ефимов, Чугунов, Бушуев, Трегуб, Башкин и другие.

Все мероприятия этого дня прошли хорошо. Из космонавтов в них не участвовали только Береговой и Феоктистов (в США), Попович (в Париже), Терешкова (в Венгрии), Хрунов (в Одессе) и Титов — последнего не было потому, что ему было стыдно показываться перед товарищами и начальством. Неделю назад

Титов совершил тяжелейший проступок: в нетрезвом виде управляя автомобилем, грубо нарушил правила уличного движения, а когда милиционеры на мотоциклах догнали его и принудили остановиться, он ударил одного из них по лицу, сопровождая свои оскорбительные действия нецензурными выражениями.

За восемь лет после своего полета в космос Титов совершил немало неблаговидных поступков, получив за них взыскания от руководства ВВС. Я много раз подолгу беседовал с Германом о его поведении, его неоднократно предупреждал и наказывал Главком Вершинин. Но Титов не внял нашим предупреждениям и продолжал скрытно поддерживать связи с сомнительными компаниями и «друзьями». Последнее происшествие отвратительно само по себе, а попытки Титова оправдаться и свалить вину за него на грубость милиционеров еще больше роняют его достоинство как офицера, космонавта и депутата. Титов ездил к министру общественной безопасности Щелокову и, пользуясь товарищескими отношениями с ним, уговаривал снять претензии к нему (Титову) и наказать милиционеров. Щелоков уже звонил мне и просил не взыскивать строго с Титова, сказав, что главными виновниками инцидента были милиционеры и что они понесут за него наказания. Я ответил, что ни в чем не могу упрекнуть милиционеров — они выполняли свой долг, что главным виновником происшествия является Титов и что он будет строго наказан.

29 октября.

У Титова находится много защитников, а сам он изворачивается, как уж, используя свои связи и пытаясь черное выдать за белое. Но на этот раз я приму все меры к строгому наказанию Титова — возможно, придется даже пойти на отчисление его из НИИЦПК.

30 октября.

Провел совещание с руководящим составом Центра имени Гагарина. Генерал Кузнецов и я рассказали об итогах сборов командующих и требованиях Главкома Кутахова по наведению порядка в войсковых частях. Я обратил внимание участников

совещания на недостаточную дисциплинированность руководителей (Кузнецов, Пашков, Копылов), слабую требовательность к себе и подчиненным (Николаев, Титов) и нарушения уставного порядка в гарнизоне (Крышкевич, Попов). Предупредил всех руководителей Центра, что буду очень жестко требовать от них прежде всего личной примерности в работе и поведении.

В 14 часов началось заседание партбюро 1-го управления Центра, на котором разбирали дело коммуниста Титова. В своем выступлении Титов признал себя виновным в инциденте с милиционерами, но пытался смягчить тяжесть совершенного им проступка и отрицал свои ходатайства перед Щелоковым, объясняя цель поездки к министру одним лишь желанием извиниться за плохое поведение. Николаев, Беляев, Леонов, Кузнецов и другие товарищи дали правильную оценку действиям Титова и высказались за вынесение ему самого строгого взыскания.

Титов дошел до роковой черты: за все свои выходки он заслуживает суровой кары — исключения из партии и лишения званий летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза и депутата Верховного Совета. Но такое решение будет позорить всех наших космонавтов, и поэтому я решил сделать еще одну, последнюю попытку спасти Германа Титова как космонавта № 2, хотя бы для истории. По моей рекомендации партбюро приняло следующее решение: объявить коммунисту Титову Г. С. строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело; ходатайствовать перед командованием о лишении Титова прав на управление самолетом и автомашиной на срок до двух лет; предупредить коммуниста Титова, что в случае нового, даже самого малейшего нарушения им дисциплины партийная организация НИИЦПК исключит его из рядов членов КПСС и будет ходатайствовать о лишении его депутатского мандата, а также званий летчика-космонавта СССР и Героя Советского Союза. Выслушав тяжелые, но справедливые укоры товарищей, Титов еще раз признал свою вину и обещал не допускать

больше случаев выпивок и нарушений дисциплины на любой новой работе, которая будет ему доверена.

Мне предстоит трудная и очень неприятная беседа с Германом. Жаль его, жаль Тамару и их детей, но нельзя не сожалеть и о дискредитации им всех своих высоких званий. Трудно решать, что дальше делать с Титовым, но решать надо, — буду искать наилучший вариант решения.

31 октября.

Получил приказание сократить на 10 процентов численность центрального аппарата и Центра имени Гагарина. Только в феврале этого года было принято решение ЦК и правительства о реорганизации ЦПК и увеличении численности моего аппарата, и вот Кутахов и Брайко, не понимая задач ВВС по освоению космоса, стригут всех под одну гребенку. Придется нажимать на них не снизу (Каманин), а сверху (Смирнов, Устинов). Опять будут скандалы.

3 ноября.

Свыше трех часов заседали у Келдыша — с участием Мишина, Керимова, Котельникова, Румянцева, Мозжорина и других товарищей обсуждали тексты выступлений космонавтов на предстоящей пресс-конференции. В доклады Шаталова, Елисеева и Горбатко по настоянию Келдыша внесли много изменений. Из поправок, предложенных в основном Келдышем и Мишиным, лишь две-три были действительно необходимыми, а остальные только портили содержание выступлений. По моему мнению, в результате коллективной правки доклады стали хуже: из них вытравили малейшие попытки проявить чувство юмора и пошутить, а их язык стал сухим, казенным, трафаретным. Я несколько раз выступал в защиту первоначальных текстов докладов, и кое-что мне удалось отстоять.

5 ноября.

Вчера в МГУ проходила пресс-конференция по итогам группового полета «Союзов». Космонавты выступали хорошо и удачно отвечали на вопросы. Хуже всех выступал и отвечал на вопросы президент АН СССР М. В. Келдыш. В зале раздался хохот, когда на вопрос американского корреспондента «Готовят

ли русские полет человека на Луну?» он дал такой, с позволения сказать, ответ: «Я думаю, что послать… Луну на человека нужно». Келдыш долго не мог понять, над чем так весело смеется публика, и только после подсказки Шаталова попытался шуткой исправить свою оговорку, но сделал это так неуклюже, что вызвал новый взрыв смеха.

Я всегда считал, что Мстислав Всеволодович как руководитель Академии наук и как оратор безнадежно слаб. Сделав очень много для запуска первого искусственного спутника и для первого полета человека в космос, Келдыш в роли председателя Межведомственного совета по космическим исследованиям допустил немало ошибок. Своей пассивностью и склонностью к перестраховкам он тормозил и продолжает тормозить развитие нашей космонавтики (он не верил в успешный полет трех «Союзов» и намеренно ушел в отпуск перед самыми их стартами). И это не только мое мнение: многие друзья Келдыша — академики Глушко, Бармин, Миллионщиков и другие — отзываются о нем еще более резко. Приходится констатировать, что с такими руководителями, как Келдыш и Мишин, мы вряд ли доберемся до Луны.

6 ноября.

Сегодня собрал почти всех летавших в космос космонавтов с целью сделать групповые фотоснимки. Мы посетили павильон «Космос» на ВДНХ, где директор выставки Иванов вручил золотые медали ВДНХ Беляеву, Леонову, Береговому и семерке новых летчиков-космонавтов СССР. Затем побывали у обелиска покорителям космоса, в Кремле у памятника Ленину и завершили поездку посещением АПН. Во всех пунктах нашей поездки группу космонавтов фотографировали обычными аппаратами, а также специальной аппаратурой для так называемой глубинной съемки — по договору АПН с одной из японских фирм. Глубинная съемка — это советское изобретение (съемка стереофильмов по методу Иванова), но мы, как это часто бывает в нашей стране, не довели его до конца, и вот теперь по русской методике нас снимали японцы. Пробные глубинные фотографии космонавтов будут готовы не раньше,

чем через два-три месяца, поэтому-то и пришлось просить АПН провести обычное фотографирование и побыстрее сделать для нас две-три сотни отпечатков.

10 ноября.

Праздники провел на даче. Каждый день ходил на лыжах по 8-12 километров. В эти дни температура опускалась до 8 градусов мороза, а сегодня уже развезло и почти весь снег растаял.

На службе снова уйма неприятностей. Маршал Кутахов и генерал Мороз действуют мне на нервы своими глупейшими выходками. Вот самая «свежая» из них: Мороз приказал начальнику Центра Кузнецову послать на праздник Дня милиции десять космонавтов, хотя 6 ноября мы с ним (Морозом) договорились, что направим туда только двух. Я много раз отказывал Щелокову в его назойливых просьбах, а генерал Мороз воспринимает телефонные звонки министра как приказы, не подлежащие обсуждению. Космонавты ворчат, они справедливо сетуют на частые отрывы их от работы. Сейчас экипажам трех «Союзов» надо работать над отчетом о полете, к тому же вчера их всех поместили в госпиталь на послеполетные обследования. В угоду министру Щелокову генерал Мороз, не считаясь ни с чем, отрывает космонавтов от дела, нарушает госпитальный режим и тащит их на праздничную встречу. Я уже не раз схватывался с Морозом по поводу неоправданных отвлечений ребят от работы и излишнего увлечения «встречами с народом». На словах он обычно соглашается со мной, а на деле часто отдает распоряжения, минуя меня.

11 ноября.

Вчера вечером меня вызвал Главком Кутахов и сообщил следующее: «Только что на Военном совете ВВС я внес предложение о переводе вас на более легкую работу. Вам идет 62-й год — в этом возрасте уже трудновато работать на занимаемой вами ответственной должности. Будем подбирать на ваше место более молодого руководителя, а вам Военный совет предлагает должность консультанта при академии имени Жуковского». Я поблагодарил Кутахова «за заботу» о моем

здоровье и сказал, что ждал подобного предложения и готов уйти в отставку.

Ну вот и подошла к концу моя деятельность в авиации и космонавтике… Я не добился всего того, о чем мечтал. После полета Гагарина все мои помыслы были связаны с осуществлением полета человека на Луну. Первыми высадились на Луну американские астронавты. Через три дня должна стартовать вторая лунная экспедиция США, когда же полетят наши космонавты, никто не знает. В том, что Советский Союз так безнадежно отстал от США в пилотируемых космических полетах, виноваты прежде всего наша промышленность (Мишин, Тюлин, Афанасьев) и Академия наук (Келдыш), а «помогли» им в этом излишняя доверчивость и поверхностное руководство со стороны Устинова, Смирнова, Пашкова. Многие страницы моих дневников криком кричат об этом…

29 декабря.

Почти два месяца не вел дневник. Мне казалось, что и писать-то нечего, но за это время произошли такие события, которые могут многое изменить в наших космических делах. После того, как маршал Кутахов 10 ноября объявил мне решение Военного совета ВВС о намерении освободить меня от должности помощника Главкома и назначить консультантом по космонавтике, я ничего не предпринимал для того, чтобы остаться на своем месте. После больших неудач с реализацией нашей лунной программы и особенно после ухода Вершинина и назначения Главкомом Кутахова наши космические перспективы представляются мне очень мрачными, а мои личные усилия по штопанью «космических прорех» бесплодными. Не стану скрывать, я даже обрадовался возможности уйти от активной работы (хотя все время немного стыдился предстоящего затишья), но уйти от раздумий мне не удалось…

Две недели я думал, пока не решился, наконец, написать 24 ноября письмо министру обороны маршалу А. А. Гречко. В письме я указал на отставание нашей космонавтики, проанализировал его причины и рекомендовал объединить все «космические силы» Министерства обороны под руководством

одного из заместителей министра. В конце письма я написал, что отказываюсь от предложенной мне должности консультанта, и обратился к министру с просьбой отправить меня в отставку.

Прочитав мое письмо, министр наложил на него резолюцию: «Кутахову, Гусаковскому. Доложите ваши соображения». 29 ноября он созвал коллегию МО с целью заслушать и обсудить доклад генерала Карася о состоянии дел в области космических вооружений. К этому времени Кутахов убыл в отпуск, а Ефимов не решился пригласить меня на коллегию — я был на ней по личному приглашению маршала Гречко. Рассмотрение вопроса о «военном космосе» было перенесено на 13 декабря, когда и были приняты два очень важных решения:

1. Генеральному штабу в двухмесячный срок подготовить доклад в ЦК КПСС о необходимости улучшения руководства космическими исследованиями, имея в виду целесообразность создания единого руководящего центра по освоению космического пространства в научных и военных целях.

2. Поручить генералу армии Соколову совместно с Генеральным штабом и представителями видов Вооруженных Сил подготовить доклад маршалу Гречко с предложениями о структуре, правах и функциях ЦУКОС и о подчинении его непосредственно министру обороны.

Более пяти лет я добивался такой позиции Министерства обороны. По-видимому, Гречко не забыл мое выступление по этому вопросу на совещании НТК Генштаба в октябре 1965 года, а если и забыл, то мое письмо напомнило ему все, что я тогда предлагал.

30 декабря.

Коллегия приняла хорошие решения, однако предстоит еще борьба за их осуществление (Главкомы всех видов Вооруженных Сил наверняка окажут сильное сопротивление). Но борьба — моя стихия, и я готов взять обратно мою просьбу об отставке и еще три-четыре года поработать «на космос». Пока же я нахожусь в неопределенном положении: Кутахов и Ефимов молчат, а у меня нет никакого желания о чем-либо их расспрашивать.

Когда я писал «прошение об отставке», очередной космический полет намечался на август 1970 года, но на днях получен приказ сверху: к столетию со дня рождения В. И. Ленина осуществить пилотируемый космический полет продолжительностью 17–20 суток. Предстоящая реорганизация управления космическими исследованиями и необходимость подготовить за два с половиной месяца очень трудный полет, по-видимому, задержат оформление моей отставки. Хотя у нас все возможно: могут принять волевое решение и уволить, не считаясь с конкретной обстановкой.

В основной экипаж для длительного полета мной и Мишиным включены Николаев и Севастьянов, согласованное представление по составу экипажа было отослано нами в ВПК в конце декабря. Правда, поначалу я сомневался в кандидатуре Севастьянова и предлагал заменить его Колодиным или Гречко, но Мишин не согласился на такую замену. Сейчас вопрос о замене Севастьянова возник уже по другому, более серьезному поводу. В декабре вся группа Шаталова, Севастьянов и я вместе отдыхали на Ленинских дачах в Сочи (космонавты были с женами, со мной были Мария Михайловна и внук Коля). Находясь на отдыхе, Севастьянов серьезно повредил ногу, и теперь я не уверен, можно ли допустить его к участию в длительном космическом полете. Я дал задание врачам решить этот вопрос до 5 января.

Заболел космонавт Павел Беляев: хирург Вишневский вырезал ему две трети желудка, часть двенадцатиперстной кишки и аппендикс. Операция прошла удачно, но состояние Беляева еще очень тяжелое (раньше он никогда на желудок не жаловался).

Вчера генерал Ефимов вручил мне монгольскую медаль «30 лет победы на Халхин-Голе». Это уже четвертая награда, полученная мною в 1969 году (польский и румынский ордена, румынская и монгольская медали). Вчера же я был у Главкома Кутахова. Он проявил по отношению ко мне необычайную вежливость и предусмотрительность, без проволочек утвердив проект большого (10000 квадратных метров) тренажного

корпуса для НИИЦПК стоимостью 4 миллиона рублей. Несмотря на этот «жест вежливости» со стороны Кутахова я остаюсь в твердой уверенности, что сработаться с ним не сумею.

Начались зимние школьные каникулы. Вчера вечером на даче мы с Олей и Колей украшали новогоднюю елку.

31 декабря.

Звонила Валя Терешкова, только что вернувшаяся из поездки в Сирию и Иорданию. По словам Вали, поездка была успешной и очень полезной, но утомительной. Обстановка в арабском мире остается по-прежнему напряженной: израильтяне постоянно совершают военные наскоки на своих соседей.

Состояние здоровья П. И. Беляева заметно улучшается. Генерал Кузнецов приступил к исполнению обязанностей начальника НИИЦПК, а генерал Береговой ушел в отпуск. Вчера я подписал представления к присвоению генеральского звания полковникам Николаеву, Беляеву, Крышкевичу, Самсонову и Попову. Н. Ф. Кузнецов представлял на звание генерала и полковника Алексеева, который всего два месяца назад назначен заместителем начальника Центра по летной подготовке и еще не успел проявить себя должным образом. На представлении Кузнецова я написал, что Алексееву можно будет присвоить звание генерал-майора через полтора-два года отличной работы полка без летных происшествий.

В этот предновогодний день мне хочется подвести итоги уходящего 1969 года.

Это был год выдающихся достижений человечества в освоении космического пространства. В истории мировой космонавтики он займет такое же почетное место, какое занял 1961 год, а имя Нейла Армстронга, впервые ступившего на лунную поверхность 21 июля 1969 года, по праву станет вторым после имени Юрия Гагарина.

Уже четыре американских космонавта побывали на Луне — честь и хвала им! Но мне, русскому человеку и руководителю советских космонавтов, очень обидно за наших парней, хотя в том, что не они были первыми на Луне, нет ни их, ни моей вины.

Оглядываясь на пройденное десятилетие, могу упрекнуть себя только в одном: сознавая, что мы чрезмерно увлеклись автоматами и «заавтоматизировали» даже полеты космонавтов, я не раз пытался убедить высоких руководителей — Малиновского, Гречко, Устинова, Хрущева, Брежнева в ошибочности выбранного нами пути, но так и не смог добиться существенного выправления нашего космического курса.

В 1969 году советские космонавты летали больше, чем в любом предшествующем — пять пилотируемых кораблей и девять космонавтов побывали в космосе (причем двое из них дважды), — но наши достижения значительно скромнее американских. Наше отставание продолжает увеличиваться, ошибки не устраняются, и виноваты в этом в первую очередь Мишин, Келдыш, Смирнов, Устинов. Но виноваты и мы, военные. Больше, чем кто-либо из военных, виноваты маршалы Крылов и Захаров, а также генералы Алексеев, Карась, Юрышев. Главный Маршал авиации Вершинин делал все возможное, чтобы содействовать развитию космонавтики, но и он наталкивался на полное равнодушие к космосу со стороны Малиновского и Гречко.

Уже девять месяцев я работаю под началом нового Главкома ВВС маршала Кутахова — срок вполне достаточный, чтобы определилось его отношение к космонавтике. Сейчас мне совершенно ясно, что ничего хорошего от Кутахова ждать не приходится. Он не помог мне укрепить руководство Центра имени Гагарина, не поддержал мои настойчивые просьбы о дополнительном заказе десяти «Союзов», воспротивился пересмотру нашей программы экспедиции на Луну (корабль Л-3 морально устарел, надо строить новый корабль с экипажем из трех-пяти человек, выводимый на орбиту двумя ракетами Н-1). Короче говоря, за девять месяцев он и пальцем не пошевелил, чтобы изменить к лучшему состояние дел в нашей космонавтике, а два месяца назад встал по существу на путь «репрессий». Получив приказ о сокращении центрального аппарата ВВС на десять процентов, он решил выполнить его

главным образом «за счет космоса» и сократил штаты космических подразделений на 25–35 процентов.

Я вел и веду с Кутаховым настоящую войну, но возможности у нас далеко не равные. Я вынужден был принять решение об уходе в отставку, но после коллегии Министерства обороны обстановка резко изменилась. У меня вновь появилось желание «драться за космос» и намерение развернуть новое крупное наступление против тех, кто, не понимая всего величия стоящих перед человечеством задач по освоению космического пространства, вредит делу и тормозит развитие нашей космонавтики.

1970 год

Лет 30–40 тому назад, когда десятки и сотни летчиков моего поколения мечтали, как говорил Чкалов, «облететь вокруг шарика», когда мы еще не пытались осваивать Северный и Южный полюсы планеты, когда Австралия и Южная Америка казались нам краем света, тогда даже нам, летчикам, Земля казалась огромной. Но сегодня, когда космонавты летают со скоростью 30 тысяч и более километров в час, совершая за один полет несколько десятков и даже сотен витков вокруг «шарика», Земля стала в сотни раз «меньше», а Австралия, Южная Америка и оба полюса так «приблизились» к Москве, что стали достижимыми через каких-нибудь 6-10 часов полета на самолете. В таких условиях не только у космонавтов, но и у всех людей Земли должно бурно нарастать стремление к сближению народов и отвращение к войнам и ко всему тому, что разделяет граждан разных стран.

3 января.

Первый рабочий день в новом году. Правда, рабочий день только для военнослужащих — сегодня суббота и все гражданские организации не работают. Новый год вся наша семья встречала на даче (гостями были только моя старшая сестра Маруся и ее сын Виктор).

Праздничные дни для меня были омрачены переживаниями за Беляева: ему сделали повторную операцию, и врачи через каждые три часа докладывали мне о состоянии больного. В докладах не было ничего утешительного, каждую минуту могло произойти непоправимое. А. А. Вишневский ежедневно лично осматривал Беляева и проводил консилиумы со специалистами. Сегодня в 13 часов также был консилиум. Состояние больного очень тяжелое, он бредит и не узнает посетителей. Положительный исход болезни, по заключению врачей, маловероятен.

Мое начальство отмалчивается, как будто космос для него перестал существовать. Я тоже никому не докучаю вопросами, готовлю полет «Союза-9» и делаю все что могу для воплощения в жизнь последних решений коллегии МО. Сегодня по поводу этих решений говорил с представителями ЦУКОС генералами Максимовым и Агаджановым. Оба они высказались за самый полный вариант «объединения космоса», а именно, за создание в Министерстве обороны Главного управления по космическим исследованиям (на правах вида Вооруженных Сил), объединяющего все, что относится к космонавтике, но находится пока в ведении различных военных ведомств. По предварительным наметкам, реализация этого варианта не потребует увеличения штатной численности, ее даже можно несколько уменьшить за счет сокращения промежуточных инстанций.

4 января.

Сегодня утром врачи порадовали меня сообщением о первых робких признаках некоторого улучшения в состоянии Беляева: он хорошо спал, самостоятельно выпил чашку бульона — появилась хоть какая-то надежда на его выздоровление.

Ко мне заходил генерал Ф. С. Гудков (начальник Управления кадров ВВС. Ред.). Он в отпуске до 15 января, а после выхода на работу будет оформляться в отставку (ему уже 68 лет, но выглядит он отлично). Гудков ровным счетом ничего не знает о ходе дела с моим увольнением.

8 января.

За последние четыре дня состояние Беляева резко ухудшилось. Вишневский делает все возможное для его спасения, но положение, по-видимому, безнадежное.

Вчера весь день провел в ЦПК на совещании по подготовке к длительному космическому полету «Союза-9». Утвердили основной и два дублирующих экипажа. В основной экипаж включили Николаева и Севастьянова, предусмотрев возможность замены последнего Кубасовым (работоспособность травмированной ноги у Севастьянова восстановлена еще не

полностью). Экипажи Филипченко-Гречко и Лазарев-Яздовский будут дублирующими.

Сегодня маршал Кутахов улетел в Германию, генерал Ефимов завтра улетает в Египет, начальник ЦПК генерал Кузнецов болен, космонавт Беляев медленно умирает… В работе по подготовке одного из самых ответственных (длительностью до 17–20 суток) космических полетов у меня нет ближайших помощников ни сверху, ни снизу. Да и сам я нахожусь в подвешенном состоянии и в любое время могу получить приказ об освобождении от занимаемой должности. Положение дикое, но буду держаться до конца.

11 января.

Сегодня воскресенье, но я уже на работе с 8:30. В Главном штабе тихо, работают только Главком, начальник штаба и дежурные…

Вчера с 17 до 19 часов Кутахов, Леонов, Шаталов, Пашков, Крышкевич и я были у Л. В. Смирнова — обсуждали процедуру подготовки и проведения похорон космонавта Павла Ивановича Беляева. Сегодня наши решения уже опубликованы в центральных газетах, а вчера у нас было много споров. Еще днем мне звонили Леонов, Шаталов, Терешкова и другие космонавты и настойчиво просили добиваться решения о похоронах Беляева на Красной площади и о проведении государственных поминок в ЦДСА. На мои возражения все они отвечали одинаково: «Надо все организовать так же, как при похоронах Комарова и Гагарина». По телефону мне не удалось убедить космонавтов в том, что им не стоит поднимать этот вопрос и что решение о месте захоронения — на Красной площади или на Новодевичьем кладбище — принимают Брежнев и Косыгин лично. Вечером на заседании похоронной комиссии (Смирнов, Павлов, Кутахов, Смертюков, Шаталов) Леонов и Шаталов вновь пытались настоять на своем. Смирнов, почти не скрывая своего раздражения, доказывал им, что они неправы. Особенно покоробило всех заявление Шаталова о том, что Беляеву при жизни народ поставил памятник, а мы собираемся похоронить его «где-то на Новодевичьем кладбище». Никто из

присутствовавших не поддержал космонавтов, а мне было страшно неудобно за них.

Космонавты слишком переоценивают значение своих подвигов и принимают за чистую монету все, что пишется, говорится и показывается по поводу каждого пилотируемого космического полета в наших средствах массовой информации (газеты, книги, радио, кино, телевидение). Все это делается с целью ознакомления нашего народа и народов зарубежных стран с достижениями в космосе советской науки и техники, но делается, по установившейся традиции, в основном так, что все эти достижения представляются заслугой одних лишь космонавтов. Такая традиция очень вредна, но, к сожалению, круг людей, связанных с космонавтикой (а их тысячи), крайне ограничен для показа широкой общественности.

Помимо подготовки космонавтов к полетам я и мои помощники много занимались и их воспитанием, но надо признать, что наши успехи в этом деле весьма скромные. Бремя большой славы и далеко не всегда педагогически выверенное отношение к героям космоса со стороны министров, секретарей ЦК и обкомов и других высокопоставленных лиц калечат характеры космонавтов гораздо быстрее, чем мы можем их воспитать. На Новодевичьем кладбище похоронены сотни героев войны, многие генералы, адмиралы и маршалы. Там покоится прах многих дважды Героев Советского Союза, трижды Героев Социалистического Труда. Выдающиеся писатели, художники, ученые и крупные государственные деятели удостоены чести покоиться на этом кладбище. А для наших космонавтов это не высокая честь, а всего лишь «где-то на Новодевичьем…».

14 января.

На старом Новодевичьем кладбище похоронили вчера летчика-космонавта СССР П. И. Беляева. Накануне гроб с телом покойного был установлен в Краснознаменном зале ЦДСА, в почетном карауле стояли все члены Политбюро (кроме Брежнева, Подгорного и Косыгина), все маршалы и все космонавты. Проститься с Беляевым приходили свыше 50 тысяч москвичей, к гробу было возложено около сотни траурных

венков от различных организаций. Место для могилы Беляева было выбрано мною вместе с Леоновым, Терешковой, Шаталовым, Волыновым и Горбатко. На кладбище я показал космонавтам и могилу моего сына Аркадия.

На поминках Беляева в Звездном присутствовало более 200 человек. Траурный вечер вел Кутахов, выступали Леонов, Мишин, Глушко, Керимов, Пастухов (ЦК ВЛКСМ), Фролов (город Щелково) и другие товарищи.

Говорил сегодня с Кутаховым и Морозом о пенсионном обеспечении семьи Беляева и об увековечении памяти о нем. Удалось договориться с ними по всем вопросам, кроме одного — переименования города Щелково в город Беляев (Кутахов и Мороз категорически возражали против переименования).

15 января.

Меня очень беспокоит состояние здоровья Павла Поповича. Три дня назад его срочно отвезли в госпиталь с высокой температурой и подозрением на грипп. А сегодня генерал Бабийчук доложил, что у Поповича резко скачет температура (от 37 до 40). Я приказал Бабийчуку собрать всех лучших военных и гражданских медиков с целью установления истинного диагноза заболевания Поповича (возникло подозрение на опухоль головного мозга) и методов его лечения. Тревожит меня и затянувшаяся болезнь Валерия Быковского.

Сегодня пришлось крепко поругать генерала Пашкова: он разрешил Леонову и Титову поехать в Москву в рабочее время и без особой надобности, несмотря на мои неоднократные запрещения таких поездок космонавтов. Леонов поехал к генерал-полковнику Дутову, а Титов — к Нине Ивановне Королевой. Генерал Кузнецов своим заигрыванием с космонавтами сильно распустил их (сейчас он болеет, а Пашков явно пасует перед ними). Сегодня я послал в Центр полковника Андриянова для проверки соблюдения распорядка дня космонавтами и их занятий зимними видами спорта. У меня накопилось немало данных о том, что космонавты нарушают распорядок дня, а их непосредственные начальники «не

замечают» этих нарушений. Придется завтра самому поехать в Центр, чтобы укрепить там власть руководства.

Только что позвонил Дутов. Он тоже спасовал перед Леоновым и вопреки мнению Главкома Кутахова настаивает на увеличении пенсий и пособий для семьи Беляева. Уступчивость требованиям космонавтов и излишнее внимание к ним наносят вред самим космонавтам.

17 января.

Вчера провел совещание с членами комиссии (37 человек), которой поручено тщательно проверить состояние дел в ЦПК имени Ю. А. Гагарина.

Уже десять лет я отвечаю за работу Центра, и за эти годы сделано многое — были и великие победы, и серьезные поражения. Основная задача Центра — готовить людей к космическим полетам — всегда решалась успешно: за 10 лет не было ни одного случая срыва или задержки пилотируемых полетов из-за неподготовленности космонавтов. В общей сложности проведено 15 пилотируемых орбитальных полетов: восемь одиночных, пять с двумя космонавтами на борту и два — с тремя.[2] Один из полетов закончился гибелью космонавта Комарова, но личный состав ВВС не виновен в его смерти — вся ответственность за это тяжелое происшествие ложится на промышленность и на Главного конструктора В. П. Мишина. Трудно кого-либо конкретно обвинить и в гибели Гагарина, а также в смерти Беляева. Но я не могу отделаться от мысли, что руководители Центра — Кузнецов, Крышкевич, Хлебников, Попов — не все сделали для предотвращения таких тяжелых потерь, а, если это так, значит и на мне лежит какая-то доля вины за эти потери.

В работе Центра есть еще много недостатков, но он развивается и набирает силы. Моя главная задача — помочь руководству Центра устранить все, что мешает дальнейшему совершенствованию подготовки и осуществления пилотируемых космических полетов.

19 января.

После нашего сокрушительного поражения в «лунной гонке» интерес к космосу со стороны больших партийных и государственных руководителей резко упал. На приеме в Кремле по случаю успешного завершения полета трех «Союзов» Брежнев сказал: «Наша генеральная линия в космических исследованиях создание орбитальных станций». Устинов, Келдыш и Смирнов поступили неосмотрительно, вложив эту фразу в уста Генерального секретаря ЦК КПСС. Челомей и Мишин уже несколько лет работают над созданием орбитальных станций, но пока ни тот, ни другой не добились заметных успехов в этом направлении. Оба проекта станций морально устарели, к тому же они вряд ли будут реализованы до конца 1972 года. К этому времени в космосе может появиться более совершенная американская станция. Имея ракету «Сатурн-5», американцы могут легко обогнать нас и в деле создания орбитальных станций (проекты нашей станции рассчитаны на экипаж из трех человек, а на американской станции смогут разместиться одновременно от 6 до 12 астронавтов).

Наше отставание от США продолжает нарастать, и пока нет никаких признаков, что мы сумеем его приостановить. Только полное объединение всех космических исследований под эгидой Министерства обороны и учреждение единого государственного органа для руководства развитием космонавтики могли бы создать условия, необходимые для ликвидации нашего отставания.

Сегодня я был принят первым заместителем министра обороны генералом армии С. Л. Соколовым. Я подробно рассказал Соколову о состоянии дел с космическими исследованиями, о наших ошибках и причинах отставания от США. Приятно было видеть неподдельный интерес собеседника — Соколов задавал мне множество вопросов и проявлял явное стремление глубоко вникнуть в существо наших проблем. Мы договорились встретиться еще раз. Не уверен, будет ли польза от новой встречи с Соколовым, но важно уже хотя бы то, что один из руководителей Министерства обороны проявил интерес к космонавтике. Правда, у меня было немало встреч с

Малиновским, Захаровым, Гречко, Якубовским, Епишевым — все они на первых порах тоже проявляли интерес к космосу, но потом легко забывали о нем.

Генерал Кузнецов вышел на работу. Состояние Поповича и Быковского заметно улучшается (врачи после долгих колебаний диагностировали у них грипп с осложнением на легкие). Эпидемия гриппа в Москве еще не достигла своего максимума и продолжает усиливаться. В моей семье пока все здоровы.

29 января.

Десять дней не брался за дневник — все это время работал в Центре во главе комиссии из 37 проверяющих. В составе комиссии летчики, инженеры, ученые, врачи, политработники, тыловики, финансисты. В проверке состояния дел в Центре мне помогали генералы Горегляд, Бабийчук, Фролов и Васильев. Прошло уже 10 месяцев, как ЦПК переведен на новые штаты и юридически оформлен в научно-испытательную исследовательскую организацию. Мы очень тщательно проверили 70-й отдельный авиаполк, все три управления, штаб и службы Центра. Общее впечатление от проверки положительное и сводится к следующему.

1. Организационная структура Центра и полка образована правильно и соответствует стоящим перед ними задачам.

2. Основная масса личного состава соответствует занимаемым должностям и работает хорошо.

3. Центр и полк в 1969 году добились заметных достижений в своей работе: в космос поднимались 9 космонавтов (двое из них — дважды), планы летной и учебной работы выполнены без происшествий, окрепла учебная база, космонавты Центра успешно провели десятки выездов за границу и сотни встреч с трудящимися Советского Союза.

Комиссией были отмечены и главные недостатки в работе Центра и полка:

1) научно-исследовательская и испытательная работа развернуты еще слабо, строительство зданий для тренажеров сильно отстает от плановых заданий;

2) строительство в полку ведется медленно, служба тыла и ИАС (инженерно-авиационная служба. — Ред.) полка работают пока ниже своих возможностей;

3) дисциплина и воспитательная работа в Центре оставляют желать много лучшего, качество спортивных занятий космонавтов недостаточное, космонавты нерегулярно проводят физзарядки;

4) начальник Центра генерал Кузнецов часто и подолгу болеет, слабо руководит своими заместителями, не умеет выделять главные направления в работе Центра и не может наладить тесное взаимодействие с институтами и КБ;

5) заместители начальника Центра товарищи Береговой, Николаев и Попов еще не нашли себя как ответственные руководители и воспитатели подчиненных.

Общий вывод по результатам проверки: Центр и полк находятся на подъеме — в этом основная заслуга их коллективов, но трудовые успехи могли бы быть более весомыми, если бы руководство Центра — начальник и его заместители — работало с большей целеустремленностью и ответственностью. В прошедшем году из руководящих работников Центра лучше других работали Беляев, Самсонов, Клишов, Масленников, Лавров, Игнатьев, Суханов. Поскольку Кузнецов снова болеет, а вчера отвезли в госпиталь и генерала Пашкова, я вызвал из отпуска Берегового и приказал ему командовать Центром.

Вчера и сегодня встречался с Кутаховым и Морозом. Оба они молчат о моем «деле», а я не напрашиваюсь на их внимание. Чувствую, что все это только вредит моей работе, но не я в этом виноват.

2 февраля.

Уже три раза встречался с генералом армии Соколовым Сергеем Леонидовичем. Он пока поддерживает мое предложение о полном объединении руководства космонавтикой в Министерстве обороны.

Сегодня доложил маршалу Кутахову о результатах проверки Центра. Кутахов был предельно любезен и легко дал согласие

на выделение в этом году 850 тысяч рублей на строительство тренажного корпуса. Он согласился также направить генерала Кузнецова на обследование в госпиталь с целью определения годности его к дальнейшей службе, а затем терпеливо выслушал мой доклад о предстоящем длительном полете двух космонавтов.

Генерал Ефимов находится в командировке в Египте, Кузнецов и Пашков болеют, так что мне одному приходится выступать в трех лицах. На днях с группой Николаева и специалистами был в ИМБП Минздрава, ознакомился с проходящими там испытаниями системы жизнеобеспечения для длительного космического полета. Испытания проходят удовлетворительно: есть уверенность, что мы получим надежную СЖО для 20-суточного полета. Договорились по вопросам второго этапа испытаний и по всему объему медико-биологического обеспечения полета. Институт Минздрава набирает силу и уже сейчас может во многом помогать нам, но врачи ВВС пока еще плохо используют его возможности.

7 февраля.

5 февраля участвовал в совещании у генерала армии Соколова. Присутствовали Алексеев, Карась, Бойчук, Чернявский и другие. Из девяти генералов — участников совещания — восемь были артиллеристами и ракетчиками и лишь один — авиатором. В своем докладе генерал Карась высказался за полное объединение космонавтики, но при этом он возложил вину за все наши провалы в космосе только на промышленность и пытался обелить руководящие инстанции, не сказав ни единого слова критики в адрес ракетных войск и ЦУКОС. Соколов, Алексеев и другие товарищи задавали Карасю очень много вопросов, пытаясь выяснить истинные причины нашего отставания. В результате двухчасовых дебатов никакого решения не приняли, а лишь договорились о продолжении обмена мнениями в ближайшие дни.

Весь вчерашний день работал в Центре. Встречался и беседовал с Береговым, Николаевым, Леоновым, Шаталовым, Терешковой и другими космонавтами. Утвердил составы

основных и дублирующих экипажей на корабли «Союз-10» и «Союз-11». Принял решение об организации в Центре исследовательских работ по невесомости и искусственной гравитации, разобрался с задачами медико-биологического обеспечения полета космонавтов на «Союзе-9». Рассмотрел основные вопросы проведения в апреле этого года празднования 10-летия Центра и исполняющейся в будущем году десятой годовщины полета Юрия Гагарина.

Сегодня по моему указанию Береговой, Леонов и Шаталов побывали у генерал-полковника Комаровского и добились от него распоряжения об ускорении строительства большого тренажного корпуса и двух 9-этажных жилых домов. Комаровский был очень любезен с космонавтами и обещал им оказывать всемерную помощь в строительстве Звездного. Сегодня же Леонов в беседе со мной один на один высказал мнение космонавтов о генерале Н. Ф. Кузнецове. Вкратце оно сводится к следующему: Кузнецов — больной человек, у него слабая память, он очень нерешителен и боится принимать ответственные решения; Кузнецов развалил связи Центра с КБ и институтами, он не в состоянии стойко бороться за интересы ВВС и, не пользуясь авторитетом у представителей промышленности, легко пасует перед ними.

Только что у меня был Крышкевич, который полностью согласился с мнением космонавтов о генерале Кузнецове. Да, Кузнецова надо снимать с должности, но подготовка к предстоящему полету «Союза-9» и празднованию юбилейных дат делает невозможной его немедленную замену. Пока он будет оставаться начальником Центра, мне придется побольше помогать ему и почаще контролировать его действия.

8 февраля.

Сегодня воскресенье, но я с утра работаю в Главном штабе ВВС. Вчера поздно вечером маршал Кутахов приказал мне срочно подготовить справки, схемы, таблицы и другие материалы по космосу для своего выступления на предстоящем 9 февраля совещании у генерала армии Соколова.

Три дня назад, прослушав доклад Карася и других генералов-ракетчиков, я понял, что им нельзя доверять реорганизацию руководства космонавтикой — они могут создать организационную структуру, которая будет еще хуже, чем существующая в данное время. В сложившейся обстановке есть только один выход: надо создать временный координационный орган в Министерстве обороны во главе с первым заместителем министра, обладающий правами представительства в ЦК КПСС, Совете Министров и во всех военных и гражданских ведомствах, связанных с освоением космоса. Свои соображения в пользу создания такого органа я высказал Кутахову, он согласился с ними, но потребовал представить кучу справок и обоснований. Кутахов не знает космонавтики, не любит ее, но пытается руководить ею и высказывать «идеи» и предложения по предстоящей реорганизации я опасаюсь, что никакие справки ему не помогут, — он может все перепутать и предложить совсем не то, что нужно для дела.

Вчера беседовал с Алексеем Леоновым, разговор шел о необходимости довести до Л. И. Брежнева истинную картину состояния космических дел в стране. Леонов горяч, честен и прямолинеен — он готов подписать и яро защищать документ, раскрывающий все наши слабости и ошибки. При этом он забывает, что такой документ будет больно бить по Мишину, Келдышу, Смирнову, Сербину, Устинову, Крылову, Захарову, Гречко и многим другим. Все эти товарищи будут сначала умело защищаться и хитро изворачиваться, а потом перейдут от обороны к наступлению против авторов письма и сотрут их в порошок. Кроме того, не надо забывать, что обнажение всех причин наших провалов в космосе не доставит удовольствия самым высоким руководителям партии и государства. Уверен, что все космонавты согласятся подписать письмо Брежневу, но имею ли я право на риск подвести их под мощный ответный удар? Я долго искал выход из создавшейся ситуации, но пока не пришел к какому-либо определенному решению. Буду выжидать, хотя прекрасно понимаю, что время работает сейчас не на нас.

11 февраля.

В совещании 9 февраля у генерала армии Соколова участвовали Крылов, Кутахов, Катасонов, Алексеев, Карась, Чернявский, Фролов, Бойчук и я. Маршал Крылов высказался в том духе, что военная космонавтика очень важна для обороны страны, что она будет бурно развиваться и в скором времени оформится в самостоятельный вид Вооруженных Сил, пока же следует преобразовать ЦУКОС в Главное управление космических средств (ГУКОС), подчиненное по-прежнему ракетным войскам. Кутахов предложил передать руководство «военным космосом» первому заместителю министра обороны, создав при нем небольшой аппарат для координации работ по космосу в различных военных ведомствах. Генерал Алексеев, а вслед за ним и Соколов поддержали позицию Крылова. Я выступал несколько раз, пытаясь убедить Крылова, Соколова и Алексеева в том, что нецелесообразно сосредоточивать руководство космонавтикой в каком-либо одном виде Вооруженных Сил, что преобразованный ЦУКОС должен стать по существу правительственным межведомственным органом. В своих выступлениях я крепко задевал Крылова и Карася, они отчаянно защищались, но, по-видимому, их позиция заранее была согласована с Соколовым — мои доводы и призывы к разуму успеха не имели...

Вчера вернулись из Египта Ефимов и Батицкий. Сейчас им, как и Главкому, занятому подготовкой своего визита в Индию, не до космоса. Сейчас есть лишь один путь борьбы против ошибочной позиции Крылова и Соколова — это согласованное выступление трех Главкомов (ВВС, ВМФ и ПВО) в поддержку наших предложений. Моряки уже дали согласие поддержать нас, но Главкома ПВО Батицкого предстоит еще «завоевывать».

Вчера и сегодня я был в Генеральном штабе и убедился в том, что практически весь аппарат Генштаба настроен на централизацию руководства «военным космосом», но, выполняя указания Соколова, вынужден готовить доклад министру с предложением о преобразовании ЦУКОС в ГУКОС при сохранении подчиненности его ракетным войскам.

12 февраля.

Сегодня провел в ЦПК разбор результатов его комплексной проверки. На разборе присутствовали начальники отделов, служб, управлений и руководство Центра, от ЦК КПСС был А. М. Москалев. Основные выводы по состоянию дел в Центре сводятся к следующему.

Центр, полк и другие его подразделения находятся на подъеме. В 1969 году личным составом проделана большая работа по обеспечению пяти пилотируемых космических полетов без летных и других происшествий. Много сделано (особенно в полку) по укреплению учебной базы, окрепла организационная структура, Центр приступил к плановой научно-исследовательской и испытательной работе. Улучшился порядок в гарнизоне, стало меньше случаев нарушений воинской и трудовой дисциплины. Заметно лучше стал работать политотдел и лично полковник Крышкевич. Главные недостатки в работе Центра связаны с вопросами строительства и создания тренажеров. Начальник Центра генерал Кузнецов много болеет и не охватывает весь объем работ. Новый начальник штаба генерал Пашков проявил себя еще недостаточно как руководитель — его деятельность в Центре нельзя оценить выше удовлетворительной.

14 февраля.

Провел вчера в Центре большое совещание по вопросам медико-биологического обеспечения предстоящего длительного космического полета. Присутствовали экипажи «Союза-9» и специалисты Центра, от ЦКБЭМ были Трегуб, Анохин, Правецкий и другие, от Минздрава — Гуровский и группа врачей. У нас не решены пока следующие вопросы:

1) где и в течение скольких дней следует проводить послеполетное обследование космонавтов (врачи высказываются за Москву и за 10–12 дней, но есть опасение, что с этим предложением не согласятся «в верхах»);

2) одна часть врачей и сами космонавты считают, что вращения на центрифуге можно не проходить тем из членов экипажей, кто проходил их в августе прошлого года; другая

часть врачей выступает за вращения для всех без исключения, причем с перегрузками до 10 единиц;

3) пока не ясно, когда экипажу «Союза-9» следует переходить на бортовое питание; врачи высказываются за переход на бортовой паек за трое суток до старта, а космонавты считают, что бортпаек надо использовать только в полете.

Есть и другие, более мелкие, медицинские вопросы, которые необходимо решать немедленно. Разнобой в подходе к медицинскому обеспечению полета объясняется тем, что в подготовке экипажей участвуют как врачи ВВС, так и врачи Минздрава, между которыми идет длительная борьба за лидерство в космической медицине. Я должен признать, что в этом затянувшемся споре обе стороны допускают большие ошибки и это сильно вредит делу.

16 февраля.

По заказу АПН Е. И. Рябчиков пишет книгу «Советские космонавты», рассчитанную на иностранных, прежде всего американских, читателей. Руководители АПН и сам Рябчиков просили меня быть редактором книги. Пока я дал согласие только на ознакомление с рукописью. Вчера закончил чтение первой половины рукописи с главами о Циолковском, Королеве и полете Гагарина. Рябчиков — один из самых компетентных писателей в области космонавтики, он хорошо знает ее историю (был один раз в Калуге у Циолковского), лично знал С. П. Королева, знаком со всеми нашими космонавтами. В прочитанной мною части рукописи содержится богатый и интересный материал по истории развития ракетной техники. Вторая половина рукописи еще не завершена, но я уверен, что Евгений Иванович напишет хорошую книгу о нашей космонавтике. Все свои замечания я передам лично Рябчикову (мне, в частности, кажется, что содержанию книги больше соответствовало бы название «Русский путь в космос»).

Сегодня меня посетил автор киносценария «Аркадий Каманин» товарищ Безуглов Анатолий Филиппович. Вместе с ним был и режиссер будущего фильма (в прокат фильм вышел под названием «И ты увидишь небо». — Ред.). Я прочитал

сценарий, в котором Аркадий и его родители носят фамилию Канины. Изменение фамилии потребовалось авторам кинокартины потому, что они хотят создать типичный образ молодого героя и при этом чувствовать себя свободнее в описаниях событий из его жизни. В сценарии много слабых мест, связанных с боевой работой генерала Канина, излишне много написано о космонавтах и до обидного мало — о полетах Аркадия. Категорически отказавшись от участия в съемках фильма, я предупредил его авторов, что для проведения киносъемок на аэродромах и в Звездном они должны будут получить разрешение Главкома ВВС, причем без какого-либо вмешательства в это дело с моей стороны. Свое участие в создании кинофильма о моем сыне я ограничил лишь советами и бесплатными консультациями.

17 февраля.

По приказу министра обороны мы должны были до 1 января 1970 года осуществить набор тридцати слушателей-космонавтов. За пять месяцев отборочные комиссии в армиях и округах просмотрели около пятисот кандидатов, из которых 154 были направлены на медицинское обследование в Москву. Годным по состоянию здоровья был признан только 21 кандидат. Сегодня я провел первое заседание комиссии по отбору, в составе которой генералы Пушкин, Бабийчук, Горегляд, Береговой, Кузнецов и другие. Рассмотрели лишь четырех кандидатов: очень хорошее впечатление на всех членов комиссии произвели летчики Березовой и Джанибеков, единогласно были приняты также летчик Дедков и инженер Фефелов, но оба они слабее первой пары.

Маршал Вершинин выбрался, наконец, из больницы. Сегодня он позвонил мне — я был рад вновь услышать его голос. Константин Андреевич внимательно прочитал рукопись моей книги «Летчики и космонавты». Он хорошо отозвался о первой части рукописи, посвященной Челюскинской эпопее, а по главам о войне, о встречах со Сталиным, о космосе и космонавтах высказал несколько критических замечаний, которые я обязательно учту при окончательной правке текста.

Вчера я был в АПН. Руководство этого агентства собирается делать кинофильм для США под условным названием «Русский путь в космос». Е. И. Рябчиков берется за написание киносценария. Евгений Иванович и руководители АПН настойчиво просили меня оказать им помощь в создании фильма. С Рябчиковым мы работаем над космическими кинофильмами уже десять лет, и я не могу отказать ему в советах и поддержке.

Вчера мы провели в ЦДСА торжественное собрание работников центрального аппарата ВВС, посвященное 52-й годовщине Вооруженных Сил. С докладом выступил начальник Главного штаба ВВС генерал-лейтенант А. П. Силантьев. Кроме кадровых офицеров и генералов на вечере присутствовало много ветеранов ВВС, среди которых я рад был приветствовать Главного маршала авиации А. А. Новикова, генералов Брайко, Шиманского, Никитина.

18 февраля.

Получил решение Политбюро (Протокол № 155 от 13 февраля 1970 года) о материальном обеспечении семьи умершего летчика-космонавта СССР П. И. Беляева:

1) выдать единовременные пособия: жене — 2000 рублей, дочерям — по 1000 рублей;

2) назначить персональные пенсии: жене — 180 рублей, дочерям — по 75 рублей;

3) сохранить за членами семьи право на лечебное и санаторное обслуживание;

4) поручить Моссовету выделить для семьи отдельную квартиру;

5) Министерству обороны обеспечить обслуживание семьи легковым автотранспортом (по вызову);

6) разрешить Министерству обороны израсходовать 5000 рублей на сооружение надгробия на могиле П. И. Беляева.

Ознакомился с решением ЦК и Совмина о создании новой ДОС долговременной орбитальной станции — на базе «Алмаза» и корабля 7К. Новая станция будет иметь обозначение ДОС-7К. Министерство обороны высказывалось против нового

проекта ДОС и за продолжение работ по «Алмазу» и военно-исследовательскому кораблю ВИ. У нас были и остаются опасения, что принятие проекта ДОС-7К затормозит или даже полностью «заморозит» разработку «Алмаза» и корабля ВИ. Решением о создании ДОС-7К Устинов и Смирнов хотят прикрыть провалы промышленности в строительстве космических кораблей и ракет. Подобный маневр применяется ими уже не первый раз. В 1967 году они распорядились прекратить работы Козлова по кораблю ВИ, пообещав, что к 1968 году Мишин построит более совершенный корабль военного назначения на базе 7К-ОК. С тех пор прошло три года, но мишинский проект ВИ не продвинулся дальше бумаги…

Сегодня ко мне приезжали представители ВПК Щегольков и Ходаков с целью получить визу на проекте решения о сроках готовности ДОС. Я отказался визировать этот документ, потому что в нем нет ни слова о крайне необходимых нам тренажерах. Во всех решениях о создании новых космических кораблей, как правило, забывают записать пункт о строительстве тренажеров для космонавтов. На этот раз я решил поломать эту вредную традицию и буду добиваться, чтобы тренажеры строились одновременно с кораблями.

19 февраля.

Сегодня мне звонили из административного отдела ЦК, а несколько позже позвонил секретарь ЦК Б. Н. Пономарев. Оба звонка связаны с общественной деятельностью Валентины Терешковой, а конкретнее — с жалобой Терешковой на то, что ЦПК плохо обеспечивает ее автомашиной для поездок в Москву. Пономарев прочитал мне мораль на тему о значении Международного женского симпозиума, проходящего в эти дни в Москве, о большой и ответственной работе, проводимой Терешковой, и о необходимости создать все условия для ее общественной деятельности. Я сказал Пономареву, что командование ВВС делает все, чтобы помочь Терешковой в ее очень трудной работе, но у нас ограниченные возможности и было бы хорошо, если бы ЦК выделил ей специальную легковую машину и двух шоферов. На вопрос Пономарева: «А кто может

это решить?» — я ответил, что это можно сделать решением правительства или приказом маршала Гречко.

Для служебных поездок космонавтов у нас имеются только три легковых автомобиля, причем с моего разрешения почти половина их пробега используется Терешковой. Другие космонавты справедливо ворчат по этому поводу — положение явно ненормальное, и его надо исправлять. Я предлагал Вале написать письмо в ЦК с просьбой обеспечить ее транспортом, такое письмо она не написала, а решила пожаловаться на руководство ЦПК. Я приказал генералу Кузнецову впредь до особого распоряжения выделять автомашину Терешковой, но это может продолжаться месяц-другой, а дальше надо решать этот вопрос более основательно.

Терешкова капризна, обидчива, а иногда и груба. В семье она захватила безраздельную власть, а нередко пытается навязывать свои мнения и руководству Центра. Я уже не раз предупреждал ее от вмешательства в дела Центра, и сейчас она несколько приутихла. Надо признать, что Терешкова очень энергична и властна. Она с головой погрузилась в работу Комитета советских женщин и значительно подняла авторитет и работоспособность этой организации. Ее частые поездки за границу проходят с большой пользой для развития женского революционного движения. Одним словом, Терешкова нашла себя на посту председателя Комитета, и я был прав, когда предлагал ей идти учиться не в академию имени Жуковского, а в Академию общественных наук, чтобы готовить себя на роль вожака советских женщин.

Сейчас Терешкова настолько увлечена общественно-политической деятельностью и тратит на нее так много сил, что врачи начинают беспокоиться о ее здоровье. Я уговорил Валю работать в Комитете только четыре дня в неделю, а остальные два — заниматься в Центре по космической программе. Подобное распределение нагрузки и занятия спортом под постоянным наблюдением врачей помогут сохранить ей здоровье и работоспособность. Валя еще мечтает о парашютных прыжках, о полетах на самолетах и космических кораблях. Она

настойчиво напоминает мне при каждой нашей встрече об этих своих стремлениях, но я-то хорошо знаю, что для нее все это уже позади. А в целом я доволен Терешковой: она сделала все, чего я мог от нее ожидать, когда готовил ее в космический полет.

20 февраля.

Я уже десятки раз писал о том, что у нас не было и нет планов пилотируемых полетов. Подходит к концу февраль юбилейного 1970 года, но ни один человек в Советском Союзе не знает, когда состоится очередной полет. По первоначальным наметкам предполагалось, что в августе-сентябре должны одновременно летать два «Союза», но в конце декабря прошлого года мы получили команду: к 1 апреля подготовить одиночный полет двухместного «Союза» продолжительностью 18–20 суток. Две недели назад на нас крепко нажали и заставили завершить и без того сокращенную программу подготовки космонавтов к 20 марта. Сегодня на Госкомиссии мы собирались доложить, что будем готовы и к этому сроку, но комиссия не заседала: поступило распоряжение о переносе полета на май — наша космонавтика получила очередную оплеуху…

Вся эта чехарда со сроками резко снижает качество подготовки к полетам, вносит сумятицу в работу сотен научных и промышленных организаций. В который уж раз я отмечаю в своем дневнике, что персональную ответственность за отсутствие четкого планирования космических исследований несут Л. В. Смирнов, И. Д. Сербин и Д. Ф. Устинов.

21 февраля.

Более часа беседовал с Е. И. Рябчиковым о его книге под условным названием «Путь русских в космос» и кинокартинах на космические темы. Я просил Евгения Ивановича в работе над книгой и киносценариями опираться лишь на точные, проверенные факты и по возможности расширять круг «персонажей», готовивших наши победы в космосе (Руднев, Керимов, Кириллов, Яздовский и другие). Рябчикову и мне очень хотелось бы также приподнять завесу над именами Глушко,

Пилюгина, Бармина и многих других создателей космической техники. Договорились, что невзирая на большие трудности мы будем добиваться более полного и правдивого освещения истории нашей космонавтики. Рябчиков нормально воспринял большую часть моих поправок и замечаний к тексту рукописи и обещал еще раз внимательно просмотреть ее, чтобы исключить или исправить все сомнительные факты и описания.

Звонил К. А. Керимов — он просил меня твердо отстаивать перед Мишиным и руководством необходимость проведения длительного пилотируемого полета на одиночном корабле. Я заверил Керима Алиевича, что боролся и буду продолжать бороться за осуществление такого полета.

25 февраля.

Вчера я и космонавты были в болгарском посольстве. Посол Болгарии Стоян Гюров вручил нам медали «25 лет народной власти». В тот же день медали получили мои сослуживцы по 5-му ШАК — Яроцкий, Кувшинников, Лешуков, Шмиголь, Кумсков, Коряков, Крашенинников и другие.

На сегодня нет никакой ясности по очередному космическому полету: Мишин настаивает на парном полете в августе, а руководство МОМ (Афанасьев, Керимов) при поддержке ВВС — на одиночном полете в мае. Нет продвижения вперед и в деле реорганизации «руководства космосом» в масштабах Министерства обороны: генерал армии Соколов не справляется с задачей, поставленной перед ним министром Гречко.

Вчера узнал из газет приятную новость: авиационному полку имени Ленина (бывшая эскадрилья имени Ленина, в которой я прослужил пять лет) присвоено почетное звание «Отличный полк». Явившись инициатором соревнования воинских частей за достойную встречу 100-летнего ленинского юбилея, полк полностью выполнил свои обязательства.

Сегодня у меня снова был Е. И. Рябчиков. В честь предстоящего десятилетия первого полета человека в космос мы хотим создать хорошую кинокартину и книгу о Юрии Гагарине.

Надо также активизировать работы по созданию памятников Гагарину.

26 февраля.

Разговаривал с Кутаховым, Морозом и Ефимовым о предстоящем юбилее Центра подготовки космонавтов (десятилетие со дня основания ЦПК исполнилось 9 января 1970 года, но приказом министра обороны определен день празднования юбилея — 12 апреля). Все трое согласились с моим предложением: представить Центр к награждению орденом Ленина, а человек 20 ветеранов наградить орденами и медалями.

Вчера Кутахов и я завизировали проект решения ВПК о создании долговременной орбитальной станции, хотя со стороны Министерства обороны (Соколов, Карась и другие) имеются серьезные возражения против этого проекта. Положение со строительством пилотируемых кораблей сейчас настолько запутанное, что никто не знает, когда, какие корабли и в каком порядке будут готовиться к полетам. Реально существует один надежный корабль «Союз», четыре экземпляра которого находятся в производстве. Наше предложение о заказе серии из 10 «Союзов» отклонено под предлогом, что они морально устарели, а все новые корабли и станции («Алмаз», ВИ, Л-3, ДОС) существуют только на бумаге. Мишин еще тешит себя надеждами «научить летать» ракету Н-1 и пытается усовершенствовать корабль Л-3, но шансы на успешную реализацию этих попыток и надежд близки к нулю. Нужен твердый государственный план полетов пилотируемых космических кораблей, но такого плана нет, и неизвестно, когда он будет. Положение тяжелое, и оно продолжает ухудшаться.

27 февраля.

Сегодня был в ЦКБЭМ на ученом совете главных конструкторов. В повестке дня значился один вопрос: о проекте долговременной орбитальной станции. В защиту проекта выступили Мишин, Бушуев и Черток. Всем присутствующим было хорошо известно, что есть решение ЦК и Совета Министров о создании к концу 1970 года двух экземпляров ДОС на базе

основных систем корабля «Союз» и орбитальной станции «Алмаз», поэтому против проекта никто не выступал.

С заключением по проекту ДОС выступил Завадский от Мозжорина (ЦНИИмаш). Он доложил, что на изготовление первого экземпляра станции потребуется 1,5–2 года, и отметил некоторые слабые стороны проекта (вопросы устойчивости, стыковочные узлы, СЖО, АСУ). Заключение, с моей точки зрения, было правильным, но небрежно оформленным — оно вызвало у Мишина бурю негодования.

Мишин призвал всех главных конструкторов сделать все возможное, чтобы первая ДОС поднялась в космос до конца этого года. Призывы призывами, но не учитывать реальные возможности просто глупо. Я убежден, что раньше второй половины 1971 года ДОС летать не будет. Отличных проектов пилотируемых кораблей мы уже видели немало («Алмаз», ВИ, Л-1), но от проекта до реального корабля дистанция огромного размера, в пять-семь лет, к тому же выполненный в металле корабль, как правило, отличается от проекта в худшую сторону. Все сроки реализации проектов «Алмаз» и ВИ давно прошли, а кораблей все нет. Принятый проект ДОС еще больше затормозит работу над старыми проектами…

Мишин уже не так яро, как прежде, защищает свою идею о полете на стыковку двух «Союзов» с использованием новой системы сближения и причаливания «Контакт». Главный конструктор этой системы Богомолов обещал выдать ее до конца 1969 года, но уже ясно, что он не выдаст ее и в этом году. Я уговаривал Мишина не связывать полет «Союза-9» со стыковкой кораблей и дать согласие на проведение в мае длительного полета двух космонавтов на одном корабле. Мишин пока еще не сдается, но мы будем продолжать подготовку Николаева и Севастьянова к одиночному полету на «Союзе-9» во второй половине мая. Сегодня я подтвердил Кузнецову все команды и указания, необходимые для подготовки именно такого полета.

28 февраля.

Сегодня у меня были драматург Кац и писатель Смирнов. Они изъявили желание написать сценарий или повесть об

Аркадии Каманине. Я рассказал им о том, что уже написано об Аркадии (повести Дубинского и Котыша, сценарий Безуглова и др.), и о готовящемся фильме. После моих сообщений интерес к этой теме у обоих товарищей заметно понизился, а у меня не было ни малейшего желания подогревать его.

Получил от Главкома указание подготовить соображения об очередной космической пятилетке на 1971–1975 годы. Никаких исходных данных для составления плана нам не дали, да и дать их никто не мог и не может. Единственной основой для работы над планом могут быть только решения ЦК и Совета Министров по изготовлению пилотируемых космических кораблей. При составлении предыдущей космической пятилетки (1966–1971) мы так и поступили, но из-за срыва промышленностью планов создания ракет и пилотируемых кораблей оказались невыполненными наши основные задачи на этот период: облет Луны экипажем и экспедиция на Луну, доведение численности отряда космонавтов до 140 человек (имеем только 47), формирование частей для эксплуатации «Алмаза» и кораблей ВИ.

Повторять подобное «планирование» на новую пятилетку представляется совершенно бессмысленным делом, а планировать все же надо. Мы будем пытаться спланировать только то, что более или менее реально выполнимо — задания по капитальному строительству, по созданию учебно-тренажной базы Центра, по количеству подготовленных космонавтов. Планировать количество пилотируемых полетов и определять их программы мы не можем — такой план должен составляться правительством, мы же можем лишь высказывать свои пожелания.

Только что звонил Вершинин. У него очень бодрый голос — чувствуется, что его самочувствие значительно улучшилось. Константин Андреевич коротко повторил свои замечания по рукописи моей будущей книги «Летчики и космонавты» и поинтересовался моим мнением о его предисловии к ней. Вершинин в целом доволен книгой, но настойчиво рекомендовал устранить в отдельных местах пышные обороты, похвальбу и

сомнительные эпизоды. Я полностью согласен с ним и должен признать, что над рукописью надо еще серьезно поработать, особенно в тех ее местах, где приложил свою «литературную руку» Михаил Иванович Голышев.

5 марта.

Весь вчерашний день провел в Центре и в полку. Проверил ход реализации указаний январской комиссии и организацию летной работы. Полк и его штаб вяловато устраняют недостатки в службе войск, а Центр (Кузнецов, Алексеев) мало помогает полку в налаживании образцового порядка в организации полетов. Так, 19 февраля генерал Кузнецов подписал приказ о летной работе, из 11 пунктов которого 6 не нужны, так как они повторяют содержание приказов и директив старших начальников, а остальные 5 просто вредны как противоречащие Наставлению по производству полетов и приказам Главкома ВВС и министра обороны. Пришлось отменить этот приказ.

Был на квартирах у Терешковой, Гагариной и Беляевой. Терешкова больна и уже четвертый день не выходит на службу. Ее общее недомогание, головокружения, повышенная нервозность и отсутствие аппетита свидетельствуют об ослаблении организма из-за больших перегрузок в работе, которые особенно возросли в последние дни февраля в связи с проведением Международного женского симпозиума. Валю очень нервирует вопрос об автомашине для поездок в Москву: штатной машины у нее нет, а машина, выделяемая Центром, из-за нераспорядительности Кузнецова не всегда надежно обеспечивает такие поездки (был случай опоздания Терешковой на симпозиум на сорок минут). По характеру работы Терешковой — председательницы Комитета советских женщин — вопрос обеспечения ее поездок должен решить ЦК КПСС (Б. Н. Пономарев), но пока работники ЦК занимаются только разговорами на эту тему. Придется мне написать письмо в ЦК с просьбой о кардинальном решении этого вопроса.

Вместе с Терешковой посетил Валентину Ивановну Гагарину в ее квартире. Втроем почитали дневники Юрия Алексеевича и решили, что публиковать их еще рано. Свои дневниковые записи

Гагарин вел, начиная с лета 1961 года, в них много длительных пропусков, последняя запись датирована 23 марта 1968 года. Посоветовав Валентине Ивановне никому не показывать дневники, я передал ей семь денежных знаков, которые были в бумажнике Гагарина в момент его гибели (три ассигнации по 25 рублей, одна — десятирублевая, одна — трехрублевая и две — по рублю).

Потом я зашел к Т. Ф. Беляевой и передал ей постановление правительства о пенсионном обеспечении вдовы и дочерей П. И. Беляева. Мы договорились о переезде семьи Беляевых на жительство в Москву и о работах по созданию надгробия на могиле Павла Ивановича. Татьяна Филипповна охотно согласилась привлечь к этим работам скульптора Постникова.

При отъезде из Звездного встретился с Анной Тимофеевной Гагариной, приехавшей из города Гагарина по делам музея Юрия Алексеевича на его родине. Я приказал Кузнецову и Крышкевичу подобрать для музея экспонаты, документы, фотографии.

6 марта.

Имел сегодня очень серьезный телефонный разговор с секретарем Московского горкома партии А. П. Шапошниковой. Я предъявил Алле Петровне обоснованные претензии по поводу чрезмерной перегрузки Терешковой и проявленного по отношению к ней обидного недоверия. Терешкова уже шестой день испытывает сильное недомогание, а сегодня она должна была выступить на заседании Моссовета с докладом о дне 8 Марта. Врачи, учитывая состояние здоровья Вали, не только запретили ей поездки в Москву и выступления, но и настойчиво рекомендовали соблюдать постельный режим. Я переговорил с Валей и попросил ее строго выполнять все рекомендации врачей.

Вчера Шапошникова поступила бестактно: она послала к Терешковой на квартиру двух работников горкома, которые уговаривали Валю обязательно выступить с докладом, ссылаясь на то, что она утверждена докладчиком «на самом верху» и что

у них нет другой такой «представительной фигуры» для выступления. В разговоре с Шапошниковой я дал ей понять, что она и ее подчиненные по меньшей мере не проявили чуткости к Терешковой. Я также попросил Аллу Петровну сделать все возможное, чтобы оградить Терешкову от чрезмерных перегрузок по работе в Комитете советских женщин. Шапошникова поняла всю сложность обстановки, отказалась от попыток заставить Терешкову выступить с докладом и обещала оказать помощь в ее работе.

7 марта.

Врачи доложили, что состояние здоровья Терешковой требует освобождения ее от работы и немедленного основательного лечения. Я дал распоряжение сделать все, что нужно для восстановления здоровья Вали, и при необходимости направить ее в госпиталь или санаторий. Вчера вечером я снова говорил с ней по телефону — Валя пытается бодриться, но даже по голосу чувствуется, что она больна. Ее особенно оскорбили подозрительность и недоверчивость Шапошниковой, подогретые неумным заявлением генерала Кузнецова. Оказывается, вчера в разговоре с Шапошниковой Кузнецов заявил буквально следующее: «Терешкову надо освободить от доклада, сегодня у нее день рождения, да и чувствует она себя неважно...» Вместо того, чтобы согласиться с требованиями врачей и сказать, что Терешковой из-за болезни нельзя выходить из дому, он посеял сомнение в истинных мотивах ее отказа от выступления с докладом.

Придется мне самому лично контролировать исполнение всех мероприятий по организации лечения Терешковой, не полагаясь на Бабийчука и Кузнецова, способных исказить и запутать самые простые вопросы. Кузнецов, например, усложняет вопрос об отдыхе экипажей «Союза-9». Мы имеем возможность предоставить отпуск экипажам с 20 марта на 20–30 суток. Ребята хотят отдыхать на юге, а Кузнецов пытается уговорить их провести отпуск в Подмосковье. Мне кажется, что доводы космонавтов в пользу отдыха на юге более весомы.

Говорил с Е. А. Фурцевой о ходе работы скульпторов и архитекторов по созданию памятников Гагарину. Несколько месяцев назад мы рассмотрели проекты памятников в Москве, Гжатске, Звездном, а также на месте гибели Гагарина и Серегина. Первые два проекта были единодушно одобрены нами, а два последних — забракованы. Доработка проектов идет очень медленно, и есть опасения, что не все памятники будут готовы к 10-й годовщине полета Гагарина. Фурцева решила вызвать к себе 9 марта всех товарищей, ответственных за создание памятников, и в присутствии наших представителей заслушать отчеты о ходе работ.

Руководители МО и ВВС сейчас полностью заняты подготовкой войсковых маневров «Двина» — все космические вопросы отошли для них далеко на задний план. Меня же в данное время больше всего волнуют проблемы «объединения космоса» в масштабе Министерства обороны и создания специального органа для руководства космонавтикой в масштабе страны. В феврале и марте я уже дважды был в ЦК КПСС (в административном отделе и в отделе оборонной промышленности) и пытался подготовить ответственных работников ЦК (Мальшаков, Строганов, Москалев и другие) к поддержке позиции ВВС по этим вопросам. В административном отделе мне обещали поддержать наши предложения, а Строганов таких намерений не проявил — он больше защищал и оправдывал существующие порядки.

9 марта.

Вместе с Леоновым был у Е. А. Фурцевой — она пригласила нас послушать представителей творческих групп, работающих над созданием памятников Гагарину. Договорились, что до 15 мая все проекты памятников будут рассмотрены экспертным советом Министерства культуры, а памятники в ЦПК и в городе Гагарине к этому же сроку будут смакетированы в натуральную величину. Открытие памятника в Москве решили приурочить к 10-летию полета Гагарина, а все остальные (в ЦПК, в городе Гагарине и на месте гибели Гагарина и Серегина) — открыть до конца 1970 года.

После совещания Екатерина Алексеевна рассказала мне о судьбе нашего ходатайства перед ЦК КПСС и правительством о реконструкции обелиска на месте приземления Юрия Гагарина и корабля «Восток» 12 апреля 1961 года. На заседании секретариата ЦК М. А. Суслов высказался примерно так: «Я был в Саратове, осмотрел памятный обелиск на месте посадки Гагарина — обелиск хороший, и пока нет надобности его переделывать…» Все секретари ЦК согласились с мнением Суслова.

Фурцева полна энергии и творческих замыслов и, как всегда, продуманно и быстро решает все вопросы. Я знаю Екатерину Алексеевну уже 22 года (секретарь МК, секретарь ЦК, министр культуры), у нас с ней были десятки деловых встреч, и всегда я восхищался ее уменьем быстро находить правильные решения самых непростых вопросов. Е. А. Фурцева — единственный министр-женщина в правительстве Советского Союза, но она, бесспорно, входит в десятку лучших наших министров и даже в десятку лучших государственных деятелей. Я знаю далеко не всех министров, но такие из них, как Афанасьев, Щелоков, Дементьев, Калмыков и даже Гречко, уступают Фурцевой в способностях и уменье работать с людьми.

Сегодня Николаев и Севастьянов начали комплексную зачетную тренировку на тренажере «Союз». Экипаж Филипченко уже выполнил ее три дня назад, а для экипажа Лазарева она запланирована на 11 марта. На 14 марта назначен экзамен для всех трех экипажей, после которого их можно будет отправить в отпуск на две-три недели. Поездка космонавтов на юг осложняется тем, что там все лучшие санатории (имени Фабрициуса, имени Ворошилова и др.) закрыты на ремонт до 1 апреля. Пока есть возможность организовать отдых экипажей только в Чемитоквадже, но ребятам «Чемитка» осточертела — им хочется чего-то получше и обязательно с бассейном, поскольку купаться в море еще рановато.

Сегодня на даче поднялся в пять утра и часа полтора расчищал дорогу от снежных заносов. Нынешняя зима очень снежная, на ровных местах толщина снежного покрова

достигает 100–120 сантиметров, а у забора и ворот — почти двух метров. В субботу и в воскресенье я хорошо прошелся на лыжах. Для меня эта зима оказалась наиболее «лыжной» (по 25–30 километров в неделю).

10 марта.

Экипаж Николаева вчера вечером закончил комплексную тренировку на тренажере. Тренировка прошла хорошо, правда, были небольшие ошибки, но пока нельзя определить, явились ли они следствием неисправности тренажера или допущены экипажем. Через два дня причины ошибок будут точно установлены.

Говорил сегодня по телефону с В. П. Мишиным и К. А. Керимовым. Оба согласились с моим предложением отправить группу Николаева в отпуск с 15 марта. В разговоре с ними я затронул очень важный для нас вопрос о материальном поощрении дублирующих экипажей (30 процентов от суммы, выдаваемой основному экипажу). Мы собираемся выйти в правительство с ходатайством о рассмотрении этого предложения ВВС. При подготовке к полету дублеры переносят очень большие физические и моральные нагрузки, кроме того, они участвуют в управлении полетом, не получая за эту большую и ответственную работу никаких вознаграждений. В связи с этим космонавты очень неохотно соглашаются на роль дублеров. У нас были случаи, когда некоторые из них (Волынов, Колодин, Хрунов) по 3–4 раза были в составе дублирующих экипажей. Побывавшие на орбите космонавты приобретают известность, становятся Героями Советского Союза, получают деньги, а дублирующие экипажи остаются в тени. Было бы только справедливо, если бы дублеры получали за свой труд небольшие денежные вознаграждения, а в отдельных случаях — и ордена. Сегодня Керимов сразу согласился с нашим предложением, а Мишин заколебался, но обещал, что подумает над ним.

12 марта.

Вчера был в Центре. Рассмотрел план капитального строительства на новую пятилетку (1971–1975 годы). Всего на

строительство потребуется 25 миллионов рублей — по 5 миллионов в год. Главные объекты строительства — здания для тренажеров и для центрифуги, технический гидробассейн и жилые дома.

Проверил ход комплексной тренировки экипажа Лазарева. Шаталов и Леонов доложили планы дальнейших работ с экипажами для «Союзов» и ДОС. Николаев и все космонавты его группы настойчиво просили меня отправить их для отдыха на юг. После консультаций с врачами и командованием Центра принял решение отправить группу Николаева в Чемитоквадже.

И. М. Крышкевич рассказал мне о первом опыте проведения «отчетов» летчиков-космонавтов на парткоме управления. Отчитывался Валерий Быковский, за которым за последние два месяца набралось немало «грехов» (опоздание в Волгоград, выпивки и нетактичное поведение жены). Быковский вынужден был признать, что допустил много ошибок и слабо помогал жене.

Встречался с Быковским, Хруновым и Шониным. В последнее время мои встречи с ними стали более редкими, а взаимоотношения — более официальными. Мне кажется, что при встречах со мной они испытывают чувство какой-то неловкости и даже вины — это особенно заметно по поведению Хрунова. Остается надеяться, что ребята осознали свои ошибки и выйдут с моей помощью на правильный путь.

14 марта.

Проэкзаменовали основной и дублирующие экипажи «Союза-9», в полете которого будет много особенностей, связанных главным образом с вопросами сохранения здоровья и работоспособности членов экипажа и обеспечением надежной работы СЖО. Космонавты отвечали на три обязательных и два-три дополнительных вопроса. Члены экзаменационной комиссии знали, что космонавты очень основательно изучили все системы корабля, и поэтому вопросов по технике почти не было — всех интересовало знание экипажами трудностей длительного (до 16–18 суток) полета и способов их преодоления. Все шестеро экзаменуемых — Николаев, Севастьянов, Филипченко, Гречко,

Лазарев и Яздовский — получили отличные оценки. Лучше всех отвечали Филипченко, Николаев и Гречко. Лазарев, по сравнению с другими членами экипажей, выглядел слабее. Трегуб, Румянцев, Гуровский, Даревский, Анохин и другие гражданские товарищи были удовлетворены результатами проверки знаний космонавтов.

По окончании экзаменов я собрал всю группу Николаева и договорился с ребятами об их поездке на отдых и о сроках завершения подготовки к полету после возвращения из отпуска.

16 марта.

Вчера на даче мне пришлось много потрудиться — сбрасывал снег с крыши, расчищал от снежных заносов двор и дорогу. Нагрузка была такой, что все мышцы болят до сих пор.

Главком вернулся с учения «Двина». Беседовал с ним о состоянии дел в 70-м авиаполку. Кутахов был очень удивлен, узнав, что основная масса летчиков полка летает на самолетах Л-29, а не на МиГ-21, как он думал. Все вопросы и пожелания Кутахова (он, в частности, высказался за то, чтобы 70-й полк был резервным боевым) говорят о том, что его мысли заняты только боеготовностью ВВС, ради повышения которой он готов пойти на серьезное ущемление перспектив развития космонавтики. Пока мне доверено заниматься космосом, я буду бороться против такой тенденции.

18 марта.

Группа Николаева убыла в отпуск на юг. Терешкова вышла на работу (она болела две недели), но ей необходимо продолжать лечиться: после консультации с врачами она должна будет либо поехать на юг, либо пройти курс лечения у Вишневского.

Беседовал вчера в ЦПК с Шониным. После его полета на «Союзе-6» ко мне поступало много противоречивых сигналов о его поведении — Кузнецов докладывал, что Шонин много пьет, были аналогичные доклады и из других источников. Однако мои личные проверки пока не подтвердили ни одного из таких сигналов. Шонин недавно назначен начальником отдела военно-исследовательских космических кораблей, у него в подчинении

до полусотни офицеров, в том числе 27 космонавтов. От того, как будет работать Шонин, в значительной степени будут зависеть наши военные исследования в космосе — тут мы не имеем права на ошибку. В результате беседы с Шониным у меня появилась уверенность, что из него может получиться неплохой руководитель, но для этого ему надо много помогать (меня настораживают его приятельские отношения с Титовым).

Сегодня руководство ВВС провожало в отставку двух заслуженных генерал-лейтенантов — Ф. С. Гудкова и Н. И. Сажина. Кутахов и другие товарищи очень тепло и сердечно благодарили Гудкова и Сажина за их почти полувековую работу в ВВС, желали им здоровья и поддержания связей со своими соратниками, а мне было грустно на этой прощальной церемонии. Гудкова я знал еще до войны, мы вместе учились в академии имени Жуковского, потом он был у меня начальником штаба дивизии и корпуса, а последние двенадцать лет мы работали рядом в Главном штабе ВВС. Ф. С. Гудков — блестящий штабной офицер, чуткий и отзывчивый товарищ.

19 марта.

Главком согласился с моим предложением послать в апреле Леонова в Японию, а Шаталова — на Кубу. У него были сомнения, посылать ли их в зарубежные поездки с женами, но по моему настоянию и этот вопрос был решен положительно.

Сегодня долго занимался проблемами создания космических тренажеров. Заслушал доклады Поповича и Клишова по плану разработки тренажеров для ЦПК. Утвердил план и строго предупредил генерала Фролова о необходимости настойчивее и энергичнее бороться за создание полного комплекса тренажных средств (пока что Фролов и его офицеры мало помогают Центру в решении этой важной задачи).

По моему поручению полковник Гусаров с группой специалистов в течение нескольких дней изучал состояние дел на Центральном экспериментальном заводе. Этот завод подчинен институту Рудного (Институту авиационной и космической медицины. — Ред.) и делает много полезного для

разработки космической техники, но маршал Кутахов дал указание передать завод в управление ремонтных предприятий ВВС и перевести его на хозрасчет. Сегодня Гусаров доложил мне, что и перевод завода на хозрасчет и передача его в подчинение Мишуку принесут нам только вред: мы потеряем экспериментальную базу и почти ничего не выиграем в деле повышения зарплаты рабочим. Я говорил по этому вопросу с Рудным, Бабийчуком и Ефимовым, и мне удалось убедить их не соглашаться с передачей завода, правда, для этого пришлось взять на себя обязательство помочь заводу улучшить его финансовое положение и повысить зарплату рабочим и инженерам. Буду пытаться решить эту очень непростую задачу.

21 марта.

Полгода тому назад я представлял подполковника Терешкову к присвоению ей звания «полковник». Военный совет, рассматривавший это представление в октябре прошлого года (я в это время был на космодроме), отказал в присвоении ей очередного воинского звания. Такое решение следует признать ошибочным: Терешкова работает больше любого другого космонавта. В решении ЦК КПСС о назначении ее председателем Комитета советских женщин было записано: «Оставить В. В. Терешкову в кадрах армии и сохранить за ней все права летчика-космонавта СССР». По «Положению о космонавтах» Терешкова через один год и три месяца пребывания в звании подполковника имеет право быть представленной к присвоению очередного звания, а она ходит в звании «подполковник» уже около трех лет. Короче говоря, мы обязаны дать ей звание полковника — она вполне заслужила его своим подвигом, хорошей работой и отличным завершением учебы в академии имени Жуковского. Мне удалось убедить Ефимова и Мороза согласиться с присвоением Терешковой звания «полковник».

Беседовал с Береговым, готовящимся к отъезду в Болгарию и Венгрию. Мы мало говорили о предстоящей поездке — Береговой приобрел уже достаточный опыт проведения встреч с зарубежной общественностью. Разговор шел в основном о

работе Берегового как первого заместителя начальника ЦПК. Ему хорошо известно мое желание растить из космонавтов больших руководителей нашей космической программы, на эту тему мы с ним беседовали много раз. Но пока Береговой, да и другие космонавты — Николаев, Быковский, Титов — мало что делают для осуществления моих планов. Берегового и Николаева выдвигал я, но должен признать, что как руководители они еще не сильны — их могут обогнать Шаталов, Леонов и Филипченко. Особые надежды я связываю с Шаталовым, у которого есть все данные, необходимые для хорошего руководителя: он вдумчив, дисциплинирован, требователен к себе и умеет организовать работу подчиненных. Немаловажно и то, что Шаталов достаточно самокритичен и устойчив против вредного влияния славы и широкой известности. Шаталова уже сейчас можно было бы смело назначить начальником управления или даже Центра, но для пользы дела ему все же надо получить практику работы на различных ступенях служебной лестницы.

24 марта.

Провел последнее заседание комиссии по отбору офицеров в слушатели-космонавты. Из 16 человек, годных по состоянию здоровья, мандатная комиссия (КГБ, ЦК КПСС) пропустила лишь 9 — приняты 7 летчиков (Березовой, Дедков, Козлов, Романенко, Джанибеков, Исаулов, Попов) и два инженера (Илларионов и Фефелов). Можно считать, что мы провалили работу по очередному набору космонавтов и не выполнили приказ министра (по приказу мы должны были набрать 30 слушателей и начать с ними занятия еще в январе). Решили продолжать набор, коренным образом изменив методику отбора кандидатов.

Выявлено много случаев, когда командующие армиями не отпускают лучших офицеров, а направляют к нам тех, без кого они легко могут обойтись. Придется сформировать пять-шесть небольших отборочных комиссий и поручить им провести более требовательный отбор на местах. Выяснилось также, что до 95 процентов отобранных на местах кандидатов отчисляются затем

по неудовлетворительным медицинским показателям и, главным образом, по недостаточной устойчивости вестибулярного аппарата. Летчики, летающие на самых сложных современных самолетах, отчисляются по состоянию здоровья — это говорит о том, что наши врачи, по-видимому, излишне ужесточили требования к кандидатам в космонавты, в результате чего резко сужаются возможности отбора по их общему развитию, интеллекту, волевым качествам и другим данным. Кстати сказать, общее впечатление от большинства просмотренных нами кандидатов неутешительное: мало читают, художественную литературу знают плохо, спортом занимаются недостаточно, почти ничего не знают о космосе и не проявляют большой заинтересованности попасть в число космонавтов.

Вчера получил приказ министра обороны о реорганизации ЦУКОС в ГУКОС. Все мои мечты об «объединении космоса» разбиты вдребезги. Министр Гречко и его заместители Соколов, Крылов и Захаров не выполнили решения коллегии и фактически ничего не сделали для улучшения руководства космическими исследованиями.

Сегодня у меня был маршал Руденко. Он вполне доволен (или делает вид, что доволен) работой в должности начальника монинской академии. Поговорили о делах, поделились воспоминаниями о совместной работе под началом Главкома Вершинина, пожелали друг другу успехов в сложной нынешней обстановке. Мы проработали вместе с Руденко почти двенадцать лет, между нами было довольно много расхождений, мы спорили и часто не соглашались друг с другом, но ради общего дела были готовы «драться» с кем угодно.

Говорил по телефону с Терешковой. Завтра ей предстоит консультация у А. А. Вишневского. Валя надеется, что врачи разрешат ей поехать на юг. Из Чемитоквадже звонил Андриян Николаев. Там хорошая погода, все ребята довольны условиями для отдыха. В Москве погода отвратительная (мокрый снег) — хорошо, что мы отправили космонавтов в отпуск на юг.

26 марта.

Вместе с Титовым и Горбатко был вчера в Министерстве культуры на совещании, посвященном рассмотрению проектов памятника Ю. А. Гагарину в Москве на площади, носящей его имя.

Из восьми представленных проектов заслуживают внимания только три. Скульптор Чернов представил, пожалуй, лучший проект: громадная дверь в космос, в просвете которой на фоне звездного неба фигура Гагарина в скафандре. В другом, достойном внимания проекте скульптура Гагарина в скафандре расположена в огромном 20-метровом кольце, символизирующем космическое пространство. Автор третьего проекта, менее удачного, чем первые два, изобразил падающего с поломанными крыльями Икара и подымающегося в космос Гагарина.

После совещания я советовался по телефону с Терешковой, Леоновым, Поповичем, Быковским, Шаталовым и другими космонавтами. Все единодушно высказались за проект Чернова. Маршал Кутахов, которому я кратко доложил о всех проектах памятника, одобрил наш выбор. Решили написать письмо Е. А. Фурцевой в поддержку проекта Чернова.

27 марта.

Исполнилась вторая годовщина со дня гибели Гагарина и Серегина. Не верится, что уже два года нет рядом с нами Юры, — у меня перед глазами он всегда живой, жизнерадостный, с обаятельной улыбкой и острым словом. Сегодня Валентина Ивановна, я и космонавты были на месте гибели Гагарина и у Кремлевской стены. К урнам Королева, Комарова, Гагарина и Серегина мы положили красные гвоздики.

Звонил генерал-полковник Н. П. Дагаев. Он сообщил, что маршал Гречко включил меня в состав военной делегации, которая должна 31 марта вылететь в Будапешт для участия в торжествах по поводу 25-й годовщины освобождения Венгрии от фашизма. В составе делегации, возглавляемой генералом армии Ивановым, пятнадцать участников боев за освобождение Венгрии.

Вчера был на ночных полетах в 70-м полку. Замечаний по организации полетов у меня нет. Плановая таблица выполнена полностью (летали Л-29, МиГ-21, Ту-104, Ту-124 и Ил-14 — всего более 20 самолетов). Практику ночных полетов проходили 14 космонавтов. Командир полка полковник М. Н. Лавров работает четко, грамотно, умело. Он много летает сам, проявляет высокую требовательность к себе и своим подчиненным — года через два из него может получиться образцовый командир полка.

30 марта.

Два дня отдыхал на даче. Весна пока не балует теплом: вчера весь день шел снег, ночью было 12 градусов мороза, а днем — около нуля. Учил Олю и Колю играть в шахматы — у ребят очень много энергии и им полезно посидеть за доской, отдохнуть от шумных игр, потренировать сообразительность и внимание. Коля полюбил шахматы, он уже хорошо знает «весомость» и возможности всех фигур и может надежно ставить мат с ферзем или ладьей.

На работе затишье. Главные задачи сейчас — летная подготовка космонавтов и разработка тренажеров для ДОС. Трудностей с созданием тренажеров хоть отбавляй: министерства не хотят добровольно брать на себя дополнительную нагрузку, а решений, обязывающих их строить тренажеры, не было и нет.

Кутахов улетел в Киев, Ефимов улетел в Египет организовывать отпор еврейским наскокам на арабов, Мороз — в госпитале. Мне даже некому доложить о моем завтрашнем отлете в Венгрию, но лететь надо: передо мной лежит список участников делегации, утвержденный маршалом Гречко. Большого желания лететь в Будапешт у меня нет, но приказ есть приказ. Последние две-три недели я чувствую себя хуже, чем обычно, и часто ловлю себя на мысли об отдыхе.

6 апреля.

Сегодня возвратился из Будапешта. В составе советской военной делегации были участники боев за освобождение Венгрии — Иванов, Шумилов, Шарохин, Афонин, Тевченков,

Бирюков, я и другие. По 15 военных делегатов было от Румынии, Болгарии и Югославии. Генерал Береговой входил в состав делегации от обществ дружбы во главе с Н. В. Поповой. Главный маршал авиации Голованов возглавлял делегацию от комитета ветеранов. Были и другие советские делегации.

На параде и правительственном приеме в Будапеште я встречался с Брежневым, Щербицким, Захаровым, со всеми руководителями правительственных делегаций социалистических стран, а также с министром обороны, начальником Генерального штаба и начальником Главного политического управления Венгерской армии. Особенно приятное впечатление осталось у меня от встреч с министром обороны Яношем Цинеги. Нашу делегацию сопровождал заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Янош Кардаш, размещались мы в Гранд-отеле на острове Маргит.

Будапешт — один из красивейших городов Европы. Мы с интересом осмотрели достопримечательности города — здание парламента, королевский дворец, театры, музеи, памятник на горе Геллерт, Чепельский комбинат и многие другие. Общее впечатление от организации празднеств хорошее: нет сомнений, что главные руководители Венгрии — Кадар, Фока, Цинеги и другие — верные друзья Советского Союза. Но я убежден, что этого нельзя сказать о венгерском народе в целом или хотя бы о его большинстве.

Мы побывали в Дебрецене, Мишкольце, Хатване, Эстергоме и других городах, где встречались чаще с военнослужащими и реже — с гражданским населением. Мы не наблюдали проявлений неприязни к нам, русским, но и не ощущали горячей любви к освободителям или хотя бы симпатии к партнерам по строительству социализма. В отделе музея Вооруженных Сил, посвященном 25-летию освобождения Венгрии, нет портрета Ленина, имеется одна групповая фотография Сталина, Черчилля и Рузвельта, нет портретов командующих армиями, освобождавшими Венгрию, почти никак не отражена боевая работа советской авиации. Зато много фотографий Гитлера и

Хорти, довольно полно представлена фашистская авиация. Я говорил о своих впечатлениях о музее с начальником Главного политического управления генералом Ковачем. Он согласен, что в экспозициях музея имеется много ошибок, но объясняет их недостатком знаний и опыта у его служителей и отвергает намеренное проявление ими какой-либо злой воли. По-видимому, нельзя отрицать доводы генерала Ковача, но надо всегда помнить и о политической бдительности.

7 апреля.

Генералы Горегляд и Фролов, Герман Титов и я более часа докладывали маршалу Кутахову о состоянии дел со «Спиралью».

«Спираль» — очень перспективная тема, направленная на разработку орбитального самолета, то есть по существу на выход авиации в космос. Создание орбитального самолета — принципиально нового типа космических летательных аппаратов (КЛА) многократного применения — позволит отказаться от ракетного старта, неизмеримо улучшит маневренность КЛА, сделает возможным посадку их по-самолетному на обычные аэродромы и резко снизит стоимость пилотируемых космических полетов.

Вопрос о необходимости работ над созданием орбитального самолета я поднимал еще в 1961–1962 годах. В последующие годы я неоднократно докладывал о «Спирали» Вершинину, Гречко, Малиновскому, убеждал в важности этой темы Дементьева, Кобзарева, Строева и других, писал в ЦК и Совет Министров письма за подписями Вершинина, Захарова, Гречко. Но надо признать, что за восемь лет мы мало чего добились: решения правительства по «Спирали» до сих пор нет, а работы, начатые в ОКБ А. И. Микояна в инициативном порядке, ведутся крайне медленно даже по первому этапу темы (на первом этапе орбитальный самолет выводится в космос ракетной системой, на втором самолетом-разгонщиком).

За последний год я несколько раз пытался расшевелить Ефимова, Кутахова, Гречко и Дементьева, чтобы общими усилиями добиться постановления правительства по теме «Спираль». Мы разработали проект такого постановления и

написали сопроводительное письмо в ЦК и Совет Министров, которое, по нашему замыслу, должны подписать Смирнов, Гречко, Захаров, Дементьев, Зверев, Калмыков и Афанасьев. На сегодня письмо подписано лишь четырьмя министрами — только на то, чтобы добиться их подписей, ушло полгода. При написании проекта постановления между Дементьевым и Афанасьевым возникли резкие разногласия. Афанасьев подписал документы с замечанием, что при реализации темы «Спираль» нужно строить не только военные, но и транспортные КЛА. Это замечание насторожило Дементьева — он стал тормозить дальнейшее продвижение проекта решения по «Спирали», опасаясь, что заводы авиационной промышленности окажутся перегруженными заданиями по космической тематике. Я просил Кутахова съездить по этому вопросу к Дементьеву или хотя бы позвонить ему. Кутахов не сделал ни того, ни другого, но пообещал при встрече переговорить с Дементьевым.

Сегодня беседовал с Германом Титовым. Он надумал поступать в академию Генерального штаба. Я обещал Герману поддержать его ходатайство: учеба в академии будет для него неплохим выходом из сложившейся трудной обстановки.

9 апреля.

На состоявшемся вчера заседании Госкомиссии по «Союзу-9» присутствовали: Керимов, Мишин, Карась, Рязанский, Пономарев, главные конструкторы систем, представители министерств.

Вся техника и экипажи «Союза-9» были подготовлены к полету в апреле, но решением ЦК полет был отложен до мая. Вчера Госкомиссия решила отправить корабль на космодром и готовить его пуск на конец мая. В процессе подготовки техники больше всего забот было с системой жизнеобеспечения. Устанавливаемая на «Союзе-9» СЖО неоднократно использовалась в полетах продолжительностью до 5 суток, но для обеспечения 18-суточного полета ее объем и вес увеличены примерно в три-четыре раза. Комплект СЖО для «Союза-9» дважды прошел испытания с удовлетворительными

результатами. Главными недостатками системы, выявленными при испытаниях, были: повышенная сверх нормы концентрация углекислого газа, недостаточная емкость тары для сбора конденсата воды и частичное несоответствие кондиции некоторых пищевых продуктов. Госкомиссия приняла решение устранить все обнаруженные недочеты в СЖО и провести ее зачетное чистовое испытание с 10 по 30 апреля. По нашей просьбе Мишин согласился установить на «Союзе-9» дополнительный поглотитель углекислого газа. Это мероприятие снимает наши главные сомнения в надежности СЖО и вселяет уверенность в том, что Николаев и Севастьянов смогут благополучно совершить космический полет продолжительностью до 16–18 суток.

Подробно доложил Кутахову о вчерашнем заседании Госкомиссии и об особенностях предстоящего полета. Маршала особенно интересовал вопрос о работоспособности и состоянии здоровья космонавтов перед заключительным этапом полета и после приземления корабля. Я не стал скрывать, что у нас нет полной уверенности в том, что экипаж «Союза-9» перенесет длительное пребывание в невесомости без вредных последствий и сохранит хорошую работоспособность до спуска корабля с орбиты, и поэтому мы принимаем все меры, необходимые для укрепления выносливости и сохранения здоровья космонавтов. В полете они будут ежедневно заниматься физическими упражнениями, контроль за их состоянием будет непрерывным, и мы в любой момент сможем принять решение о досрочной посадке корабля. Мы готовимся встретить космонавтов после приземления «Союза-9» с учетом того, что они будут сильно переутомлены физически, и будем настаивать на полной изоляции экипажа от встреч с населением в районе посадки и необходимости скорейшей эвакуации его в Москву для проведения длительного послеполетного обследования.

10 апреля.

В кинотеатре «Космос» вчера состоялась премьера фильма «Старт за стартом», созданного Рябчиковым и Макаровым и рассказывающего о групповом полете трех «Союзов» с семью

космонавтами на борту. На премьере присутствовали Шаталов, Шонин, Филипченко, Горбатко и авторский коллектив кинофильма. Сейчас, когда астронавты США совершают «регулярные» рейсы на Луну, массового зрителя трудно заинтересовать показом орбитального полета, но Рябчикову и Макарову удалось создать еще один хороший фильм на космическую тему: они исторически правдиво показали весь ход подготовки техники и людей к полету, дающей представление и о трудностях самого полета. Мне известны все препятствия, возникающие при создании кинофильмов о космосе, — особенно много сил и времени тратится на преодоление цензурных барьеров и ведомственных интересов.

Сегодня во Дворце съездов состоится торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики. С докладом на собрании выступит генерал Береговой. Я прочитал доклад Берегового, а Крышкевич прослушал его на репетиции выступления. Будем надеяться, что Береговой справится с этой непростой для него задачей.

Генерал армии Гетман просил согласия руководства ВВС на назначение Берегового президентом Федерации авиационного спорта. Вчера я советовался по этому вопросу с маршалом Кутаховым. Решили ответить Гетману отказом из-за большой перегруженности Берегового общественной деятельностью.

13 апреля.

Позавчера праздновали 10-летие Центра подготовки космонавтов. Во встрече участвовали все космонавты и более 400 гостей: Кутахов, Мороз, Руденко, Пономарев, Дутов, Карась и другие военачальники, академики Мишин, Глушко, Бармин, Пилюгин и многие главные конструкторы. Торжественное собрание вел Крышкевич, с докладом выступил Кузнецов. Празднование юбилея прошло хорошо, но ни сам Центр, ни его ветераны не были отмечены наградами, хотя я представлял Центр к награждению орденом Ленина и человек двадцать ветеранов — к вручению других орденов.

Мишин явился на праздник навеселе, а после концерта он напросился к Леонову на квартиру и там основательно

«догрузился». Все это происходило как раз в то время, когда американские астронавты в третий раз отправились на Луну на корабле «Аполлон-13» (старт состоялся в 22:13 московского времени). В полном провале нашей лунной программы больше всех виноват Мишин. Он слабоват и как конструктор, и как организатор, а увлечение выпивками превращает его в фигуру, наносящую серьезный ущерб всей нашей космонавтике. О слабостях Мишина знают все — Келдыш, Смирнов, Афанасьев, Устинов и выше. Я неоднократно докладывал самым высоким военным и гражданским начальникам о плохом поведении Мишина, о его слабом руководстве нашими делами. Мишину многое прощают, а его надо немедленно снимать с должности.

Старт «Аполлона-13» состоялся точно в назначенное время, хотя за два-три дня до пуска возникла необходимость замены пилота основного модуля подполковника ВМС Томаса Маттингли, поскольку у него не оказалось иммунитета против заболевания, обнаруженного у одного из дублеров.[3] Появилось опасение, что Маттингли может заболеть в полете, и он был выведен из состава экипажа «Аполлона-13», стартовавшего к Луне с тремя астронавтами на борту командиром экипажа полковником ВВС Джеймсом Ловеллом, пилотом основного блока Джоном Суиджертом (он заменил Томаса Маттингли) и пилотом лунной кабины Фредом Хейсом.

Полет «Аполлона-13» начался успешно — после коррекции траектории корабль уверенно вышел на лунную трассу. В нашей печати до предела скупо сообщается об этом полете (была лишь крохотная заметка в «Правде» за 12 апреля), и это еще больше портит мне настроение. Осуществление мечты, которой жила вся планета последние десять лет, перестало интересовать наших руководителей только потому, что на Луну летаем не мы, а американцы. Я не могу присоединиться к заговору молчания о величайшем достижении человечества и от всей души приветствую успехи наших американских коллег, хотя знаю, что советские космонавты тяжело переживают наше поражение.

Сознание того, что в этом поражении нет их личной вины, не утешает и не может быть бальзамом на наши раны.

14 апреля.

В связи с предстоящей поездкой Валентины Терешковой по странам Южной Америки мне позвонили из КГБ и предупредили, что в этих странах участились случаи похищения наших дипломатов. Я поддержал предложение КГБ об усилении охраны Терешковой и проведении специальных мероприятий по линии наших посольств.

За последнюю неделю я уже раза четыре встречался с Германом Титовым и обсуждал с ним перспективы его служебной деятельности. Сегодня он снова был у меня — говорили о его поступлении в академию Генштаба. Учитывая импульсивный характер Титова, я занимался им больше, чем кем-либо другим из космонавтов, но мне не удалось добиться видимых результатов: за девять лет он так и не выбрал главного направления в своей работе, а в поведении остался неустойчивым и непредсказуемым. Правда, кое-кто утверждает, что Титов уже давно сломал бы себе голову, если бы мы не опекали его так плотно. Я дал согласие на поступление Германа в академию Генерального штаба в надежде, что резкая смена обстановки пойдет ему на пользу и из него еще получится неплохой руководитель. А вот в депутаты Верховного Совета я бы его не выдвигал, но моего мнения могут и не спросить.

Полет американских астронавтов к Луне проходит… Я собирался закончить эту фразу словом «нормально», но только что мне доложили по телефону о том, что на борту «Аполлона-13» возникла аварийная обстановка: в основном отсеке корабля началась утечка кислорода, исключающая возможность посадки на Луну. В целях экономии кислорода два члена экипажа перешли в лунный модуль, а третий остался в основном отсеке. Если утечка кислорода не увеличится, то его хватит на 128 часов (для возвращения на Землю астронавтам надо продержаться 84 часа). Экипаж уже включал корректирующий двигатель для перевода корабля на траекторию облета Луны. Завтра «Аполлон-13» обогнет Луну и

выйдет на трассу возвращения к Земле. Сейчас трудно прогнозировать дальнейший ход полета (не исключено увеличение скорости утечки кислорода), но ясно одно: американские парни оказались в очень трудной ситуации, благополучно выбраться из которой им будет нелегко.

15 апреля.

«Аполлон-13» облетел Луну и вышел на трассу возвращения к Земле. Экипаж осуществил коррекцию траектории полета, и по расчетам корабль должен приводниться в Тихом океане вечером 17 апреля.

Поступает очень много противоречивых данных о положении на борту «Аполлона-13». В первых сообщениях об аварии говорилось об утечке кислорода, но позже выяснилось, что в основном блоке корабля произошел взрыв одного из трех топливных элементов — основной блок остался без энергетики и без подачи кислорода (взрывом повреждена кислородная магистраль). В настоящее время экипаж пользуется энергетикой лунного модуля, а также имеющимися в нем запасами кислорода. При подлете к Земле экипаж перейдет в основной отсек, в котором имеются резервные химические батареи и запасной кислородный баллон. Кроме того, у каждого астронавта есть индивидуальный скафандр с запасом кислорода на четыре часа. Можно надеяться, что вход корабля в атмосферу и посадка пройдут благополучно, если не выявятся новые, более грозные последствия взрыва.

Пришло сообщение, что обстановка на «Аполлоне-13» осложнилась из-за недостаточного поглощения углекислого газа. Астронавты включили резервный поглотитель двуокиси углерода и намерены осуществить, если потребуется, продувку кабины чистым кислородом. Экипаж подсчитал, что поглотитель в лунной кабине прекратит свою работу за 10 часов до расчетного времени приводнения корабля. Эти последние 10 часов полета астронавты будут пытаться использовать поглотитель в основном отсеке. Принято решение выполнить завтра еще одну коррекцию траектории возвращения. Решено также, что агрегатный отсек будет отделен за два часа, а лунная

кабина — за один час до входа спускаемого аппарата в атмосферу Земли.

В сложившейся аварийной ситуации члены экипажа будут много работать и мало отдыхать — это обстоятельство повлечет за собой более высокое потребление ими кислорода и рост в кабине концентрации двуокиси углерода. Обстановка особенно обострится, когда все трое астронавтов перейдут в спускаемый аппарат, а лунная кабина будет отделена. Возможны неприятности и при разделении отсеков корабля. В полетах «Аполлонов-11, -12» лунная кабина оставалась на Луне, а сейчас она вместе с основным отсеком возвращается к Земле и может оказать непредвиденное влияние на ход заключительного этапа полета «Аполлона-13». Короче говоря, волнений у астронавтов и у всех, кто переживает за их судьбу, будет еще немало.

16 апреля.

В газетах опубликована телеграмма А. Н. Косыгина президенту Никсону. Косыгин сообщает, что правительство СССР сделает все возможное для оказания помощи в поиске и спасении экипажа «Аполлона-13» после его возвращения на Землю, если, конечно, такая помощь потребуется. Я дал указание генерал-лейтенанту Картакову подготовить к работе все средства поиска космических кораблей.

По последним сообщениям, обстановка на борту «Аполлона-13» продолжает осложняться: резко (до +2 градусов) понизилась температура в кабине корабля, а вчера в одном из баллонов с гелием вырвало редуктор и весь газ вышел в кабину лунного модуля. Экипаж вынужден стравливать газ из кабины, а вместе с гелием уходит в космос и драгоценный кислород. При стравливании газа образуется вращающий момент — корабль приобретает закрутку, вследствие чего его антенны периодически «теряют» Землю и не обеспечивают регулярную радиосвязь.

Сегодня по рекомендации издательства «Молодая гвардия» у меня была писательница Обухова Лидия Алексеевна. Она намеревается написать книгу о Гагарине и просит оказать ей

содействие. Подобных просьб у меня десятки, удовлетворить все просьбы трудно — буду пытаться помогать наиболее добросовестным авторам.

17 апреля.

Сегодняшние сообщения об обстановке на борту «Аполлона-13» более оптимистичны. Центр управления полетом в Хьюстоне передал экипажу четкую программу заключительных операций перед посадкой. Интересно, что согласно этой программе использование скафандров в процессе спуска и посадки корабля не предусматривается. Мне пока не ясны мотивы такого решения.

Весь мир напряженно следит за полетом «Аполлона-13». Никто из наших и американских специалистов по космосу не может с полной уверенностью утверждать, что для экипажа корабля — Джеймса Ловелла, Джона Суиджерта и Фреда Хейса — все закончится благополучно, но и для мрачных прогнозов нет веских оснований. Мне приятно сознавать, что все мои соотечественники искренне желают американским астронавтам благополучного приводнения. Сейчас, когда я пишу эти строки, для экипажа «Аполлона-13» наступают решающие часы полета, а нам приходится только верить, что все будет хорошо, хотя сомнений и переживаний остается еще много.

18 апреля.

Вчера вечером «Аполлон-13» успешно приводнился в заданном районе Тихого океана. Все опасения за жизнь членов экипажа позади — астронавты и американская космическая техника выдержали трудный экзамен.

Восстанавливая в памяти все перипетии полета «Аполлона-13», я испытываю противоречивые чувства. Все время надеясь на благополучный исход полета, я был искренне обрадован, когда получил сообщение об успешном его завершении. Но скажу откровенно: моя радость была короткой. Большая победа американцев (а благополучная посадка аварийного космического корабля, безусловно, большая победа) заставила меня вновь пережить всю горечь наших поражений. Мы далеко не все знаем о корабле «Аполлон» — путаные

сообщения о состоянии его систем после аварии внушали серьезные опасения за исход полета. Но оказалось, что все наиболее ответственные системы корабля задублированы, а по кислороду, энергетике и другим ресурсам он имеет солидные резервы. Короче говоря, «Аполлон» оказался очень живучим кораблем. Комплекс «Сатурн-5»-«Аполлон» уже обеспечил две экспедиции на Луну и три облета ее астронавтами. Наша ракета Н-1, близкая по своим данным к «Сатурну-5», пока «обеспечила» нам лишь два грандиозных взрыва (обе попытки поднять ее в космос оказались аварийными), а наш лунный корабль Л-3 так и не увидел света. В проекте Л-3 было заложено много ошибок, они были видны еще до появления на свет «Аполлона», а после первых успешных полетов последнего всем стало ясно, что наш лунный корабль не сможет с ним конкурировать. Печальная история с Н-1 и Л-3 еще не закончена: Мишин и его высокие покровители пытаются «лечить» плохую ракету и плохой корабль, а тем временем наше отставание от США продолжает нарастать.

За последние дни я прочитал фантастическую повесть Станислава Лема «Солярис». Очень тяжелая вещь. Подобная фантастика, как мне кажется, не может увлекать — она принижает достоинство человека и чернит перспективы существования цивилизации. Группа киноработников прислала мне сценарий по мотивам повести с просьбой о том, чтобы я был консультантом кинокартины «Солярис». Я отказался помогать им в этом деле.

Вчера маршал Кутахов вручил мне медаль, учрежденную в честь 100-летнего юбилея В. И. Ленина, а сегодня я вручал такие же медали своим подчиненным.

20 апреля.

Сегодня вручил руководству НИИЦПК ленинскую юбилейную грамоту, а также юбилейные медали Кузнецову, Пашкову, Крышкевичу, Николаеву, Попову, Самсонову, Леонову и другим товарищам. Приказал Кузнецову завтра и послезавтра полеты не производить и сосредоточить все внимание на наведении

порядка в гарнизоне и подразделениях Центра к предстоящему празднованию ленинского юбилея.

22 апреля.

Исполнилось сто лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Трудно переоценить значение Ленина для нашей страны и для всего человечества. Ленин — величайшая фигура в истории человеческой цивилизации. Его имя сохранится вечно, его будут помнить и чтить не только на нашей планете — он, как и сама Земля, войдет в историю Вселенной.

Помнится, когда Юрий Гагарин прочитал мою книгу о его зарубежных поездках, озаглавленную «Первый гражданин Вселенной», он спросил меня: «А нас с вами, Николай Петрович, не обвинят в нескромности?» Гагарин, первым из землян поднявшийся в космос, имел формальное право на это высокое звание, но он хорошо знал, что его полет явился результатом усилий партии Ленина, советской власти, всего нашего народа. В своих выступлениях и статьях Юрий Алексеевич всегда подчеркивал, что космонавты кладут лишь последние, самые верхние кирпичи в пирамиде, символизирующей усилия человечества по освоению космического пространства. Возможно, когда-нибудь люди зададутся целью назвать имена землян, достойных присвоения им почетного звания «Гражданин Вселенной». Первым в этом ряду я назвал бы имя Ленина и только после него имена Циолковского, Королева, Гагарина и Армстронга.

Вчера во Дворце съездов состоялось торжественное собрание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР. С докладом «Дело Ленина живет и побеждает» выступил Леонид Ильич Брежнев. С речами, посвященными ленинскому юбилею, выступили руководители многочисленных зарубежных делегаций.

Сегодня в 17 часов на Красной площади прошла демонстрация молодежи. На трибуне у мавзолея Ленина были руководители партии и правительства и несколько тысяч гостей. На демонстрации, как и на вчерашнем торжественном собрании,

присутствовали все летчики-космонавты СССР, кроме Шаталова, находящегося на Кубе, и Берегового (он на лечении в Сочи).

23 апреля.

Более двух месяцев назад я выслал Мишину предложения ВВС по составу экипажей для первых четырех ДОС — долговременных орбитальных станций. И вот сегодня Мишин наконец прислал ко мне своего заместителя Я. И. Трегуба и С. Н. Анохина с предложениями ЦКБЭМ по данному вопросу. Мишин предлагает готовить для ДОС четыре экипажа в следующем составе:

1) Шаталов В. А., Елисеев А. С., Рукавишников Н. Н.;

2) Шонин Г. С., Кубасов В. Н., Колодин П. И.;

3) Волынов Б. В., Феоктистов К. П., Пацаев В. И.;

4) Хрунов Е. В., Волков В. Н., Севастьянов В. И.

В предложениях Мишина много необдуманного и даже вредного: идя на поводу у Феоктистова и других гражданских космонавтов, он предает интересы обороны страны и забывает об обеспечении безопасности космических полетов.

Сейчас в ЦПК насчитывается более 20 подготовленных, но еще не летавших в космос космонавтов, многие из которых готовятся к полетам свыше шести лет. В такой обстановке ничем не оправдано назначение во второй или даже третий полет уже летавших космонавтов и включение в состав экипажей по два гражданских специалиста. Нам надо готовить кадры для «Алмаза», и мы должны дать практику хотя бы одного орбитального полета еще не летавшим военным космонавтам. Что же касается К. П. Феоктистова, то я буду категорически возражать против включения его в состав одного из экипажей ДОС: Феоктистов серьезно болен и, кроме того, совсем недавно развелся со второй женой. Я заявил посланцам Мишина следующее: «Мы будем добиваться, чтобы в составе экипажей было не по одному, а по два военных космонавта. Мы возражаем против кандидатуры Феоктистова и не согласны с тем, чтобы в составе каждого экипажа было двое уже летавших космонавтов. Не поддерживаем мы и кандидатуры Шаталова и Елисеева: оба они великолепные люди и отличные космонавты, но нельзя же

одних посылать в космос по три раза в год, а других (и очень многих!) не допускать до первого полета по 6–8 лет».

Маршал Кутахов и генерал Ефимов одобрили мои возражения против предложений Мишина и обещали стойко защищать наши согласованные решения. Я хорошо представляю себе все трудности нового этапа борьбы с Мишиным — его наверняка поддержат Сербин, Смирнов и Устинов, а у меня не обеспечены даже «ближайшие тылы», и я не могу рассчитывать на твердую поддержку со стороны Кутахова и Гречко. И все же я дам бой Мишину, я перестану уважать себя, если уступлю ему в принципиальных вопросах по составу экипажей для ДОС. Мишин совершенно не соответствует занимаемой им должности Главного конструктора (легкомыслие, капризы, выпивки и т. д.), и давно пора показать всем, что он не в состоянии поправить наши космические дела и будет лишь все дальше и дальше затягивать нас в трясину отставания от США.

25 апреля.

Семь лет назад моими усилиями Центральный экспериментальный завод, расположенный на окраине Центрального аэродрома, был передан в ведение ВВС. Мы подчинили этот завод Институту авиационной и космической медицины и переключили его полностью на космическую тематику. За семь лет на нем были созданы: уникальный тренажер «Волчок», имитирующий спуск космического корабля со второй космической скоростью, центрифуга и большое число специальных стендов. Завод, насчитывающий 120 инженеров и 300 рабочих, состоит на госбюджете и может выполнять различные эксперименты и «штучные» заказы. Из-за слабого руководства со стороны генерала Бабийчука на заводе сложилась тяжелая обстановка: значительная часть рабочих и инженеров проявляет недовольство низкой зарплатой и стремится уйти на другие предприятия. Этим обстоятельством решил воспользоваться генерал-полковник Мишук, вознамерившийся перетащить завод в число ремонтных предприятий ВВС. Генерал Бабийчук и полковник Рудный растерялись и под нажимом Мишука доложили Главкому о

целесообразности передачи завода, а тот дал указание готовить соответствующий приказ. Вся эта возня происходила в то время, когда я находился в отпуске. Вернувшись из отпуска, я задержал подготовку приказа о передаче завода. Однако на днях маршал Кутахов вновь потребовал оформить передачу завода на основании необъективного доклада Мишука. Придется опять воевать с Мишуком и доказывать Кутахову, что он принял неверное решение.

Говорил с Главкомом о «Спирали». Две недели назад Кутахов обещал выяснить позицию министра Дементьева по этой теме, но слова своего не сдержал и вынужден был признаться, что он не говорил с министром о «Спирали». И так по любому вопросу, связанному с космонавтикой, — обещания, заверения и… полная бездеятельность.

Рассмотрел и утвердил план мероприятий по информационному освещению полета «Союза-9». Решения ЦК и правительства по этому вопросу пока нет, и кроме меня план должны подписать еще Келдыш и председатель Госкомиссии. Тем не менее главные пункты плана (статьи, кинофильм, телепередача, биографии и фото космонавтов) в основном уже выполнены. Как и при всех предыдущих полетах, все это делалось по моему личному распоряжению и под мою личную ответственность. Если дожидаться соответствующего решения ЦК, то качество и оперативность информационного освещения полета будут ниже всякой критики. В интересах дела я всегда шел на риск разглашения «тайны» подготовки космических полетов, хотя и получал неоднократные предупреждения от ЦК и КГБ о предотвращении «утечки информации».

27 апреля.

Вчера был теплый весенний день. Мы с Олей и Колей сажали на даче смородину, обрезали яблони, собирали и сжигали сухие сучья и листья. Вечером ходили в лес за подснежниками, потом играли в шахматы (Коля уже обыгрывает свою старшую сестру). Сегодня я впервые в этом году приехал с дачи в Москву на своей «Волге».

Больше трех часов обсуждал с Михаилом Федоровичем Ребровым содержание нашей будущей книжки о полете «Союза-9»: имеющийся материал пока сырой, над ним надо еще много работать, а у нас, как всегда, нет времени — в первых числах мая Ребров вылетит в Японию, а я — на полигон.

Ко мне заходил Герман Титов и пытался уговорить меня разрешить ему полеты на самолетах. Он был отстранен от полетов на год за недисциплинированность, а прошло всего полгода, и я сказал Титову, что нет никаких оснований для отмены приказа о запрещении ему летать. Моя твердая позиция в этом вопросе не устроила Германа — он ходил к Кутахову, Ефимову и Морозу и пытался добиться своего через них, но и там не нашел поддержки. В конце нашей беседы я посоветовался с Титовым о плане мероприятий по подготовке к 10-летию полета Гагарина. Здесь Герман оказался на высоте и высказал много ценных предложений.

29 апреля.

Первую половину вчерашнего дня провел в ЦПК. Беседовал с Андрияном Николаевым, он доложил, что все космонавты здоровы и что программа (дополнительная) подготовки экипажей для «Союза-9» будет завершена 30 апреля. Проверил план мероприятий по проведению майских праздников. План хороший — чувствуется, что генерал Пашков начинает оказывать положительное влияние на состояние воинского порядка в Центре. Говорил с Алексеем Леоновым о предстоящей поездке его в Японию. В прошлом у него были две-три встречи с японскими корреспондентами, на которых он допускал ошибки, рассказывая о наших космических планах и программах. После беседы с Леоновым у меня появилась уверенность, что он больше не допустит подобных ошибок.

Генерал Кузнецов продолжает плести интриги, ссорить космонавтов между собой и натравливать их, а также своих заместителей на руководство ВВС. Особенно много усилий он направляет на подрыв авторитета Берегового. Так, вчера Кузнецов представил мне написанный по его приказу рапорт начальника строевого отдела, в котором доказывается, что

Береговой уехал в Сочи без разрешения старших начальников. Стряпая этот «документ», он забыл, что сам лично подписал приказ об отпуске Берегового. Кузнецов постоянно пытается внушить мне свое мнение о Береговом как о бездельнике, фактически ничего не делающем в роли заместителя начальника Центра; он «забыл», что на протяжении восьми месяцев своего отсутствия по болезни Береговой работал и за себя, и за него. А еще Кузнецов возмущен тем, что без согласования с ним Берегового выдвигают в депутаты Верховного Совета. Могу себе представить, как «разрисовал» бы он Берегового, если бы с ним попытались согласовать это выдвижение.

Вчера вечером в редакции «Правды» собирались ветераны завершающих боев Великой Отечественной войны. На встрече были Чуйков, Красовский, Руденко, Телегин, Кожедуб, Лелюшенко и другие — всего 32 человека. Встреча в общем была полезной, но выступления ветеранов были плохо подготовлены — многие товарищи в своих воспоминаниях увлекались рассказами о личной доблести. Даже маршал Красовский — командующий воздушной армией — умудрился поведать о том, как он лично забрал в плен немецкого летчика, и ничего не сказал о героизме тысяч летчиков и техников, которыми он командовал. Редактор «Правды» Зимянин высказался за активизацию патриотического воспитания молодежи и обещал шире привлекать для этой цели ветеранов войны.

30 апреля.

27 апреля Главком подписал приказ, согласно которому в ЦПК зачислены девять новых слушателей-космонавтов:

1) капитан Березовой Анатолий Николаевич;

2) старший лейтенант Дедков Анатолий Иванович;

3) капитан Джанибеков Владимир Александрович;

4) старший инженер-лейтенант Фефелов Николай Николаевич;

5) лейтенант Козлов Владимир Иванович;

6) старший лейтенант Романенко Юрий Викторович;

7) старший лейтенант Исаулов Юрий Федорович;

8) лейтенант Попов Леонид Иванович;

9) инженер-капитан Илларионов Валерий Васильевич.

Комиссия по набору слушателей-космонавтов пропустила через отборочные подкомиссии на местах свыше 400 кандидатов (в том числе более 300 летчиков), из числа которых лишь 9 зачислены в ЦПК. Вопрос о дальнейшем проведении набора слушателей-космонавтов (по приказу министра обороны мы должны были набрать 30 человек) рассматривался двумя отделами ЦК КПСС — административным (Савинкин) и отделом оборонной промышленности (Сербин). Оба отдела рекомендовали не проводить дальнейший набор в 1970 году, так как планы постройки космических кораблей и орбитальных станций промышленностью не выполняются и есть опасение, что многим космонавтам придется по нескольку лет ждать своей очереди на полет.

В АПН вчера состоялась встреча с сотрудниками чехословацкого посольства по поводу 25-летия победы над фашистской Германией. Вел встречу Бурков Борис Сергеевич, выступали посол Коуцкий, генерал армии Лелюшенко, я и руководитель Театра имени Вахтангова — Симонов.

В связи с предстоящими майскими праздниками сегодня в моем кабинете непрерывно звонят телефонные аппараты, а стол завален сотнями писем с поздравительными открытками и приглашениями космонавтов на встречи с общественностью. Лет восемь назад я мечтал о том времени, когда у нас будет 6–8 летавших космонавтов, чтобы можно было удовлетворить как можно больше заявок на встречи с героями космоса. Сейчас у нас уже 18 летчиков-космонавтов СССР, каждый из них выполняет по три-четыре ежемесячной нормы выступлений и встреч с трудящимися, и все же мы не можем удовлетворить и половины поступающих заявок. Аппетит приходит во время еды: чем чаще выступают космонавты, тем больше заявок на встречи и выступления. Я уверен, что если бы сейчас в моем распоряжении было не 18, а 100 летчиков-космонавтов, то и тогда мы не могли бы удовлетворить просьбы всех желающих встретиться с ними.

4 мая.

Три дня праздновали Первомай. Лева с Людой ездили на автомашине по историческим местам Владимирской и Рязанской областей, а я с бабушками и внучатами отдыхал на даче. Мое пребывание на даче оказывается, как правило, не отдыхом, а тяжелейшим физическим трудом. Если признаться откровенно, то от такого «отдыха» у меня еще и сегодня гудят все косточки. Все три первомайских дня я работал по 12–14 часов на свежем воздухе (для меня такая работа полезна и лучше всякого отдыха), приучал к труду в саду и огороде Олю — она очень ловкая и сильная для своего возраста, но я не позволял ей работать больше двух-трех часов. Пробовал начинать трудиться и Коля, но через 10–15 минут у него пропадал всякий интерес к монотонной работе и он отправлялся на поиски какой-нибудь новой игры.

Генерал Кузнецов доложил, что в Центре праздничные дни прошли без происшествий. Не повезло маршалу Кутахову — он с 29 апреля и по сей день болен гриппом. Толубко, Куликов и Щеглов получили звания генералов армии. А. П. Силантьеву и В. В. Решетникову присвоены звания генерал-полковников авиации.

Был сегодня у меня Богданов из Совмина — он проверял наметки нашего плана встреч с астронавтом Нейлом Армстронгом.

5 мая.

Приказом министра обороны № 0635 от 30 апреля 1970 года В. В. Терешковой присвоено воинское звание «полковник». За семь лет Терешкова прошла путь от лейтенанта до полковника — для женщины это, пожалуй, рекордный результат, да и мужчинам такое редко удается (я, например, получил звание полковника после десяти лет службы в армии). Очень многие возражали против присвоения ей очередного воинского звания, мне пришлось на разных уровнях доказывать, что Терешкова — единственная в мире женщина, побывавшая в космосе и работающая теперь председателем Комитета советских

женщин, — делает для Родины больше, чем любой из космонавтов-мужчин.

Вчера Леонов, Шаталов, Кубасов и я провели в АПН встречу с голландскими корреспондентами, организованную Луначарской. Нам было задано очень много вопросов по подготовке космонавтов к полетам и по космической технике. В тот же день, несколько позже мы принимали участие в съемках американского фильма о советской космической программе. С разрешения ЦК КПСС в АПН издается для США книга Е. И. Рябчикова, а американцы снимают по его же сценарию кинофильм о советской космонавтике. Мне пришлось отвечать перед кинокамерой на три вопроса:

1. Почему первым полетел в космос Гагарин, а не какой-нибудь другой космонавт?

2. Вы готовили и выпускали в полет Гагарина, а в прошлом году вы подняли в космос одновременно три «Союза» с семью космонавтами на борту, — в чем различие этих полетов?

3. Каковы перспективы сотрудничества в космосе советских и американских космонавтов?

Владимир Шаталов подробно доложил мне о своем визите на Кубу. Он очень доволен поездкой, за время которой несколько раз встречался с Фиделем Кастро, провел много встреч с молодежью, рабочими, крестьянами и даже участвовал в рубке тростника на сахарных плантациях. Шаталов считает, что в организации воспитания и обучения молодого поколения Куба обогнала Советский Союз: все учащиеся взяты на полное государственное обеспечение, под ясли, детские сады и школы отданы лучшие помещения. Выступивший на праздновании ленинского юбилея Фидель Кастро очень высоко оценил роль Ленина в пролетарской революции и значение его идей в современном коммунистическом движении.

Главком Кутахов вышел сегодня на службу после недельной болезни гриппом. На совещании руководящего состава ВВС он подвел итоги работы за апрель и поставил задачи на май. Одна из главных задач — сокращение числа летных происшествий, аварий и катастроф — решается пока плохо: в частях очень

много происшествий по вине личного состава. В ЦПК происшествий пока нет, но воинский порядок и дисциплина еще далеки от совершенства (Кузнецов совершает много ошибок, за ним нужен постоянный контроль).

6 мая.

Утром приехал в ЦПК с намерением пробыть там весь день, но к 12 часам меня вызвал Главком — он вручил всем участникам войны нагрудные знаки «25-летие Победы».

В Центре проверил ход подготовки экипажей «Союза-9». Меня особенно беспокоило состояние здоровья Андрияна Николаева: врачи необдуманно, поспешно сообщили мне, что у него не все в порядке с сердцем. К счастью, тревога оказалась ложной, и сегодня Попов доложил, что специалисты Минздрава и ВВС допускают Николаева к полету.

По поручению Мишина для согласования состава экипажей ДОС в Центр приезжали Трегуб и Лобанов. Они согласились с нашими требованиями:

1) не включать в состав экипажей К. П. Феоктистова;

2) командирами ДОС назначать только военных космонавтов;

3) для четырех экипажей ДОС готовить 6 военных и 6 гражданских космонавтов;

4) не включать в один и тот же экипаж сразу двух дважды Героев.

Однако представители ЦКБЭМ твердо настаивали на том, чтобы в составе первого экипажа обязательно были два уже летавших космонавта, в том числе Елисеев. В результате длительных дебатов договорились о следующем составе экипажей:

1. Шонин, Елисеев, Рукавишников.

2. Леонов, Кубасов, Колодин.

3. Шаталов, Волков, Пацаев.

4. Добровольский, Севастьянов, Воронов.

Полагаю, что это еще не окончательный вариант распределения космонавтов по экипажам: Мишин, возможно, будет возражать против кандидатур Добровольского и Волкова,

не понравится ему и разделение слетанной пары Шаталов-Елисеев.

7 мая.

По просьбе Терешковой выступил вчера в Комитете советских женщин с докладом о 25-летии победы над фашистской Германией. Встреча, на которой было около сотни женщин — активисток Комитета, прошла хорошо. Все признают, что с приходом Валентины Терешковой в Комитет его работа заметно улучшилась. Терешкова уже многое сделала для укрепления международных связей с зарубежными женскими организациями, не забыла она и о благоустройстве служебных помещений Комитета. Вчера я лишний раз убедился в том, что не ошибся в выборе первой женщины-космонавта и в рекомендации ее на работу в качестве общественной деятельницы. Надеюсь, что Терешкова сделает еще много полезного для нашей партии и народа.

Провел совещание сотрудников своего аппарата, подвел итоги работы в апреле и поставил задачи на май. Сейчас наша главная задача — обеспечение хорошей подготовки к полету экипажей «Союза-9». Кроме того, в мае мы должны активизировать летную работу полка и образцово начать занятия с новыми слушателями-космонавтами.

8 мая.

Вечером во Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 25-летию победы над фашистской Германией. Присутствовали руководители партии и правительства, военные делегации всех социалистических стран, кроме Китая. В президиуме собрания были все наши маршалы (кроме Г. К. Жукова — он болен), а также космонавты Береговой, Шаталов и Терешкова. С докладом выступил маршал Гречко. Доклад хороший.

9 мая.

Сегодня выступил с докладом в саду «Эрмитаж», где проходило собрание трудящихся Свердловского района Москвы по случаю 25-летия великой победы.

11 мая.

В Центре имени Гагарина все апрельские и майские празднества прошли без каких-либо происшествий. Сегодня приступили к завершающему этапу подготовки длительного космического полета. Говорил с Керимовым и Мишиным — оба они считают, что в пятницу на ВПК будет рассмотрен вопрос о готовности техники к полету и утвержден основной экипаж «Союза-9», а уже в субботу или в понедельник весь состав экспедиции должен собраться на космодроме.

Сегодня первый раз в этом году играл в теннис.

13 мая.

В. П. Мишин и я подписали доклад в ВПК о кандидатах в экипажи ДОС в составе, согласованном между ЦКБЭМ и ВВС 6 мая. Полет первой ДОС состоится не раньше мая-июня 1971 года, а может быть, и позже. Первоначальный вариант состава экипажей, предложенный Мишиным, не устраивал нас, потому что в одном из них были уже дважды летавшие в космос Елисеев и Шаталов, в другом был Феоктистов, а в общем составе всех четырех экипажей было только пять военных космонавтов. В новом варианте многое изменено по нашему требованию, однако Мишин настоял на обязательном включении в первый экипаж Алексея Елисеева, мотивируя свое решение большой важностью и ответственностью первого полета долговременной орбитальной станции с космонавтами на борту.

Был вчера в ЦПК. Группа Николаева полностью закончила программу подготовки к длительному полету на «Союзе-9», вылет на космодром намечен на 18 мая. В паре с Волыновым играл в теннис против Николаева и Севастьянова в двух сетах из трех победа была за нами (6:2, 3:6, 6:1). На соседних кортах играли Попович, Елисеев, Филипченко, Кубасов и Волков. Все космонавты заметно растут как теннисисты, и я чувствую, что скоро они начнут меня обыгрывать.

15 мая.

Посол Чехословакии Коуцкий вручил мне сегодня чехословацкий орден Красной Звезды. Вместе со мной награды получили многие другие участники боев за освобождение Чехословакии — представители Первого, Второго и Четвертого

Украинских фронтов. После торжественной части Коуцкий настойчиво приглашал меня почаще бывать в посольстве Чехословакии (письменные приглашения я получаю на все приемы в посольстве, но за последние 10 лет был в нем не более 5–6 раз). Коуцкий выразил также желание посетить Звездный вместе с группой своих сотрудников.

Вчера был в Центре, встречался там с писательницей Лидией Алексеевной Обуховой, представил ее Валентине Ивановне Гагариной. Обухова по поручению ЦК ВЛКСМ и Союза писателей работает над книгой о Гагарине. Был на традиционном партийном собрании космонавтов (перед вылетом на космодром, начиная с гагаринского полета, экипажи докладывают на партийных собраниях о своей готовности лететь в космос). В этот раз о готовности к длительному полету на «Союзе-9» доложили три экипажа: Николаев-Севастьянов, Филипченко-Гречко и Лазарев-Яздовский.

Сегодня у меня был заместитель председателя ЦК ДОСААФ генерал-лейтенант авиации Якименко, которого я знал еще майором, когда он командовал истребительным полком, входившим в состав смешанной авиационной дивизии, воевавшей под моим началом на Калининском фронте. Якименко уговаривал меня, чтобы я согласился занять пост президента Авиационной федерации СССР и вице-президента ФАИ. Эту почетную, интересную, но и беспокойную должность последовательно занимали известные летчики М. М. Громов, В. К. Коккинаки и И. Н. Кожедуб. Я не выразил большого желания носить титул президента Авиационной федерации и рекомендовал генералу Якименко подумать о выдвижении на этот высокий пост космонавтов Поповича, Шонина, Николаева.

Сегодня же у меня состоялась беседа с представителем Союза обществ дружбы товарищем Муравьевым, который в составе делегации академика Миллионщикова был недавно в США на Конгрессе по проблемам советско-американских отношений. В самый разгар работы Конгресса американские войска вторглись в Камбоджу. Население США осуждает эту новую агрессию президента Никсона, особенно активно

протестуют студенты и старшеклассники. «Долой войну!», «Долой Никсона!», «Мир Вьетнаму!» — под такими лозунгами проходят многочисленные митинги и демонстрации протеста в городах США. Муравьев несколько раз встречался с астронавтом Фрэнком Борманом, слушал его выступления. Борман пока держит данное нам слово и призывает американцев крепить дружбу с русскими. Характеризуя Нейла Армстронга, Борман выразился так: «Я больше похож на Титова, а Армстронг на Феоктистова». Интересно, что другие американские астронавты, встречавшиеся ранее с Георгием Береговым, отзываясь о характере Армстронга, употребляли слово «колючий». Короче говоря, учитывая осложнения во взаимоотношениях СССР с США и «колючий характер» Армстронга, мы будем немного сдержаннее при встречах с ним (по сравнению с очень теплыми встречами с Борманом).

16 мая.

Доложил сегодня Военному совету ВВС о готовности к полету экипажей «Союза-9». На совете присутствовали: Кутахов, Мороз, Силантьев, Мишук, Решетников, Пакилев, Пушкин, Картаков, Горегляд, Кузнецов, Попов, Игнатьев и шестеро космонавтов группы Николаева. В своем докладе я отметил, что за восемь последних месяцев космонавты Николаев, Севастьянов, Филипченко, Гречко, Лазарев и Яздовский полностью закончили изучение систем корабля, инструкций и программ полета, завершили полный курс тренировок на тренажерах, успешно (только с отличными оценками) сдали предполетные экзамены, прошли полный комплекс медицинских обследований и признаны годными к длительному полету на корабле «Союз-9». Кутахов и все члены Военного совета остались довольны моим докладом и ответами космонавтов на вопросы и пожелали экипажам благополучного полета.

Сегодня был в московском отделении телевидения ГДР, специалисты которого снимают фильм о нашем Гражданском воздушном флоте. По настоянию немецких товарищей пришлось принять участие в съемках фильма и ответить на несколько

вопросов, относящихся к истории советской авиации (спасение челюскинцев, экспедиция папанинцев на Северный полюс, перелеты из СССР в США экипажей Чкалова и Громова).

18 мая.

На заседании ВПК рассматривалась общая готовность к полету «Союза-9». Присутствовали: Смирнов, Титов, Пашков, Строев, Дементьев, Калмыков, Тюлин, Захаров, Кутахов и многие главные конструкторы. Заслушали доклады о готовности: корабля «Союз-9» (В. П. Мишин), полигона и средств управления полетом (генерал Карась), авиационных и морских средств поиска (генерал Пушкин). Я доложил о готовности основного (Николаев-Севастьянов) и дублирующих экипажей. С заключением о полной готовности корабля, космодрома и экипажей выступил председатель Государственной комиссии К. А. Керимов. Приняли решение: пуск «Союза-9» осуществить 31 мая; состав экипажей и программу полета продолжительностью до 18 суток утвердить.

После заседания ВПК меня, Кузнецова и космонавтов вызвали в ЦК КПСС к Сербину и Строганову. Поинтересовавшись у членов экипажей подготовленностью их к полету, Сербин обратился ко мне с вопросом: «Почему космонавты редко летают?» Я ответил: «Нет кораблей». Не удовлетворенный таким ответом, он спросил: «Почему не заказываете корабли?» Сербин великолепно знает, что ВВС уже два года добиваются заказа на строительство 10 новых «Союзов». Знает он и то, что против такого заказа возражают ГУКОС, Генштаб и В. П. Мишин. Но, желая разыграть перед космонавтами роль их сильного покровителя, он стал упрекать Строганова: «Это плохо, что космонавты редко летают, надо разобраться со стоимостью кораблей «Союз» и ракет-носителей и заказать хотя бы десяток новых кораблей». Сербин наверняка знал о нашей борьбе за заказ 10 «Союзов», но не считал нужным поддержать нас, а сейчас он хочет выглядеть в глазах космонавтов этаким добрым дядюшкой. Я, конечно, попробую использовать последнее высказывание Сербина в наших интересах, но почти совершенно уверен, что он легко откажется от него.

19 мая. Тюра-Там.

Вылет нашей экспедиции на космодром был назначен на 9:30. Кроме экипажей «Союза-9» в составе экспедиции врачи, инженеры, методисты, корреспонденты и группа телеоператоров, возглавляемая Юрием Фокиным, — всего 64 человека. К 9:00 на аэродроме Чкаловская у самолета Ил-18 собралось много провожающих: проводить нас пришли все космонавты, Валя Терешкова пришла с Аленкой. Наша первая «космическая семья» — Андриян, Валя и Аленка — была главным объектом кино- и фотосъемок. Проводы несколько затянулись из-за запрета вылета до 10 часов. В полете Николаев, Севастьянов, Агафонов и я играли в преферанс. Андриян, который очень любит эту увлекательную игру, и в этот раз играл лучше других.

На аэродроме Тюра-Там нас встретили председатель Государственной комиссии, руководители космодрома и большая группа главных конструкторов и военных специалистов. Вся наша экспедиция разместилась на 17-й площадке. На территории площадки проделана большая работа по ее обводнению и озеленению, высажено много роз, цветов, кустарников и деревьев. Сразу по приезде на 17-ю площадку я прошелся по аллее Героев. Одиннадцать первых деревьев хорошо прижились, достигли 6-метровой высоты и имеют хорошую крону. Последние десять деревьев еще недостаточно окрепли, но все они с зеленой листвой и вселяют надежду на нормальное развитие. В связи с тем, что теперь предполагается сразу отправлять космонавтов с места приземления прямо в Москву, у меня возникла мысль о необходимости высаживания новых деревьев до старта очередного космического корабля, а не после его приземления, как это делалось до сих пор. Таким образом, 22-е деревце на аллее Героев — дерево Севастьянова — будет высажено до старта «Союза-9». Наверное, такой порядок целесообразно установить и для будущих полетов — это гарантирует нам высадку деревьев всеми летавшими космонавтами.

В 18 часов местного времени Керимов, Кузнецов и я с группой офицеров отправились на 31-ю площадку, где заслушали доклады военных и гражданских испытателей о ходе подготовки ракеты и корабля к полету. В последние дни на корабле были обнаружены неполадки в его электрооборудовании и заменены несколько приборов и агрегатов. Пока никто не может уверенно утверждать, что пуск «Союза-9» возможен 31 мая. Дата пуска должна быть окончательно определена в ближайшие три-четыре дня.

В 20 часов провел совещание с офицерами ВВС — договорились по всем вопросам организации занятий с космонавтами, о распорядке дня и форме одежды.

20 мая.

Вчера вечером посмотрели итальянский фильм «Сова появляется днем». В фильме рассказывается о частых убийствах в Сицилии, о терроре богатых против бедняков и о трудностях борьбы полиции с мафией.

Сегодня ночью спал очень крепко, а когда проснулся ровно в 7:00, то не сразу вспомнил, где я нахожусь. В 7:15 вместе со всеми вышел на физзарядку.

Провел с космонавтами и врачами совещание по распорядку предстартовых дней. Старт «Союза-9» назначен на 24:00 местного времени, и если сохранить обычный распорядок дня, то космонавты начнут самую напряженную работу (старт и восемь часов полета до первого сна в корабле) через 17 часов после подъема. Во всех предыдущих полетах космонавты стартовали через 4–6 часов после подъема. Многие считают, что было бы целесообразно уже сейчас приблизить время сна космонавтов (часы отбоя и подъема) на Земле ко времени сна в космосе, то есть за 10–12 суток до старта «Союза-9» приучить членов экипажей ложиться спать в 11–12 часов, а вставать — в 19–20. Другие товарищи (Шаталов, Филипченко, Гречко) полагают, что до самого старта «Союза-9» следует сохранить обычный, земной распорядок дня (отбой в 23 часа, подъем в 7 часов).

Врачи ВВС предложили компромиссное решение этого непростого вопроса: постепенно (уступами) довести время отбоя до 2–3 часов, а время подъема — до 11–12 часов. Я все время был за обычный, земной распорядок, и доводы врачей в пользу скользящего распорядка дня меня не переубедили. Но врачи неожиданно получили мощное подкрепление: основной экипаж «Союза-9» — Николаев и Севастьянов — твердо высказался за введение скользящего распорядка дня. В этом вопросе много субъективного — одни привыкли рано ложиться спать и рано вставать, другие, наоборот, поздно ложатся и поздно встают. Я не стал навязывать свое мнение экипажу и разрешил перейти на скользящий распорядок: сегодня отбой будет в час ночи, а завтра подъем — в 9:00. Одновременно я попросил врачей изучить возможности для быстрейшего сближения земного распорядка дня с космическим.

Космонавты весь день занимались на 17-й площадке — изучали бортовые инструкции, заполняли бортжурналы, уточняли программу полета по дням и виткам. По новому распорядку дня занятия спортом пришлись на 16 часов, когда температура в тени была 28 градусов, а на солнце — больше 40. Из-за жары пришлось сократить продолжительность занятий. Николаев и Севастьянов с полчаса занимались упражнениями с амортизаторами, которые они будут выполнять в полете по два раза в сутки. Шаталов, Филипченко и другие космонавты играли в теннис. Я тоже сыграл два гейма против Николаева и Севастьянова. У Николаева очень быстрая и точная реакция, Севастьянов играет значительно слабее. В назначении на длительный космический полет Николаева у меня нет никаких сомнений, что же касается Севастьянова, то некоторая моя неуверенность в его работоспособности и физической выносливости пока остается, хотя за последние пять месяцев врачи не доложили мне ничего такого, что могло бы ее усилить.

21 мая.

Вчера вечером был на просмотре американского кинофильма «Земля миллион лет до нас». В фильме довольно интересно показана борьба первобытных людей за выживание в

дикой природе. По плану экипажи должны были с 23 часов заниматься изучением южного звездного неба, но все небо было затянуто облаками — пришлось изменить тему занятий.

Два дня назад космодром встретил нас жарой и безоблачным небом, а сегодня довольно прохладное утро, сильный ветер и плотная облачность с редкими разрывами. На физзарядке я попробовал заниматься с амортизатором и убедился, что при желании с его помощью можно за 30 минут дать значительные нагрузки на руки, ноги, шею и таз. Есть основания надеяться, что специальные физические упражнения помогут космонавтам ослабить вредное влияние длительной невесомости на организм — адинамию. Николаев и Севастьянов понимают это и регулярно тренируются с амортизаторами.

Сегодня на 17-ю площадку приезжал генерал Войтенко Александр Михайлович — один из самых заслуженных ветеранов космодрома. Мы обошли с ним всю территорию площадки и договорились о необходимых мероприятиях по ее озеленению и улучшению условий быта и занятий космонавтов.

В гарнизоне появились случаи заболевания дизентерией. Я собрал врачей ВВС, Минздрава и гарнизона на совещание, установил жесткие ограничения по общению «посторонних» с экипажами и принял ряд других профилактических мер (приказал, в частности, генералу Кузнецову с группой врачей лично проверить продсклад, молокозавод, тару для продуктов, пути и средства их подвоза, а также весь персонал, так или иначе причастный к приготовлению пищи для космонавтов).

Вчера со старта, предназначенного для пуска «Союза-9», был запущен в космос очередной «Зенит». Во время его пуска порывы ветра достигали 20 и более метров в секунду. Ракета-носитель нормально вывела «Зенит» на орбиту, но при взлете задела «хвостом» старт, подожгла несколько кабелей и слегка повредила фермы. Специалисты внимательно обследовали старт и заверили руководство полигона, что устранят все повреждения до вывоза «Союза-9».

Вечером смотрели хороший немецкий (ФРГ) фильм «Что делает жена, когда исчезает муж». С 23:00 до часа ночи

экипажи занимались изучением звездного неба под руководством Романтеева. Занятие было полезным, несмотря на то что его проведению несколько мешали полная луна и облачность в южной части неба.

22 мая.

Вчера группа врачей Минздрава и ВВС в присутствии экипажей проверяла и дегустировала бортовой паек космонавта. По общему мнению, к предстоящему длительному полету пищевики значительно расширили ассортимент блюд, улучшили их вкусовые качества и резко уменьшили объем и вес тары и упаковки. Андриян Николаев выбрал для себя следующий рацион питания (в скобках указаны отличия от основного меню в разные дни полета. — Ред.):

первый завтрак — хлеб столовый, ветчина (фарш колбасный), шоколад (конфеты, крем творожный), сок фруктовый (кофе с молоком);

второй завтрак — телятина (язык говяжий, какао с молоком), хлеб столовый, цукаты (чернослив с орехами, коврижка медовая);

обед — хлеб столовый, вобла, щи зеленые (борщ, суп харчо), мясо куриное (свинина рубленая, ветчина), помадка фруктовая (печенье сдобное, чернослив), сок;

ужин — крем творожный (сыр российский), коврижка медовая (цукаты, хлеб столовый), сок.

При таком рационе космонавт в среднем будет получать в сутки примерно 2800 килокалорий, 105 граммов белков, 102 грамма жиров, 342 грамма углеводов и 847 граммов воды. Почти такое же суточное меню выбрал себе и Виталий Севастьянов.

Сегодня окончательно выяснилось, что пуск «Союза-9» 31 мая не состоится. При комплексных испытаниях корабля в его электрической сети обнаруживаются блуждающие токи, источник которых еще не определен. Вместо штатных 38 вольт многочисленные замеры показывают больше шестидесяти. Предстоят еще испытания «Союза-9» в барокамере, заправка его горючим и стыковка с ракетой, а затем — комплексная проверка корабля и ракеты.

Мишина на космодроме пока нет — он руководит технической подготовкой старта из Москвы. Результаты такого «руководства» налицо: корабль и ракета должны были быть готовы к пуску еще в первых числах апреля, но пуска не будет даже в конце мая. Из двадцати членов Госкомиссии на космодроме только Керимов, Воробьев и я. Отношение к подготовке длительного космического полета, начиная с самых высоких руководителей и кончая рядовыми работниками полигона, самое плевое. При Королеве никогда не было ничего подобного Сергей Павлович всегда прибывал на космодром одним из первых и лично руководил подготовкой кораблей и ракет к полету, своевременно прибывали и все члены Госкомиссии, а весь персонал космодрома работал с большим интересом и с полной отдачей.

23 мая.

26 мая в Москве начинает работу 16-й съезд ВЛКСМ, делегатами которого избраны почти все летчики-космонавты СССР. Тяжельников и другие секретари ЦК ВЛКСМ просили меня о том, чтобы на открытии съезда были все космонавты-делегаты. Первоначально день открытия съезда почти совпадал с днем пуска «Союза-9», и в этих условиях я не мог отпустить на съезд многих космонавтов. Сейчас, когда старт перенесен на первые числа июня, появилась возможность участия в открытии съезда всех летчиков-космонавтов, кроме Николаева и Филипченко. Сегодня я отпустил в Москву В. А. Шаталова.

Генерал Войтенко сдержал данное мне слово — прислал строителей и солдат для работ по озеленению 17-й площадки и строительству нового глинобитного теннисного корта. Вчера произошло «событие», всполошившее весь гарнизон 17-й площадки: космонавт Георгий Гречко поймал сома весом 22 килограмма и длиной 130 сантиметров. Этой редкой рыбацкой удаче был посвящен очередной выпуск стенгазеты с юмористическими статьями и рисунками. Вчера же я потерпел поражение на бильярде от обозревателя Центрального телевидения Юрия Фокина, но зато дважды разгромил его на шахматной доске.

Предполетная подготовка космонавтов из-за переноса пуска проходит без особого напряжения. Завтра (в воскресенье) дадим всему персоналу выходной день. Сообщил в Москву, чтобы Ефимов, Пономарев и другие товарищи не торопились с вылетом на космодром.

21 мая в газете «Красная звезда» опубликована статья, посвященная семидесятилетию Главного маршала авиации К. А. Вершинина. Будучи Главкомом ВВС, Вершинин как никто другой из военных руководителей глубоко понимал значение прорыва человечества в космос, видел перспективы развития космонавтики и многое делал для того, чтобы наша Родина была и оставалась ведущей космической державой.

Сегодня вечером отмечали пятидесятилетие Сергея Григорьевича Даревского — Главного конструктора «приборной доски» и тренажеров космических кораблей. На второй площадке в домике Даревского собрались его ближайшие друзья и помощники по работе на космодроме: Керимов, Щеулов, Войтенко, Кузнецов, Шабаров, Воробьев и другие товарищи. Гости наговорили юбиляру много теплых слов и преподнесли подарки. Даревский — талантливый конструктор и приятный человек, с которым легко работается. Я знаю его более десяти лет, у нас с ним сложились хорошие деловые отношения. На вечере вспоминали Королева, Гагарина, Комарова и других, уже ушедших от нас ветеранов, которых невозможно забыть.

24 мая.

Воскресный выходной день. Большая группа офицеров и космонавтов поехала на озеро ловить рыбу. Николаев, Севастьянов и человек тридцать офицеров остались на 17-й площадке. Чтобы лучше провести свободное время, организовали соревнования по шахматам, бильярду и теннису. В оставшихся незаконченными шахматном и бильярдном турнирах Николаев вышел в финал соревнований, хорошие результаты показал и Севастьянов. Но больше всего порадовали меня ребята своими успехами на теннисном корте. До этого четыре дня подряд мы со Смирновым играли в паре против Николаева и Севастьянова, и все эти дни счет партий был с большим

перевесом в нашу пользу. А сегодня ребята играли блестяще: первый сет они выиграли (8:6), второй проиграли (5:7), а третий остался незаконченным при счете 3:3 из-за наступившей темноты.

Наши рыболовы вернулись с озера только к 17 часам. Рыбалкой все остались довольны, самые крупные уловы у Филипченко, Гречко и Кузнецова. К озеру, находящемуся всего в 7 километрах от кислородного завода, подходит асфальтированная дорога. Озеро пресное, оно образовано и пополняется за счет перекачки воды из реки, на нем много зелени, рыбы и есть даже гнездовья диких уток.

25 мая.

Все экипажи сегодня были заняты предстартовой подготовкой на 31-й площадке. Николаев и Севастьянов занимались центровкой кресел, опробованием ложементов и подгонкой привязных ремней. Потом врачи провели занятия по подгонке поясов с датчиками и напомнили космонавтам правила записи физиологических функций. Экипажи тщательно проверили укладку неприкосновенного аварийного запаса (НАЗ). В состав НАЗ входят пища, вода, радиостанция, медикаменты, фонарь, спички и многое другое; он громоздок и тяжел — над его совершенствованием надо продолжать работать. Затем специалисты проконсультировали космонавтов по пользованию АСУ ассенизационно-санитарным устройством. АСУ, установленное на корабле «Союз-9», далеко от совершенства: космонавты провели несколько тренировок по пользованию АСУ, в результате которых мы убедились, что конструктивные недостатки этого устройства, по-видимому, не позволят обеспечить полную герметизацию отходов жизнедеятельности членов экипажа. В целях предотвращения возможного загрязнения атмосферы кабины при пользовании АСУ решили предоставить в распоряжение экипажа достаточное количество герметизированных мешочков и гигиенических салфеток. В конце занятий мы проверили навыки космонавтов по пользованию пылесосом (в полете экипаж должен будет пользоваться пылесосом при регулярных уборках в корабле).

Занятия, на которых кроме меня присутствовали Попов, Кузнецов и член коллегии Минздрава Е. И. Воробьев, были очень полезны как для космонавтов, так и для нас — руководителей. Все мы еще раз убедились, что в медицинском обеспечении длительных космических полетов нами пока сделано далеко не все.

Сегодня генерал Горегляд доложил из Москвы, что Нейл Армстронг прилетел из Варшавы прямо в Ленинград, где его встречали Береговой, Феоктистов и представители Академии наук. Сегодня же Быковский с группой специалистов улетел в Евпаторию. Улетели с космодрома и все товарищи, выделенные для дежурства на наблюдательно-измерительных пунктах.

Когда неделю назад мы прилетели в Тюра-Там и разместились на 17-й площадке, всем офицерам было объявлено, что курить в помещениях космодрома категорически запрещается. При этом само собой подразумевалось, что космонавты не курят, что для них даже табачный дым вреден и неприятен. И вот сегодня вечером я совершенно случайно обнаружил, что в комнате, смежной с моей, курят Николаев и Севастьянов — члены основного экипажа «Союза-9». Я знал и раньше, что Николаев был иногда не прочь «побаловаться табачком»: в декабре прошлого года я сам лично видел его с сигаретой во рту. Тогда у меня с ним состоялся очень серьезный разговор, после которого он дал слово, что «это никогда больше не повторится». Я поверил Николаеву, но он не сдержал своего слова. Не знаю даже, что более неприятно — сам факт обмана или грубое нарушение режима за несколько дней до старта. Неприятно поразила меня и безответственность товарищей Баландина, Воробьева и Попова, отвечающих за здоровье космонавтов и за соблюдение ими предполетного режима: они знали, что Николаев и Севастьянов продолжают курить, но ни один из них не доложил мне об этом. Больше того, полковник Попов привез с собой «специальное средство», якобы уменьшающее влечение к табаку, с намерением дать его экипажу в полет.

26 мая.

Первый раз за наше десятилетнее знакомство мне было неприятно разговаривать с Андрияном Николаевым. Правда, он не стал запираться и сразу признался, что вчера они с Севастьяновым курили. Признался Николаев и в том, что это был не единственный случай курения. Если бы я узнал об этом месяц назад, я был бы против допуска в полет Николаева и Севастьянова, но сейчас, когда до старта остается несколько дней, а экипаж Николаева фактически уже утвержден в качестве основного в ЦК партии и правительстве, невозможно ставить вопрос о замене космонавтов дублерами. Придется принять самые жесткие меры к тому, чтобы ничего подобного больше не повторилось, и полностью исключить возможность курения на борту «Союза-9». Многие, даже мои ближайшие помощники и врачи, не понимают всей опасности курения космонавтами. Дело не только в том, что космонавтам, не отвыкшим от курева, будет труднее в длительном полете. Главная опасность в том, что они могут взять табак в полет, а курение в атмосфере корабля, перенасыщенной кислородом, может вызвать пожар и неминуемую гибель экипажа.

В 17 часов на 31-й площадке состоялось заседание Государственной комиссии с повесткой дня «О готовности к заключительным операциям, заправке и пуску корабля «Союз-9» и ракеты-носителя». Присутствовали: Керимов, Мишин, Карась, Щеулов, Курушин и около сотни офицеров и представителей промышленности. Главные конструкторы систем (или их заместители) доложили, что все автономные испытания и общие комплексы испытаний корабля и ракеты закончены, — все системы допускаются к заправке и пуску. Начальник 1-го управления космодрома инженер-полковник Патрушев и заместитель Мишина Е. В. Шабаров подтвердили готовность корабля и ракеты к пуску. Госкомиссия решила: начать заправку корабля топливом с 7:00 27 мая; все дальнейшие операции осуществлять из расчета пуска 2 июня в 22:00 московского времени.

Чувствуя свою вину, Николаев и Севастьянов ходят как в воду опущенные, Андриян особенно переживает наш

неприятный разговор. Это уже хорошо — я уверен, что устроенная мной «баня» пойдет им на пользу. Завтра надо будет немного подбодрить их.

27 мая.

В 11 часов утра на второй площадке начался митинг, посвященный открытию на домике космонавтов мемориальной доски с барельефом Юрия Гагарина. На митинге были космонавты, офицеры и солдаты гарнизона, представители промышленности, рабочие и служащие полигона. Честь открытия мемориальной доски и музея Ю. А. Гагарина была предоставлена Мишину, мне, Николаеву, Севастьянову и представителю ракетных войск подполковнику Беляеву, принимавшему участие в пуске «Востока». После церемонии открытия космонавты, а за ними и все присутствовавшие на митинге осмотрели домик-музей Гагарина, домик Королева и музей войсковой части. Вместе с космонавтами я побывал и у обелиска, установленного в двухстах метрах от старта № 1 в честь запуска первого спутника. К сожалению, руководящие политработники Центра подготовки космонавтов Крышкевич и Копылов формально отнеслись к задаче создания домика-музея Гагарина и не выполнили многого из того, что я приказывал им сделать более года тому назад: в домике ничего нет из мебели и вещей, которые были в нем при Гагарине, нет его личных вещей и мало фотографий, отражающих подготовку к историческому полету. Придется многое поправлять — к 10-летию полета музей Гагарина на космодроме должен более полно отражать величие его подвига.

После обеда космонавты попросили разрешения поехать на озеро у кислородного завода — порыбачить и покупаться. Просьбу космонавтов поддержали работники кино (Макаров) и телевидения (Фокин). Я тоже решил поехать на рыбалку и не пожалел о своем решении: озеро чудесное, чистая пресная вода, песчаный грунт, глубина до 6–7 метров, много камышовых зарослей, много рыбы, и есть даже два выводка диких уток. Для отдыха солдат и офицеров это идеальное место, созданное руками людей в выжженной солнцем песчаной степи.

Минут тридцать мы с Николаевым и Севастьяновым ловили рыбу на удочки, но нам не повезло — клева не было. Севастьянов сел в лодку и поехал искать более удачное место, а я на другой лодке отправился вдоль берега получше ознакомиться с озером. Николаев остался один, и его упорство было вознаграждено: через 10–15 минут он поймал двух щук весом по полтора килограмма.

Я уехал с озера раньше других, оставив космонавтов на попечение генерала Кузнецова. Дело в том, что вечером к нам в гости обещали наведаться В. П. Мишин и генерал-полковник авиации М. И. Самохин. Когда я приехал на 17-ю площадку, оказалось, что гости уже собрались и намерены, по совету Н. Ф. Никерясова, искупаться в бассейне. После купания мы с Мишиным играли в бильярд — это была вторая наша встреча за бильярдным столом, Мишин играет вполне прилично (года два назад он обыграл меня в Евпатории), но сегодня победа осталась за мной. В половине девятого вечера вернулись с рыбалки космонавты. Ужинали все вместе — Керимов, Мишин, Воробьев, Радутный, Фокин и другие наши гости с удовольствием ели уху и жареную рыбу из улова космонавтов.

28 мая.

Сегодня подъем у нас был в 10:00, а в 10:15 все уже вышли на физзарядку. Николаев и Севастьянов кроме пробежки и обычных упражнений каждое утро выполняют вестибулярные тренировки и упражнения с амортизаторами. Вчера во время поездок на 2-ю площадку и на озеро мне удалось подбодрить их, и сегодня они чувствуют себя нормально. Инцидент с курением будем забывать, но выводы из него я для себя сделал: чтобы предупреждать космонавтов от возможных ошибок, нельзя слепо доверять врачам, инструкторам, методистам и другим офицерам, работающим с экипажами, — этих людей надо регулярно контролировать, а главное, самим руководителям надо быть ближе к космонавтам и их окружению и в любое время знать, чем они занимаются и к чему готовятся. К сожалению, Кузнецов не всегда достаточно глубоко вникает в процесс подготовки космонавтов, слабо контролируя своих

подчиненных. Находясь в ЦПК в течение пяти месяцев на предполетном режиме космонавта, Николаев и Севастьянов под носом у Кузнецова нарушали этот режим, и все нарушения остались незамеченными.

Из Москвы на космодром прилетели министр Афанасьев, генералы Пономарев и Пушкин, а также группа врачей. Пономарев сообщил, что на пуск «Союза-9» прилетит маршал Крылов, а с ним и маршал Кутахов. И так всегда: в день пуска на космодроме собирается излишне много начальства, а это скорее мешает, чем помогает делу (не успел сегодня Пономарев приехать на 17-ю площадку, как начал сразу же собираться на рыбалку).

Предстартовая подготовка экипажей близится к завершению — сегодня они практически уже закончили заполнение бортжурналов и консультации со специалистами. После полуночи по местному времени штурман Романтеев проводил занятие с космонавтами по изучению южного звездного неба с использованием нового электронного бинокля. Генералы Пушкин, Кузнецов и я, заинтересованные возможностями нового бинокля (он работает в инфракрасном диапазоне спектра и позволяет видеть в полной темноте), решили поприсутствовать на этом занятии. Я попросил Андрияна Николаева отойти на пятьдесят, а Георгия Гречко — на сто метров. Простым глазом ни тот, ни другой были совершенно не видны, а через бинокль я хорошо различал черты лица Николаева и отчетливо видел фигуру Гречко. Во время занятия над полигоном пролетал спутник, невооруженным глазом он был еле виден, а в электронном изображении он выглядел почти как Юпитер. С помощью бинокля легко отыскать любое созвездие или крупную звезду: он, несомненно, пригодится на борту космического корабля.

29 мая.

Утром генерал Пушкин вылетел в Караганду для проверки готовности средств поиска ВВС, а генерал Пономарев с группой офицеров поехал на 2-ю и 31-ю площадки для ознакомления с ходом завершающих операций по подготовке корабля. Я и все

космонавты весь день оставались на 17-й площадке. Врачи проводили заключительные обследования членов экипажей. По предварительным данным, со здоровьем космонавтов все в порядке.

В середине дня поступила телеграмма из Москвы от генерала Горегляда с сообщением о том, что предприятие, изготовляющее сыр для космонавтов, сняло гарантию пригодности своей продукции. Пришлось срочно связаться с заместителем министра здравоохранения А. И. Бурназяном, отвечающим за качество запасов пищи на борту космического корабля, и просить его вместе с министром пищевой промышленности подтвердить доброкачественность всех остальных продуктов, которые завтра будут укладываться на борт «Союза-9». Через три часа такое подтверждение мы получили, оставалось только чем-то заменить сыр в бортовом пайке и… строго наказать виновников инцидента. Последним занялся председатель Госкомиссии, а я и космонавты быстро согласовали с врачами замену сыра различными мясными консервами. Вскоре после этого мне позвонил К. А. Керимов и спросил: «Могут ли космонавты часа через два приехать на 31-ю площадку для работы на корабле?» Я ответил, что эта работа запланирована на завтра в 10 часов утра, но если нужно, космонавты могут приехать в любое время. Через полчаса, обсудив с Мишиным и Шабаровым состояние дел на «Союзе-9», Керимов сообщил, что работу на корабле оставляем на завтра.

Ближе к вечеру с Кузнецовым, космонавтами и специалистами проверили выполнение плана работ экипажей на космодроме. Техническая подготовка пуска заканчивается завтра, все другие мероприятия проводятся по плану. Одним словом, к полету на «Союзе-9» космонавты и специалисты ВВС готовы.

Около 20 часов местного времени принял горячую ванну после жаркой теннисной баталии. Моему давнему партнеру по теннису полковнику Всеволоду Арсентьевичу Смирнову уже 64 года, а играет он лучше многих молодых, но уже опытных теннисистов. Здесь на космодроме мы в паре с ним сыграли уже

больше 20 сетов против основного экипажа «Союза-9» и только два из них проиграли. Сегодня мы выиграли два первых сета, а в третьем решили подбодрить Николаева и Севастьянова и, ослабив натиск, уступили им со счетом 2:6. Эта победа космонавтов явилась для них самым лучшим эликсиром.

Поздно вечером состоялся финал соревнований по бильярду (из четырнадцати участников в финал вышли Николаев и я). Еще до игры я решил про себя, что не буду стремиться к выигрышу: пусть Николаев отправится в трудный полет «королем бильярда 17-й площадки». Но в этот вечер Андриян был, что называется, в ударе — он выиграл со счетом 8:5, причем мне почти не пришлось «помогать» ему стать чемпионом.

30 мая.

С утра все три экипажа должны были прибыть на 31-ю площадку для «отсидки» в корабле «Союз-9» с целью окончательного осмотра его оборудования. Согласно договоренности Кузнецова с Шабаровым предполагалось, что экипажи Филипченко и Лазарева будут работать в корабле с 10:00 до 12:00, а экипаж Николаева — с 12:30. При этом имелось в виду, что Николаев и Севастьянов смогут поработать в «Союзе-9» в течение 4–5 часов. В связи с такой договоренностью Кузнецов и дублирующие экипажи приехали на 31-ю площадку к 10:00, однако работать в корабле им разрешили только с 11:00. В МИКе к этому времени появился Мишин, который, как всегда, не стал считаться с ранее согласованным планом работ и устроил Кузнецову и Шабарову разнос за отсутствие основного экипажа.

В 12:30, точно по плану, в МИК прибыли Николаев, Севастьянов, генералы Пономарев, Пушкин и я. Поздоровавшись с нами, Мишин начал ворчать, что космонавты опоздали на два часа и что поэтому для работы в корабле основного экипажа он может предоставить только один час вместо четырех. Такое поведение Мишина привело по существу к срыву одной из важнейших заключительных операций подготовки корабля и экипажа к полету. Во время осмотра корабля экипажи

обнаружили много недоделок и высказали более 15 замечаний по его оборудованию. Часть замечаний была принята Мишиным к немедленному устранению, а на устранение других недоделок он установил очень жесткие сроки. К сожалению, три-четыре серьезных замечания (неправильная установка кронштейна, невозможность точной установки фотоаппарата и др.) не могли быть устранены в заданные сроки.

После обсуждения замечаний космонавтов по кораблю Николаев больше часа проверял НАЗ и укладку всего съемного оборудования. Потом ему вместе с Севастьяновым пришлось еще долго повозиться с врачами Минздрава по подгонке и проверке поясов медицинских датчиков.

Вечером вместе со всеми космонавтами и методистами проверил бортжурналы экипажей и качество выполнения ими всех предполетных работ. По общему мнению, все три экипажа полностью подготовлены к длительному полету. Космонавты выразили пожелание, чтобы в последующем для заключительных и контрольных операций на космодроме им отводилось больше времени, — спешка при выполнении этих операций недопустима, — а после проверки систем и оборудования корабля командир экипажа опечатывал бы его и лично снимал печать непосредственно перед стартом.

31 мая.

В 11:00 на 31-й площадке состоялось заседание Госкомиссии. Мишин, Патрушев и все главные конструкторы доложили о готовности корабля и ракеты к вывозу на старт. Решили сегодня ночью пристыковать корабль к ракете, а завтра в 5:00 установить ее на старте. Утвердили график предстартовых работ, обеспечивающий пуск «Союза-9» 1 июня ровно в полночь по местному времени.

Вечером на 17-й площадке провели «парадное» заседание Госкомиссии. Командиром «Союза-9» утвержден Андриян Николаев, бортинженером — Виталий Севастьянов. Экипаж поблагодарил комиссию за высокое доверие и заверил ее, что полностью выполнит задание. С приветствиями к экипажу обратились министр Афанасьев, маршал Крылов и генерал

Пономарев. Затем Николаев и Севастьянов участвовали в пресс-конференции для телевидения. Пресс-конференция прошла неважно, космонавты, да и корреспонденты тоже, чувствовали себя скованно: и те и другие знали, что о главной особенности предстоящего полета длительности пребывания на орбите — говорить запрещено, а повторять всем известные истины никому не хотелось.

Сейчас, когда я пишу эти строки, по телевидению идет репортаж из Мехико о матче на первенство мира по футболу между сборными СССР и Мексики. Игра проходит напряженно, много взаимных ошибок, наша сборная не сумела использовать три-четыре удачных момента для взятия ворот Мексики. Космонавты смотрят репортаж в соседней комнате — я слышу, как они бурно реагируют на ошибки наших футболистов.

1 июня.

Семь часов утра, в гостинице тихо, космонавты спят. Подъем был назначен на 10:00 (вчера, точнее сегодня, из-за футбола все легли спать после двух часов ночи), но несколько минут назад я проснулся и больше спать не могу. Сегодня состоится старт очень сложного длительного полета. Прогноз погоды на время старта хороший — ясно, температура около 20 градусов, ветер не более 5 метров в секунду. Полет во всех отношениях подготовлен достаточно хорошо, у меня есть твердая уверенность, что пуск «Союза-9» пройдет нормально. С 31-й площадки доложили, что ракета с кораблем уже установлена на старте, началась их комплексная предпусковая проверка с участием Шаталова, Филипченко и группы офицеров ВВС.

В 11:00 врачи в моем присутствии разбудили Николаева и Севастьянова (когда мы вошли в комнату, и тот и другой крепко спали). На мой вопрос о том, как им спалось, оба космонавта в один голос заявили: «Хорошо, но можно было бы и еще добавить».

Говорил с маршалом Кутаховым по телефону, доложил ему о нашей готовности к пуску «Союза-9». Маршал сказал: «Я очень хотел бы быть на пуске, ориентировочно я могу вылететь

к вам в 12:30, но мне надо просить разрешение на вылет у министра, — обстановка складывается так, что я, возможно, не смогу прилететь».

Встав сегодня до подъема, я обнаружил много грубых нарушений в службе режима: дежурный офицер был без повязки, не было дневального у входа в помещение космонавтов, не охранялись подступы к гостинице, на ковре перед спальней космонавтов валялся окурок и др. Пришлось сделать замечание и полковнику Крышкевичу — в 8 часов утра от него пахло спиртным (и это политработник, обязанный воспитывать космонавтов!).

В 14:00 провели совещание руководящего состава экспедиции ВВС (присутствовали Пономарев, Пушкин, Кузнецов, Крышкевич, Дедков, Попов и другие). Уточнили задачи и распорядок стартового дня. Особое внимание участников совещания я обратил на точность выполнения всех операций по времени и на готовность службы поиска и стартовой аварийной команды. Затем в присутствии Шаталова я сказал Николаеву и Севастьянову, что категорически запрещаю им просить в ходе полета о продлении его длительности сверх 16 суток. Я запретил им также что-либо брать на борт корабля, кроме того, что письменно разрешено мною. Николаев и Севастьянов дали слово, что сделают все так, как я требую. Как обычно, мы договорились, что словом «хорошо» (или «отлично») экипаж будет давать понять об отсутствии у него каких-либо сомнений в возможности продолжать полет; слово «нормально» будет сигналом к тому, чтобы руководители полета внимательно изучили обстановку и приняли соответствующее ей решение; слово «удовлетворительно» будет означать, что надо немедленно решать вопрос о досрочной посадке.

В 19:00 состоялось предзаправочное заседание Госкомиссии на стартовой площадке. Решили начать заправку ракеты топливом и осуществить пуск «Союза-9» в 0:24 местного времени. В 19:55 космонавты приехали на 31-ю площадку, где врачи в течение 45 минут подгоняли им пояса с медицинскими датчиками. Затем Николаев и Севастьянов с большим аппетитом

поужинали (натуральные отбивные с макаронами, кофе). Пономарев, Пушкин и я пожелали экипажу счастливого полета и уехали на старт.

В 21:45 экипаж «Союза-9» прибыл на стартовую площадку, где к этому времени собрались все члены Госкомиссии. Николаев коротко и очень спокойно доложил о готовности к полету. Минуты через три космонавты уже заняли свои места в корабле и приступили к проверке связи, оборудования и параметров кабины.

Пуск был произведен ровно в полночь. Радиосвязь и телевидение работали отлично. Я, Шаталов и Филипченко вели переговоры с Николаевым и Севастьяновым вплоть до выхода «Союза-9» на орбиту.

2 июня. Евпатория.

Утром (около 9:00 московского времени) 36 офицеров во главе с Пономаревым вылетели из Тюра-Тама в Москву, а члены Госкомиссии, я, Кузнецов, Шаталов, космонавты-дублеры и 14 офицеров вылетели на самолете Ил-18 в Евпаторию. Афанасьев, Мишин, Керимов, Карась и я разместились в одном салоне. Пожалуй, впервые за все перелеты по маршруту Тюра-Там-Евпатория в самолете никто (в том числе и Мишин) ничего не пил, кроме чая. Деловых разговоров в полете не вели — говорили о литературе, о футбольных баталиях в Мексике, о телерепортаже космонавтов и Юрия Фокина. Устроили небольшой шахматный турнир: я выиграл две партии у Фокина, взять реванш за его поражение попытался сперва Мишин, а затем Карась, но оба они оказались битыми.

Через четыре часа полета наш Ил-18 сел в Саки. На аэродроме нас встретили евпаторийские власти и командующий авиацией Черноморского флота генерал-полковник Мироненко. От Саки до КП я ехал в одной машине с Афанасьевым и Карасем. За время поездки мне удалось доказать им, что после длительного космического полета экипаж нужно немедленно передать в руки врачей и с места посадки корабля отправить прямо в Москву без каких-либо встреч с корреспондентами и

местными властями. Оба они согласились подписать такое решение Госкомиссии.

В 15:40, когда «Союз-9» пролетал над Уссурийском, состоялся трехминутный сеанс радиосвязи с экипажем. Николаев доложил, что полет проходит хорошо и точно по программе. Самочувствие космонавтов хорошее — это подтверждают их бодрые голоса и изображения на телеэкранах.

В 19:00 провел первое заседание посадочной комиссии. Заслушали доклады представителя ВВС и офицера ВМС о готовности службы поиска. Леонов доложил о том, что конкретно имеет экипаж на борту корабля на случай экстренной аварийной посадки, а также о том, какие сведения и в какие сроки передаются в этом случае экипажу с Земли. Приняли решение, что заседания будем проводить ежедневно: каждый специалист (всего в комиссии 18 человек) обязан систематически контролировать ход полета по своей специальности и о всех отклонениях от нормы должен немедленно докладывать председателю комиссии.

Вечером мне позвонила Валя Терешкова и попросила передать Андрияну, что она и Аленка радуются, волнуются, целуют его и терпеливо ждут встречи с ним. Валя добавила, что 8 июня Аленке исполняется шесть лет и что она хотела бы в этот день прилететь с ней в Евпаторию, чтобы поговорить с Андрияном по радио и посмотреть его по телевидению. Я обещал Вале устроить такую встречу. В 21:25 я вышел на связь с Николаевым и передал ему пожелания благополучного полета от жены и дочери.

Все наши офицеры разместились в районе КП. Размещение плохое: транспорта нет, приличных условий для занятий спортом нет. Я приказал всем в свободное время заниматься бегом, гимнастикой, плаванием, шахматами и бильярдом. На КП очень много «лишних» людей, гостиницы и столовые переполнены.

3 июня.

Проснулся, как обычно, в семь часов. С КП не звонили — значит, на борту «Союза-9» все нормально. На дворе хмурое

утро, моросит мелкий дождь. После минутного колебания я все же вышел на физзарядку. В полном одиночестве и не без труда пробежал по полевой дорожке с километр — размокший чернозем приставал к кедам, ноги скользили и разъезжались. И все-таки бежать среди бескрайнего пшеничного поля под неумолчное пение жаворонков было настолько приятно, что я пожалел наших молодых засонь-офицеров, обкрадывающих свое здоровье.

В 10:00 началось совещание оперативно-технического руководства. Специалисты всех служб доложили о нормальном ходе полета. Однако более глубокий анализ полетных данных показал, что в работе экипажа есть ошибки по времени включения и выключения двигателей ориентации. Правда, может оказаться, что это вовсе и не ошибки, а разумные поправки экипажа к программе полета. С необходимостью корректировки программ нам уже пришлось столкнуться: оказалось, что на выполнение полного комплекса физических упражнений в условиях космического полета требуется почти 50 минут, в то время как на Земле космонавты укладывались в полчаса. Врачам и самим космонавтам есть еще над чем подумать, чтобы найти оптимальное решение проблемы адаптации к невесомости.

Поздно вечером наблюдали экипаж «Союза-9» по телевидению — Николаев и Севастьянов вели очередной репортаж с орбиты. Судя по всему, они пока сохраняют высокую работоспособность, но лицо Севастьянова показалось мне несколько опухшим. Дал задание врачам внимательнее следить за самочувствием «Сокола-2» (позывной Севастьянова. — Ред.).

4 июня.

Вчера вечером провел совещание со всеми офицерами ВВС, находящимися на КП. Ознакомившись с нагрузкой и задачами каждого офицера, принял решение отправить в Москву 11 человек во главе с генералом Кузнецовым. Здесь остаются 53 представителя ВВС, в том числе Леонов, Шаталов, Быковский, Филипченко, Горбатко и Хрунов, а также гражданские космонавты — Елисеев, Волков, Кубасов. Для целей управления

полетом можно было бы обойтись и меньшим числом офицеров (всего от ВВС, ракетных войск и промышленности здесь насчитывается более 500 человек — без учета команд обслуживания), но среди представителей ВВС есть новички и сотрудники НИИ, которым необходимо набираться опыта работы на КП.

Сегодня Афанасьев, Мишин, Керимов и Карась улетели в Москву. Я остался за председателя Государственной комиссии и руководителя полета. За Мишина остался Трегуб.

Во второй половине дня было много волнений из-за отказов в системе управления солнечными батареями (СБ). Во всех предыдущих полетах на «Союзах» мы тщательно следили за током СБ, подзаряжающим буферные аккумуляторы, были моменты, когда ток подзарядки оказывался недостаточным, и экипажам приходилось экономить электроэнергию. В полете «Союза-9» проявилась другая тенденция — увеличение тока подзарядки аккумуляторов, вызванное неустойчивой работой автоматики СБ. Сегодня на 47-м витке Севастьянов доложил: «СБ выключены, а ток 26 ампер». Это говорит о том, что автомат управления солнечными батареями явно неисправен. За двое суток полета экипажу пришлось уже двенадцать раз выключать СБ вручную. Число ручных включений и выключений СБ ограничено пятьюдесятью (при этих операциях в приборном отсеке накапливается взрывоопасный водород), значит, при таком режиме работы полет придется прекратить на восьмые сутки… На 48-м витке полета мы дали Николаеву задание точно засечь время захода и восхода Солнца. Оказалось, что для космонавтов «ночь» продолжалась всего сорок секунд. В последних полетах на «Союзах» в октябре 1969 года космические ночи измерялись десятками минут, а теперь, в июне, практически на всех витках «Союза-9» они не превышают одной минуты, так как орбита корабля располагается почти параллельно терминатору. В условиях «белых ночей» солнечные батареи почти непрерывно вырабатывают электрический ток — на борту корабля накапливается избыток электроэнергии.

В создавшейся ситуации выдали экипажу распоряжение: «На время сна произвести закрутку корабля вдоль его продольной оси со скоростью 0,5 градуса в секунду». При такой «закрутке от Солнца» солнечные батареи не должны вырабатывать ток, а у отдыхающих космонавтов она не вызовет неприятных ощущений.

Сегодня впервые в этом сезоне искупался в Черном море. Весна и начало лета 1970 года в Крыму холодные и дождливые, море штормит, температура воздуха и воды в пределах 15–18 градусов.

В 23:25 разговаривал с Николаевым. Меня интересовали «условия быта» на корабле (сон, аппетит, бритье, пользование АСУ и др.). Отвечая на мои вопросы, Николаев сказал: «Пока все хорошо. Спим крепко, сон освежает. Дневной паек съедаем полностью, но добавки не требуется. Бреемся ежедневно специальной электробритвой, бритва работает хорошо. Бриться безопасной бритвой плохо — разлетаются волосы и паста. АСУ «по-большому» еще не пользовались, а «по-маленькому» пользуемся нормально».

5 июня.

Пасмурный, холодный день — купаться в море не тянет, заставил себя пробежать полтора километра. Звонил Мусе, дома все в порядке.

В 8:40 начальник дежурной смены полковник Быковский доложил: «Экипаж спит, на борту все нормально, но последнее сообщение с судна «Космонавт Комаров» настораживает — речь опять идет о работе СБ». По телеметрии мы дважды получили данные о том, что напряжение в сети падает до 26,0-25,6 вольт. В случае дальнейшего падения напряжения до 24–23 вольт может возникнуть аварийная ситуация, при которой в распоряжении экипажа будет только полтора витка для осуществления вынужденной посадки. Я принял решение разбудить экипаж на два часа раньше программного времени подъема и передать космонавтам приказание о немедленной закрутке корабля на Солнце. В 11:50 мне доложили о том, что экипаж удалось разбудить только с шестой попытки,

Севастьянов принял команду на закрутку, но не успел доложить об обстановке на борту. В ближайшие два часа УКВ-связи экипажа с «Космонавтом Комаровым» и с наземными радиостанциями не будет, поэтому я приказал попытаться установить связь с «Союзом-9» в КВ-диапазоне.

…На часах 18:00. Все наши волнения утихли: до подхода «Союза-9» к территории СССР удалось установить связь с экипажем на коротких волнах (это был редкий случай, когда КВ-сигналы отлично проходили с Земли на корабль и с корабля на Землю). Николаев доложил, что они с Севастьяновым прекрасно слышат «Весну» (Хабаровск, Алма-Ата), находясь за экватором, и что после закрутки корабля на Солнце напряжение в его электросети возросло до 31 вольта, а сила тока — до 26 ампер. Позднее экипаж доложил по УКВ-связи более подробные данные о работе СБ. Судя по докладу, в данное время солнечные батареи работают нормально — по-видимому, неисправность (если она была) автоматики СБ самоустранилась (что тоже случается) или Севастьянов при одном из докладов перепутал показания вольтметра и амперметра, смонтированных в одном приборе.

Пока по всем данным объективного контроля, по многочисленным наблюдениям по телевидению и по голосам космонавтов в состоянии их здоровья и работоспособности заметных изменений нет. Николаев сообщил, что сегодня он и Севастьянов впервые пользовались АСУ «по-большому», — АСУ работает хорошо, на борту корабля чистота и порядок.

Вчера вечером звонила Терешкова. Она только что вернулась из поездки в Ярославль, где выступала перед избирателями. Валя интересовалась ходом полета и просила передать привет Андрияну. 7 июня она вместе с Аленкой вылетает самолетом Ан-24 в Евпаторию.

6 июня.

Утром опять шел дождь, температура не поднималась выше отметки +15. Проверил подъем и физзарядку наших офицеров, разместившихся в домике рыбака (15 минут ходьбы до моря). Подъем и зарядка прошли нормально, но желающих искупаться

в море оказалось немного. Мы с В. А. Смирновым искупались (холодновато, но приятно), а на обратном пути пробежали около двух километров.

В 8:30 на КП принял доклад от Филипченко: «Ночь прошла нормально, экипаж спит, по данным с «Космонавта Комарова» на борту корабля все в порядке». В 9:30 собрал все дежурные смены в полном составе, разобрал ошибки отдельных офицеров и приказал действовать всем строго по программе полета никаких изменений программы не передавать на борт «Союза-9» без моего личного разрешения. Врачам дал задание проанализировать итоги пятисуточного пребывания экипажа в невесомости (быт, сон, отдых, физзарядка и пр.) и подготовить предложения по режиму последующих суток полета. Потом вместе с командиром части обошел все основные помещения КП. Общее впечатление: помещений и оборудования для управления орбитальными полетами на КП достаточно, но во всем чувствуется основная тенденция ракетных войск — все для автоматов и минимум для космонавтов.

Телевидение, радио и газеты широко, но довольно однобоко освещают последние события в космосе — действуют запреты на сведения о длительности полета, об отказах техники и ошибках космонавтов. Этими ограничениями мы сами себя обкрадываем, создавая у людей впечатление «необыкновенной легкости» и почти полной безопасности длительных полетов в космосе. На самом деле такие полеты очень трудны и опасны для космонавтов, и не только в физическом, но и в психологическом отношении. Я глубоко убежден, что со временем люди будут летать в космосе месяцами, годами и даже десятками лет, но при современном уровне развития космической техники полет продолжительностью 18–20 суток является, по-видимому, пределом человеческих возможностей. В связи с работами, проводимыми и у нас, и в США по созданию орбитальных станций, уже многое делается для обеспечения длительных пилотируемых полетов, но маловероятно, что за ближайшие пять лет их продолжительность перевалит за «двухмесячную отметку» (впервые этот рубеж был преодолен

американскими астронавтами на орбитальной станции «Скайлэб» в ноябре 1973 — феврале 1974 года. — Ред.).

Среди многочисленных сообщений нашей прессы о полете «Союза-9» мне больше всего понравилось стихотворение Владимира Федорова «Счастливого полета», опубликованное в «Правде» за 5 июня:

Притихли ели
И берез вершины,
Притих лесной
Пахучий ветерок.
Аленушка
Прильнула к Валентине,
Припал к экрану
Звездный городок.
А там родные лица
Проплывали,
Глядевшие
В огнистый океан.
Счастливого полета вам,
Виталий!
До скорой встречи!
Слышишь, Андриян!
И люди вновь
Следят за русской речью,
Что, словно ключ,
Прозрачна и чиста.
Несется ввысь
Родная, человечья,
Вселенной неподвластная
Звезда.
Все тихо.
Не колышутся травинки.
Не дрогнет в чаще
Ни один листок.
Их ждут в лесу
Заветные

Тропинки,
До боли близкий
Звездный городок.

В 22:15 получили очень неприятные телеметрические данные о повышении температуры и давления в баллонах наддува, вызванном отсутствием «ночи» на орбите и «косой закруткой» корабля. Дальнейшее повышение температуры и давления в баллонах могло привести к взрыву и гибели экипажа, поэтому мы временно отменили «косую закрутку». Когда на очередном витке корабль на две минуты вошел в тень, температура и давление в баллонах стали медленно снижаться.

7 июня.

Система жизнеобеспечения экипажа «Союза-9» работает пока точно по графику зачетных испытаний. Давление углекислого газа в кабине даже во время физзарядки космонавтов повышается не более чем до 7-10 миллиметров. Ко времени расчетного окончания (5,5 суток полета) первого регенерационного патрона давление кислорода составляло 182 миллиметра. После включения поглотителя углекислого газа его давление снизилось до 4 миллиметров, а давление кислорода снижалось всего на 3 миллиметра за каждый виток полета, поэтому мы решили продлить работу первого патрона на 12 часов. Переключение на второй регенерационный патрон прошло нормально.

Сегодня в 11 часов на берегу моря между Евпаторией и Саки был открыт памятник морякам-десантникам — героям Великой Отечественной войны. В 12:10 на аэродроме Саки приземлился самолет, на котором прилетела Валя Терешкова с Аленкой. Я и Хрунов ездили их встречать. В 14:59 Валя и Аленка были на КП и слушали переговоры Горбатко с Николаевым. Мы пока не сообщали Андрияну о прибытии в Евпаторию жены и дочери — готовим ему сюрприз: пусть Аленка и Валя сами поговорят с ним по радио.

Вечером провел очередное заседание посадочной комиссии. Заслушали доклады метеорологов, баллистика и врача.

Наиболее интересным был доклад полковника медицинской службы Лебедева.

За шесть суток полета мы получили много ценных данных по влиянию длительной невесомости на самочувствие и работоспособность экипажа. Общее мнение сводится к тому, что на шестые сутки космонавты чувствуют себя значительно лучше, чем в первые два-три дня полета. Еще раз внимательно изучив все параметры кабины и медицинские показатели состояния экипажа, решили никаких изменений в режим полета пока не вносить. Общий вывод: на борту корабля все в порядке. В такой обнадеживающей обстановке некоторые горячие головы начали поговаривать о продлении полета «Союза-9» до 20 суток. Специально по этому вопросу провел совещание с офицерами ВВС, приказал прекратить ненужные разговоры и тщательно анализировать данные по состоянию космонавтов и корабля, имея в виду, что главные трудности полета еще впереди.

С 20 до 23 часов Валя и Аленка были на двух сеансах связи с экипажем «Союза-9», видели Андрияна по телевидению и слушали его переговоры с КП.

8 июня.

Ночь прошла спокойно, полет «Союза-9» продолжается без замечаний.

Вместе с Терешковой ездили в пионерский лагерь «Чайка», принадлежащий Министерству обороны и носящий имя первой женщины-космонавта («Чайка» позывной В. В. Терешковой в космическом полете. — Ред.). В лагере одновременно отдыхают 1200 пионеров, на его территории (42 гектара) много зелени, цветов и даже роз, пляж хорошо оборудован и тянется почти на километр. Для ребят встреча с Терешковой стала большим событием — после пионерского парада они окружили нас таким плотным кольцом, что мы с большим трудом выбрались из толпы.

Во время вечерних телесеансов связи Валя и Аленка наблюдали экипаж «Союза-9» по «Аристону» (телевизионному экрану во всю стену) и говорили с Андрияном и Виталием по радио. Аленка, увидев в пяти метрах от себя отца «в

натуральную величину», разговорилась и забросала его вопросами («Почему не взял меня с собой? Видел ли в космосе Бармалея? Мы с мамой очень скучаем когда вернешься?»). Не забыла она рассказать и про черепаху, ежа и торт, которые подарили ей дяди-космонавты.

Андриян, не ожидавший такой встречи с женой и дочкой, был очень обрадован, да и всем, кто присутствовал на телесеансе, было приятно слушать этот непринужденный семейный разговор.

9 июня.

Около полудня Терешкова с дочкой улетела в Москву. В 13:18 я разговаривал с Андрияном — он поблагодарил меня за вчерашний сюрприз и доложил, что они с Виталием хорошо выспались, проснулись бодрыми и готовы полностью выполнять программу полета. После обеда я, Филипченко и Смирнов искупались в море, правда, без особого удовольствия (температура воды не выше 17 градусов, сильный ветер, волны).

В 20 часов, как обычно, провел совещание посадочной комиссии. В районе полигона посадки мощнейший циклон: ветер силой до 25 метров в секунду, пыльные бури, дожди и значительное понижение температуры. К счастью, на борту «Союза-9» все в порядке, и еще суток шесть-семь полигон посадки нам не потребуется. С 21 до 24 часов трижды прослушал радиообмен с космонавтами и наблюдал их по телевидению. Пока Андриян и Виталий, по всем признакам, чувствуют себя великолепно, но меня настораживает то, что они пьют мало воды и потребляют мало кислорода (по одному литру воды в сутки, по 17 литров кислорода в час), — это явное свидетельство пониженной подвижности космонавтов.

10 июня.

Сегодня мы предоставили экипажу «Союза-9» первый выходной день, отменили все эксперименты, а радиообмен ограничили до минимума. Николаев и Севастьянов охотно откликнулись на мое предложение сыграть в шахматы партию «Космос-Земля». Космический шахматный матч, в котором

команду Земли представляли я и космонавт Горбатко, продолжался три витка и закончился вничью.

Все системы корабля работают нормально, но из-за малого расхода кислорода наблюдается рост «атмосферного» давления в кабине — в два часа дня Севастьянов доложил, что оно увеличилось до 900 миллиметров, то есть почти до верхнего допустимого уровня. Рекомендовали экипажу попытаться понизить давление за счет снижения температуры. Рекомендация оказалась полезной: к 22 часам при снижении температуры с 21 до 18 градусов давление уменьшилось до 870 миллиметров. Для сохранения комфортных условий на борту экипаж провел сегодня большую уборку корабля.

11 июня.

Ясное утро, яркое солнце, но прохладно — дует свежий ветер. Полковник Горбатко доложил с КП: «На борту «Союза-9» все в порядке, экипаж спит. Заканчивается 151-й виток полета».

Вчера Шаталов и Елисеев ездили в Крымскую обсерваторию. На долговременной орбитальной станции (ДОС) будет установлен большой телескоп с целью выполнения обширной программы наблюдений за Солнцем и звездным небом. Сменные экипажи ДОС должны получить более глубокие знания по астрономии и практические навыки работы с телескопом. Шаталов договорился с руководством обсерватории о том, что 12 космонавтов, готовящихся к полетам на ДОС, пройдут со специалистами курс теоретических и практических занятий продолжительностью 15–20 дней. Вчера вечером я обсудил с Леоновым и Шаталовым все основные вопросы подготовки экипажей к полетам на ДОС и «Союзах». В связи с тем, что очередной полет на «Союзе» не состоится раньше декабря, а полеты на ДОС маловероятны и в мае 1971 года, мы решили отправить обе группы космонавтов («Союз» и «ДОС») в отпуск с 20 июня, а за время их отпуска «нажать» на работы по тренажерам, уточнить программы и сроки подготовки экипажей. К работе над программой для экипажей ДОС уже приступили Шаталов, Леонов, Елисеев и Кубасов.

Сегодня имел серьезный разговор с Быковским и Горбатко — оба они курят. Горбатко обещал немедленно прекратить курение, но Быковский, признавшись, что курит систематически по 4–5 сигарет в день, такого обещания не дал. Я предупредил Валерия, что ему больше не удастся слетать в космос, если он не бросит курить. Итак, четверо космонавтов (Николаев, Севастьянов, Горбатко и Быковский) курят, а начальник ЦПК Кузнецов и замполит Крышкевич и не подозревают об этом. Придется еще раз крепко нажать на курильщиков.

Несколько раз выходил на связь с Николаевым и Севастьяновым, внимательно рассматривал их по телевидению, изучал материалы радиопереговоров. Должен еще раз подтвердить, что десять суток пребывания на орбите не оказали заметного влияния на самочувствие и работоспособность космонавтов. Врачи также пока не отмечают каких-либо изменений в их состоянии. Все системы корабля работают нормально, на борту достаточно запасов и ресурсов на двадцать суток полета, но я глубоко убежден, что его надо заканчивать в начале семнадцатых суток, — буду только рад, если мой прогноз удастся превысить (сейчас продолжительность полета «Союза-9» будет лимитироваться только состоянием его экипажа).

Здесь, в Евпатории, наша совместная работа с Трегубом, Фадеевым и другими представителями промышленности и ракетных войск идет дружно. За последнюю неделю у нас с ними не было никаких разногласий. Трегуб ведет себя очень осторожно и предупредительно.

Сегодня утром разговаривал по телефону с Мусей и Ольгой Карловной. Дома все в порядке, все здоровы.

12 июня.

В 14:35 Владимир Шаталов вылетел в Ленинград — у него большое горе: умер отец.

Корабль «Союз-9» продолжает полет, самочувствие Николаева и Севастьянова просто великолепное: начались 12-е сутки на орбите, а у них нет пока ни малейших признаков утомления. Я, врачи, космонавты и другие офицеры придирчиво

наблюдаем за качеством работы экипажа, настороженно ждем последствий длительного полета, но их пока нет. Одно из двух: или мы очень удачно подобрали для космонавтов физические упражнения в условиях невесомости (величина нагрузок, дозировка по времени и др.), или сама невесомость не так уж и страшна, как это всем представлялось до сих пор. Но выводы делать еще рано — надо продолжать внимательно наблюдать за экипажем и терпеливо накапливать данные объективного медицинского контроля.

Генерал Кузнецов передал мне из Москвы информацию о самом длительном полете американских астронавтов (Ф. Борман, Дж. Ловелл, У. Ширра).[4] Полет состоялся 4-18 декабря 1965 года на корабле «Джемини-5»[5] и продолжался 330 часов 35 минут (примерно 13,75 суток). Для перекрытия рекорда американцев экипаж «Союза-9» должен налетать 365 часов (15,2 суток).

13 июня.

На двенадцатые сутки полета у экипажа появились заметные признаки утомления. Внешне Андриян и Виталий выглядят немного опухшими, их движения стали менее энергичными, появились ошибки (выключили телевидение переключателем программ, а не специальным выключателем), которых они не допустили бы при хорошей работоспособности. Экипаж жалуется на чрезмерную загруженность и частые нарушения плановых часов отдыха. При радиообмене наблюдаются оговорки, повторения, торопливость и раздражительность. Посоветовавшись с Трегубом и космонавтами, мы решили на последующие дни значительно увеличить время отдыха экипажа за счет некоторого сокращения программы экспериментов. Состояние экипажа не требует посадки корабля в ближайшие два-три дня, но утомление Николаева и Севастьянова будет нарастать, работоспособность — понижаться, будет возрастать вероятность ошибок.

На совещании посадочной комиссии рассмотрели все вопросы готовности средств поиска и медицинского обеспечения экипажа после посадки, а также оценили запасы рабочего тела на борту «Союза-9». Дал команду: начиная с 14 июня, регулярно выдавать сводку погоды на полигоне посадки для посадочных (первых трех суточных) витков полета.

14 июня.

День выборов в Верховный Совет СССР. Из числа космонавтов депутатами Верховного Совета избираются В. В. Терешкова и Г. Т. Береговой. Герман Титов кандидатом в депутаты не выдвигался и депутатом он больше никогда не будет (в 1996 году Г. С. Титов был избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации. — Ред.).

Сегодня к нам прибыл из Ленинграда генерал Агаджанов Павел Артемьевич, а завтра прилетят Керимов, Мишин и другие члены Государственной комиссии. Больше десяти суток ответственность за полет «Союза-9» лежала на мне и на Я. И. Трегубе, с прибытием Госкомиссии моей доли ответственности не убудет (я остаюсь председателем посадочной комиссии), но помех в работе прибавится. Посадку корабля можно производить в любой из четырех дней с 16 по 19 июня. Посадка до 16 июня нежелательна: не будет установлен мировой рекорд продолжительности пилотируемого космического полета. Посадка после 19 июня возможна, но нежелательна, так как к этому времени на борту корабля будут израсходованы все запасы продовольствия. Конкретная дата посадки будет определена Госкомиссией, причем решающее влияние на выбор этой даты может оказать состояние экипажа.

Утром разговаривал с Андрияном, на мой вопрос о самочувствии он ответил: «Все отлично, продолжаем работу». Я внимательно прослушал два первых сеанса связи с экипажем, проходивших сразу после 8-часового сна, — в голосах космонавтов, в их внимании и работоспособности не было ничего настораживающего. Во второй половине дня я прослушал еще четыре сеанса радиообмена, просмотрел три сеанса телевидения и пришел к выводу, совпавшему с

заключением врачей: сегодня самочувствие и работоспособность Николаева и Севастьянова лучше, чем вчера, что можно объяснить предпринятой нами разгрузкой программы работ, предоставлением экипажу большего времени для отдыха и удовлетворенностью космонавтов успешным выполнением экспериментов на орбите.

Сегодня исполнилось ровно семь лет со дня полета Валерия Быковского. Все мы очень тепло поприветствовали его с этой датой, не забыл ее и Андриян — он поздравил Быковского из космоса.

В Мехико состоялись четвертьфинальные матчи на первенство мира по футболу. Мы смотрели встречу Англия-ФРГ. Англичане вели в первом тайме со счетом 2:0, но рано успокоились: немцы во втором тайме играли блестяще и забили три мяча, так что чемпионам мира придется уезжать домой битыми. Наши футболисты встречались с командой Уругвая, играли плохо — счет 1:0 в пользу Уругвая. В других матчах победу одержали бразильцы и итальянцы. Таким образом, в полуфинал вышли ФРГ, Бразилия, Италия и Уругвай.

15 июня.

Первый сегодняшний сеанс связи с экипажем начался с волнений: почти три минуты космонавты не отвечали на наши позывные. Пришлось включить сигнал «Подъем». Первым ответил Севастьянов, а вслед за ним и Николаев — оба извинялись за то, что проспали время выхода на связь (мы предоставили им для отдыха более 9 часов). Николаев сказал, что они чувствуют себя отлично, к невесомости привыкли и не замечают ее влияния на свою жизнедеятельность. По объективным показателям (давление, пульс, частота дыхания, температура) и по наблюдениям за работой и переговорами космонавтов все сходятся на том, что они сохраняют высокую работоспособность.

В момент побудки (около 12 часов) Севастьянов, включая свет в кабине, ошибочно включил табло АСП (автоматика системы посадки), которое должно высвечиваться только после разделения отсеков корабля по сигналу от бароreле на высоте

11 километров. Выключение табло с пульта не предусмотрено, и теперь оно будет гореть до самой посадки, действуя космонавтам на нервы. Кроме того, теперь автоматика системы посадки будет несколько дней находиться под током, что также не предусмотрено и не исключает появления в ней отказов, хотя Трегуб и специалисты не видят в данной ситуации ничего опасного. В полете экипажа Филипченко на «Союзе-7» уже был аналогичный случай ошибочного включения АСП за день до посадки. Тогда же мы просили Мишина ввести блокировку кнопки АСП, прошло полгода, но дефект пульта управления не устранен.

В 12:30 прилетели Керимов, Мишин, Воробьев, другие члены Госкомиссии и главные конструкторы систем. В 17:30 Мишин и я вели переговоры с экипажем. Андриян и Виталий еще раз подтвердили, что чувствуют себя прекрасно и готовы летать даже сверх программы. Но вскоре обстановка осложнилась: экипаж доложил, что давление кислорода в кабине упало до 160 миллиметров, а давление углекислого газа повысилось до 8,5 миллиметров (после переключения первой установки СЖО на третий патрон прошло всего несколько часов, и давление кислорода должно было не падать, а расти). Падение давления кислорода можно объяснить только одной из двух причин: либо третий патрон уже «выдохся» при параллельной работе с первым и вторым патронами (что в принципе возможно), либо ему мешает работать второй патрон (вентилятор гонит поток воздуха на оба патрона). Решили дать на борт «Союза-9» команду выключить второй патрон.

К 23:00 окончательно выяснилось, что третий патрон работает плохо, пришлось его выключить и переключиться на вторую установку СЖО: давление кислорода повысилось до 170, а давление углекислого газа понизилось до 4,5 миллиметров ртутного столба. Можно считать, таким образом, что все разговоры и опасения по поводу малого (17 литров в час) потребления кислорода каждым членом экипажа оказались необоснованными: космонавты расходуют примерно по 20 литров кислорода в час на человека.

На борту корабля осталось продовольствия всего на трое суток, а Андриян заявил в разговоре с Мишиным, что кроме этого запаса у них есть еще «двухсуточный резерв». По-видимому, ребята недооценивают опасного влияния длительной невесомости на их самочувствие и хотят блеснуть перед Главным конструктором своей удалью и выносливостью. Заявление Николаева можно расценить как легкомысленное, хотя по-человечески космонавтов можно понять и простить, а вот стремление Мишина растянуть полет с 18 до 20 суток — это авантюра. Запас пищи на борту корабля был рассчитан только на 18-суточный полет, а «резерв», который имел в виду Андриян, представляет собой НЗ неприкосновенный запас. Пойти на использование НЗ и на явное сокращение рациона питания — значит рисковать здоровьем космонавтов, причем рисковать совершенно неоправданно, поскольку дополнительные двое суток ничего не добавят к успеху полета «Союза-9».

16 июня.

На борту «Союза-9» все нормально, если не считать того, что вышел из строя один из локальных коммутаторов телеметрической системы конструкции Рязанского. Теперь мы не будем иметь данные телеметрии по ряду важных параметров полета и работы оборудования корабля. Причина отказа пока неясна, и это вызывает некоторое беспокойство, хотя Мишин и Рязанский считают, что полет можно продолжать — донесения экипажа заменят работу автоматики.

На расширенном заседании оперативно-технического руководства с участием членов Госкомиссии заслушали доклады специалистов по итогам двухнедельного полета «Союза-9». Общий вывод из всех докладов: полет может быть продолжен до выполнения всей заданной программы. В конце заседания Мишин задал вопрос баллистикам о параметрах орбиты корабля на девятнадцатые и двадцатые сутки полета. За этим вопросом явно просматривалось намерение Мишина продлить пребывание космонавтов на орбите до 20 суток, но я намеренно не стал говорить о дате посадки ни с Мишиным, ни с Керимовым. За

обедом Мишин не выдержал и сам спросил меня, настроен ли я по-боевому. Зная, к чему он клонит, я ответил, что пока не вижу никаких оснований для сокращения программы полета. Я не стал говорить о том, что члены посадочной комиссии от промышленности — Северин, Ткачев и Даревский — настойчиво просили меня не допустить увеличения длительности полета «Союза-9» сверх программы.

Семь лет назад, 16 июня 1963 года, в космос взлетела «Чайка». В очередном сеансе связи Андриян попросил передать Вале привет от экипажа «Союза-9» по случаю седьмой годовщины ее полета.

Вчера во время переговоров с Мишиным Николаев упомянул о «двухсуточном резерве» провизии на борту корабля. Я решил проверить, не имел ли он в виду НЗ — неприкосновенный запас? Из путаных объяснений Андрияна я понял, что у экипажа, помимо двух «штатных» рационов, есть еще 10 банок консервов и немного хлеба, что значительно меньше одного суточного рациона. Николаев не решился назвать мне НЗ «резервом», но я окончательно убедился в том, что стремление Мишина растянуть полет на 20 суток — явная авантюра.

На совещании в узком кругу (Мишин, Керимов, Черток, Трегуб, Воробьев, Агаджанов и я) Мишин пытался добиться решения о продлении полета сверх программы. Я и Воробьев выступили против необоснованного предложения Мишина, нас поддержали Черток, Агаджанов и Трегуб. Оказавшись в меньшинстве, Мишин ополчился на Воробьева, обвиняя его в том, что он не обеспечил экипаж «Союза-9» запасами продовольствия, необходимыми для 20-суточного пребывания в космосе. Пришлось мне выступать в защиту Воробьева и доказывать, что он и представители ВВС на космодроме настаивали на закладке в корабль 20-суточного запаса пищи, но Шабаров разрешил (при согласии Мишина) заложить только 18-суточный запас. Мишину мое выступление не понравилось: пытаясь защитить «честь мундира», он обвинял всех и вся, кроме ЦКБЭМ.

Посадочная комиссия, обсудив ход полета и состояние экипажа, постановила: «Рекомендовать Госкомиссии произвести посадку корабля «Союз-9» на первом суточном витке 19 июня». В. П. Мишину и К. А. Керимову, обещавшим высокому начальству в Москве довести длительность полета до 20 суток, придется согласиться с нашим решением, которое подписали все 16 членов посадочной комиссии и около 20 присутствовавших на ее заседании специалистов. Главная задача теперь состоит в том, чтобы «дотянуть» корабль и экипаж до 287-го витка полета, то есть до 15 часов 19 июня.

17 июня.

Окончательно решено, что посадку «Союза-9» будем производить 19 июня. Семь лет назад в этот день успешно завершился групповой полет Быковского и Терешковой.

Утром Керимов, Мишин и я поздравили Николаева и Севастьянова с установлением нового абсолютного рекорда продолжительности космического полета. По докладам экипажа и по данным телеметрии на борту корабля все в порядке (кроме включения табло АСП и отказа локального коммутатора), правда, сегодня Николаев доложил еще и об отказе «малыша» — бортового магнитофона.

Уже пошли 17-е сутки полета, а самочувствие космонавтов остается отличным. Все мы были готовы к более тяжелым последствиям длительной невесомости, вполне возможно, что мы стоим на пороге важного открытия, которое позволит превратить невесомость из врага № 1 в «друга космонавтов». Но чтобы доказать такую возможность, надо иметь 4–5 кораблей для полетов продолжительностью 30, 40, 50, 60 суток. А вот кораблей-то у нас и нет. Еще год назад я настаивал на заказе десяти «Союзов», но Карась, Захаров, Кутахов, Гречко и многие другие военные и гражданские руководители не поддержали меня, и сейчас нашим космонавтам не на чем летать в космос. Когда вернусь в Москву, я дам еще один бой всем бюрократам, и в первую очередь генералу Карасю, который всегда недооценивал значения пилотируемых полетов.

Сегодня говорил по телефону с П. С. Кутаховым. Он рекомендовал мне не торопиться с прилетом экипажа «Союза-9» в Москву, с тем чтобы при встрече космонавтов на аэродроме Чкаловская смогли присутствовать члены Госкомиссии и руководство ВВС. Эти рекомендации противоречат тому, чего я добился для экипажа «Союза-9», — полной послеполетной изоляции космонавтов от «посторонних» лиц и передачи их в руки врачей на 10–12 суток. Кутахов сообщил также, что маршал Гречко собирается в двадцатых числах июня посетить ЦПК, и приказал мне подготовить Центр и его личный состав к приему министра обороны. Гречко еще ни разу не был в Центре, хотя трижды обещал побывать в нем. Не знаю, сдержит ли он свое слово на этот раз, но его возможный приезд к нам не очень радует меня: министр явно недооценивает значение космонавтики для науки, экономики и обороны страны. Однако мы находимся в полной зависимости от маршала Гречко, и было бы глупо не попытаться «породнить» его с космосом.

18 июня.

В 15:00 провели заседание посадочной комиссии, тщательно изучили местность и прогноз погоды в намеченном районе приземления «Союза-9». По прогнозу на 19 июня в районе посадки будет облачность 7–8 баллов на высоте 1500 метров, видимость — более 10 километров, ветер — 6-10 метров в секунду. Первоначально мы выбрали точку прицеливания на меридиане, проходящем в 50 километрах западнее Караганды. При обсуждении этого вопроса на Госкомиссии Мишин предложил оттянуть точку прицеливания еще на 50 километров в западном направлении — подальше от города и железной дороги. Я согласился с предложением Мишина. Госкомиссия утвердила наше предложение о посадке «Союза-9» на 287-м витке полета с точкой прицеливания 71 градус 31 минута восточной долготы. На этом витке трасса спуска проходит через Арал, и в случае срыва корабля с управляемого спуска на баллистический возможна посадка на воду. Для спасения экипажа и корабля, приводнившегося в Аральском море, мы имеем 3 амфибии, 3 вертолета, 5 морских катеров и 15

рыболовецких судов. Из Караганды мне звонили генералы Пушкин, Долгушин и Щеулов — они доложили о полной готовности всех средств поиска и медицинского обследования космонавтов.

Сегодня на заседании Политбюро ЦК КПСС будет принято решение, которого я добивался почти пять лет: теперь мы будем направлять космонавтов с места посадки корабля прямо в Москву на аэродром Чкаловская и сразу же отдавать их на 10 суток в распоряжение медиков. Мне стоило немалых трудов убедить К. А. Керимова, В. П. Мишина и других членов Госкомиссии в необходимости отменить традиционные встречи космонавтов во Внукове.

Полет «Союза-9» проходит нормально, космонавты чувствуют себя хорошо. Я рекомендовал Николаеву и Севастьянову уже сегодня начать подготовку к спуску с орбиты (перенос всего лишнего в бытовой отсек и закрепление в СА оборудования, возвращаемого на Землю), выполнить полный комплекс физических упражнений и «лечь» спать в 24:00, имея в виду, что завтра им придется встать в 8:00 и уже в 8:30 установить радиосвязь с Землей. Сегодня в Евпаторию прилетели Афанасьев и Карась, а двумя днями раньше — Черток, Бушуев, Цыбин, Раушенбах, Самохин и члены Госкомиссии.

Итак, завтра завершающий день самого длительного космического полета. Не могу избавиться от сомнений и тревог за исход посадки, хотя видимых причин для опасений нет, — кажется, сделано все, чтобы она была успешной. Сейчас на часах 23:30, полчаса назад «Союз-9» ушел на «глухие» витки, и теперь только завтра утром мы вновь услышим голоса космонавтов.

В «Комсомольской правде» за подписью Гаврилова опубликована серия статей — выдержек из книги полковника Язвинского. Космонавты Леонов, Хрунов, Шаталов и другие возмущены сплошным извращением фактов и небылицами, вымышленными Язвинским с целью возвеличивания своего «я». Язвинский так изображает события в ходе подготовки первого

полета человека в космос, что он оказывается основной фигурой этих событий, вокруг которой непрерывно крутятся Королев, Гагарин и другая «мелочь». Фактически же Язвинский работал тогда рядовым военпредом в звании майора, и Гагарин был едва знаком с ним.

19 июня.

День начался прекрасно: голубое небо, яркое солнце, море на горизонте и обычная трехкилометровая пробежка по тропинке в бескрайнем пшеничном поле. Алексей Леонов доложил, что на орбите ночь прошла спокойно, экипаж спит, все параметры корабля в норме. Я и сам прекрасно знаю, что оснований для беспокойства нет, но в такой день нельзя не волноваться. Надо терпеть, надеяться, волноваться и при этом делать все, что нужно для успешного завершения полета…

23 июня. Москва.

Прошло уже четверо суток после посадки «Союза-9», но за это время я не имел ни часа времени, чтобы можно было оторваться от дел и хоть что-нибудь записать в дневник. Буду стремиться в ближайшие дни наверстать упущенное.

Вчера, 22 июня, у нас в ЦПК был министр обороны маршал Советского Союза А. А. Гречко. Вместе с министром в Центр приехали Якубовский, Захаров, Епишев, Соколов и Кутахов. Маршал Гречко посетил ЦПК впервые, хотя не раз собирался сделать это в течение шести лет. Мы предполагали, что он пробудет у нас хотя бы часа два, и собирались показать ему космические тренажеры, рассказать о наших трудностях и обратиться к нему с просьбами о помощи: Шаталов должен был убедить министра в необходимости заказа еще десяти «Союзов», Леонов готовился просить его помочь нам со строительством помещений для тренажеров, а Береговой и Филипченко горели желанием доказать, что ГУКОС недооценивает значения пилотируемых космических полетов и ничего не делает для их обеспечения (на космодроме, в Евпатории и на КП в Москве действует принцип: все для автоматов и кое-что для космонавтов). Однако министр поломал все наши планы: он поздравил Николаева с присвоением званий

генерал-майора и дважды Героя, а Севастьянова — со званиями майора запаса и Героя Советского Союза — и уехал, пообещав обязательно приехать в Центр 12–13 июля.

Вместе с Гречко уехали и все его заместители, кроме задержавшегося на несколько минут маршала Кутахова. Космонавты окружили Главкома тесным кольцом, пытаясь выразить свою неудовлетворенность визитом министра, а Береговой и Шаталов высказали откровенное сожаление о том, что он отказался выслушать их просьбы. Но Кутахов не поддержал космонавтов. Испугавшись их намерений правдиво рассказать министру о состоянии наших космических дел, он не нашел ничего лучшего, как заявить: «Если вы будете ставить перед министром вопросы о строительстве, то я никогда больше не приеду к вам…» Выпалив эту необдуманную тираду, Кутахов сел в машину и уехал. На лицах всех космонавтов (Береговой, Леонов, Шаталов, Попович, Титов, Шонин, Волынов, Хрунов, Горбатко, Филипченко) отразились полное разочарование и неуважение к начальству. Даже самый сдержанный и самый близкий к Главкому космонавт Владимир Шаталов счел возможным громко сказать: «Кутахов не прав!» А все другие, не сомневаюсь, выразили эту же мысль еще крепче и энергичнее, но про себя.

24 июня.

Сегодня состоялось заседание Госкомиссии с отчетом экипажа «Союза-9». Утром, перед заседанием, я зашел к Николаеву и Севастьянову и предупредил их о том, что в беседах с министром обороны, маршалами и членами Госкомиссии они преуменьшают трудности длительного космического полета и особенно некритично оценивают свое физическое состояние после возвращения на Землю (пытаются вставать — и падают, пытаются ходить — и валятся на руки сопровождающих; Николаев в устном рапорте Керимову на аэродроме заявил о готовности к выполнению нового задания, а сам еле держался на ногах). На основании субъективных заявлений космонавтов многие руководители делают ошибочные выводы о сравнительной легкости полетов в космос

и о возможности резкого увеличения их длительности (до трех-четырех месяцев, по оценкам Мишина). На самом деле, все не так просто: врачи доложили мне, что вчера вечером у Николаева и Севастьянова отмечались мышечные боли, учащался пульс до 90-100 и повышалась температура до 37,8.

В зале на третьем этаже профилактория ЦПК, где проходило заседание, собрались Керимов, Мишин, Афанасьев, Воробьев, Северин, Даревский, Максимов, Черток, космонавты и другие товарищи. Экипаж «Союза-9» разместился за столом в соседней комнате, отделенной от зала стеклянной стеной. Николаев и Севастьянов выступили с получасовыми докладами, в которых правдиво и точно рассказали о всех этапах полета, дали оценки системам корабля, программе и качеству выполнения экспериментов, а также своему самочувствию. Оба докладчика отметили свою высокую работоспособность в последние дни полета и принципиальную возможность продления его до 25–30 суток, но при этом обратили особое внимание на трудность возвращения на Землю после длительного пребывания в невесомости. Николаев сказал: «После приземления я чувствовал себя, как на центрифуге с перегрузкой в 2–3 единицы. Так продолжалось более двух суток, перегрузки спадали очень медленно…» А Севастьянов признался: «После посадки мы чувствовали себя так, как будто кто-то ударил нас обухом по голове…» Доклады космонавтов были записаны на пленку. После заседания Госкомиссии Николаев и Севастьянов ответили на вопросы корреспондентов.

25 июня. 19 июня, Евпатория — Борт самолета Ил-18 — Москва.

В 13:00 я проверил готовность службы поиска и изучил метеосводку для района приземления «Союза-9». На 286-м витке полета переговорил с экипажем, сообщил космонавтам данные метеосводки в районе посадки: облачность — 5–6 баллов на высоте от 1500 до 7000 метров, видимость — 12–15 километров, ветер — 5–7 метров в секунду. Николаева я попросил подробно докладывать о ходе спуска по всем каналам связи с использованием всех антенн, включая щелевую.

В 14:00 я переключил на себя все каналы связи и приступил к руководству спуском «Союза-9». Рядом со мной сидели Мишин, Афанасьев, Керимов и Агаджанов, а позади — полный зал специалистов (более 150 человек). В зале стояла идеальная тишина, все с затаенным дыханием ждали докладов по радио.

Первый доклад о включении и выключении ТДУ мы получили от Николаева по КВ-каналу. Затем по щелевой антенне экипаж доложил о разделении отсеков корабля и нарастании перегрузок при спуске. Локаторы ПВО засекли «Союз-9» над Турцией на высоте 83 километров и «сопровождали» его до высоты раскрытия парашюта… Доклад Николаева о благополучной посадке был встречен громом аплодисментов всего зала.

Экипажи поисковых самолетов и вертолетов визуально наблюдали «Союз-9» с момента раскрытия его парашюта. Два вертолета, с которых велась киносъемка спуска корабля, приземлились почти одновременно с ним — через минуту генерал Горегляд и полковник Попов были уже на месте посадки. Космонавты не могли сами выйти из корабля, их вынесли на руках встречающие товарищи. Получив это сообщение, я попросил Керимова, Мишина и Афанасьева отложить перелет Николаева и Севастьянова из Караганды в Москву на 20 июня. Все трое ответили категорическим отказом, настаивая на немедленном перелете. Чтобы получить добро на предоставление космонавтам отдыха после тяжелейшего полета, мне пришлось обратиться через Кутахова к Смирнову. Перед вылетом в Москву я позвонил Мишину и поставил его в известность, что самолет с экипажем «Союза-9» прибудет на аэродром Чкаловская завтра около 11 часов утра.

В 16:30 наш Ил-18 стартовал с аэродрома Саки на Москву. В моем салоне собрались космонавты Леонов, Шаталов, Быковский, Филипченко, Хрунов и Горбатко. За успешное завершение полета Николаева и Севастьянова мы выпили по рюмке коньяку и по бокалу сухого вина. Завязался откровенный деловой разговор. Все сошлись на том, что рано мечтать о двух- и трехмесячных полетах: надо построить новую партию

«Союзов», на которых можно было бы постепенно наращивать длительность пребывания экипажей в невесомости. Договорились о необходимости еще раз поставить перед маршалом Гречко и перед правительством все основные вопросы, от которых зависит дальнейшее развитие нашей космонавтики.

Беседа с космонавтами затянулась до самой посадки — они сообщили мне много новых фактов бездумного отношения к своим обязанностям со стороны генерала Кузнецова и полковника Крышкевича, но больше всего вели разговор о новых космических полетах и подборе экипажей для них. Хрунов, Горбатко и Быковский высказали обиженность тем, что их фамилий нет в списках кандидатов на очередные полеты. Я дал им понять, что мы не будем определять голосованием каждого кандидата в экипаж — в полеты будут назначаться самые достойные и наиболее подготовленные, а Хрунову напомнил, что он сам виноват в срыве своего второго полета в космос.

На аэродроме Чкаловская мне доложили, что Главком Кутахов уже более часа знакомится с Центром подготовки космонавтов, но я решил туда не ездить и, заслушав доклады врачей о самочувствии Николаева и Севастьянова, поехал прямо домой.

25 июня. 20 июня, Москва

Рано утром я доложил Кутахову и Ефимову об итогах полета «Союза-9». Главком поздравил меня с большой победой в космосе и попросил передать благодарность всему личному составу частей и подразделений ВВС, принимавших участие в подготовке и проведении полета.

К одиннадцати часам на аэродроме Чкаловская для встречи экипажа «Союза-9» собрались члены Государственной комиссии, космонавты, близкие родственники. Афанасьев, Мишин и Керимов высказали пожелание: после встречи Николаева и Севастьянова поехать вместе с ними в ЦПК и провести там заседание Госкомиссии. Мои возражения против этого предложения поддержал маршал Крылов. Решили, что перед

выходом космонавтов из самолета я поднимусь к ним и посоветуюсь с ними и врачами о процедуре встречи и проведении заседания Госкомиссии.

Когда я вошел в салон самолета, Севастьянов сидел на диване, а Николаев — за столиком. Я знал, что они тяжело переносят возвращение на Землю, но не рассчитывал увидеть их в таком жалком состоянии: бледные, опухшие, апатичные, без жизненного блеска в глазах — они производили впечатление совершенно изможденных, больных людей. Без всяких советов врачей мне стало ясно, что надо отказаться от церемонии встречи, отложить заседание Госкомиссии и немедленно отвезти космонавтов в профилакторий под строгий медицинский надзор. Я спросил Андрияна и Виталия, смогут ли они самостоятельно спуститься по трапу. Хотя оба ответили утвердительно, я попросил Шаталова сопровождать Николаева, а Елисеева — подстраховать Севастьянова. Николаеву я сказал, чтобы он до предела сократил свой рапорт: «Товарищ председатель! Задание на полет на космическом корабле «Союз-9» выполнено. Командир корабля полковник Николаев».

Андриян учел мой совет, но в конце рапорта не удержался и, следуя установившейся традиции, добавил: «Готовы выполнить любое новое задание!» После рапорта он еще нашел в себе силы обнять и поцеловать жену и поднять на руки Аленку. От напряжения он сильно побледнел и еле удержался на ногах впоследствии острословы представили этот момент так, будто бы Николаев зашатался и упал сразу же после фразы «Готовы выполнить любое новое задание» (даже маршал Гречко и тот не удержался, чтобы не кольнуть нас за концовку рапорта Николаева). Мы не мешкая усадили Николаева и Севастьянова в автомашины, доставившие их в Звездный. Вопрос о заседании Госкомиссии отпал сам собой: все поняли, что сейчас космонавтам нужны прежде всего отдых и забота врачей.

26 июня.

Каждый день бываю в Центре, беседую с врачами, встречаюсь с космонавтами. Вчера экипаж «Союза-9» был подвергнут трехчасовому «допросу» со стороны специалистов по

медицинскому обеспечению полета. Беседа получилась откровенной и очень полезной — она поможет нам лучше готовить будущие полеты (вопросы и ответы записаны на пленку). Вечером Николаев и Севастьянов выходили на 15-минутную прогулку. Во время прогулки пульс был у обоих в пределах 70–75, а после медленного подъема на третий этаж профилактория пульс подскочил до 117–120. У обоих неустойчивое кровяное давление, оно колеблется по максимуму от 105 до 160, а по минимуму — от 70 до 96. К вечеру, как правило, поднимается температура и усиливаются мышечные боли. Сон беспокойный, во сне ребята видят корабль и ощущают «невесомость».

Вчера вечером внезапно заболела Терешкова: по пути из дома к Андрияну в профилакторий она почувствовала удушье и едва удержалась на ногах. Врачи уложили Валю в постель. Сегодня о состоянии ее здоровья мне докладывали Попов и Бабийчук. Пока как будто нет большой опасности, но она непрерывно находится в таком перенапряжении, что срывы возможны в любое время. Валя не следит за своим здоровьем и ничего не делает для его укрепления. Я приказал Бабийчуку вызвать из Ленинграда для консультации главного терапевта Советской Армии генерал-лейтенанта Молчанова и установить за состоянием Терешковой более строгий медицинский контроль.

27 июня.

Самочувствие Николаева и Севастьянова медленно улучшается. Сегодня говорил с ними о возможной их поездке к Л. В. Смирнову и предупредил, чтобы они не сглаживали трудности своего полета, не торопились с выводами о возможности осуществления более продолжительных (свыше 20–25 суток) пилотируемых полетов и настойчиво отстаивали необходимость строительства новой серии «Союзов».

Был у Терешковой. У нее пока еще постельный режим, и раньше чем дня через два врачи не разрешат ей выйти на работу. Валя просила дать ей отпуск с 1 июля, но я посоветовал

отложить начало отпуска на две недели, с тем чтобы она могла отдыхать вместе с Андрияном.

Разрешил Береговому поехать с семьей в августе (на 15 дней) в ГДР по приглашению министра обороны генерала армии Гофмана. Рассмотрел и утвердил скорректированные планы отпусков всех других летчиков-космонавтов СССР.

29 июня.

Вчера на двух машинах ездили купаться на Оку. Первоначально Лева завез нас в район Каширской электростанции, где мы пробыли часа два. Коля, Оля, Лева и я купались с большим удовольствием, оба Виктора (мои племянники) только попробовали воду, а Люда с Мусей отсиделись на берегу. Потом мы вернулись к новому мосту через Оку, переехали на правый берег и расположились в прекрасной дубовой роще. Сварили картошку, скипятили чай и с аппетитом пообедали на свежем воздухе. Ребята были очень довольны поездкой.

Имел сегодня обстоятельный разговор о всех наших космических делах с маршалом П. С. Кутаховым. Мне удалось заручиться его согласием на дополнительный заказ четырех-пяти «Союзов» и вырвать обещание о помощи в строительстве и развитии учебной базы Звездного. От обещаний до их реализации дорога длинная, и я не склонен восторгаться полученными заверениями. До сих пор на все мои обращения к Кутахову я получал в ответ больше отказов и поучений, чем конкретной помощи.

Сегодня у меня был Захар Давидович Гурвич — директор дома-музея С. П. Королева в Житомире. Гурвич просил помочь музею, который должен открыться 30 июля в доме, где родился Королев. Придется проследить, чтобы космонавты, в первую очередь Титов, Николаев и Попович, кое-что передали и в этот музей.

30 июня.

Заслушал официальный доклад генерала Бабийчука о состоянии здоровья Николаева и Севастьянова на десятые сутки после возвращения из 18-суточного космического полета.

Здоровье космонавтов медленно улучшается: они уже работают по три-четыре часа в день со специалистами над обобщением материалов полета, по два раза в сутки выходят на получасовые прогулки, но еще очень быстро устают, часто отдыхают, много спят. Пульс, температура и артериальное давление даже при незначительных нагрузках колеблются у них в более широких диапазонах, чем до полета. Я согласился с рекомендацией врачей сохранить установленный для космонавтов режим еще в течение десяти суток.

Главный военный терапевт генерал-лейтенант Молчанов, осмотревший вчера Терешкову, запретил ей выход на работу еще на неделю. Он считает, что Терешкова нуждается в длительном отпуске и специальном курсе лечения.

На днях в издательстве «Россия» вышла из печати книга «Почта космонавтов» под моей общей редакцией, она довольно удачно оформлена, интересна по тексту и фотографиям и, думаю, не залежится в магазинах.

2 июля.

Вчера в Москву прибыл Главный маршал авиации Индии Лал в качестве гостя маршала Кутахова. На 6 июля запланирован приезд индийского гостя в ЦПК в сопровождении генерала Ефимова.

Сегодня был в Центре, беседовал с Николаевым и Севастьяновым о предстоящих в ближайшие дни приемах и встречах с их участием. Завтра состоится торжественный прием космонавтов в Кремле.

4 июля.

В честь успешного завершения полета «Союза-9» вчера состоялся правительственный прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. На приеме были все члены и кандидаты Политбюро, министры, академики, космонавты, конструкторы, инженеры, рабочие — всего около 900 человек. Брежнев произнес небольшую речь о значении полета и дал высокую оценку технике, космонавтам и всем, кто готовил и проводил полет. Подгорный зачитал указы о награждении космонавтов. Николаев и Севастьянов в коротких выступлениях

поблагодарили правительство и ЦК за высокие награды и присвоенные им звания. Маршалы, генералы, министры, академики и десятки друзей поздравляли и меня с большой новой победой в космосе. Приятно было принимать поздравления, но меня ни на минуту не оставляла мысль о том, что наши достижения могли бы быть гораздо значительнее, если бы восторженно приветствующие космонавтов Устинов, Гречко, Захаров, Келдыш, Смирнов, Сербин и другие руководители хотя бы чуть-чуть больше уделяли внимания космосу, и не от случая к случаю, а, что называется, в рабочем порядке.

С удовольствием прочитал и одобрил рукопись повести Юрия Летунова «Мой космодром». В повести уйма ценнейшего исторического материала: записи выступлений космонавтов, бесед с ними и специалистами на космодроме и т. п.

Сегодня вечером в Центре имени Гагарина провели встречу с экипажем «Союза-9». Николаев и Севастьянов выступили с краткими докладами о полете, потом были хороший концерт и дружеский ужин. На встрече присутствовали все космонавты, офицеры Центра и много гостей из промышленных и научных организаций.

6 июля.

Сегодня Мишин, Пашков, Бурназян, Мозжорин, Николаев, Севастьянов, я и другие были у Келдыша. Прочитали и откорректировали выступления Келдыша, Газенко, Николаева и Севастьянова на предстоящей пресс-конференции. Договорились, что проведем ее в МГУ 9 июля в 15 часов.

В субботу на вечере в ЦПК и сегодня в Академии наук Николаев и Севастьянов по нескольку раз обращались ко мне со словами благодарности за оказанное им доверие, за помощь в подготовке к полету и за управление полетом «Союза-9». Николаев, в частности, сказал: «Дорогой Николай Петрович! Я и моя семья в неоплатном долгу у вас за все то, что вы для нас сделали, за повседневное внимание и помощь, которые вы нам оказываете». Мне было неудобно слушать излияния Андрияна и Виталия и отвечать на их объятия и поцелуи, я предупредил ребят, что и впредь буду больше отчитывать их, чем хвалить.

Героев космоса все безудержно прославляют, но редко кто решается замечать присущие им недостатки. А моя роль в том и заключается, чтобы развивать в космонавтах лучшие их качества и отсекать все сомнительное и наносное.

8 июля.

Был вчера в полку на полетах. Полеты проводились в две смены: с 8:00 до 13:00 летали МиГ-21, а с 13:30 до 18:00 — Л-29. Вчера летали 16 космонавтов, из них четверо самостоятельно пилотировали боевые истребители МиГ-21. Беседовал с командиром полка полковником Лавровым Михаилом Николаевичем. Он уже зарекомендовал себя как отличный летчик и хороший руководитель. Хорошее впечатление производит и новый инженер полка подполковник Симонов. Полк работает нормально, но есть трудности с ремонтом аэродрома, а также с вводом в строй новых самолетных стоянок и служебных зданий. Не совсем удобны для полка и космонавтов полеты в субботние дни. Лавров просит выделить для ночных полетов понедельники, а для дневных — среды и пятницы, но против такого распределения летных дней возражает транспортная бригада. Придется решить этот вопрос через Главкома.

10 июля.

Вчера в МГУ провели пресс-конференцию экипажа «Союза-9». Севастьянов и Газенко выступили хорошо, а Николаев — удовлетворительно. Как всегда, хуже всех выступал президент АН СССР М. В. Келдыш.

Перед поездкой в МГУ я встречался с Терешковой и Николаевым, они просили организовать поездку в Ленинград, а с 25 июля — отпустить их на отдых в Сочи. Я пообещал им и то и другое, а потом завел с Николаевым разговор (намеренно в присутствии Терешковой) о недостатках в его работе как заместителя начальника ЦПК — о недостаточности его усилий по укреплению дисциплины среди космонавтов, о слабой требовательности к подчиненным и личных нарушениях режима (курение, выпивки, недооценка занятий физкультурой и т. п.). Валя и Андриян признали, что они еще сделали далеко не все

возможное для укрепления Центра, и обещали активнее помогать мне в этом деле.

Сегодня Главный маршал авиации Индии Лал заканчивает свой визит и улетает на родину. Я, к сожалению, встречался с ним только один раз и сегодня не смогу проводить его (на 16:00 назначена встреча в ЦК ВЛКСМ с экипажем «Союза-9»). Генерал Ефимов рассказал мне о поездке Лала в ЦПК имени Гагарина. При встрече с маршалом Гречко Лал дал очень высокую оценку ЦПК и благодарил министра за предоставленную возможность ознакомления с космической техникой. Приходится только сожалеть, что наш министр до сих пор не нашел времени ознакомиться с ЦПК.

11 июля.

Экипаж «Союза-9», Кузнецов, Крышкевич и я были вчера на приеме в ЦК ВЛКСМ. Е. М. Тяжельников, как всегда, блестяще провел собрание, высказав теплые, нестандартные приветствия Николаеву и Севастьянову. Удачно выступали земляки космонавтов из Чувашии и Сочи и представитель «Пионерской правды». Николаев хорошо рассказал о полете «Союза-9». Севастьянов выступил с очень интересным рассказом о бытовых деталях длительного орбитального полета, об особенностях взаимоотношений между членами экипажа, о своих мыслях при наблюдении Земли из космоса. Он сказал примерно следующее: «Когда мы принимаем пищу в земных условиях, то обычно делаем это, сидя за столом, а когда разговариваем, то, обращаясь к собеседнику, смотрим ему в глаза, поворачиваем голову в его сторону. В условиях невесомости мы часто обедали в положении «голова к голове» или один из нас «сидел» на потолке, а другой на стенке корабля. Во время разговоров не возникало желания занять какое-либо определенное положение относительно собеседника: вести разговор удобно в любой позе. Меня особенно настойчиво терзала мысль о том, что наша планета очень мала. На Земле у человека, находящегося в лесу, в поле или в большом городе (особенно при прогулках пешком), никогда не возникают мысли об ограниченности видимого пространства — наоборот, часто оно кажется непомерно

большим и даже безграничным. В космосе, когда за полтора часа облетаешь весь земной шар, когда видишь, что три четверти планеты покрыты водой, а материки кажутся небольшими островами среди безбрежного океана, особенно остро ощущаешь, что планета Земля — наш родной дом — совсем не большая, что ее надо беречь и как можно лучше использовать все имеющиеся возможности для мирной, более обеспеченной и высококультурной жизни людей».

Подобные мысли высказывались всеми нашими космонавтами, побывавшими на околоземной орбите. Гагарин, например, сказал: «Планета наша очень небольшая, и мы обязаны осознать, что все люди Земли — это большая семья народов в маленьком доме, что мы должны хранить этот дом от пожаров и войн, должны научиться лучше понимать друг друга и жить в мире». Аналогичные мысли высказывали неоднократно и американские астронавты Фрэнк Борман и Нейл Армстронг во время своего пребывания в СССР.

Да, космонавты и астронавты правы. Лет 30–40 тому назад, когда десятки и сотни летчиков моего поколения мечтали, как говорил Чкалов, «облететь вокруг шарика», когда мы еще не пытались осваивать Северный и Южный полюсы планеты, когда Австралия и Южная Америка казались нам краем света, тогда даже нам, летчикам, Земля казалась огромной. Но сегодня, когда космонавты летают со скоростью 30 тысяч и более километров в час, совершая за один полет несколько десятков и даже сотен витков вокруг «шарика», Земля стала в сотни раз «меньше», а Австралия, Южная Америка и оба полюса так «приблизились» к Москве, что стали достижимыми через каких-нибудь 6-10 часов полета на самолете. В таких условиях не только у космонавтов, но и у всех людей Земли должно бурно нарастать стремление к сближению народов и отвращение к войнам и ко всему тому, что разделяет граждан разных стран.

14 июля.

Вчера с 10 часов утра Николаев, Севастьянов и я были на встрече в редакции «Известий». Встреча прошла хорошо. Отвечая на вопросы журналистов, космонавты вспоминали такие

интересные особенности полета, какие не найдешь в официальных отчетах, но которые, несомненно, представляют и научный интерес. Николаев, к примеру, сказал: «Ноги в космосе не нужны, при длительном полете они превращаются во вторую пару рук, а при полетах с большей, чем на «Союзе-9», продолжительностью ноги превратятся в два хвоста». Интересные детали «космического» быта отметил и Севастьянов: «В условиях длительной невесомости у человека вырабатываются новые (неземные) навыки передвижения, ведения разговора, сна, питания. Например, во время еды одновременно держишь в руках хлеб, банку с консервами, нож и другие предметы; увидев летающую крошку хлеба, не станешь ловить ее рукой, а подплываешь к ней и, как рыба, ловишь ее ртом».

Из редакции мы поехали в Институт авиационной и космической медицины, где врачи и специалисты более двух часов «мучили» космонавтов детальными расспросами об их самочувствии и работоспособности в космосе, условиях быта в длительной невесомости и ощущениях в первые часы и дни после возвращения на Землю.

В 15 часов я отпустил ребят отдыхать, а сам поехал в ЦПК на собрание партийного актива. Партактив прошел хорошо, в прениях по докладу Н. Ф. Кузнецова выступили 11 коммунистов. В выступлениях были затронуты основные вопросы развития Центра: ускорение строительства служебных зданий, укрепление учебной базы, борьба за образцовый порядок в гарнизоне, необходимость резкого усиления воспитательной работы со всеми категориями личного состава. Я остался ночевать в ЦПК. Вчера вечером и сегодня утром мы вместе с Кузнецовым обошли основные объекты строительства и наиболее важные служебные здания — штабы, учебные классы и лаборатории, ангары и приангарные помещения, стоянки самолетов, ТЭЧ (технико-эксплуатационная часть. — Ред.) полка и другие. Последний раз я проводил подобный осмотр в апреле, за три месяца личным составом Центра и полка многое сделано, общее состояние дел вполне удовлетворительное. Но есть еще и

немало недостатков, упущений и нерадивости, далеко не все начальники управлений, отделов, эскадрилий проявляют постоянную жесткую требовательность к подчиненным.

16 июля.

Сегодня Николаев и Севастьянов выступали в ГУКОС перед ракетчиками. В зале было много офицеров, вместе с которыми уже более десяти лет мы готовим и осуществляем пилотируемые полеты. Космонавты горячо благодарили ракетчиков за их заботы по подготовке пуска «Союза-9» и участие в управлении длительным полетом. Затем в более узком кругу, в присутствии генералов Карася, Максимова, Агаджанова и других, мы высказали руководству ГУКОС наши претензии по поводу отсутствия заказа на изготовление новой серии кораблей «Союз». Севастьянов и Николаев очень убедительно выступили за продолжение полетов на «Союзах». Карась и Максимов пытались объяснить отказ от строительства «Союзов» необходимостью ускорения работ по транспортному кораблю 7КС (для открытых публикаций этот корабль, создававшийся на базе опыта разработки и эксплуатации кораблей «Союз», получил наименование «Союз Т». — Ред.). Мы опровергали эти доводы одним аргументом: «Союз» проверенный, надежный корабль, а 7КС существует пока только на бумаге (корабли серии «Союз Т» предназначались в основном для челночной связи с долговременными орбитальными станциями «Салют»; первый пилотируемый полет корабля «Союз Т-2» к станции «Салют-6» состоялся лишь в июне 1980 года. Ред.). Договорились с генералом Карасем в ближайшие дни провести деловую встречу специалистов ВВС и ракетных войск с целью обсудить наши планы на будущее.

Вечером мы были в торгпредстве ГДР. Торгпред ГДР Кербер был очень польщен визитом космонавтов и преподнес им много интересных подарков.

18 июля.

Вчера был в радиокомитете — прослушал записи выступлений Гагарина, Титова, Комарова, Беляева, Леонова, Феоктистова и других космонавтов. Одобрил инициативу

работников радиокомитета: издать в ближайшее время набор пластинок с выступлениями всех наших космонавтов.

Вечером на ВДНХ в павильоне «Космос» прошла встреча космонавтов с телезрителями. Во встрече участвовали Николаев, Севастьянов, Терешкова, Береговой, Газенко, Попов, деятели науки, артисты, корреспонденты. Телепередачу вел Юрий Фокин. В помещении была жуткая духота — все обливались потом и чувствовали себя, как рыбы на раскаленной сковородке. Организация и подготовка передачи оставляли желать лучшего. Думаю, что и телезрители были от нее не в восторге.

22 июля.

Сегодня утром вернулся на «Стреле» из Ленинграда — меня срочно вызвали в Москву для участия в заседании ВПК по вопросу о готовности долговременной орбитальной станции.

Николаев, Севастьянов и я выехали с семьями в Ленинград в ночь на 20 июля по приглашению первого секретаря обкома В. С. Толстикова. Главная цель поездки — посмотреть исторические места и отдохнуть, а попутно рассказать ленинградской общественности о полете «Союза-9». Всего нас собралось девять человек: Андриян с Валей и Аленкой, Виталий с женой Алевтиной Ивановной и я с Мусей, Олей и Колей. Муся была в Ленинграде только один раз в 1934 году, Николаев и Севастьянов были в нем только проездом, а мои внуки еще не успели побывать в этом прекрасном городе, так что мое предложение о поездке все встретили с восторгом.

Утром 20 июля на Московском вокзале Ленинграда нас встретили секретари обкома, член Военного совета округа генерал-полковник Можаев, командующий Воздушной армией генерал-лейтенант Бабаев и другие товарищи. Разместили всех нас на обкомовской даче на Каменном острове. Сразу после завтрака мы согласовали программу нашего трехдневного пребывания в Ленинграде с секретарем обкома по пропаганде З. М. Кругловой. Мы запланировали посещение Смольного, крейсера «Аврора», Петропавловской крепости, Исаакиевского собора, памятника и домика Петра I, Эрмитажа, Пискаревского

кладбища, Марсова поля, Летнего сада, а также поездки в Разлив и Петродворец. Кроме того, мы предусмотрели выступления космонавтов перед городским активом и военнослужащими гарнизона, посещение Балтийского завода и встречу с телезрителями.

За первые два дня нам удалось почти полностью выполнить намеченную программу. Николаев и Севастьянов с большим интересом знакомились с историческими памятниками города и охотно выступали, но к вечеру заметно уставали. Очень хорошо выступала Терешкова, удачно рассказывал отдельные эпизоды полета на «Союзе-9» Севастьянов, выступления Николаева были вяловатыми. После встречи с телезрителями мы все поднялись на телевизионную башню и осмотрели Ленинград с высоты 190 метров. Примерно в трех километрах от башни хорошо просматривался прямоугольник Комендантского аэродрома, а рядом с ним — небольшая роща, где Пушкин стрелялся с Дантесом. В 1927 году, будучи курсантом летной теоретической школы (в шутку ее называли «теркой»), именно здесь, на Комендантском аэродроме, я впервые сел в самолет и учился управлять им на земле — осваивал рулежку. Караульную службу на Комендантском аэродроме несли курсанты «терки», и мне не раз приходилось проходить в пешем строю от улицы Красных курсантов (Петроградская сторона) до аэродрома… С телебашни мы направились к мосту Лейтенанта Шмидта, где нас ждал катер командующего Балтийским флотом. На причале Балтийского завода осмотрели океанское судно «Космонавт Юрий Гагарин», его оборудование еще продолжается, а когда оно будет закончено, этот корабль станет флагманом эскадры, предназначенной для обеспечения космических полетов. Затем мы отправились на катере в Петергоф. Большие толпы любопытствующих мешали нам осмотреть парк, дворцы и фонтаны, было жарко и душно, но даже эти неудобства не испортили общего приятного впечатления от посещения Петергофа.

Жаль, что мне лично не удалось полностью завершить программу поездки. Я настоял на том, чтобы все, кроме меня,

остались в Ленинграде до вечера 22 июля.

23 июля.

Утром вместе с Левой и Людой встречал на вокзале Мусю с внуками и героев космоса. Поездкой в Ленинград все очень довольны. Коля особенно доволен подарком Ленинградского зоопарка — двумя маленькими попугаями.

Сегодня среди ночи меня разбудил телефонный звонок из милиции: Герман Титов опять совершил грубейшее нарушение правил уличного движения, управляя автомашиной в нетрезвом состоянии, и безобразно вел себя с милиционерами. Фактически Титов не выполнил приказ Главкома, запрещающий ему в течение года управлять самолетом и автомашиной. Титову потворствуют Кузнецов, Крышкевич, Пашков, Леонов и другие: все они знали, что он в нарушение приказа продолжает ездить на машине, и ни один из них не доложил мне об этом.

29 июля.

Почти целую неделю не прикасался к дневнику: много работал в ЦПК и кроме того участвовал в работе 4-й Военно-научной конференции ВВС, проходившей в течение двух дней в Монино. На конференции рассматривались вопросы завоевания господства в воздухе, основной доклад сделал Кутахов, выступали Ефимов, Силантьев, Мишук, Полынин, Пстыго, Решетников и другие. В работе конференции принимали участие Вершинин, Красовский, Руденко, Скрипко и все командующие воздушными армиями. Борьба ВВС за превосходство в воздухе рассматривалась изолированно от действий других видов Вооруженных Сил и без применения ядерного оружия. И то и другое — ошибка: в современных условиях завоевать господство в воздухе можно только в результате внезапного нападения всеми силами и средствами коалиции, любая другая попытка грозит грандиозным провалом и поражением. Опыт военных действий во Вьетнаме и на Ближнем Востоке не дает никаких оснований для построения схемы начала будущей большой войны. Ясно одно: внезапно и всеми силами напавшая сторона будет иметь решающее преимущество.

Сегодня состоялось, наконец, заседание ВПК по долговременной орбитальной станции. Заседание вел Л. В. Смирнов, присутствовали многие министры, от Министерства обороны были Герасимов, Пономарев, Карась и я. Основной доклад о готовности ДОС № 1 и № 2 сделал Сергей Осипович Охапкин. Он сообщил, что из-за задержек с поставкой узла стыковки и многих других систем изготовление кораблей 7КС и ДОС № 1 и № 2 отстает от плановых сроков на два месяца. Общая продолжительность существования ДОС на орбите будет составлять (по расчету) 70–80 суток. Станция выводится в космос ракетой УР-500, через 8-10 суток стартует «семерка» с пилотируемым транспортным кораблем 7КС, корабль стыкуется со станцией и экипаж переходит в нее по внутреннему лазу. После 30-суточного пребывания на ДОС экипаж на корабле 7КС возвращается на Землю, а через несколько дней на станцию доставляется другой экипаж.

В принципе планируемое пребывание экипажа на станции продолжительностью 30 суток нас вполне устраивает, но если пуск ДОС № 1 состоится в 1971 году и до него не будет новых длительных полетов на «Союзах», то рассчитывать на возможность обеспечения 30-суточного пребывания космонавтов на орбите нереально, — в этом случае мы будем настаивать, чтобы длительность полета экипажа на станции не превышала 20 суток. Л. В. Смирнов высказал требование вывести в космос ДОС № 1 в феврале 1971 года (до 24-го съезда КПСС). Я уверен, что пуск ДОС № 1 не состоится раньше мая, но космонавтов мы тем не менее подготовим для полета на ней к 1 февраля.

30 июля.

В ЦПК закончено написание и оформление отчета о полете «Союза-9». Николаев подписал отчет и сегодня с Валей и Аленкой вылетает на отдых в Сочи (Севастьянов улетел туда еще 25 июля). На этом эпопею длительного космического полета на «Союзе-9» можно считать в основном законченной. Однако его значение еще недостаточно оценено: многие (в том числе и Мишин) не понимают, что 18-суточным полетом Николаева и

Севастьянова вскрыты такие отрицательные влияния невесомости на организм человека, которые окажут очень существенное воздействие на планирование и подготовку длительных пилотируемых полетов в космос. Нужны новые длительные полеты (три, пять, а лучше десять), которые могли бы дать нам надежные данные о предельных возможностях пребывания человека в условиях невесомости и позволили бы нащупать пути защиты от ее вредных влияний.

31 июля.

Сегодня я последний раз выступил в защиту Германа Титова. За девять лет пребывания в ЦПК Титов совершил более десятка грубейших дисциплинарных проступков, связанных с выпивками, нарушением правил уличного движения и пр. Он дважды отстранялся от должности и получал строгие взыскания как по строевой, так и по партийной линии. Главный маршал авиации К. А. Вершинин предупреждал Титова о том, что в случае повторения им нарушений дисциплины мы будем ходатайствовать о лишении его мандата депутата Верховного Совета СССР и звания Героя Советского Союза. Титов обещал командованию ВВС, партийной организации ЦПК и товарищам по службе, что он возьмет себя в руки, прекратит выпивки и больше не допустит промахов в своем поведении. После гибели Гагарина Титов года полтора держался прилично, но в октябре прошлого года сорвался: сел за руль автомобиля в нетрезвом виде и устроил дебош с милиционерами. За этот проступок он был строго наказан приказом Главкома и на один год отстранен от полетов.

Весной этого года Титов стал просить разрешения на поступление в академию Генерального штаба. Я советовал ему не уходить из Центра, но он через Кутахова и Иванова добился согласия маршала Гречко на перевод в академию. До начала занятий в академии остался один месяц, и вот 22 июля Титов вновь садится за руль автомобиля в нетрезвом виде и грубо нарушает правила уличного движения (передо мной лежат рапорт старшего инспектора ГАИ и доклад об этом происшествии коменданта города Москвы генерала Астахова).

Сегодня я говорил с Германом один на один и предупредил его, что беседую с ним с глазу на глаз в последний раз и что в будущем, если потребуется, я буду разговаривать с ним только при свидетелях. Я напомнил Титову о наших многочисленных предупреждениях и о том, что его уже не избрали в Верховный Совет, что он катится по наклонной плоскости и что все это может окончиться для него очень печально. Титов сказал: «Мне стыдно, что я не сдержал данного мною слова… Я не буду оправдываться, а прошу только последний раз дать мне возможность исправления и разрешить учиться в академии». На просьбу Германа я ответил так: «Я готов в последний раз поверить твоим обещаниям и сделать все для того, чтобы дать тебе возможность учиться в академии Генерального штаба, но для этого ты должен выполнить три условия: во-первых, откровенно рассказать, где и с кем выпивал вечером 22 июля; во-вторых, немедленно отдать мне водительские права и ровно год не садиться за руль автомашины; в-третьих, немедленно написать рапорт с просьбой о замене квартиры в Звездном на квартиру в Москве».

Титов согласился выполнить все три условия. Он рассказал, что в тот вечер был в Купавне на даче главного редактора журнала «Авиация и космонавтика» полковника Асташенкова. Кроме хозяина дачи там были еще писатель Семенихин и заместитель Асташенкова полковник Ковалев. За разговором все понемногу выпили сухого вина. В 9 часов вечера Ковалев и Семенихин попросили Германа подвезти их в Москву, и он не решился отказать им в такой просьбе. Титов, бесспорно, виноват в этом происшествии, но не менее его виноваты и Асташенков, Ковалев и Семенихин, спровоцировавшие Германа на управление автомашиной после выпивки.

Герман положил на стол передо мной свои водительские права и твердо обещал, что ровно год не будет садиться за руль. Я глубоко убежден, что Титову нельзя разрешать езду на машине до тех пор, пока он совершенно не прекратит выпивки (у него было много дорожных происшествий, связанных с употреблением спиртного). Я не имею формального права

запретить офицеру управлять автомобилем, но в данном случае я сделал это в интересах самого Титова.

Титов выполнил и третье мое условие, на котором я настаивал также в интересах самого Титова. Живя в Звездном и тратя каждый день по 3–4 часа на поездки в Москву и обратно, он не сможет отлично учиться в академии, да и ежедневная езда на служебном автомобиле, особенно в осенне-зимний период (дожди, гололед), сопряжена с риском попасть в новые автопроисшествия.

Сегодня же я убедил Мороза, Ефимова и Кутахова в том, что нужно еще раз поверить Титову и дать ему возможность исправиться. Я понимаю, что многие могут обвинить меня в излишней мягкости по отношению к Титову, но ведь дело не только в этом: Титова знает весь мир — он был и остается гордостью советского народа, и нам, его друзьям и старшим товарищам, да и всем советским людям будет очень обидно и больно, если он покатится и дальше вниз, а мы ничего не сделаем, чтобы не допустить развенчания высокого звания космонавта-2. У меня нет твердой уверенности, что Титов исправит свое поведение за время учебы в академии Генштаба, — больше того, я опасаюсь, что его падение будет продолжаться, но я обязан и буду делать все возможное для того, чтобы избежать печального конца.

1 августа.

Маршал Кутахов с группой генералов и офицеров вылетел сегодня в Египет, за Главкома остался Ефимов. В Главном штабе все довольны убытием Кутахова в командировку: его никто не любит и почти все боятся. Мои личные отношения с Главкомом постепенно улучшаются, но хорошими они никогда не будут, поскольку у нас с ним совершенно разные взгляды на задачи и пути освоения космоса. Вчера за обедом, к примеру, Кутахов пытался поддеть меня вопросом: «Что же это вы, Николай Петрович, вместе с Мишиным жалобы на меня пишете?» Я понял, что он прочитал наше письмо о ходе строительства космических тренажеров, адресованное Смирнову и Афанасьеву, и полушутя ответил: «Жаловаться на начальство военным не

положено, товарищ Главком. Начальство можно только просить, что мы и делаем». «По существу письма вы правы, но его форма могла быть и другой», — огрызнулся напоследок Кутахов.

Только что получил команду: подготовить шесть истребителей МиГ-21 для перегонки в Египет. Оказывается, вчера израильтяне сбили четыре наших самолета — два летчика катапультировались, а двое других погибли. Эти первые наши боевые потери на Ближнем Востоке, случившиеся перед самым прилетом Главкома в Египет, особенно огорчительны. К тому же июль 1970 года оказался для ВВС «рекордным» месяцем по числу тяжелых летных происшествий — свыше 20 аварий и катастроф (в июле 1964 года в строевых частях и училищах ВВС было 16 катастроф и аварий, а во все последующие годы количество происшествий в этом месяце было еще меньше). Лично Кутахов, разумеется, меньше всех виноват в резком росте аварийности в полках — он работает очень много и, казалось бы, немало делает для повышения безопасности полетов. Но его не без оснований называют «бумажным Главкомом» за увлечение бесконечными потоками директив, телеграмм, указаний, планов и уточнений к ранее изданным документам, а особенно за требование к летчикам иметь подробный конспект на каждое полетное задание. Сильно вредят делу и болезненная нервозность и подозрительность Кутахова, его огульные обвинения всех в бездеятельности, безответственности и нежелании укреплять дисциплину и порядок.

Аварийность в авиации была, есть и будет. Количество часов налета на одно летное происшествие на самолетах разных типов год от года мало изменяется как у нас, так и за границей. Меньше всего происшествий на транспортных самолетах и больше всего — на истребителях. Чем дольше находится самолет в эксплуатации и чем лучше он освоен, тем меньше аварий больше всего происшествий на новых типах самолетов. Чем опытнее летчик, тем ниже вероятность аварии. Много происшествий у молодых летчиков, но характерно, что в летных училищах аварийность ниже, чем в полках. Бороться с аварийностью нужно, но заклинания, окрики, грубость,

недоверие к подчиненным и бесконечный бумажный поток — плохие помощники в этой борьбе. Для уменьшения числа летных происшествий и предпосылок к ним необходимы: постоянное совершенствование всех видов техники, высокая сознательная дисциплина личного состава, плановость и систематичность учебы и полетов, регулярные занятия физкультурой, четкая организация подготовки и проведения полетов.

3 августа.

Был сегодня у заместителя председателя Госплана В. М. Рябикова по очень важному для нас вопросу — о приобретении для ЦПК большой центрифуги с радиусом плеча 16 метров (ЦФ-16), — решения которого я добиваюсь уже более семи лет. В США имеется четыре таких центрифуги, у нас в стране нет ни одной.

Еще в 1963 году я добился решения ЦК и Совмина, которое обязывало министра Дементьева построить для ЦПК большую центрифугу ЦФ-16. В 1965 году был создан проект ЦФ-16, мы его рассмотрели и утвердили. Нужно было начинать строительство корпуса для монтажа ЦФ-16 на территории ЦПК, но совершенно неожиданно в дело вмешался С. П. Королев, предложивший передать центрифугу Минздраву. Мы категорически возражали, началась долгая тяжба. Руководство МАП не было заинтересовано в строительстве ЦФ-16, распри между ВВС и Королевым были на руку Дементьеву, который сумел убедить Госплан, что строить центрифугу невыгодно — лучше заказать ее за рубежом. Так появилось новое решение ЦК и Совмина: закупить центрифугу за границей. Потом почти два года решался вопрос о том, где закупать — в Швеции или во Франции? В конце концов остановились на Швеции, но теперь возникло новое препятствие Госплан не дает денег (нам нужно 12 миллионов рублей).

С Рябиковым мы встретились как старые друзья. Я знаю его давно, Рябиков — опытный ракетчик-ветеран: он был председателем Государственной комиссии по запуску первого спутника. Василий Михайлович очень внимательно меня выслушал, но сказал, что сейчас очень трудно с валютой — в

этом году наши закупки за границей сокращаются на 700 миллионов рублей. В такой обстановке трудно было убедить Рябикова в необходимости поддержать нас, и все же он обещал помочь космонавтам и выделить валютные средства для закупки ЦФ-16.

4 августа.

Уже прошло двадцать дней, как генерал Кузнецов ушел в отпуск — за него остался Береговой. За это время у меня нет серьезных замечаний по работе Берегового, он хочет и старается доказать, что может руководить Центром. Правда, сейчас в ЦПК довольно спокойная обстановка, все космонавты в отпуске, и горячей работы нет. Вчера я провел совещание с руководящим составом Центра (от начальников отделов и выше) и поставил задачи по ускорению подготовки экипажей для «Союзов», ДОС № 1 и «Алмаза». Комплектование соответствующих групп и бригад приказал закончить к 15 августа и сразу же приступить к занятиям.

Вчера мне пришлось дать бой генерал-полковнику А. Н. Ефимову — врио Главкома. Ефимова я уважаю и верю, что из него может получиться хороший Главком ВВС. К сожалению, даже у самых лучших руководителей бывают ошибки. Ефимов всюду возил за собой офицера-интенданта Бышева (он работал с ним в Риге и Львове), а полгода назад устроил его на работу заместителем начальника тыла Центра. Генерал Кузнецов, зная, что Бышев является протеже Ефимова и охотно выполняет его мелкие хозяйственные поручения, решил воспользоваться этим обстоятельством для укрепления связей с Ефимовым и предложил назначить Бышева начальником тыла Центра, а полковника Н. И. Суханова, занимающего эту должность, «выдвинуть» на другую работу. Суханов после того, как Ефимов приказал Серебрякову оформить его перевод, обратился ко мне с просьбой оставить его на прежней должности. Береговой, Пашков и Крышкевич поддержали просьбу Суханова и высказались против кандидатуры Бышева. Я предупредил Серебрякова, что буду категорически возражать против перевода Суханова и назначения Бышева на его место. Потом я

зашел к генералу Морозу и рассказал ему всю историю с переводом Суханова, затеянным Кузнецовым в угоду Ефимову. Генерал Мороз посоветовал мне лично переговорить с Ефимовым и обещал свою поддержку. Когда я обратился по этому вопросу к Ефимову, он вначале пытался защищать свое решение, мотивируя «выдвижение» Суханова необходимостью его роста по службе. Я сказал, что «забота» о Суханове будет воспринята в Центре как забота о Бышеве, отчего пострадает и авторитет самого Ефимова. Александр Николаевич осознал всю неприглядность ситуации и отказался «выдвигать» Суханова.

5 августа.

Сегодня был в Центре — проверял ход подготовки к научной конференции. Заместитель начальника Центра по НИР полковник Самсонов подробно доложил о состоянии дел и попросил разрешения организовать на конференции выставку по материалам полета корабля «Союз-9», его системам и оборудованию. Я дал согласие на проведение выставки и утвердил все необходимые организационные мероприятия.

Беседовал с Георгием Береговым, учил его работать с заместителями и начальниками управлений ЦПК. По всему чувствуется, что у Берегового еще мало опыта: он излишне доверчив, не проверяет лично доклады и бумаги и с легкостью подписывает всевозможные ходатайства. Было уже много случаев, когда подписанные им документы приходилось возвращать как явно ошибочные, но Береговой продолжает отшучиваться: «Раз десять набьют морду, тогда научусь писать бумаги»… Подчиненные очень охотно обращаются к Береговому с просьбами о помощи, а он искренне стремится каждому помочь, но переоценивает свои возможности. Я неоднократно советовал ему не торопиться с обещаниями твердо обещать можно только то, что сам в состоянии выполнить. Можно обещать лично разобраться в деле и ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями, но нельзя с ходу обнадеживать людей, что будет принято именно то решение, какого они добиваются. Очень часто этого нельзя делать даже тогда, когда

у тебя есть право самому решить тот или иной вопрос, а в более сложных случаях — и подавно.

7 августа.

Провел совещание по ходу работ в организациях ВВС по комплексу «Алмаз». На совещании присутствовали: Береговой, Горегляд, Карпов, Фролов, Молотков, Холодков, Шаталов, Голубев и другие товарищи.

Решение вопроса о создании орбитальной станции «Алмаз» по проекту В. Н. Челомея затянулось на 5–6 лет. В свое время Челомею много мешал Королев, а в последние годы сильно мешает Мишин. Затеянная Мишиным возня с ДОС — это попытка похоронить «Алмаз». Но Министерство обороны взяло под свою защиту проект Челомея и добилось принятия решения ЦК КПСС и Совета Министров от 16 июня 1970 года, в котором определены следующие сроки завершения работ по «Алмазу»:

1) первый испытательный полет — четвертый квартал 1971 года;

2) завершение полного цикла испытаний — конец 1972 года;

3) принятие на вооружение — 1973 год.

От ВВС в этих работах активно участвуют ЦПК имени Гагарина, три института, служба авиационной и космической медицины и служба поиска. На сегодняшнем заседании мы договорились по основным пунктам плана мероприятий, необходимых для выполнения решения ЦК, наметили ответственных исполнителей и контрольные сроки окончания отдельных работ. Головной организацией по медико-биологическому обеспечению полетов на «Алмазе» назначен Институт авиационной и космической медицины. Институт уже получил от Челомея макет станции для проведения цикла наземных испытаний. В целях более детального изучения станции, ее задач и возможностей мы проведем в институте 11 августа расширенное совещание с представителями всех организаций ВВС, работающих по «Алмазу». Я обязал всех доложить 11 августа о ходе работ примерно по такой схеме: 1) что уже сделано; 2) что нужно сделать в ближайшие месяцы; 3)

что мешает выполнению работы, чего не хватает и что требуется для ее завершения.

10 августа.

Маршал Кутахов вернулся из Египта. Во время его пребывания в ОАР израильтяне заключили с арабами перемирие на три месяца. В целом поездка была удачной, но без неприятностей не обошлось. Сегодня заболел холерой один из сопровождавших Главкома офицеров, и теперь все тринадцать вернувшихся из Египта военнослужащих, в том числе и Кутахов, должны быть помещены в карантин.

Завтра в Москву вторично прилетает Фрэнк Борман. Организацию встречи Бормана в ЦПК 12 августа я поручил Береговому. У меня в этот день начинается очередной отпуск, первую половину которого я хочу провести вместе с женой и внуками на Кавказе в санатории ВВС «Чемитоквадже». Правда, врачи пугают холерой — уже запрещен въезд в Астрахань, Крым и Одессу, есть случаи заболеваний и на Кавказе, но в Адлер лететь еще можно. У нас с Мусей еще много сомнений, и пока мы не решили окончательно, где будем отдыхать — на Кавказе или под Москвой, — хотя путевки в «Чемитоквадже» и билеты на самолет у меня уже в кармане. Не позднее утра завтрашнего дня я должен решить этот непростой вопрос.

14 сентября.

С 12 августа по сегодня был в отпуске. Первые 22 дня отпуска провел на Кавказе в санатории «Чемитоквадже» вместе с Мусей, Олей и Колей. Поездкой к морю все мы остались довольны, особенно много радости доставила она детям. Оля уверенно плавала на 150–200 метров от берега, а Малой освоил плавание на надувном матрасе — обоих приходилось за уши вытаскивать из воды.

В «Чемитоквадже» я был впервые, хотя для развития этого санатория кое-что сделано и лично мною. Десять лет назад это был небольшой дом отдыха с десятком финских домиков, принадлежавший академии имени Жуковского, а сейчас это хороший санаторий с двумя трех- и семиэтажными спальными корпусами, большим лечебным корпусом, отличной столовой,

клубом и бассейном. Отдыхают в «Чемитоквадже» летчики, космонавты, их жены и дети. Плохо пока что в санатории со спортивной базой: есть только две волейбольные площадки и один теннисный корт. В ближайшие дни я займусь строителями и заставлю их уже в следующем году значительно расширить спортивную базу санатория.

16 сентября.

Весь вчерашний день провел в ЦПК — был на полетах в полку, встречался с Леоновым, Шаталовым, Елисеевым, Горбатко, Хруновым и другими космонавтами, осмотрел строящееся здание центрифуги и только что заложенный фундамент корпуса тренажеров. Ход строительства этих сооружений меня сейчас особенно беспокоит.

Перед отъездом в отпуск я встречался с заместителем председателя Госплана СССР Рябиковым — он обещал выделить на 1971–1973 годы 10–12 миллионов инвалютных рублей для закупки большой центрифуги в Швеции. Рябиков свое обещание не выполнил, вопрос о приобретении центрифуги опять повис в воздухе. У нас в стране нет ни одной центрифуги радиусом более 8 метров, в то время как в США имеется шесть центрифуг радиусом от 14 до 20 метров, а в этом году американцы начали строительство здания для центрифуги радиусом 46 метров. Сегодня Кутахов подписал письмо Л. В. Смирнову с просьбой «нажать» на Рябикова и добиться осуществления заказа центрифуги в Швеции. Думаю, надо будет использовать и другие рычаги давления на Госплан.

Звонили Николаев и Терешкова, они хорошо отдохнули и уже приступили к работе. Николаев должен отправиться 4 октября в Западную Германию, а 18 октября он, Валя и Севастьянов с женой полетят в США.

17 сентября.

Сегодня у меня были автор повести о Гагарине «Орбита жизни» Олег Куденко и редактор издательства «Московский рабочий» Л. С. Козина. Они готовят второе, значительно расширенное издание этой книги. Ранее я внимательно прочитал повесть, и мне кажется, она удалась. Я рекомендовал

автору и редактору убрать длинноты и сократить эпизоды, имеющие косвенное отношение к основной теме. По тексту рукописи я сделал много замечаний, касающихся главным образом исторических дат, фактов и описаний космической техники. Куденко обещал внести в текст все необходимые исправления.

Был у меня сегодня и научный сотрудник «Военно-исторического журнала» Солоницын Геннадий Павлович. Редакция журнала собирается напечатать страниц сорок текста из моей будущей книги «Летчики и космонавты». Я просмотрел и завизировал материалы о Челюскинской эпопее, об участии летчиков 5-го ШАК в Киевской операции и о создании Звездного. Мне понравилось, что редакция журнала очень тщательно проверяет все исторические факты, даты, фамилии, цифры и другие данные, имеющие отношение к военным операциям.

18 сентября.

Полет автоматической станции «Луна-16», стартовавшей 12 сентября, успешно продолжается. В ходе полета со станцией были проведены 26 сеансов связи. 13 сентября была выполнена коррекция траектории «Луны-16» для обеспечения выхода ее в расчетную точку окололунного пространства. При подлете к Луне 17 сентября станцию сориентировали по Солнцу и Земле. Затем в расчетной точке была включена ТДУ, сообщившая «Луне-16» тормозной импульс, необходимый для перехода ее на круговую орбиту искусственного спутника Луны (высота орбиты 110 километров). Центр управления полетом продолжает поддерживать устойчивую связь со станцией.

«Луна-16» — это шестая по счету АМС из серии Е-8-5 (станция для забора лунного грунта и доставки его на Землю). Первая такая станция должна была доставить на Землю лунный грунт раньше, чем это сделали американские астронавты. Но нам крепко не повезло: из пяти предыдущих пусков Е-8-5 четыре закончились авариями ракеты УР-500К в районе космодрома,[6] а станция «Луна-15» разбилась при спуске на

лунную поверхность. «Луна-16» тоже получит команду на мягкое прилунение, после посадки на Луну она должна будет осуществить забор лунного грунта и вернуться с ним на Землю. У меня нет уверенности, что этот полет будет полностью успешным, — впереди еще слишком много трудностей, но если он завершится удачно, то это будет большой нашей победой: впервые автоматическая станция вернется с поверхности Луны на Землю (три возвращения после облета Луны «Зондами-5, -6, -7» у нас уже были).

19 сентября.

Вчера вечером прочитал книжку Г. Гилмора «Бег ради жизни» (бег трусцой с Артуром Лидъярдом — лучшим стайером Новой Зеландии). Главное в книге: если хотите быть здоровыми, работоспособными, довольными собой и прожить без болезней долгую жизнь, бегайте, и как можно больше. По-моему, книга очень полезная. Мой личный небольшой опыт и длительные наблюдения за летчиками и космонавтами полностью подтверждают выводы и рекомендации Гилмора. Умеренно питаться, работать физически или заниматься физкультурой, соблюдать режим и во всем знать меру — вот что надо твердо усвоить каждому, кто хочет быть полезным обществу до глубокой старости.

21 сентября.

Вчера, 20 сентября 1970 года, в 8 часов 18 минут станция «Луна-16» произвела мягкую посадку на лунную поверхность. Прилунение станции осуществлено в районе Моря изобилия в точке с координатами: 0 градусов 41 минута южной широты, 56 градусов 18 минут восточной долготы.

18 и 19 сентября в результате маневрирования на круговой селеноцентрической орбите станция была переведена на эллиптическую орбиту с параметрами: максимальная высота над поверхностью Луны (в апоселении) — 106 километров, минимальная высота (в периселении) — 15 километров; период обращения — 1 час 54 минуты; наклонение к плоскости лунного экватора — 71 градус. Сход станции с этой орбиты и собственно прилунение осуществлялись в два этапа. На первом этапе после

проведения траекторных измерений, ориентации и выдачи команды на спуск была включена двигательная установка в расчетной точке на непродолжительный отрезок времени, и начался сход станции с орбиты. На втором этапе осуществлялось управляемое прецизионное торможение — на высоте 600 метров от поверхности Луны двигательная установка была снова включена, причем ее тяга регулировалась в соответствии с выбранной программой управления и поступающей информацией о скорости и высоте снижения. На высоте 20 метров основной двигатель выключили, и дальнейшее торможение станции происходило при помощи двигателей малой тяги. На высоте около двух метров они были выключены, и «Луна-16» мягко опустилась на лунную поверхность.

За 9 дней полета со станцией были проведены 68 сеансов связи. «Луна-16» забрала образец лунного грунта, закрылась и изготовилась к подъему с Луны. Сегодня в 10 часов она должна стартовать в обратный полет к Земле.

23 сентября.

Был в ЦПК, беседовал с Николаевым, Леоновым, Шаталовым и другими космонавтами. Все высказывали большое беспокойство по поводу сроков и программ подготовки групп космонавтов для полетов на «Союзах» и ДОС № 1.

Дело в том, что выдвинутое Устиновым требование — поднять в космос ДОС № 1 в феврале 1971 года — сильно осложняет нам подготовку экипажей для «Союза-10» и «Союза-11», полеты которых, по планам Мишина, должны состояться через два-три месяца. Но пуски очередных «Союзов» давно уже тормозятся неготовностью новой системы стыковки «Контакт» Главного конструктора Богомолова. Год назад Богомолов клялся и божился, что «Контакт» будет доведен до кондиции к январю 1970 года. Подходит к концу сентябрь, а «Контакта» как не было, так и нет. Мишин и Афанасьев до сих пор не могут разобраться с очередностью полетов «Союзов» и ДОС. Они боятся твердо заявить, что подготовить ДОС к пуску за оставшиеся четыре-пять месяцев практически невозможно.

Не приходится рассчитывать и на плановые сроки полетов «Союзов».

В этой запутанной ситуации мы вынуждены одновременно готовить двенадцать космонавтов для ДОС и десять — для «Союзов». Кроме того, 22 космонавта во главе с Поповичем готовятся к полету на «Алмазе», а группа Быковского занята лунными делами. Нам очень трудно проводить тренировки экипажей: изготовление новых тренажеров более чем на год отстает от запланированных сроков, а старые тренажеры, выработавшие уже по два-три ресурса, сильно перегружены.

21 сентября в 10:43 станция «Луна-16» поднялась с лунной поверхности и сейчас находится на пути к Земле. После старта с Луны со станцией проведено два сеанса связи, выполняются траекторные и телеметрические измерения с целью уточнения района ее посадки, которая произойдет 24 сентября.

В нашей и зарубежной прессе о «Луне-16» пишется много хорошего. Справедливости ради следует признать, что мои прогнозы относительно возможностей станции серии Е-8-5 оказались излишне пессимистичными. Я считал, что для достижения полного успеха нашей «луночерпалки» потребуется не менее 10–15 пусков, а успех пришел раньше — на шестой попытке. Правда, завтра ей предстоит выполнить один из самых трудных этапов всего полета посадку на Землю. Но и то, что уже достигнуто в этом полете — это, бесспорно, большой успех.

Завтра служба поиска ВВС будет держать труднейший экзамен. Обратный полет «Луны-16» не корректируется: малый вес возвращаемого аппарата (шар радиусом 25 сантиметров) не позволил установить на нем аппаратуру, которая могла бы обеспечить высокую точность посадки. Разброс точек приземления от расчетной возможен в радиусе свыше 1500 километров. Парашют возвращаемого аппарата имеет площадь всего 10 квадратных метров — визуально обнаружить «Луну-16» (в случае отказа ее радиомаяка и плохой погоды) будет не проще, чем найти иголку в стоге сена. Завтрашний день может стать для службы поиска ВВС очень мрачным днем, хотя в расчетном районе посадки и обещают хорошую погоду.

24 сентября.

Великолепный успех советской космонавтики: «Луна-16» благополучно приземлилась в 80 километрах юго-восточнее Джезказгана — всего в 30 километрах от расчетной точки посадки! Все системы возвращаемого аппарата, и в том числе радиомаяк, сработали отлично, погода в районе посадки выдалась идеальной. Уже через несколько минут после приземления станции рядом с ней сел поисковый вертолет с эвакуационной командой.

Итак, теперь уже два наших беспилотных корабля («Зонд-6» и «Зонд-7») и одна автоматическая станция вернулись из района Луны со второй космической скоростью и с большой точностью приземлились на территории СССР. Казалось бы, этот положительный опыт позволяет начисто отвергнуть вариант с приводнением в Индийском океане, осуществленный нами всего один раз при возвращении «Зонда-5». Но вопреки здравому смыслу Мишин продолжает упорно настаивать именно на таком варианте посадки кораблей типа Л-3. В наших условиях приводнение в океане неизмеримо опаснее посадки на сушу. Все наши корабли, кроме трех, садились на сушу, они имеют неважную остойчивость, не позволяющую им удерживаться на плаву при волнении моря более трех-четырех баллов. Кроме того, нам придется практически заново создавать морские средства поиска и спасения, на что потребуется много денег и времени. Американцы чувствуют себя на морях и океанах как дома: они имеют мощные авианосцы, в их распоряжении множество морских баз и глобальные средства связи. Американские космические капсулы и корабли, специально строившиеся с расчетом посадки в океане, приводнялись более трехсот раз. У нас нет такой большой практики обнаружения и спасения космических кораблей на море, но зато нами накоплен большой опыт поиска на суше, и было бы неразумно пренебрегать им.

25 сентября.

Докладывал П. С. Кутахову о своем отрицательном отношении к мишинской идее приводнения лунных кораблей в

Индийском океане. Главком забыл, что я уже не раз высказывался против нее, и с упреком в голосе заявил: «А что же ты раньше ничего не говорил мне об этом? Вчера я уже завизировал морякам их документ»… Я выразил сожаление по поводу такого решения и добавил, что меня больше всего беспокоит недостаточная надежность поиска и спасения в океане космических экипажей. Кутахов на минуту задумался, а потом решительно произнес: «Я снимаю свою подпись под этим документом. Вызови, пожалуйста, контр-адмирала Борисова и объяви ему мое новое решение. Позвони в Генштаб генералу Тарану и объясни ему нашу позицию в этом вопросе». Я с удовольствием выполнил оба поручения Главкома. Но на этом дело не закончится, будет большая буря — Мишин и Горшков без боя не сдадутся.

Вчера «Луна-16» была доставлена в Москву. Все наши газеты пишут о новой большой победе в космосе, особо отмечая снайперский расчет на посадку и отличную организацию поиска станции. Итальянские, французские, японские, американские и другие специалисты дают высокую оценку эксперименту и единодушны во мнении, что полет «Луны-16» открывает широкие возможности для более глубокого изучения планет и всей Солнечной системы.

Н. Ф. Кузнецов доложил об итогах летной работы полка имени Серегина с января по 25 сентября 1970 года. За 9 месяцев налет полка составил 4002 часа, из них: ночью — 900 часов; в сложных метеоусловиях — 1307 часов. Космонавты за этот период налетали 1987 часов.

28 сентября.

Ко мне приезжали сегодня Николаев и Севастьянов. Я объявил им решение ЦК КПСС об их поездке в США с 18 по 28 октября. Согласно решению ЦК космонавты отправятся в США без жен. При обсуждении этого вопроса в секретариате ЦК несколько человек высказались против поездки Терешковой в качестве только супруги Николаева. Терешкова является космонавтом и председателем Комитета советских женщин, ее

неудобно посылать в США без персонального приглашения — примерно так был мотивирован отказ.

4 октября Николаев и Севастьянов полетят в Западную Германию вместе с большой группой ученых во главе с академиком Седовым Леонидом Ивановичем. Седов звонил мне, и мы договорились с ним по всем вопросам этой поездки.

Завтра в Швецию вылетает группа наших специалистов (Смирнов, Филекин, Ешанов, Лопатников) для ведения переговоров о закупке большой центрифуги (ЦФ-20) для НИИЦПК имени Гагарина. Сложная задача предстоит этим товарищам пришлось вызвать их и подробно проинструктировать.

30 сентября.

Позавчера в Каире умер от инфаркта президент ОАР Гамаль Абдель Насер признанный вождь арабских народов и большой друг нашей страны. Впервые я познакомился с Насером в Ташкенте в 1957 году, потом мы встречались несколько раз в Москве. Всего несколько дней назад я получил из Египта наградные грамоты для экипажа «Союза-9», подписанные Насером — президент наградил Николаева и Севастьянова орденами «Большое ожерелье Нила». На похороны президента ОАР вылетели Косыгин и Захаров. Мы много помогали арабам, смерть Насера может осложнить для нас обстановку на Ближнем Востоке.

Вчера с группой офицеров был в конструкторском бюро Бугайского и на заводе имени Хруничева. Осмотрели макет комплекса ДОС-7К. Строительство орбитальной станции идет полным ходом (завод работает в три смены), за год проделана работа, на которую обычно тратится два-три года. Почти готовы три экземпляра станции, предназначенные для наземных испытаний. Начата сборка двух летных экземпляров. Мы договорились с Бугайским о проведении в КБ занятий с космонавтами и о передаче макета и описания ДОС-7К в НИИЦПК до 20 октября. По графику, утвержденному Устиновым, комплексные испытания станции должны быть закончены к 10 декабря, выведение ДОС на орбиту и пуск корабля 7К с

экипажем назначены соответственно на 5 и 15 февраля 1971 года. Уже наметились значительные отставания от графика, но при постоянном нажиме со стороны Устинова можно уложиться и в эти предельно сжатые сроки. Правда, чем сильнее нажим, тем больше вероятность ошибок и промахов.

3 октября.

Более десяти лет мы тесно сотрудничаем с Главным конструктором тренажеров Сергеем Григорьевичем Даревским. Начинал он с небольшого отдела в ЛИИ МАП, а сейчас его хозяйство оформилось в отдельное конструкторское бюро. Мы помогали Даревскому отделаться от мелочной опеки ЛИИ, построить служебные помещения и оформить штаты его КБ, поддерживали все его ходатайства в ЦК и Совет Министров. Вчера Даревский был у меня вместе с представителем ВПК И. П. Богдановым. Встреча была полезной — мы договорились по всем наиболее острым вопросам обеспечения подготовки космонавтов на тренажерах к полетам на «Союзах» и ДОС-7К.

Был у Главкома, доложил ему план мероприятий по выполнению решения ЦК и правительства о подготовке полетов ДОС-7К. Кутахов утвердил план и попросил напомнить ему состав группы из 12 космонавтов, которых мы готовим для полетов на станции. Узнав, что в эту группу входят Шаталов и Елисеев, Главком высказался против их участия в полете на ДОС-7К: «В первую очередь посылать в космос надо тех, кто еще не летал». Пришлось объяснять Главкому, что ЦК и правительство придают полету ДОС-7К № 1 особое значение (пуск первой в мире орбитальной станции должен состояться перед открытием 24-го съезда партии) и поэтому секретарь ЦК Устинов и Главный конструктор Мишин настаивают на подготовке к полету самых опытных космонавтов, уже имеющих практику стыковки. Кутахов внимательно выслушал меня и все же подтвердил свое мнение: «А вы настаивайте на полете других, ранее не летавших космонавтов»… Я понял всю бесполезность дальнейших объяснений. Главком не прав, и я не стану защищать его ошибочную позицию, хотя и предвижу, что это грозит мне многими неприятностями.

6 октября.

Вчера с 8 до 18 часов работал в ЦПК. С личным составом 4-го отдела 1-го управления занимался состоянием дел со «Спиралью».

Тема «Спираль» — это будущее космонавтики и авиации: взлет самолета-разгонщика с орбитальным самолетом с аэродрома, самостоятельный разгон орбитального самолета до космической скорости, полет по орбите, управляемый спуск и посадка по-самолетному на аэродром. По этой теме у нас более четырех лет работают Микоян, Дементьев (сын министра авиационной промышленности), Титов и десятки энтузиастов, но нам не удалось добиться постановления ЦК и правительства о финансировании работ по «Спирали». Многие руководители (Гречко, Захаров, Крылов и другие) не понимают значения этих работ, считая «Спираль» чистой фантазией, а маршал Кутахов пока еще не решается более энергично защищать интересы авиации и космонавтики.

Инженер-полковник Соколов-Соколенок, который после ухода Титова на учебу в академию Генерального штаба исполняет обязанности начальника отдела, подробно доложил о том, в каком состоянии находятся у нас исследования по теме «Спираль», а также об аналогичных исследованиях в США, проведенных в течение последних десяти лет. США усиливают внимание к этой проблеме и наращивают уже достигнутые успехи (сотни полетов на ракетоплане Х-15 и других экспериментальных летательных аппаратах на высотах более 90 километров со скоростью, превышающей 7000 километров в час), у нас же в работах по «Спирали» наблюдается полный застой. Для меня и ЦПК это сейчас не главная задача, но решать ее нужно, и чем скорее, тем лучше.

Провел совещание со всеми космонавтами и руководящим составом Центра. Говорили об итогах работы и задачах на 1971 год, о дисциплине, режиме космонавта и физической подготовке (приказал тренироваться всем офицерам к бегу 10 ноября на 5 километров, а космонавтам — на 10 километров). Говорили о состоянии городка и помещений (объявил выговор

подполковнику Моисеенко за грязь в туалете на третьем этаже учебного корпуса). Сформулировали задачи Центра на конец 1970 года и на весь 1971 год:

1) подготовить 12 космонавтов к полетам на ДОС-7К и столько же — для полетов на «Союзах»;

2) продолжать подготовку двадцати двух космонавтов для станции «Алмаз», пяти космонавтов для «Спирали» и группы космонавтов для Л-3;

3) налетать полком 5000 часов без летных происшествий;

4) добиваться создания космических тренажеров;

5) добиваться стопроцентного выполнения плана по строительству;

6) обеспечить резкое улучшение физподготовки космонавтов, летчиков и всего личного состава;

7) оздоровить обстановку в 3-м управлении Центра и наладить работу по медицине.

Для успешного решения всех этих задач необходимо укреплять дисциплину и продолжать наведение порядка в гарнизоне и на аэродроме при проведении учебных занятий, полетов, испытаний и строительных работ.

14 октября.

Четыре из восьми последних дней провел в ЦПК. Кроме задач, перечисленных в записи от 6 октября, я пытаюсь решить еще одну, наиболее трудную — повысить эффективность труда каждого специалиста, добиться стопроцентной загрузки всего личного состава Центра, отшлифовать структуру ЦПК, приведя ее в полное соответствие задачам подготовки космонавтов к новым пилотируемым полетам. С этой целью беседовал с начальниками отделов и лабораторий, со многими рядовыми офицерами и служащими.

Вчера был на партийном активе Центра. Доклад об идейно-политическом воспитании личного состава сделал начальник политотдела полковник Крышкевич. Выступили одиннадцать человек, не считая меня. Общее мнение таково, что подавляющее большинство офицеров и служащих, постоянно заботясь о своем идейном и профессиональном росте, добились

успехов по службе, но есть еще немало и таких, кто плохо работает, нарушает воинскую и трудовую дисциплину — одним словом, тянет нас назад. На активе присутствовали только трое летчиков-космонавтов из двенадцати — Береговой, Быковский, Филипченко. Шесть космонавтов, в том числе Николаев, Терешкова, Волынов и Шонин, отсутствовали без уважительных причин. Были отмечены случаи нарушения режима космонавта Николаевым, Горбатко и Хруновым, оставшиеся «незамеченными» руководством Центра: Кузнецов, Береговой, Леонов, Николаев и Никерясов смотрят сквозь пальцы на грубейшие нарушения дисциплины и часто берут провинившихся под свою защиту. Имел очень серьезный разговор с полковниками Никерясовым и Крышкевичем и предупредил обоих, что через два месяца специально проконтролирую их деятельность и буду решать вопрос о том, стоит ли доверять им и дальше столь ответственный участок работы с личным составом Центра.

Мне позвонил Келдыш и, сообщив, что к нам едут шесть специалистов из США, попросил продумать процедуру их приема в ЦПК. Они будут вести переговоры с нашими специалистами по унификации стыковочных узлов советских и американских космических кораблей для обеспечения стыковки их в космосе с целью оказания помощи экипажу корабля, терпящего бедствие.

Вчера у меня были Николаев и Севастьянов. Они доложили о поездке в Западную Германию, а затем я обсудил с ними программу их поездки по США, тексты их докладов и возможные вопросы со стороны американцев.

16 октября.

В конце сентября я записал в своем дневнике: «…будет большая буря Мишин и Горшков без боя не сдадутся». И вот сегодня «буря» разразилась: Мишин узнал о директиве маршала Захарова, согласно которой все Главкомы обязаны готовить только сухопутные районы поиска кораблей Л-3. Мишину, мечтающему сажать лунные корабли в Индийском океане, не стоило труда «вычислить» источник противодействия его планам — он начал жаловаться на меня своим покровителям в

ВПК, в ЦК партии и Главкому Кутахову, а потом сам позвонил мне по телефону и заявил: «Почему вы, военные, вмешиваетесь в мои дела? Если вы не хотите сажать Л-3 в океане, то я откажусь от ваших космонавтов и буду посылать на Луну только своих»… Мне не удалось охладить пыл Василия Павловича, и я повесил трубку.

Новая вспышка «боевых действий» между Мишиным и мной может дорого мне обойтись — вся тяжесть борьбы ляжет на меня одного. Поддержка Главкома ненадежна, а Пономарев, Силантьев, Пушкин и другие охотно выступят против меня, так как они уже дали письменное согласие на приводнение Л-3 в океане. Трудно рассчитывать и на поддержку космонавтов: в беседах один на один все они, в том числе и мишинцы, высказываются за приземление на сушу, однако открыто выступить против Мишина никто из них не отважится. Но я буду бороться до конца. Выбросить полмиллиарда рублей на организацию морского поиска и сажать космические корабли в океане с риском утопить космонавтов такую нелепицу я не стану поддерживать. Мишин затеял шумиху с обеспечением приводнения Л-3 с целью возродить давно обанкротившуюся программу экспедиции на Луну. Пора признать, что эта программа провалилась, ее надо перечеркнуть (перестать тратить сотни миллионов рублей на «лечение» ракеты Н-1) и начать разработку новых вариантов решения проблемы, а не цепляться за то, что было неудачно задумано пять и даже семь лет тому назад.

Сегодня Шаталов подробно доложил мне о том, как маршал Гречко готовил программу показа на космодроме ракетной и космической техники президенту Франции Жоржу Помпиду и как этот показ прошел. Президент наблюдал на космодроме пуск двух ракет, а Шаталов за полчаса ознакомил его с космическими кораблями.

20 октября.

Позавчера мне стукнуло 62 года — отметил эту дату на даче в кругу семьи. Космонавты прислали очень теплые поздравления и подарили хрустальный «рог изобилия». В этот день я

пробежал 10 километров ровно за 62 минуты. Каждое воскресенье в октябре я пробегал по 10, а в будние дни — по 5 километров.

Провел вчера совещание с медиками ЦПК (присутствовало более 40 врачей). Потребовал, чтобы они серьезно занялись внедрением физической культуры в повседневный быт космонавтов, летчиков и всех офицеров. Перед личным составом Центра и полка я поставил задачу: бегать! Бегать для того, чтобы не болеть, чтобы лучше работать, чтобы резко поднять культуру и качество всех выполняемых работ. Пока эта задача решается плохо: проверка показала, что в Центре нет и десятка офицеров, которые бегают ежедневно. Но лед уже тронулся, и я заставлю бегать всех. Лично я настолько втянулся в бег трусцой, что пробежка пяти километров стала для меня обычной утренней зарядкой.

С руководящим составом ЦПК (от начальника отдела и выше) провел разбор проверки управлений и отделов по ряду вопросов: соответствие штатному расписанию, загруженность личного состава, эффективность командировок, состояние рабочих мест и помещений и др. В целом состояние дел в Центре медленно улучшается, но все же еще немало недостаточно загруженных работников, много больных людей, много грязи в рабочих помещениях, а начальники отделов не проявляют высокой требовательности.

23 октября.

В последние дни мне пришлось много заниматься проблемой посадки космического корабля Л-3. Для меня совершенно ясно, что это пустая трата времени, и по собственной инициативе я не потратил бы на нее ни минуты, но дело в том, что Мишин развил бурную деятельность по защите своей бредовой идеи о приводнении Л-3 в Индийском океане. На маршала Кутахова жмут сверху, и он требует от меня твердых доводов в пользу сухопутного варианта посадки и против морского. Я послушал мнения космонавтов Берегового, Леонова, Быковского и Хрунова, инженеров, врачей, специалистов службы поиска; беседовал с группой специалистов ЦКБЭМ во главе с Трегубом, с

главным баллистиком генералом Мельниковым, а также с адмиралом Борисовым из службы поиска ВМФ. Все эти встречи и беседы окончательно убедили меня в необходимости бороться за посадку Л-3 на территории СССР и против приводнения его в океане, настойчиво защищаемого Трегубом, Мельниковым, Борисовым и отдельными товарищами из ЦПК и руководства ВВС. Вчера я беседовал на эту тему с Главкомом. Кутахов решил собрать сегодня в 16:00 наиболее видных специалистов и космонавтов, послушать все «за» и «против» обоих вариантов посадки и окончательно сформулировать точку зрения ВВС.

24 октября.

Вчера Главком провел совещание, на котором присутствовали 18 человек, в том числе генералы Пушкин, Белюнов, Картаков, Молотков, Кузнецов, Горегляд. Выступив первым, я твердо высказался за посадку корабля Л-3 на территории СССР. Потом выступили все генералы, космонавт Леонов и полковник Юганов все они поддержали мою точку зрения, но рекомендовали не принимать сейчас категорических решений, а написать письмо Афанасьеву и Мишину, в котором просить их определить сроки пусков кораблей Л-3, закончить их морские испытания, а также более глубоко изучить вопрос о целесообразности посадки в океане. Главком очень внимательно выслушал все выступления, после чего еще раз подтвердил, что он за посадку на суше.

Сегодня я написал письмо Афанасьеву и Мишину и согласовал его текст с Пушкиным, Молотковым и Белюновым. Кутахов подписал письмо без единой поправки. Но пока что я добился лишь небольшого, местного успеха: главные бои еще впереди, и в них могут быть и поражения.

Генералу Кузнецову приказал сегодня прекратить до 10 ноября все полеты и готовить самолеты к зимней эксплуатации.

26 октября.

Ленинградское телевидение решило подготовить телевизионный спектакль о Гагарине. Об этом мне уже несколько раз звонили из Ленинграда, а сегодня автор сценария Муренец Тамара Алексеевна и режиссер постановки Рассомахин

Иван Данилович были у меня и просили помочь им решить эту трудную задачу. Я связал их с Карповым, Леоновым, Гагариной и Крышкевичем, разрешил посетить Звездный и обещал свою помощь. За последние месяцы подобных обращений ко мне было очень много, и всем надо помогать.

Когда я писал эти строки, в мой кабинет вошел гражданский товарищ и по-военному четко представился: «Товарищ генерал! Инженер Резников от Туполева. Разрешите обратиться?» Я ожидал от него чего угодно, но только не рукописи о Гагарине, а он принес именно рукопись о встречах с Гагариным и тоже попросил моей помощи. Оказалось, что Резников в свою бытность преподавателем Оренбургского училища хорошо знал курсанта Гагарина. Два раза встречался он с Гагариным и после его полета.

Сейчас, когда до десятилетия первого полета человека в космос осталось менее полугода, понятно стремление людей, близко знавших Гагарина, написать о нем. На меня историей возложена большая ответственность — отобрать и сохранить для потомков все достоверное о Гагарине и отсеять домыслы и надуманные ситуации, выдаваемые за факты. Эта работа отнимает у меня уйму времени, но я обязан ею заниматься. Только во второй половине этого года я внимательно прочитал и отредактировал более десятка рукописей о Гагарине (Рябчиков, Куденко, Нагибин, Обухова, Митрошенкова и другие авторы). Не все они пригодны для издания, но в них попадаются и новые для меня факты и события из жизни Гагарина, а еще больше в них вымысла.

Генерал Картаков доложил о том, что полет «Зонда-8» проходит нормально и что завтра в 16 часов ожидается его приводнение в Индийском океане. «Зонд-8» — это последний корабль из серии Л-1. Всего было изготовлено 15 таких кораблей, но только пять из них слетали к Луне и вернулись на Землю из-за отказов ракеты УР-500К большинство кораблей Л-1 не вышло на трассу полета к Луне. На одном из них наши космонавты могли бы облететь Луну еще за год до первой лунной экспедиции «Аполлона-11». Корабль Л-1 вполне отвечал

требованиям программы пилотируемого облета Луны и мог бы успешно его выполнить, но нас подвела ракета. Завтра эта программа завершается, но главная ее цель не достигнута.

28 октября.

Вчера после семисуточного полета, в ходе которого 24 октября был совершен облет Луны, «Зонд-8» приводнился в акватории Индийского океана. Удачное завершение полета (через 15 минут после приводнения «Зонда-8» к нему подошел поисковый корабль «Тамань») ободрит В. П. Мишина и других сторонников морской посадки, но лично я не склонен переоценивать его значение. Из пяти посадок наших космических кораблей после облета ими Луны это первая посадка с заходом через северное полушарие (четыре предыдущие осуществлялись с заходом через южное полушарие). Северный вариант захода на посадку имеет определенные преимущества перед южным (один нырок в атмосферу, более надежная связь с космическим кораблем, меньший разброс точек возможной посадки), но у него есть и очень большой недостаток — при использовании северного варианта нельзя посадить корабль на нашей территории. Собственно, об этом и идет у нас спор с Мишиным: он за приводнение в океане, а я за приземление на территории СССР. Я глубоко убежден, что позиция, занятая Мишиным, — это шаг назад. Мы успешно сажали «Зонд-6» и «Зонд-7» на своей земле, надо совершенствовать системы управления спуском космических кораблей, а не пасовать перед трудностями, возникающими при заходе на посадку с южного полушария.

Сегодня встречался с В. Н. Челомеем, он рассказал мне некоторые эпизоды его «войны» с Королевым и Мишиным. В свое время Королев помешал Челомею построить корабль для облета Луны, а теперь Мишин пытается создавать ему помехи в создании орбитальной станции «Алмаз». Челомей более пяти лет работает над «Алмазом», и, по мнению специалистов, он способен создать хорошую орбитальную станцию, но Мишин своей ДОС-7К ставит ему палки в колеса. На днях на коллегии МОМ Мишин в присутствии Челомея пытался протащить

решение о постройке восьми станций ДОС-7К. Челомей был возмущен тем, что согласно предложению Мишина эти станции, начиная с экземпляра № 5, будут почти полными копиями «Алмаза». Сербин и Смирнов не поддержали Мишина — было решено, что он будет строить только четыре экземпляра ДОС-7К. В связи с этим решением Сербин, Смирнов и Афанасьев были у Челомея, ознакомились с комплексом работ по «Алмазу» и приказали форсировать их (перейти на круглосуточный режим).

Только что узнал неприятную новость: вчера бандитами угнан в Турцию гражданский самолет (второй угон наших самолетов за последние две недели). Не исключено, что это не случайные события, а организованная диверсия. В этой ситуации немного утешает лишь то обстоятельство, что несколько дней назад к нам из Турции перелетел и совершил вынужденную посадку самолет с двумя американскими генералами и турецким полковником. Они просто-напросто заблудились, но их ошибку можно использовать, чтобы нажать на турецкие власти в вопросе о выдаче бандитов.

30 октября.

Проверял вчера физическую подготовку руководящего состава ЦПК (подтягивание на перекладине и бег на пять километров). Из 27 офицеров только полковник Алексеев подтянулся 6 раз, три офицера — по 5 раз, большинство офицеров — по 2–4 раза, а Ворошилов, Еремин, Зинченко и Яковлев — лишь по одному разу. Ни один из проверяемых не получил удовлетворительной оценки (для космонавтов и летчиков установлены нормы подтягиваний: 15 — отлично, 8 — удовлетворительно). Перед началом бега я приказал выйти из строя тем, кто не может бежать по состоянию здоровья. Вышли десять «больных» (Хлебников, Ваньков, Ващенко, Ворошилов, Зинченко, Гусаров, Кириллов, Коростелев, Яковлев, Панюшин), с каждым из которых я побеседовал — любой из них здоровее меня, но они запуганы врачами и не могут решиться на бег. Пока я оставил их в покое, но позже займусь ими особо. Офицеры Рябов и Козлов сошли с дистанции, пробежав около

полутора километров, и только 12 человек (Кадушкин, Моисеенко, Жегунов, Еремин, Кажокин, Астафуров, Алексеев, Дедков, Гуляев, Корчагин, Фатт и Румянцев) пробежали 5 километров за время от 25 до 30 минут. Общая картина очень печальна — люди одряхлели в 40–45 лет. И все же я доволен первыми результатами: минимум треть руководящего состава приступила к занятиям бегом. Теперь задача заключается в том, чтобы, опираясь на этот костяк, заставить систематически бегать и остальных.

Имел неприятный разговор с В. А. Шаталовым. За шесть лет пребывания в Звездном космонавт Владимир Шаталов вел себя очень скромно и сдержанно, но вот вчера его словно прорвало: ни много ни мало он стал просить (почти требовать) объяснений, почему его «разлучили» с Елисеевым и не включили в состав первого экипажа для ДОС-7К и почему ему и Елисееву отказали в поездке в Индию. Для Шаталова лучше было бы не задавать эти вопросы, но раз уж он задал их, я вынужден был ему ответить. Я сказал, что его работа очень высоко оценена правительством и руководством ВВС и что у нас нет к нему никаких претензий, но он за один год слетал в космос два раза, а его товарищи уже больше шести лет ждут первого полета; кроме того, поскольку по требованию ВПК в каждом экипаже ДОС-7К должны быть космонавты, имеющие опыт стыковки, то нам пришлось включить Елисеева и Шаталова в разные экипажи и отложить их поездку в Индию, с тем чтобы они смогли лучше подготовиться к полету на ДОС-7К. Мои объяснения не совсем удовлетворили Шаталова — он, видимо, заранее убедил себя в несправедливости принятых нами решений. Обидно, что после участия в космических полетах изменяются (не в лучшую сторону) даже такие, как Шаталов. А ведь Шаталов — начальник отдела, и мы хотим, чтобы он рос не только как космонавт, но и как руководитель.

9 ноября.

На сборах командующих 30–31 октября Главком подвел итоги работы в 1970 году и поставил задачи на 1971 год. В этом году несколько уменьшилось число летных происшествий (в

1969 году налет на одно летное происшествие составил 18000 часов, а в этом — 22000). Полк имени Серегина в 1970 году налетал 4500 часов без происшествий.

Перед 53-й годовщиной Октября я много работал в Центре и полку по наведению порядка и укреплению дисциплины, собирал руководящий состав, космонавтов, летчиков полка, врачей и инженеров — учил их работать и учиться. Праздники в ЦПК прошли нормально, если не считать двух случаев пьянки солдат. С 10 ноября я разрешил возобновить все виды полетов в полку, в том числе и полеты летчиков-космонавтов.

28 октября вернулись из США Николаев и Севастьянов. Поездка прошла удачно: космонавты побывали в основных космических центрах страны и привезли много ценных сведений об особенностях подготовки американских астронавтов к пилотируемым полетам. Мы уже многое знаем о программе «Аполлон», о качестве американских космических кораблей и ракет, о методах подготовки астронавтов, а теперь Николаев и Севастьянов расширили наши знания и о космических тренажерах в США.

Вчера Николаев вылетел в Чехословакию.

10 ноября.

Ровно год прошел с того дня, когда П. С. Кутахов выразил свое желание избавиться от меня, поданное им как «решение Военного совета». Работать рядом с Кутаховым — удовольствие небольшое, но мне не хочется бездействовать из-за капризов Главкома. За прошедший год он не мог предъявить мне каких-либо претензий и, как мне кажется, старался забыть неприятный разговор, который по его инициативе состоялся между нами 10 ноября прошлого года. В 1970 году мы работали хорошо: успешно осуществлен полет «Союза-9», все планы выполнены, происшествий нет, Центр имени Гагарина и полк имени Серегина находятся на подъеме.

Я не ждал и не жду от Кутахова той активной поддержки, какую всегда имел от Вершинина, но я обойдусь и без его помощи — лишь бы он поменьше мешал мне. Генерал Ефимов в этом году совершенно не занимался космосом, но он и не мешал

мне. Мои помощники — Горегляд, Шаталов, Муравьев, Андриянов и другие — работали в 1970 году значительно активнее, чем раньше (только подполковник Дробан стал заметно сдавать, часто болеет и не проявляет былой энергии и активности). Перед началом нового учебного года я чувствую себя еще достаточно сильным, чтобы и дальше тянуть в гору нашу «космическую телегу», хотя хорошо знаю, что она плохо смазана и скрипит из-за перегруженности ведомственными неурядицами.

16 ноября.

На днях у меня состоялся тяжелый, неприятный разговор с Терешковой.

В один из дней октября (Николаев в это время был в Америке, а Терешкова — в Венгрии) при очередной поездке в ЦПК я встречался с матерью Вали — Еленой Федоровной. Она рассказала мне о случаях грубого поведения Андрияна Николаева по отношению к Вале и к ней самой — все эти случаи были связаны с выпивками, причем иногда они происходили в присутствии генерала Н. Ф. Кузнецова. Елена Федоровна сказала, что она несколько раз собиралась написать маршалу Гречко о поведении Николаева, который, как она выразилась, «загубил жизнь Вали». Генерал Кузнецов ни разу не докладывал мне о подобных случаях, я лично сотни раз встречался с Андрияном в самых различных ситуациях, в том числе на приемах и чествованиях, и никогда он не пропивал разум. Правда, полной уверенности в том, что Андриян не допустит глупостей во взаимоотношениях с Валей, у меня не было. Вопреки желанию Вали он настоял на том, чтобы сделать приписку «Николаева» к фамилии «Терешкова», и это стало причиной многих ссор и неурядиц в семье.

Я не хотел говорить с Николаевым, не побеседовав предварительно с Терешковой, но серьезный разговор с ней по существу не получился. Они, по-видимому, уже помирились и решили «не выносить сор из избы». Валя очень горячо защищала Андрияна и пыталась убедить меня, что у них в семье все в порядке. При этом она несколько раз настойчиво задавала

один и тот же вопрос: «Николай Петрович, кто вам сказал о наших ссорах?» Эта настойчивость Вали лишний раз подтверждала, что дыма без огня не бывает. Во всякой семье бывают свои изъяны и свои тайны. Валя и Андриян, надеюсь, поняли, что свои взаимные ошибки и семейные неурядицы они должны устранять собственными силами. Если это действительно так, то мне остается только пожелать им успеха. О Вале и Андрияне я знаю значительно больше, чем кто-либо другой, и это дает мне право сказать, что это одна из лучших семей в Звездном. Но оба они излишне много заботятся о своих родственниках, что и является главной причиной разногласий и ссор между ними.

17 ноября.

Проинструктировал Волынова и Хрунова перед поездкой их в Индию, где 21 ноября состоится конгресс ФАИ. Решением ФАИ четверо советских космонавтов Шаталов, Елисеев, Волынов и Хрунов — за успешный полет на «Союзе-4» и «Союзе-5» награждены почетным дипломом имени В. М. Комарова. Поскольку Шаталов и Елисеев заняты подготовкой к полету на ДОС-7К, я решил послать в Индию только Волынова и Хрунова. Вместе с космонавтами в Индию полетит генерал-полковник И. Н. Кожедуб — вице-президент ФАИ.

На окололунной орбите сейчас находится наша автоматическая станция «Луна-17». Если все пойдет хорошо, то она высадит на Луну специальную самоходную тележку, которая по командам с Земли будет передвигаться по лунной поверхности.

Из-за отставания от графика работ по изготовлению ДОС пуск первой станции 5 февраля 1971 года не состоится. Определить реальную дату пуска никто не решается; более того, до сих пор неясно, что мы будем пускать в первую очередь — ДОС или «Союзы». В этой обстановке нам приходится на единственном имеющемся у нас тренажере одновременно готовить четыре экипажа для ДОС и столько же для «Союзов». Положение с тренажерами для пилотируемых кораблей и станций («Союз», Л-3, ДОС, «Алмаз») очень тяжелое. Три года

мы не можем добиться решения правительства о выделении в промышленности головной организации по тренажерам и о предоставлении ВВС права оформлять заказы на их изготовление.

Сегодня рассмотрел со специалистами (Самсонов, Гусаров и другие) проект строительства в ЦПК технического бассейна диаметром 25 и глубиной 12 метров. Против строительства бассейна трижды возражал Кутахов, но мы продолжаем работы над проектом, и я уверен, что Главком в конце концов уступит нам.

Генерал Н. М. Рудный доложил, что его офицеры, занятые по теме «Алмаз», отмечают резкую активизацию ОКБ Челомея в создании орбитальной станции (работы ведутся в три смены, у самого Челомея появились новые заместители, сроки готовности станции сокращаются). Было бы очень хорошо, если бы Челомей смог отбить все атаки Мишина и вывести станцию «Алмаз» на орбиту хотя бы в 1972 году (а она могла бы летать еще три-четыре года назад!). Если объективно оценивать ход выполнения нашей программы пилотируемых космических полетов, то можно констатировать, что за последние три-четыре года Мишин принес больше вреда, чем пользы. Особенно крупный провал потерпела наша программа экспедиции на Луну: на строительство ракеты Н-1 и корабля Л-3 истрачены уже миллиарды рублей, траты продолжаются, а надежд на их окупаемость нет и не будет.

18 ноября.

Станция «Луна-17» осуществила вчера мягкую посадку на лунную поверхность в районе Моря дождей. Установленный на посадочной ступени станции самоходный аппарат «Луноход-1» по команде с Земли сошел с платформы и удалился от «Луны-17» на несколько метров. После проверки работоспособности всех систем «Лунохода-1» он приступил к выполнению намеченной программы экспериментов. Полеты «Луны-16» и «Луны-17» впечатляющие достижения космической автоматики, создающие крупный задел для будущих исследований Луны и планет.

Намерения Челомея форсировать работы по «Алмазу» подтвердились. В связи с этим нам пришлось срочно пересмотреть планы капитального строительства в ЦПК на 1971 год — будем добиваться ускорения постройки технического бассейна, тренажного и лабораторного корпусов. Сегодня у меня на совещании по этим вопросам докладывали Кузнецов, Леонов, Гусаров, Суханов, Никитин и другие товарищи. Генерал Ефимов согласился с нашими предложениями и обещал вместе с нами нажать на маршала Кутахова, который, не сомневаюсь, будет крепко упираться в отпуске дополнительных средств на капитальное строительство.

23 ноября.

В субботу 21 ноября похоронили маршала А. И. Еременко. В этот же день Волынов и Хрунов вылетели в Индию.

Вчера состоялась церемония открытия памятника С. П. Королеву на космодроме, для участия в которой я направил туда Николаева и Поповича.

«Луноход-1» продолжает успешно ездить по Луне, но завтра наступит лунная ночь, и четырнадцать земных суток он будет «отдыхать». Специалисты надеются, что с наступлением лунного дня «Луноход-1» сможет продолжить свое путешествие.

Последние десять дней в Москве были очень теплыми (до +6 градусов) весь выпавший в начале ноября снег растаял. По прогнозу синоптиков, в ближайшие дни установится морозная погода, а снега нет и не предвидится.

24 ноября.

Вчера был в Театре Советской Армии на торжественном собрании, посвященном 50-летию академии имени Жуковского. Отметить юбилей академии пришли: Гречко, Якубовский, Епишев, Дементьев, Кутахов, Ефимов, Мороз, Руденко, Красовский, Скрипко, Желтов, Полынин, Мишук и другие. После официальной части собрания маршал Гречко произнес в узком кругу («президиум за чашкой чая») такой тост: «Несколько лет тому назад наша авиация была значительно ослаблена, но последние пять-шесть лет мы делаем все возможное, чтобы она вновь заняла подобающее ей место в системе Вооруженных Сил.

В Великой Отечественной войне авиация играла решающую роль. В будущей войне авиация будет иметь еще большее значение. Я поднимаю этот бокал за нашу авиацию, за кузницу авиационных кадров — академию имени Жуковского. Желаю всем вам хорошего здоровья и новых успехов в труде по укреплению боеспособности ВВС!»

Вечером Николаев, Севастьянов и я были в Центральном шахматном клубе СССР на вечере, посвященном первому в истории шахматному матчу «Космос Земля». Нам было очень приятно встретиться с Михаилом Ботвинником, Борисом Спасским, Тиграном Петросяном, Александром Котовым и другими ведущими шахматистами нашей страны. Николаев и Севастьянов рассказали собравшимся о полете «Союза-9». Любовь к шахматам привил мне более 50 лет назад мой учитель математики Борис Ефимович Широкогоров — я всегда вспоминаю о нем с чувством огромной благодарности. Шахматы всегда были и будут для меня одной из самых любимых игр.

Сегодня у меня был начальник Института медико-биологических проблем Олег Георгиевич Газенко. Его беспокоят вопросы готовности системы жизнеобеспечения ДОС-7К и недостаточно четкое взаимодействие института с космической медициной ВВС. Я дал указание Бабийчуку, Рудному и Попову резко улучшить наши взаимоотношения с Минздравом и вместе дружно работать по подготовке полета ДОС-7К. Газенко сказал, между прочим, что испытания СЖО не будут закончены до 5 февраля 1971 года, но Мишин проявляет намерение осуществить пуск ДОС-7К до завершения испытаний.

25 ноября.

Вчера Андриян Николаев в моем присутствии докладывал итоги поездки в США маршалу Кутахову и генералу Морозу. Оба они с большим интересом прослушали 40-минутный доклад Николаева и задали ему много вопросов. Поздно вечером меня опять вызвал Главком и вновь предложил «освободиться от трудов в ВВС». Правда, он сделал это в более мягкой форме, чем в первый раз, и попросил подобрать кандидата на мою должность с таким расчетом, чтобы я мог уволиться в первом

квартале будущего года. Я люблю космонавтику, отдал ей двенадцать лет своей жизни и мог бы еще поработать, но я не буду ничего предпринимать, чтобы задержаться на работе, тем более что работа рядом с Кутаховым — это пытка. Хочется только одного: чтобы мое место и должность начальника ЦПК заняли летчики-космонавты, а не какие-нибудь «варяги». Береговой, Николаев, Леонов, Шаталов и Попович через полтора-два года смогут с успехом заменить любого из нас.

26 ноября.

Главком Кутахов уехал сегодня в отпуск — за него остался генерал Ефимов.

Накануне Кутахов собрал руководящий состав ВВС и поставил задачи на декабрь. Говорил Главком больше часа; надо признать, он освоился с ролью Главнокомандующего и, настойчиво добиваясь улучшения дел в нашей военной авиации, делает много полезного для нее. На этот раз Кутахов не забыл и о космосе. Он сказал: «Я попрошу товарища Каманина подготовить к 27–28 декабря доклад Военному совету ВВС о состоянии дел с военными исследованиями в космосе у нас и в США, уделив особое внимание разведке, связи, навигации и пилотируемым полетам, — что уже достигнуто, что планируется на 1971 год, каковы перспективы развития до 1980 года».

Вчера вечером имел длительный и обстоятельный разговор с Андрияном Николаевым. Андриян, как всегда, честно и откровенно признал, что у него в семье были неприятные моменты. Он сказал, что стыдится своей роли в этих семейных баталиях, и добавил: «За семь лет было всего два-три таких случая. Все неприятности начинались, как правило, из-за родственников. Валентина с большой неприязнью относится к моим родственникам и рьяно защищает своих. Она часто бывает необъективной и не терпит никаких замечаний в свой адрес. Вот почему наши споры приводят иногда к ссорам».

Я хорошо знаю Андрияна и Валю и считаю, что они оба виноваты в возникновении споров и ссор между собой: возбудителем их является Валя, а Андриян не всегда способен быстро подыскать аргументы в защиту своих, в большинстве

случаев верных, позиций и иногда бывает вынужден переходить от обороны к наступлению.

27 ноября.

Провел совещание со всеми руководителями космических организаций ВВС Кузнецовым, Фроловым, Рудным, Бабийчуком, Гореглядом, Леоновым, Голубевым и другими. Обсудили план моего доклада Военному совету ВВС. Участники совещания внесли много дельных предложений. Фролов предложил сформировать авиационно-космический полк для обслуживания станции «Алмаз», а Моложавцев полнее использовать космические автоматы для нужд ВВС (связь, навигация, разведка).

Беседовал сегодня с В. В. Кузнецовым (МИД) о предстоящей поездке Николаева, Терешковой и Севастьянова в Египет. Мы намечали дату этой поездки на 12 января будущего года, но Кузнецов сообщил, что в это самое время будут проводиться официальные празднества по поводу открытия Ассуанской плотины, и рекомендовал перенести поездку на конец января. На праздники в Египет прибудут правительственные делегации многих стран (в том числе и делегация Советского Союза), и, естественно, внимание к нашим космонавтам будет несколько ослаблено. Я согласился с мнением В. В. Кузнецова.

15 декабря.

Две недели отдыхал на даче. Много ходил на лыжах (по 12–18 километров каждый день), бегал и гулял с внуком, стараясь втянуть его в лыжные и пешеходные прогулки. Ежедневно по два-три часа мы с ним занимались чтением, письмом и арифметикой. Коля уже хорошо читает и бойко решает примеры на сложение и вычитание в пределах двух десятков, а счет знает уже до тысячи. Отдыхал я отлично и за две недели почти не вспоминал о Кутахове и о его попытках насолить мне.

После продолжительной лунной ночи «Луноход-1» легко «проснулся» и возобновил ползание по Луне — его суммарный «пробег» по лунной поверхности перевалил уже за 800 метров. А «Венера-7» закончила сегодня свой полет и мягко опустилась на поверхность планеты.

Сегодня я открыл научно-техническую конференцию в НИИЦПК имени Ю. А. Гагарина по проблемам длительных (30 суток и более) пилотируемых полетов в космос. В работе конференции принимают участие свыше 600 специалистов от 39 организаций, занимающихся космосом. Первый доклад сделал летчик-космонавт А. Г. Николаев, а всего за четыре дня будут заслушаны 80 докладчиков. На открытие конференции приезжал В. П. Мишин. Моя встреча с ним, первая после неприятного разговора по телефону в октябре, прошла вполне удовлетворительно.

17 декабря.

Вчера генерал А. П. Силантьев (начальник Главного штаба ВВС. — Ред.) провел совещание по итогам состоявшегося 15 декабря заседания коллегии Министерства обороны. Руководство МО обеспокоено утечкой секретной информации. На заседании коллегии генерал армии Соколов доложил, что основными каналами разглашения секретных данных являются средства связи (70 процентов от всех утечек), а также открытая и закрытая печать (20 процентов). На случаи утери документов и болтливость военнослужащих приходятся остальные 10 процентов. В связи с этим маршал Гречко приказал: изучить все пути и каналы утечки секретных данных; резко сократить тиражи специальных изданий (журналы, бюллетени, директивы, плакаты и пр.); засекретить все виды переговоров; пересмотреть порядок допуска посторонних лиц в войсковые части и на предприятия оборонной промышленности; упорядочить выступления военнослужащих в открытой печати, по радио и телевидению (военнослужащий может выступать только с разрешения старшего начальника, причем последний несет ответственность за содержание выступления).

Во исполнение этого приказа нам нужно будет пересмотреть весь комплекс режимных мероприятий по ЦПК. В Звездный ежедневно приезжают экскурсии и отдельные посетители, часто бывают и иностранные гости. Придется резко сократить общение готовящихся к полетам экипажей с корреспондентами и кино-, фото-, радио- и телеоператорами (в наибольшей степени

это коснется экипажей, которым в будущем году предстоит выполнить первые полеты на ДОС-7К и станции «Алмаз»). Многое желательно упорядочить также в поездках и выступлениях летчиков-космонавтов.

19 декабря.

«Луноход-1» продолжает путешествовать по Луне — он прошел уже больше километра. АМС «Венера-7» при спуске на поверхность Венеры внезапно прекратила передачу телеметрии — никаких новых данных об этой планете и ее атмосфере мы не получили.

Вчера закончила свою работу научная конференция НИИЦПК, посвященная проблемам длительных пилотируемых космических полетов. Участники конференции заслушали и обсудили 88 докладов и выработали рекомендации по расширению фронта работ и углублению исследований, обеспечивающих увеличение продолжительности полетов и повышение их безопасности (совершенствование космических кораблей и их оборудования, развитие систем жизнеобеспечения, улучшение подготовки космонавтов и т. д.). Конференция приняла, в частности, рекомендацию о поэтапном (без резких скачков) увеличении длительности полетов до 22, 26, 30 суток и т. д.

В частном разговоре со мной в день открытия конференции Мишин настаивал на том, что первый же полет космонавтов на ДОС-7К должен быть 30-суточным (при этом он утверждал, что этого требует от него секретарь ЦК Д. Ф. Устинов). Я считаю, что после полета «Союза-9» можно попробовать послать на орбиту очередной экипаж не более чем на 22–24 дня, но и при такой продолжительности полета мы пойдем на значительный риск. Уверен, что и без средств искусственной гравитации на космических кораблях мы найдем пути обеспечения безопасности 30-суточных и более длительных полетов, но делать это надо не рывками, а систематическим наращиванием количества полетов и их продолжительности. Короче: я буду категорически против 30-суточного полета первого экипажа ДОС-7К.

У меня всегда были разногласия с Мишиным по всему комплексу подготовки пилотируемых полетов (испытания систем, программы полетов, подбор и подготовка экипажей и пр.), а в последнее время к ним добавилось еще несколько принципиальных расхождений:

1. Я — за полное прекращение работ по комплексу Н-1 — Л-3. Мишин — за продолжение этих работ.

2. Я — за посадку корабля Л-3 (если он полетит) на территории СССР. Мишин — за приводнение Л-3 в Индийском океане.

3. Я — против резких скачков в увеличении продолжительности пилотируемых полетов. Мишин легко соглашается на «прыжок» с 18-суточного на 30-суточный полет без обстоятельной подготовки средств, гарантирующих его безопасность.

Бороться с Мишиным трудно — его поддерживают Совет Министров (Смирнов и сотрудники аппарата) и ЦК КПСС (Устинов, Строганов и другие), а у меня нет твердой поддержки даже в ВВС. Но борьба будет продолжаться.

23 декабря.

Позавчера на первом заседании Госкомиссии по ДОС-7К заслушивали всех главных конструкторов о готовности станций № 1 и № 2 и транспортных кораблей № 31 и № 32. С докладами выступили Шабаров, Бушуев, Черток, Трегуб, Северин, Воронин, Даревский, Курушин и другие. Положение с готовностью станций и кораблей таково, что о пуске ДОС-7К в феврале 1971 года не может быть и речи. Основные задержки, как мы и предполагали, связаны с испытаниями новых и доработками старых систем станций и кораблей. Было принято решение: подготовить пуск станции к 15 марта. Я думаю, что реально он будет возможен только в первой половине апреля. Этот срок более приемлем для всех организаций-исполнителей, но он не устраивает Устинова и Смирнова. Передвижка даты старта станции «вправо» дает нам возможность повысить качество и надежность подготовки экипажей, но мы могли бы обеспечить первый полет ДОС-7К и 5 февраля.

В ходе заседания Госкомиссии косвенно затрагивались вопросы продолжительности полета первого экипажа станции и плохой обеспеченности подготовки космонавтов тренажной базой. По первому вопросу между врачами ВВС и специалистами Минздрава до сих пор продолжаются ожесточенные споры. Последние, как и Мишин, настаивают на 30-суточном полете, а наши врачи (космонавты и я поддерживаем их) высказываются за более осторожное увеличение продолжительности полета — до 20–25 суток. Представители Минздрава Воробьев, Бурназян и Газенко пытались убедить меня в том, что они способны в ходе полета прогнозировать допустимое увеличение его продолжительности с учетом удовлетворительной реадаптации экипажа к земным условиям после посадки. Я отказался слушать эту галиматью и остался при своем мнении: увеличивать длительность очередного полета до 30 суток — это не наука, а чистый авантюризм и полная безответственность.

По проблеме создания космических тренажеров комиссия обнаружила свое полное бессилие. Мало надежды и на помощь со стороны ВПК — на мое последнее письмо к Смирнову с просьбой рассмотреть эту проблему я получил обычный ответ: «Собрать всех и разобраться!» Собрать всех и решить вопрос о тренажерах может только сам Смирнов, но он уже более трех лет маринует наш проект решения Совмина по строительству тренажной базы, согласованный со всеми министрами, кроме Дементьева.

24 декабря.

Маршал Кутахов вернулся из отпуска, а генерал Ефимов улетел в командировку в Каир. Последние дни было много разговоров о событиях в Польше, связанных с «уходом» Гомулки и Спыхальского, и о гибели второго «Антея». Первая катастрофа «Антея» произошла в Атлантике при полете в Чили, вторая — под Калькуттой при полете в Восточный Пакистан. Оба самолета разбились за пределами СССР при доставке материальных средств в помощь пострадавшему населению Чили и Пакистана. Не исключено, что оба эти происшествия — результат диверсий.

Вчера был в МАП у П. В. Дементьева и В. А. Казакова. Вел с ними переговоры о создании тренажеров для ДОС-7К и «Алмаза» и о ходе исследований по теме «Спираль». По первому вопросу мы легко пришли к согласованному решению и утвердили план-график совместных работ. Что же касается «Спирали», то Дементьев заверил меня, что МАП будет продолжать работы по этой теме, несмотря на «прохладное» отношение к ней со стороны Гречко и Кутахова. Петр Васильевич просил убедить маршала Гречко в насущной необходимости завизировать проект решения ЦК по «Спирали».

Надо сказать, что Гречко удивительно непоследователен. В середине этого года он подписал письмо Устинову, обосновывающее целесообразность создания орбитального самолета, с просьбой обязать МАП, МОМ, МОП и другие министерства ускорить согласование проекта решения ЦК. А через три месяца, когда проект был завизирован промышленными министерствами, Гречко наложил на него вето, написав такое заключение: «Фантазия. Нам деньги нужны на более конкретные цели».

Трудно будет изменить мнение руководства ВВС и Министерства обороны в пользу «Спирали», но добиваться этого надо. Этого требуют интересы развития авиации и космонавтики. Вопрос о судьбе «Спирали» — один из главных пунктов, по которым мы расходимся с маршалом Кутаховым.

29 декабря.

Сегодня подводил итоги 1970 года, обдумывал задачи на 1971 год и готовился к докладу на Военном совете ВВС.

Подходит к концу 1970 год — год, в котором Советский Союз добился заметных успехов в космических исследованиях. Рекордный по продолжительности полет «Союза-9», впечатляющие достижения «Луны-16» и «Лунохода-1», десятки «Космосов» и других спутников, выведенных на орбиты, — это крупный шаг вперед. Все учреждения ВВС, занимающиеся космосом, успешно справились со своими задачами. Центр подготовки космонавтов в 1970 году выполнил все планы без летных и других происшествий.

Вчера беседовал с Кутаховым, доложил ему о ходе подготовки полета ДОС-7К. Главком изъявил желание в начале будущего года побывать у Мишина и Челомея и посмотреть ДОС-7К, транспортный корабль 7КТ и станцию «Алмаз». Потом мы вновь обсудили пятилетний план капитального строительства космических объектов, решительно отклоненный Кутаховым весной этого года, тогда нам не помогла и поддержка со стороны генералов Строганова, Полынина и Ефимова. Но вот вчера мне удалось убедить Главкома в необходимости строить в ЦПК большой (5000 квадратных метров) лабораторный корпус. Главными объектами строительства по пятилетнему плану являются: корпус тренажеров, технический бассейн, лабораторный корпус и здание для центрифуги. На первые три объекта я уже получил письменные разрешения Главкома, а здание для центрифуги мы все равно обязательно построим — наши противники будут вынуждены замолчать, когда узнают о заключении договора со шведской фирмой на поставку центрифуги (разрешение правительства на заключение договора мы уже имеем). Центрифуга ЦФ-20 будет стоить около 11 миллионов рублей золотом, а здание для нее — еще 2–3 миллиона. Это будет самая большая центрифуга в нашей стране. Она крайне необходима нам и для дальнейшего совершенствования космических полетов, и для развития авиации.

30 декабря.

Несколько дней назад я и В. А. Казаков провели широкое совещание представителей организаций, участвующих в создании космических тренажеров. Совещание прошло успешно: все представители подписали графики разработки тренажеров для станций ДОС-7К и «Алмаз». А сегодня ко мне приезжал Главный конструктор С. Г. Даревский с просьбой уточнить очередность и сроки окончания работ по тренажерам. Дело в том, что решением правительства ему поручено создание очень большого количества различных тренажеров, а имеющиеся у него производственные мощности могут обеспечить выполнение в нужные сроки лишь 25–30 процентов от всего объема задания.

Я сказал Даревскому, что в первую очередь надо строить комплексный тренажер для станции «Алмаз», выделив на него 75 процентов средств и рабочего времени; 20 процентов усилий следует сосредоточить на тренажере «ДОС-7К», а на тренажер для лунного корабля Л-3 не тратить больше 5 процентов производственных возможностей. Даревский отлично знает, что если бы он обратился с подобной просьбой к В. П. Мишину, то получил бы совершенно другой ответ: бросить все работы по «Алмазу», сосредоточить 70 процентов усилий на тренажере «ДОС-7К» и 30 процентов — на «Л-3».

31 декабря.

Последний день уходящего года выдался очень скверным по погоде: идет дождь, на дорогах и тротуарах жуткий гололед. Генерал Н. Ф. Кузнецов, ехавший из Звездного до Москвы почти два часа, видел более десятка разбитых и съехавших в кюветы автомашин.

Втроем — я, Горегляд и Кузнецов — больше часа обсуждали итоги 1970 года и наши главные заботы в наступающем 1971 году. Меня больше всего волнует несработанность между руководящими работниками Центра. Генерал Кузнецов не добился подчинения своей воле всех своих заместителей, начальников управлений и особенно летчиков-космонавтов. Среди этой группы товарищей, не сработавшихся с Кузнецовым, наиболее «тяжелыми» являются Крышкевич, Пашков, Леонов и Попов. Генерала Кузнецова, потерявшего авторитет и неспособного охватить резко возросший объем выполняемых Центром работ, следовало бы освободить от должности начальника НИИЦПК, но маршал Кутахов решил «укреплять космос» другим путем. Если не увольнять Кузнецова, то ему нужно систематически помогать, что я и делаю последние полгода. Сегодня Кузнецов попросил моего разрешения на представление к генеральскому званию полковников Крышкевича, Самсонова, Попова, Алексеева, Леонова и Лаврова. Первые двое, пожалуй, достойны этого звания, а об остальных надо крепко подумать.

1971 год

…Я непрерывно думаю об одном и том же — а все ли мы сделали для предотвращения трагической гибели экипажа «Союза-11»? И я не могу убедить себя в том, что сделано все: мы сумели предусмотреть и избежать многих опасных ситуаций, которые могли бы привести к печальному исходу полета, но конкретной причины гибели Добровольского, Волкова и Пацаева не предупредили. А можно ли было ее предупредить? Да, можно было предупредить!

Космонавты и специалисты ВВС много раз и устно, и письменно (вплоть до обращений в ЦК КПСС) настаивали на необходимости иметь на борту корабля скафандры и средства наддува воздуха, но нам все время (на протяжении семи лет!) отвечали отказом. В ответ на наши просьбы В. П. Мишин неоднократно заявлял, что мы — перестраховщики, что разгерметизация корабля «Союз» полностью исключена…

2 января.

Всей семьей — я, Муся, Ольга Карловна, Лева, Люда, Оля и Коля встретили Новый год на даче. Погода была отвратительная: плюсовая температура, дождь и сильный ветер. Уличные фонари не горели (электрические провода порвало ветром), пришлось отказаться от прогулок, катанья на лыжах и коньках — весь вечер сидели у телевизора, сражались в шахматы. Оля и Коля уже вполне прилично освоились на шахматной доске. По прогнозу, 1 января ожидалась такая же плохая погода, но он, к счастью, не оправдался: к утру подморозило до — 8 градусов. Накануне оттепель кое-где оголила землю, а новогодний мороз покрыл лужи и снег ледяной коркой, и хотя условия были явно не для лыжных прогулок, я все же прошел на лыжах с десяток километров.

Сегодня в 8:30 я уже был на службе. Генерал Кузнецов доложил, что в Центре праздник прошел нормально, без происшествий. Беседовал с генералом Л. И. Гореглядом,

объявил Леониду Ивановичу, что я собираюсь уходить в отставку и буду представлять его на мое место. Правда, я честно признался, что мне будет трудно добиться утверждения его кандидатуры, так как маршал Кутахов намерен выдвинуть на мою должность В. А. Шаталова.

4 января.

Написал сегодня представления на присвоение звания «генерал-лейтенант авиации» Н. Ф. Кузнецову и Л. И. Горегляду (последнего я одновременно рекомендовал выдвинуть на мою должность — помощника Главнокомандующего ВВС по космосу). У меня нет уверенности, что Кутахов согласится с моей рекомендацией, но такое решение было бы справедливым: Леониду Ивановичу 54 года — лет шесть он мог бы еще поработать. В конце войны он командовал дивизией, Герой Советского Союза, 17 лет носит звание генерал-майора и уже больше десяти лет работает моим заместителем. В прошлом Горегляд злоупотреблял спиртным, и это сильно вредило его карьере. За годы нашей совместной работы он приложил много усилий в борьбе за трезвость, но полностью победить тягу к спиртному не смог: по два-три раза в году он срывался, и это, как правило, не оставалось незамеченным руководством ВВС. Есть у Горегляда и другие недостатки (вспыльчив, недостаточно инициативен, не любит выступать), но он смог бы за два-три года подготовить того же Шаталова к роли руководителя космической деятельностью в масштабе ВВС. В эти дни я много думал о возможности немедленного назначения Шаталова с должности начальника отдела ЦПК сразу на мое место. Такое резкое его продвижение обидит Горегляда, Кузнецова, Берегового, Николаева, Леонова и других и сильно осложнит обстановку для самого Шаталова.

Первые три дня нового года стояла отличная погода: солнце, десятиградусный мороз, в ночь с 1-го на 2-е января выпал снег. За эти три дня я прошел на лыжах 34 километра, а за весь декабрь — около 160 километров.

5 января.

Сегодня маршал Кутахов и я более двух часов были у В. П. Мишина. Василий Павлович рассказал нам о состоянии дел с лунным комплексом Н-1 — Л-3. Он усиленно «лечит» ракету Н-1 и надеется, что уже в этом году она будет способна выводить на орбиту 95-105 тонн полезной нагрузки (я не верил и по-прежнему не верю в эту ракету, но и нельзя совсем исключить возможность ее успешного «лечения», — слишком уж много средств и усилий на нее выделяется). По планам Мишина на 1971–1972 годы намечаются 4–5 беспилотных пусков и один пилотируемый облет Луны, а в марте 1973 года — первая экспедиция на Луну. Затем мы осмотрели корабли «Союз», транспортный корабль и станцию ДОС-7К, а также лунный корабль Л-3. Кутахов побывал на борту станции и кораблей, его сопровождали и давали пояснения Я. И. Трегуб и летчик-космонавт А. А. Леонов.

После осмотра техники мы вернулись в кабинет Мишина и продолжили беседу с ним в присутствии К. А. Керимова и Я. И. Трегуба. Я не собирался поднимать спорные вопросы при Главкоме, так как не был уверен, что он достаточно хорошо подготовлен к защите позиций ВВС. Но Мишин горел нетерпением дать мне бой именно в присутствии Кутахова и сам поставил перед нами три вопроса:

1. Почему ВВС не поддерживают предложение ЦКБЭМ о штатной посадке корабля Л-3 в Индийском океане?

2. Почему ВВС возражают против 30-суточного полета первого экипажа станции ДОС-7К?

3. О недостаточной инженерной подготовке военных космонавтов.

Мне почти не пришлось помогать Кутахову — он очень удачно изложил наши соображения по всем трем вопросам. В частности, по вопросу о длительности первого пилотируемого полета на ДОС-7К он сказал: «Василий Павлович! Вы большой руководитель, Главный конструктор космических систем. Зачем вам или мне предрешать продолжительность полета? Мы можем крепко ошибиться — пусть этот вопрос решают специалисты: медики, космонавты и те, кто готовит их к полету». Короче

говоря, Мишин не добился своей цели: по всем вопросам Главком поддержал мои позиции.

9 января.

Вчера вместе с Н. Ф. Кузнецовым, Н. М. Рудным, С. Г. Фроловым, П. Р. Поповичем и другими товарищами был у В. Н. Челомея в Реутове. Владимир Николаевич представил нам своего первого заместителя Сачкова Владимира Владимировича (ведущего конструктора комплекса «Алмаз»), начальника отдела Поличенко Владимира Абрамовича (отвечающего за программы полетов, летные инструкции и подготовку космонавтов), ведущего инженера по испытаниям «Алмаза» Дятлова Юрия Митрофановича и других товарищей, занимающихся «Алмазом». Затем он коротко рассказал о космической станции «Алмаз» и о долгой истории ее мытарств.

Макет «Алмаза» я видел еще пять лет тому назад — он и тогда (в первоначальном варианте) был, бесспорно, хорош. Но решения о строительстве «Алмаза» не было более пяти лет — его принятию мешали С. П. Королев и В. П. Мишин при поддержке Л. В. Смирнова и Д. Ф. Устинова. Только в августе 1970 года состоялось, наконец, решение ЦК и Совмина: Челомея обязали построить и испытать станцию во второй половине 1971 года, а в 1972 году сдать ее на вооружение МО. Обязать-то обязали, но лишили возможности строить: отобрали весь задел по «Алмазу» и передали его Мишину для разработки ДОС-7К и одновременно переподчинили ему филиал ОКБ Челомея в Филях во главе с Бугайским. Мишин с пеной у рта пытается доказать, что его ДОС-7К дешевле и лучше «Алмаза», что надо построить десять станций ДОС-7К и закрыть программу «Алмаз». Он стремится окончательно закрепить за собой Бугайского, чтобы лишить Челомея производственной базы. У Мишина сейчас пять КБ и более 60 тысяч рабочих, он захватил себе работы по «Союзам», 7КС, Л-3, ДОС-7К и другим объектам и почти по всем программам, кроме «Союза», терпит провалы. У Челомея же осталось одно ОКБ и 8 тысяч рабочих, но при этом он успешно справляется с морскими ракетами и построил хорошую ракету

УР-500 (на сегодня это наш самый мощный действующий носитель).

«Алмаз» Челомея на порядок лучше мишинской ДОС-7К — это ясно всем, кто способен объективно сравнить эти две космические станции. Но отношение к «Алмазу» и его автору — В. Н. Челомею — со стороны Д. Ф. Устинова по меньшей мере ошибочное. Устинов дал зеленую улицу ДОС-7К и зажег красный свет перед «Алмазом». По этому поводу Владимир Николаевич высказался так: «Для того, чтобы «Алмаз» взлетел вовремя, нам нужно хотя бы 10 процентов того внимания, которое Устинов уделяет ДОС-7К».

Несмотря ни на что, работы по «Алмазу» заметно продвинулись вперед. Мы осмотрели макет станции и ознакомились с ее оборудованием и основными системами. Затем мы легко и быстро договорились с В. Н. Челомеем о программе подготовки космонавтов и строительстве тренажеров, о системах жизнеобеспечения и посадки, а также решили все вопросы медико-биологического обеспечения экипажа станции. С Владимиром Николаевичем приятно сотрудничать.

12 января.

В ночь с воскресенья на понедельник произошло резкое повышение температуры до +2 градусов — ходить на лыжах нельзя, бегать тоже плохо из-за луж и подтаявшего льда. За первые десять дней января я прошел на лыжах 150 километров, но наступившая оттепель испортила лыжню, лишив меня удовольствия лыжных прогулок. Сегодня я ночевал в Москве; так как весь снег растаял, пришлось переключиться на бег (утром пробежал 4 километра).

Сегодня у меня был режиссер Лев Александрович Кулиджанов, которому А. В. Романов поручил съемки художественного фильма о Юрии Гагарине. Кулиджанов производит хорошее впечатление, сценарий тоже приличный, но плохо то, что упущено время. Более года назад я просил Романова начать работу над фильмом о Гагарине — он дал согласие, но так «организовал» дело, что целый год ушел на

раскачку, а на работу осталось всего два месяца. Никакого нового фильма о Гагарине к 10-летию его полета наверняка не будет. Правда, ленинградская и волгоградская телестудии могут успеть сделать телефильмы на эту тему.

Сегодня же была у меня писательница Лидия Обухова. Она пишет повесть о Гагарине, повесть хорошая, и я дал согласие на печатание ее в журнале «Знамя».

14 января.

Вчера подробно доложил маршалу Кутахову о нашей поездке к Челомею и убедил его в необходимости поддержать Челомея в отражении наскоков Мишина. Главком согласился поехать к Челомею на следующей неделе.

Сегодня изучал со специалистами состояние работ по орбитальному самолету (проект «Спираль»). Лишний раз убедился, что главные виновники медленных работ по «Спирали» — мы сами, и в первую очередь А. Н. Пономарев и я: мы не сумели уговорить Кутахова лично побывать у министра обороны, чтобы доказать ему необходимость ускорения работ по этой теме. Сейчас все шарахаются от нее, как черт от ладана, и боятся говорить о ней с министром только потому, что на докладной записке маршала Захарова с просьбой подписать проект решения ЦК по «Спирали» (уже подписанный Дементьевым, Афанасьевым, Калмыковым и Зверевым) Гречко написал: «Опять фантазия. Нам деньги и усилия промышленности нужны на более реальное оружие». Сегодня я договорился с Ефимовым о том, чтобы завтра вместе со специалистами вновь искать пути оживления работ над этой темой. Кутахов не рискнет лично защищать перед Гречко проект «Спираль» — было бы неплохо, если бы он не мешал нам выполнить за него эту малоприятную обязанность.

15 января.

Совещались у Ефимова по «Спирали». Ефимов ознакомился с письмом Гречко в ЦК и резолюцией на нем Устинова, с проектом решения ЦК и резолюцией Гречко на докладной записке маршала Захарова. Изучив эти материалы, он не смог придумать ничего лучше, как рекомендовать мне доложить

вопрос о «Спирали» Военному совету ВВС. В ответ я предложил до Военного совета изучить и обсудить состояние дел со «Спиралью» у Кутахова. Ефимов вынужден был согласиться со мной. Я глубоко убежден, что Гречко просто забыл о своем письме в ЦК, и если бы наш Главком устно толково доложил министру о необходимости оживления работ по «Спирали», то он не смог бы ему отказать.

Вчера у меня были Николаев и Леонов. Андриян с Валей и Севастьянов готовятся к поездке в Египет — уже есть решение ЦК по этому вопросу. Леонов приехал ко мне прямо с тренировок в ЦКБЭМ. По его мнению, подготовка пуска ДОС-7К идет с отставанием на две недели от плана и пуск станции 15 марта уже невозможен. Леонов и Николаев ознакомились с текстом моего доклада Военному совету и внесли в проект решения два дополнения: о строительстве в Звездном современного профилактория и о включении в состав координационного совета ВВС по космосу трех-четырех космонавтов. Второе дополнение я принял, а в удовлетворении первого — отказал: в этом году мы уже строим три сверхплановых объекта.

16 января.

«Луноход-1» продолжает исследование Луны — он прошел уже более трех километров и выполнил несколько тысяч снимков ее поверхности.

Вчера ЦДС (Центральная диспетчерская служба. — Ред.) Аэрофлота сообщила мне, что самолет Ил-18, вылетевший утром 14 января из Москвы во Вьетнам, благополучно приземлился в Ханое. На этом самолете мой сын инженер-подполковник Лев Николаевич Каманин — улетел в длительную (до года) командировку во Вьетнам. Положение там тяжелое и даже опасное, но я считаю, что Лева поступил правильно, без колебаний приняв предложение об этой командировке. Муся и Люда пытались отговорить Леву от поездки во Вьетнам, они и меня хотели настроить против нее, но он остался твердым в своем решении, а я поддержал его.

Получил письмо от президента АН СССР М. В. Келдыша. В письме он извещает о том, что Международный астрономический союз на своей 14-й генеральной ассамблее, состоявшейся в Англии в августе 1970 года, в ознаменование начала эры космических полетов и в порядке исключения из правил присвоил 12 лунным кратерам имена ныне здравствующих советских космонавтов и американских астронавтов. Имена В. В. Терешковой, А. Г. Николаева, Г. С. Титова, К. П. Феоктистова, А. А. Леонова и В. А. Шаталова присвоены шести лунным кратерам. Подлинник письма я переслал в НИИЦПК и приказал генералу Кузнецову объявить это решение всему личному составу Центра, а само письмо — передать на хранение в музей Звездного.

18 января.

Маршал Кутахов улетел сегодня в Минск. Мой доклад на Военном совете ВВС переносится уже пятый раз: первоначально назначенный на 25 декабря прошлого года, он не состоится и в январе. Многие вопросы можно было бы решить в рабочем порядке (особенно вопрос по «Спирали»), но Кутахов, а вслед за ним и Ефимов только на словах за активизацию работ по космосу, а фактически связывают мне руки.

Звонил генерал М. Т. Чернышев от маршала Захарова. Он сообщил, что Захаров тяжело болен и ему нужна серебряная вода. Серебряную воду космонавты брали с собой в полет, но есть ли она где-нибудь сейчас, установить пока не удалось. Я приказал достать «живую воду» для маршала.

Заезжал ко мне Валерий Быковский. 21 января он отправится на 10 дней в Польшу. На этот раз я разрешил ему поехать с женой, но предупредил, чтобы он приказал ей думать, что и как говорить в присутствии иностранцев (при поездке в Индию она очень бестактно вела себя в общении с нашим послом Бенедиктовым).

Только что позвонил Е. И. Воробьев — начальник 3 Главного управления Минздрава. Он пообещал через два часа доставить серебряную воду.

20 января.

Вчера в ЦПК принимали делегацию Московского авиационного института, возглавляемую его ректором И. Ф. Образцовым. Вместе с ним в Центр приехали проректор И. Т. Беляков, секретарь парткома П. П. Афанасьев и еще 12 руководящих сотрудников МАИ. Мы кратко познакомили их с процессом обучения и подготовки космонавтов, показали тренажеры, классы и лаборатории, ознакомили с музеем Звездного.

Инициатором и организатором приезда к нам делегации МАИ является В. П. Мишин, который вновь пытается подвести мину под ЦПК ВВС. Первая попытка такого рода была предпринята им пять лет назад, когда он при поддержке Устинова, Сербина и Смирнова добивался создания собственного (второго в стране) Центра подготовки космонавтов. Тогда нам с трудом удалось сдержать натиск Мишина — чтобы устоять на занимаемых позициях, нам пришлось использовать авторитет маршалов Гречко, Якубовского, Крылова, Вершинина и Батицкого, обратившихся в ЦК с соответствующими письмами. Именно тогда решением ЦК нас обязали готовить не только военных, но и гражданских космонавтов. Теперь Мишин решил добиваться своей цели — создания Центра для подготовки космонавтов из числа гражданских специалистов — на базе МАИ. Этот второй мишинский заход против нас намного опаснее первого. МАИ — мощная учебная организация, формирующая кадры для всей авиационной промышленности и имеющая уже некоторый опыт в подготовке инженеров ракетного и космического профиля. Под нажимом Мишина МАИ может начать обучение не только специалистов наземных космических служб, но и космонавтов. Приезд в ЦПК группы ученых МАИ — это разведка, и мы должны быть готовы к отражению новой атаки.

В данное время Мишин болен, но его подрывная деятельность не прекращается: ее продолжают вести его заместители и помощники. Позавчера, например, состоялось совещание главных конструкторов по строительству большой орбитальной станции с экипажем из 9-12 человек. Это

совещание (его проводил Охапкин) можно расценивать не иначе как новый поход против Челомея. После того, как Мишину разрешили строить не десять, а только четыре станции ДОС-7К, он выдвигает новое предложение, которое (как и провалившийся план строительства десяти ДОС-7К) он может реализовать лишь на производственной базе Челомея, закрепив за собой филиал Бугайского в Филях. Если бы это предприятие вернуть Челомею, то он мог бы создать большую орбитальную станцию раньше Мишина. Монополистские устремления Мишина, направленные на то, чтобы захватить все себе и «сбить с ног» конкурентов (Челомея, Козлова и других), сильно вредят делу, но высокое начальство смотрит на них сквозь пальцы и даже поощряет мишинский разбой.

22 января.

Вчера принимали в ЦПК американскую космическую делегацию во главе с временно исполняющим обязанности директора НАСА доктором Джорджем Лоу и астронавтом Уильямом Андерсом. Доктор Лоу исполняет обязанности директора НАСА с сентября 1970 года. В области ракетно-космической техники работает с 1949 года. Руководил разработкой космического корабля «Аполлон». Астронавт Уильям Андерс родился в 1933 году в Гонконге. В 1955 году окончил морскую академию и получил степень бакалавра наук. В октябре 1963 года был зачислен в 3-ю группу астронавтов НАСА. Вместе с Фрэнком Борманом и Джеймсом Ловеллом в декабре 1968 года совершил первый пилотируемый облет Луны на корабле «Аполлон-8». В 1969 году ушел на должность исполнительного секретаря Национального совета по аэронавтике и исследованию космического пространства. Женат, имеет пятерых детей.

Американская делегация проявила большой интерес к нашим космическим тренажерам «Союз» и «Волга». Доктор Лоу передал в дар музею Звездного послание астронавтов США космонавтам Советского Союза — металлическую доску с портретом Гагарина, — подписанное Джоном Гленном и Нейлом Армстронгом. Генерал Кузнецов вручил всем членам делегации

медали с портретом Гагарина и другие сувениры на память о посещении Звездного.

23 января.

Необычно теплая зима: целую неделю температура днем и ночью колеблется около нуля. На лыжах ходить очень трудно, и мой план пройти за январь 310 километров под угрозой срыва.

Вчера обстоятельно беседовал с Кутаховым, Морозом и Ефимовым. Главком подписал приказ о пропагандистской и воспитательной работе, проводимой Центром и космонавтами. За 10 лет космонавтами проведено свыше шести тысяч выступлений и выполнено около двухсот поездок за границу, больше всех в заграничных поездках участвовала Валентина Терешкова (42 поездки); создано более 30 кинофильмов, изданы сотни книг и статей. Громадную работу проводит музей Звездного — только в 1970 году его посетили 13 тысяч человек. За организацию и проведение большой пропагандистской работы Главком объявил благодарность Каманину, Горегляду, Кузнецову, Береговому, Николаеву, Терешковой, Леонову, Шаталову, Поповичу, Быковскому, Крышкевичу и Муравьеву.

Мою попытку выдвинуть на занимаемую мною должность генерала Горегляда Ефимов и Мороз не поддержали, а Кутахов сказал, что на эту тему поговорим на Военном совете ВВС.

25 января.

Оттепель продолжается — термометр, как завороженный, застыл на отметке «+2» и не шелохнется. Почти весь снег в Москве и за городом растаял: вчера я с большим трудом прошел на лыжах 16 километров, а сегодня утром не смог одолеть и четверти вчерашней дистанции.

Терешкова, Николаев, Севастьянов и генерал Кузнецов сегодня улетают в Египет. Быковский находится в Германии, Попович собирается в поездку по городам Польши, есть приглашения из Венгрии, США, Франции, Швеции, Чили. Думаю, этот год станет рекордным по количеству выездов космонавтов за рубеж.

Закончил все правки и уточнения рукописи «Летчики и космонавты». Политиздат три года ничего с ней не делал, а

последние два месяца гонит вовсю, намереваясь выпустить книгу к десятилетию полета Гагарина.

Сегодня ВЛКСМ и ВВС проводят совместный вечер во Дворце пионеров, посвященный 40-летию шефства комсомола над авиацией. 25 января 1931 года молодой летчик Георгий Байдуков выступил на IX съезде комсомола с призывом побольше строить самолетов и готовить хороших летчиков. А сегодня генерал-полковник Г. Ф. Байдуков выступает в «Красной звезде» со статьей, в которой напоминает о славном пути нашей авиации.

26 января.

Сегодня М. В. Келдыш провел заседание Межведомственного совета по исследованию космического пространства (совет не собирался более трех лет, и работает он под руководством Келдыша из рук вон плохо). На заседании присутствовали: Глушко, Петров, Бармин, Благонравов, Алексеев (заместитель министра обороны), Бурназян, Парин, Бушуев, Карась, Мельников, Богомолов, Керимов, Румянцев и другие. От ВВС были: Бабийчук, Фролов, Рудный, Леонов и я. Обсуждался один вопрос: «О головной организации в промышленности по системам жизнеобеспечения (СЖО) космических кораблей».

До последнего времени этими системами занимались организации, возглавляемые Г. И. Ворониным (регенерация воздуха и терморегулирование), Г. И. Северины м (скафандры, НАЗ, АСУ) и О. Г. Газенко (питание, медицинское и бытовое обслуживание), и ряд других организаций. ИМБП Минздрава, созданный семь лет тому назад для обеспечения длительных космических полетов, мало что сделал в этом направлении. Разработкой перспективных СЖО никто серьезно не занимается, планов совершенствования этого дела нет и нет организации (кроме возглавляемого О. Г. Газенко ИМБП), с которой можно было бы спросить за нашу отсталость.

Дальнейшее развитие длительных пилотируемых полетов зависит от решения двух проблем:

1. Преодоление вредного влияния невесомости на организм человека.

2. Создание надежных и легких СЖО, способных работать в продолжение двух-трех лет.

На сегодняшнем заседании по этим проблемам выступили Коваль, Бурназян, Газенко, Парин, Леонов, Глушко и другие. С заключительным словом выступил Келдыш. Он сказал примерно следующее:

«В предстоящем пятилетии основными пилотируемыми полетами будут полеты на орбитальных станциях типа ДОС-7К и «Алмаз». Дальнейшее развитие космонавтики пойдет, по-видимому, по пути создания поселений на Луне и освоения полетов на Марс. В полетах на орбитальных станциях в ближайшие 5-10 лет установок с искусственной гравитацией не будет: общая продолжительность существования станций будет обеспечиваться сменой их экипажей. Пока мы не можем твердо заявить, что смену экипажей можно осуществлять через каждые 30–60 суток, — полеты на первых ДОС должны дать нам ответ на вопрос о допустимой продолжительности пребывания людей в невесомости. Всем нашим организациям придется много поработать, чтобы обеспечить длительные полеты космонавтов на орбитальных станциях без искусственной гравитации. Головной организацией по СЖО в целом целесообразно сделать НИИ химического машиностроения, а по медико-биологической части — институт Газенко, оставив за предприятиями Северина, Воронина и Павленко решение ранее возложенных на них задач».

Неприятный осадок остался у меня от заседания Межведомственного совета: много поучительных разговоров, но никаких решений. Решения должно принимать правительство, оно же должно выделять средства для их реализации и требовать выполнения своих директив, а наш Межведомственный совет может только рекомендовать, да и то недостаточно квалифицированно.

27 января.

Перебирая в памяти подробности вчерашних дебатов о путях совершенствования СЖО, о планах и перспективах дальнейшего освоения космоса, я не могу отделаться от мысли о том, что мы продолжаем делать очень много ошибок. Главная причина в том, что у нас в стране нет правительственного органа (по типу НАСА), который повседневно руководил бы всеми работами по исследованию космического пространства. У нас не было и нет хорошо продуманных планов космических исследований не только на пятилетку, но даже на каждый текущий год. Американцы много пишут о том, что СССР якобы имеет программу развития космонавтики на 20–25 лет вперед, но они кричат об этом с целью нажать на Конгресс и президента, чтобы получить побольше ассигнований на освоение космоса.

Развитием нашей космонавтики руководят ЦК партии, Совет Министров и Академия наук, но руководство это слишком общее, несистематическое, а потому и недостаточно квалифицированное. Нет у нас единого руководства «военным космосом» и в Министерстве обороны. Несведущие люди могут возразить мне, что у советской космонавтики много высоких попечителей — секретарь ЦК КПСС Д. Ф. Устинов, заместитель председателя Совета Министров Л. В. Смирнов, президент АН СССР М. В. Келдыш, — а в Министерстве обороны создано Главное управление космических средств (ГУКОС), возглавляемое генералом А. Г. Карасем. На самом же деле Устинов, Смирнов и даже Келдыш не могут уделять космонавтике и 10 процентов своего рабочего времени: они перегружены другими важными обязанностями.

Исходя из сложившейся в стране структуры высшей власти, нам надо было бы иметь одного полномочного руководителя (из числа секретарей ЦК или заместителей председателя Совмина), который систематически занимался бы только космосом — и ничем другим.

Сегодня Береговой, Леонов и Шаталов поехали к Мишину для согласования с ним плана тренировок экипажей ДОС-7К в КИС (контрольно-испытательная станция. — Ред.). Мишин, как

выяснилось, может предоставить экипажам корабль «Союз» № 32 только 3 и 4 февраля, но в эти дни по ранее согласованному плану космонавты должны быть на космодроме и готовиться к проведению экспериментов по теме «Свинец». Пришлось перенести полет на космодром на более поздние сроки, чтобы дать космонавтам возможность потренироваться в «живом» корабле (после 5 февраля корабль будет отправлен на полигон, а там будет трудно выкроить время для тренировок экипажей). Из разговоров по телефону с Мишиным и Трегубом я понял, что они еще не отказались от намерения запустить в космос станцию ДОС-7К к открытию XXIV съезда партии, но, думаю, вероятность такого события невелика.

28 января.

В сегодняшнем номере «Правды» опубликована моя статья «Илы в небе», в которой я пишу о только что вышедшей из печати книги П. Т. Асташенкова о генеральном конструкторе Ильюшине и его самолетах — от ИЛ-2 до ИЛ-62.

Вчера мне на глаза случайно попалась очень интересная брошюра В. И. Орлова «Как я сохранил здоровье» (Волгоград, 1965). В год издания брошюры ее автору было 80 лет, но, как уверяют врачи, по внешнему виду и объективным показателям ему нельзя было дать больше сорока. Орлов предлагает для сохранения здоровья использовать систему рационально-профилактических волевых напряжений. Главные его идеи: систематически тренировать все мышцы организма, побольше потреблять кислорода, умеренно питаться и больше двигаться. Движение — жизнь! Малая подвижность — постепенное умирание, а полный покой — это смерть. Беглый просмотр брошюры убедил меня в ее полезности для любого человека, и особенно для пожилых и больных людей. Кое-что из рекомендаций Орлова можно, по-видимому, с успехом использовать и космонавтам в условиях космического полета. Я приказал размножить брошюру и изучить ее врачам и физрукам ЦПК. Было бы неплохо уже в очередном полете проверить эффективность хотя бы некоторых рекомендаций и советов Орлова.

Доложил Кутахову свою позицию по вопросам, связанным с моим уходом в отставку: «Я всегда был за то, чтобы меня, Горегляда и Кузнецова заменили космонавты. Для этой цели более других подходят Береговой, Николаев, Леонов, Попович и Шаталов. На мое место лучше других подходит Шаталов, но немедленно назначать его на должность помощника Главкома с должности начальника отдела и через головы четырех генералов — Горегляда, Кузнецова, Берегового и Николаева — было бы большой ошибкой: такое поспешное выдвижение создало бы очень тяжелую обстановку для самого Шаталова и повредило бы делу. Я предлагаю на мое место поставить на один-два года генерала Горегляда, а на должность Горегляда назначить Шаталова, присвоить ему звание генерала и дать практику работы в Главном штабе ВВС, а затем уже решать вопрос о его дальнейшем продвижении по службе».

Кутахов внимательно выслушал меня и сказал: «Хорошо, я поддерживаю ваше предложение и доложу его Военному совету. А что будем делать с Кузнецовым? И как быть с вами — согласитесь вы остаться, как Пономарев, консультантом?» Я ответил, что Кузнецова при любом варианте надо освобождать от должности — он «висит на помочах», и его с успехом может заменить Береговой. А по поводу предстоящего мне ухода с работы сказал: «Для меня лучшим вариантом было бы оформление в полную отставку, но если министр примет другое решение, то мне, как солдату, останется только выполнить приказ начальника».

29 января.

Получил бумагу от генерала Берегового — он просит разрешения отправить 30 января на космодром три экипажа ДОС-7К (Шонин, Леонов, Шаталов и другие) на двух самолетах Ту-104 для наблюдения ночного пуска двух ракет в интересах осуществления экспериментов по теме «Свинец». В этой экспедиции участвуют два тяжелых самолета и 38 человек, в том числе четыре летчика-космонавта. При моей личной проверке подготовленности перелета обнаружились вопиющие безобразия: генералы-ракетчики Карась, Смирнов, Курушин и

Дашкевич ничего не знают о предстоящем прилете двух Ту-104, а наши генералы Кузнецов, Береговой и Пашков не удосужились даже позвонить кому-либо из руководства полигона, передоверив ответственность за организацию взаимодействия с космодромом рядовым офицерам. Главные виновники этого безобразия — генералы Кузнецов и Пашков. Генерал Пашков — плохой начальник штаба Центра: его надо заменять, и чем скорее, тем лучше.

30 января.

В ЦПК провели вчера встречу офицерского состава Центра с руководящим составом штаба Объединенных Вооруженных сил Варшавского договора. На встрече присутствовали 29 генералов (по два-три человека от каждой страны участника договора). С докладом о Вооруженных Силах коалиции социалистических стран выступил генерал армии Штеменко Сергей Матвеевич. Докладчик рассказал о структуре и боевом составе Объединенных Вооруженных Сил, о работе штаба и о последних крупных маневрах войск участников Варшавского договора на территории ГДР (после доклада был показан фильм об этих маневрах). Встреча закончилась ужином, на котором Штеменко и его зарубежные коллеги пожелали космонавтам новых успехов. Береговой, Леонов, Шаталов и я пожелали гостям крепить содружество армий социалистического лагеря и совершенствовать их боевую готовность.

1 февраля.

Сегодня с 10 до 15 часов заседал Военный совет ВВС. Присутствовали все командующие, члены Военных советов округов, командиры и начальники частей центрального подчинения и руководящий состав ВВС. Доклад на тему «О воспитании руководящего состава частей» сделал член Военного совета ВВС генерал-лейтенант авиации И. М. Мороз. В обсуждении доклада приняли участие Кутахов, Ефимов, Пстыго, Поровятников, Миронов и другие. Во всех выступлениях речь шла о необходимости резкого усиления всех видов воспитательной работы с руководящим летным составом. Лучше

других выступили Ефимов и Поровятников (Московский военный округ).

Трое астронавтов — Алан Шепард, Эдгар Митчелл и Стюарт Руса отправились вчера вечером в очередную лунную экспедицию на корабле «Аполлон-14». Старт прошел нормально: корабль вышел на околоземную орбиту и, набрав вторую космическую скорость, устремился к Луне. Но через три с половиной часа полета произошло неожиданное — пять попыток состыковать лунный модуль с основным блоком оказались безуспешными (после выхода на трассу Земля — Луна они расстыковываются, лунный модуль разворачивается на 180 градусов и вновь пристыковывается к основному блоку). Осуществить стыковку удалось только с шестой попытки по методике, подсказанной с Земли. Возникли сомнения в возможности посадки на Луну, так как экипаж сообщил, что на стыковочном узле появились небольшие забоины. После тщательного осмотра деталей стыковочного узла и консультаций со специалистами было принято смелое решение: выполнять программу экспедиции полностью. По-видимому, экипаж «Аполлона-14» твердо уверен, что в случае отказа автоматики он сможет успешно осуществить стыковку вручную.[7] На наших «Союзах» такая стыковка до сих пор надежно не освоена.

2 февраля.

Сегодня Главком провел совещание по подведению итогов работы за январь. Они неутешительные: мало летаем, совсем не летают молодые летчики, высокая аварийность (больше летных происшествий, чем за тот же период 1970 года), топчемся на месте, академии и институты плохо помогают строевым частям (издают «серенькие книжечки»). В основном претензии Кутахова были справедливы, но само совещание было организовано из рук вон плохо. Первоначально оно намечалось на 16:00 1 февраля, затем было перенесено на 9:00 2 февраля, а сегодня утром его перенесли на 14:00. К 14 часам полсотни генералов и офицеров собрались в зале Военного совета ВВС, ждали Главкома 45 минут, но он не явился, — перенесли

совещание на 16:00. Снова все собрались к 16 часам и опять ждали Главкома минут сорок, а все совещание свелось к 15-минутному выступлению Кутахова. Несколько дней назад примерно так же было «организовано» совещание начальником Главного штаба ВВС генерал-полковником А. П. Силантьевым. Это плохие примеры, они не делают чести новому руководству ВВС, подрывают его авторитет и противоречат требованиям, речам и заклинаниям самого Кутахова.

Пришло печальное сообщение о том, что вчера в испытательном полете на Ту-16 погиб один из выдающихся летчиков Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан.

3 февраля.

Был у меня В. А. Шаталов. Он сопровождал В. И. Гагарину и Т. Ф. Беляеву, ездивших в Моссовет по поводу выделения им квартир в Москве. Моссовет может за три-четыре месяца отремонтировать и передать им две квартиры в старом доме на улице Горького. В новых домах подходящих квартир пока нет (новые дома строятся в основном по окраинам Москвы). Заместитель председателя Моссовета С. М. Коломин обещал выделить в 1972 году две хорошие квартиры в доме, строящемся на Бронной улице. Гагарина и Беляева просят через Шаталова моего совета, как им быть: брать ли немедленно квартиры в старом доме (они их уже осмотрели) или ждать окончания строительства нового дома? Взвесив все «за» и «против», мы с Шаталовым решили рекомендовать Гагариной и Беляевой подождать с окончательным выбором еще две-три недели, с тем чтобы за это время уточнить все вопросы, связанные с переездом их семей в Москву.

Говорил с Шаталовым о возможном назначении его на должность генерал-инспектора по космосу с перспективой выдвижения через год-другой на мою должность. Шаталов, будучи скромным и разумным человеком, ответил примерно следующее: «Николай Петрович, вы меня хорошо знаете. Я никогда не рвался и не рвусь к власти — меня вполне устраивает должность начальника отдела, работа очень

интересная, здесь я в самом центре подготовки космонавтов к полетам, да и самому хотелось бы еще слетать в космос. Но мне уже 43 года — в этом возрасте многие носят звания генералов и академиков, работают министрами. Думаю, что и я мог бы справиться с более широким кругом обязанностей».

Позвонил с космодрома А. А. Леонов и доложил, что вчера оба Ту-104 летали для наблюдения ночного пуска ракеты. Пуск и полеты прошли нормально. Сегодня в 20 часов будут выполнены полеты для наблюдения второго пуска ракеты, а рано утром 4 февраля экипажи ДОС-7К вылетят в Москву.

Сегодня в зале заседаний Военногосовета ВВС собрался руководящий состав для провода на другую работу генерал-полковника А. Н. Пономарева (он назначен консультантом в академию имени Жуковского). Маршал Кутахов зачитал приказ министра обороны и вручил Пономареву подарки и памятные сувениры. Пономарев поблагодарил всех присутствующих за совместную работу и пожелал новых успехов нашим ВВС. Окончание проводов Пономарева не обошлось без бестактности со стороны Кутахова, заявившего: «Товарищ Мишук, садитесь в новое кресло и по-настоящему двигайте вперед науку, помогайте частям…» и далее в таком же духе, как если бы Пономарев ничего не делал, занимая пост заместителя Главкома по вооружению. Я убежден, что Кутахов не имел намерения обидеть Пономарева и сделал это лишь по недомыслию.

4 февраля.

Прошедшей ночью экипажи Леонова и Шонина закончили на космодроме тренировки по наблюдению с воздуха за ночным стартом двух ракет. Тренировки прошли нормально, и сегодня утром оба самолета Ту-104 и космонавты вернулись в Москву. Сегодня же утром возвратились из поездки в Египет Терешкова, Николаев и Севастьянов.

В этом году в связи с юбилеем полета Гагарина число приглашений космонавтов из-за границы будет рекордным. У нас уже есть более двадцати приглашений, в том числе из США, Италии, Вьетнама, Венгрии и других стран.

Редактор «Известий» Шумилов сообщил по телефону, что ему предложено подготовить юбилейный сборник к 10-летию полета Гагарина, и попросил меня написать статью на тему: «Гагаринские традиции в современных полетах советских космонавтов». Тема статьи излишне замысловата, но отказаться участвовать в подготовке сборника, посвященного Гагарину, я не могу.

На днях по инициативе редакций ряда журналов и газет состоялась встреча журналистов, специализирующихся по космической тематике. На встрече были Денисов, Ребров, Романов, Губарев, Юдин, Асташенков, Кудрявцева и другие. Очень интересным было выступление В. П. Глушко — он обратил внимание присутствующих на недопустимость легковесного отношения к фактам и датам из истории космонавтики, привел несколько примеров грубого нарушения достоверности — ошибок и вымыслов — при освещении широко известных исторических фактов. Выступление Г. Т. Берегового было не слишком удачно, пришлось поэтому выступить и мне. Я говорил о проблемах длительных космических полетов пилотируемых кораблей и беспилотных аппаратов, а также о соблюдении точности при описании исторических событий, фактов, личностей и т. д.

5 февраля.

Управляемый Аланом Шепардом лунный модуль «Аполлона-14» благополучно сел на Луну — это уже третья высадка американских астронавтов на лунную поверхность. Наша программа пилотируемых полетов на Луну, базирующаяся на использовании Н-1 и Л-3, безнадежно устарела; мы отстаем от США минимум на пять-шесть лет, и главные виновники этого отставания — Мишин и его высокие покровители Келдыш, Смирнов, Устинов. Спасая свою репутацию, Мишин судорожно цепляется за старый хлам и в дополнение к уже истраченным миллиардам выбрасывает на ветер сотни миллионов рублей.

Сегодня Шонин сорвал тренировку своего экипажа на корабле «Союз» № 32 в контрольно-испытательной станции (КИС) ЦКБЭМ. Это очень грубый провал, и я боюсь, что тут

виновато спиртное. Все — Леонов, Никерясов, Кузнецов и другие — прикрывают Шонина, но на этот раз я лично расследую причины срыва очень важной тренировки и доберусь до истины.

6 февраля.

Подтвердились мои самые худшие опасения: тренировка в КИС была сорвана из-за пьянки Шонина. Сегодня я весь день расследовал это тяжелое происшествие. Экипажи Шонина и Шаталова должны были вчера в 8:00 выехать из Центра к Мишину, но Шонин не явился на пункт сбора, и автобус уехал без него. Шонин уверяет, что ночевал в профилактории, проспал, в 8:50 вызвал шофера и на своей собственной автомашине отправился «догонять» автобус. По докладу шофера, в Медвежьих Озерах Шонин купил в магазине водку, хлеб и колбасу, выпивал на глазах у него в машине, в Калининграде не останавливался («забыл пропуск»), а приказал ехать прямо в Москву к бассейну «Москва», в бассейне он пробыл не более часа и вышел оттуда сильно выпившим. В 14:30 Шонин вернулся в Звездный, а уже в 15:00 с ним беседовал генерал Кузнецов, который, как и его заместители, присутствовавшие при беседе, охарактеризовали состояние Шонина одной фразой: «Пьян, лыка не вяжет».

Сегодня я дважды беседовал с Шониным — один на один и при свидетелях. В обоих случаях поведение его показалось мне очень странным. Он был каким-то судорожно напряженным, на его лице и руках выступал обильный пот, на мои вопросы отвечал торопливо, путано, часто повторяя: «Во всем виноват только я один, никого другого я в это дело впутывать не буду». Он настойчиво повторял, что никогда больше не будет пить, просил последний раз поверить ему, но тут же произнес фразу, которая меня насторожила: «Снимите с меня звезду Героя, снимите погоны полковника, но только пошлите в космический полет!» Такое мог сказать пьяный, но в момент разговора Шонин был трезв. Такое мог сказать дурак, но я знаю Шонина одиннадцать лет и, как и все его друзья, всегда считал его разумным и очень способным человеком.

8 февраля.

Вчера за пять часов прошел на лыжах 42 километра. Чувствую себя отлично, можно было бы пройти эту дистанцию и быстрее, но снегу маловато, скольжение среднее.

Сегодня в 9:00 без предварительного звонка ко мне в кабинет явились Леонов и Шонин. Сначала я долго говорил один на один с Леоновым и еще раз убедился, что он пока еще неважный руководитель и воспитатель. Леонов недостаточно требователен к себе и своим подчиненным, с провинившихся не взыскивает, а пытается защитить от «ярости» начальства, сглаживая любой их проступок. Он очень инициативен, знает дело и работает с большим желанием, но часто проявляет излишнюю торопливость и горячность. Потом я беседовал с Шониным. Он был абсолютно трезвым и внешне выглядел свежим и здоровым, но разговор у меня с ним снова не получился. Шонин не отдает себе отчета в том, что он натворил, думает, что может отделаться легким взысканием, и продолжает надеяться на свое участие в предстоящем космическом полете.

Мишин узнал о происшествии с Шониным и сегодня наговорил мне по телефону кучу глупостей: «Ну что, Шонин спился? Его и Хрунова надо гнать немедленно, я их в полет не пущу». На мое предложение заменить Шонина Шаталовым он ответил: «Шаталов плохо подготовлен, в первый полет на ДОС-7К я буду предлагать Елисеева, Кубасова и Рукавишникова и буду отстаивать их кандидатуры перед правительством».

После разговора с Мишиным я говорил с Керимовым, который, как всегда, поступил очень разумно, предложив при встрече разобраться с этим случаем и решить, как быть дальше.

15 февраля.

Целую неделю с большой группой офицеров проверяли состояние дел в ЦПК и в полку.

Врачи направили Шонина в госпиталь имени Бурденко. Они уверяют, что он находится в «реактивном» состоянии, что у него наблюдается «психический сдвиг». Я несколько раз беседовал с Шониным, во время бесед он был безусловно трезв, но в его поведении было много необычного: он молчал, когда надо было

обязательно отвечать, и говорил тогда, когда надо было слушать, причем часто говорил совсем не то, чего мы все от него ожидали.

Если у Шонина и есть какой-то психический сдвиг, то вызван он нарушениями режима космонавта и скрытыми пьянками. Установлено (и признано самим Шониным), что после успешного космического полета в октябре 1969 года он часто скрытно выпивал (иногда до полной потери работоспособности). О случаях запоя и нарушения режима Шониным знали Леонов, Никерясов, Аржанов, Крышкевич, Кузнецов и другие товарищи, но ни один из них ничего не сделал для того, чтобы помочь ему прекратить выпивки, — больше того, все они настойчиво рекомендовали его на роль командира первого экипажа ДОС-7К. Скрывая случаи недостойного поведения Шонина, они считали, что тем самым они «спасают» его.

Я отстранил Шонина от подготовки к полету на ДОС-7К: для космонавта отстранение от космического полета — самое суровое наказание. После возвращения Шонина из госпиталя будем решать вопрос о его дальнейшей службе и, по-видимому, разберем его поведение на парткоме в присутствии всех летчиков-космонавтов.

Вчера прошел на лыжах 50 километров. Зима в этом году малоснежная и небывало теплая: с 10 января по 5 февраля температура, как правило, не опускалась ниже отметки «+2». Но последний зимний месяц выдался морозным, в среднем температура в последние дни держится на уровне -15 градусов. Мой общий итог пробега на лыжах в эту зиму перевалил за 600 километров.

17 февраля.

Закончил вчера проверку Центра и полка. Общее впечатление по результатам проверки: Центр и полк находятся сейчас на подъеме. Хорошо работают командир полка полковник М. Н. Лавров и все четыре командира эскадрилий — А. М. Устенко, В. М. Есиков, Н. А. Самко и Е. И. Пантелеев. Хуже работают начальник штаба полка полковник Е. А. Ремезов и замполит подполковник В. А. Мирошниченко. В Центре лучше

других из руководящего состава работают Клишов, Самсонов, Копылов, Егупов, Дедков, а из космонавтов — Шаталов, Попович, Филипченко. Работой Кузнецова, Никерясова и Попова я по-прежнему не удовлетворен.

Более года тому назад я добился решения Военного совета ВВС и приказа Главкома о назначении генерала Г. Т. Берегового начальником Центра. Но такое решение не понравилось Мишину: он, а также Сербин и Царев, которых настроили «дружки» Кузнецова Я. И. Трегуб и И. П. Богданов, встали горой на защиту Кузнецова и уговорили Кутахова отменить приказ об освобождении его от должности начальника ЦПК. Тогда я добился назначения Берегового первым заместителем начальника Центра. Более года я пристально слежу за работой Берегового, много помогаю ему, часто с ним беседую и, честно говоря, я не удовлетворен тем, как он работает: у него нет глубокой заинтересованности в работе, он не болеет за состояние дел в Центре. Береговой очень любит встречи с людьми и излишне увлекается ими — он может с легкостью бросить любое дело ради того, чтобы поехать за границу или на любую встречу внутри страны.

Заместителем начальника ЦПК по космической подготовке уже почти три года работает генерал А. Г. Николаев. Практически весь прошлый год он был занят личной подготовкой к полету на «Союзе-9», а после полета у него был двухмесячный период реадаптации, потом трехмесячный отпуск, а затем поездки за границу и по стране. Короче говоря, Николаев еще не успел проявить себя как руководитель и воспитатель своих подчиненных, хотя он и заметно вырос во всех других отношениях.

После смерти П. И. Беляева начальником 1-го управления ЦПК был назначен А. А. Леонов. Сейчас в его подчинении находятся около 80 процентов всех космонавтов, он обязан учить их, воспитывать и готовить к космическим полетам. Леонов, бесспорно, очень способный человек, но у него нет пока достаточного опыта руководителя. Кроме того, личная подготовка к полету на ДОС-7К отнимает у него много времени,

и как начальник 1-го управления он работает еще не в полную силу. Леонов смел, активен и настойчив, но он излишне горяч, склонен принимать недостаточно продуманные решения и, защищая их, может быть необъективным и даже нарушать дисциплину.

Итак, мое стремление выдвигать космонавтов на руководящие должности в ЦПК пока что не оправдало себя. И все же я глубоко убежден, что это единственно правильный путь подготовки руководящих кадров для развития пилотируемых космических полетов. Генерал Кузнецов, да и я сам еще недостаточно уделяем внимания подготовке космонавтов как организаторов, руководителей и воспитателей своих подчиненных. В этом направлении нам нужно еще очень много и систематически работать.

19 февраля.

Выступил вчера в Министерстве среднего машиностроения с докладом о 53-й годовщине Советской Армии. После доклада беседовал с министром Ефимом Павловичем Славским, который рассказал мне много интересного о мирном использовании атомных взрывов с целью интенсифицировать процесс добычи нефти. Современные методы добычи позволяют извлекать лишь 30–35 процентов имеющихся под землей запасов нефти, причем для этого приходится бурить очень много скважин; нефть получается дорогостоящей, и, самое главное, две трети ее остаются недоступными. С помощью атомных взрывов в земной коре можно образовывать трещины радиусом в километр и более, позволяющие выкачивать из недр свыше 70 процентов запасов нефти при значительно меньшем количестве бурильных установок. Славский рассказал и о начале работ над проектом переброски вод реки Печоры в приток Волги Каму. Волга и Каспий продолжают мелеть, и воды северных рек, повернутые на юг, могут оказать решающее влияние на развитие народного хозяйства наших южных территорий, особенно среднеазиатских. Ефим Павлович показал мне несколько фотографий городов, построенных в пустынях Средней Азии, — это хорошие

современные города, мне даже показалось, что по благоустройству они почти не уступают Звездному.

22 февраля.

Позавчера в Звездном провел разбор по результатам проверки ЦПК. Общее впечатление от состояния дел в Центре у всех членов комиссии хорошее: ЦПК как научно-исследовательская и испытательная организация набирает темпы и идет в гору. Недостатков и ошибок в работе, случаев недисциплинированности еще немало, но, что очень важно, они идут на убыль. Плохо работает генерал Н. Ф. Кузнецов, недостаточно проявляется и организующая роль начальника штаба генерала Н. П. Пашкова. Генералы Береговой и Николаев еще не полностью включились в работу (отпуска, поездки, встречи и т. д.). Леонов, Попович, Шаталов и другие летчики-космонавты совмещают свои обязанности с личной подготовкой к космическим полетам. Все это отрицательно сказывается на состоянии дел в отделах, управлениях и в Центре в целом. На разборе присутствовали все руководящие лица ЦПК, летчики-космонавты и генералы Ефимов, Горегляд, Бабийчук, Рудный. Ефимов в своем выступлении подтвердил мои оценки и указания и потребовал обязательного их выполнения.

25 февраля.

Получил сегодня предательский удар в спину. Я знал, что с приходом Кутахова мой тыл будет не защищен — на активную поддержку нового Главкома, как это было при Вершинине, я никогда не рассчитывал, но и исключал трусость и предательство с его стороны. На деле маршал Кутахов оказался очень трусливым.

Вчера Кутахову позвонил заместитель председателя Совмина Л. В. Смирнов и пожаловался на мою непримиримую позицию в вопросе о продолжительности предстоящего полета на ДОС-7К. В. П. Мишин очень широко разрекламировал этот полет как тридцатисуточный — он доложил о нем Устинову, Смирнову и, по его словам, даже Брежневу. К защите своего предложения Мишин привлек сотрудников Минздрава Бурназяна, Воробьева, Газенко, Гуровского, а также аппарат ЦК

КПСС и Совмина. Между тем, анализ итогов полета Николаева и Севастьянова на «Союзе-9», проведенный научной конференцией в ЦПК, не дает никаких оснований для резкого увеличения продолжительности пилотируемых полетов. Космонавты, врачи и другие специалисты записали в решении конференции, что продолжительность полетов следует наращивать не большими скачками (18-30-60 суток), а постепенно и параллельно с усовершенствованием средств, обеспечивающих длительное пребывание человека в невесомости без ущерба для его здоровья. Длительность первого полета на ДОС-7К по рекомендации конференции не должна превышать 20–24 суток.

После звонка Смирнова Кутахов, пытаясь опорочить решение конференции и мою твердую позицию в этом вопросе, заявил мне по телефону: «Не нужно было созывать такую конференцию и принимать такие решения — начальство лучше знает, как и сколько времени летать в космосе». Главком дал мне ясно понять, что он не будет меня поддерживать. Тем хуже для него.

27 февраля.

По моей просьбе маршал Кутахов несколько раз собирался поехать в ОКБ В. Н. Челомея, где он еще ни разу не был. Для поездки к Челомею у него не нашлось времени, зато сегодня мы (Кутахов, Мишук, Фролов и я) совершенно неожиданно оказались в ЦКБЭМ — вчера поздно вечером от Главкома поступила команда: «Завтра в 8:45 быть у В. П. Мишина».

Полагая, что разговор будет идти о продолжительности первого полета на ДОС-7К, я приготовился к бою. Но, как оказалось, Мишин решил использовать эту встречу для иных целей. В присутствии К. Д. Бушуева, Я. И. Трегуба, П. В. Цыбина и других сотрудников ЦКБЭМ он принялся всячески охаивать челомеевскую станцию «Алмаз»: «Я не знаю, что это за «Алмаз» такой… Челомей израсходовал на него полмиллиарда рублей, а мы построили две станции ДОС-7К всего за 80 миллионов…» Мишин совершенно не смущался тем, что Фролов и я хорошо знали истинное состояние дел, что в действительности впустую

истратил сотни миллионов рублей не Челомей, а именно он — Мишин. Он на все лады расхваливал свой новый проект станций ДОС-7К № 3 и № 4, изготовление которых он решил оттянуть на год-полтора, с тем чтобы сделать их по существу копией «Алмаза». Мишин обещал построить для ВВС десять кораблей 7КС и в течение получаса доказывал, что заказчиком пилотируемых космических кораблей могут быть только ВВС, что возглавляемый генералом Карасем ГУКОС губит дело, так как он совершенно не заинтересован в развитии пилотируемых полетов.

Поверив обещаниям Мишина, Кутахов и Мишук слушали его как завороженные. По возвращении в Главный штаб ВВС мне пришлось долго разъяснять Кутахову, Ефимову и Мишуку истинные намерения Мишина, которые, коротко говоря, сводятся к следующему: он хочет, чтобы руководство ВВС было его союзником в борьбе против Челомея и Карася, и обещает «хорошо платить» за это. Я высказал маршалу Кутахову такие рекомендации:

1. Съездить в ближайшие дни к Челомею; всячески поддерживать его, но при этом не афишировать нашу большую заинтересованность в «Алмазе».

2. Принять предложение Мишина о постройке для ВВС десяти кораблей 7КС; от борьбы за право заказывать пилотируемые корабли пока воздержаться.

3. Главные наши усилия сосредоточить на создании орбитального самолета по проекту «Спираль».

2 марта.

Встречался сегодня с журналистами. На встрече были: Денисов («Правда»), Ребров («Красная звезда»), Коновалов («Известия»), Кудрявцева и Головачев («Труд»), Голованов («Комсомольская правда»), Сальников («Экран»), Бессарабов (кино) и Машкевич (радио). Все эти товарищи рвутся к работе — им нужны материалы к 10-летию полета Ю. А. Гагарина и к предстоящему полету станции ДОС-7К. Удовлетворить все запросы и «фантазии» журналистов мне, конечно, не удалось, но по основным вопросам (планы работ, встречи с

космонавтами, фото-, кино- и телесъемки, статьи космонавтов и специалистов) мы все же договорились.

3 марта.

На состоявшемся вчера в ЦКБЭМ заседании Совета главных конструкторов был полный сбор. От ВВС кроме меня присутствовали: Пушкин, Рудный, Фролов, Кузнецов, Николаев и другие. Основными докладчиками выступали Е. В. Шабаров и К. Д. Бушуев. Общий вывод по их докладам: «Два транспортных космических корабля, станция ДОС-7К и их системы прошли все основные испытания и 3 марта могут быть отправлены на космодром. Подготовка станции к пуску начнется 9 марта. Пуск станции можно осуществить 15 апреля, а старт первого корабля с космонавтами — в период 18–20 апреля 1971 года».

В работе по подготовке ДОС-7К к полету были отмечены следующие недостатки:

1. Не начаты вибрационные испытания; ЦНИИмаш может начать их только 5 марта и закончить через два месяца (при трехсменной работе), а В. П. Мишину требуется получить заключение по результатам испытаний к 20 марта.

2. В процессе подготовки станции и кораблей пришлось снимать и заменять четыре комплекта системы стыковки «Игла»; главный конструктор «Иглы» А. С. Мнацаканян доложил, что пятый комплект работает удовлетворительно и что он уверен в его надежности.

3. Гарантийный срок парашютной системы в упакованном виде в корабле истекает 15 апреля — парашюты надо перекладывать.

4. По первому этапу испытаний СЖО было много серьезных замечаний; второй этап испытаний СЖО еще не начат.

Все эти недостатки вызваны главным образом спешкой. В процессе дальнейшей подготовки полета ДОС-7К мы встретимся еще со многими новыми трудностями. Одна из главных трудностей — отсутствие договоренности о продолжительности пребывания на станции первого и второго экипажей. Мишин и на этом заседании Совета не постеснялся заявить, что первый экипаж полетит на 30 суток, а второй — на 45. Поскольку вопрос

о длительности пилотируемых полетов на станции будет решать Госкомиссия, я не считал необходимым обсуждать его на Совете главных конструкторов под председательством Мишина. Но после выступлений Н. Ф. Кузнецова и А. Г. Николаева академик В. П. Глушко задал вопрос: «Достаточно ли обеспечена 30-суточная продолжительность первого пилотируемого полета?» Отвечая Глушко, Николаев сказал: «Я лично считаю, что такая продолжительность полета пока не обеспечена и чревата серьезными последствиями для здоровья экипажа». Это заявление Николаева вызвало бурную реакцию Мишина, он не удержался и еще раз повторил свою мысль о «полете добровольцев».

Мишин не понимает самой простой истины: космонавты полетят на любой срок, установленный Госкомиссией. Он запугивает космонавтов своими заявлениями о добровольцах, забывая, что за их жизни и здоровье мы тоже должны отвечать. В предстоящем полете нет таких целей и задач, которые заставляли бы нас идти на риск, увеличивая его продолжительность, — ее должны определять не Мишин с «добровольцами», а руководители полета с учетом мнения врачей и специалистов.

4 марта.

Выступал вчера на торжественном собрании общественности Гагаринского района Москвы, посвященном Международному дню женщин. Первый секретарь Гагаринского райкома партии Тамара Васильевна Голубцова очень просила меня приехать на это собрание с В. В. Терешковой и В. И. Гагариной, но получилось так, что Терешкова срочно вылетела в Прагу, а все мои попытки уговорить Валентину Ивановну поехать со мной оказались безрезультатными: после гибели Юрия Алексеевича она еще ни разу не была на больших собраниях и панически боится просьб о выступлениях.

Сегодня генералы Пушкин и Кузнецов докладывали мне о своем участии в работе экспертной комиссии по комплексу Н-1 — Л-3.

Уже в течение нескольких лет я доказываю (два раза специально был в ЦК партии и неоднократно — в ВПК), что ракета Н-1 и лунный корабль Л-3 безнадежно устарели и что нашу программу экспедиции на Луну надо коренным образом пересмотреть. И вот, наконец, решением ЦК и Совмина создана комиссия под председательством Келдыша, перед которой поставлена задача: до 1 мая 1971 года ответить на вопрос, что дальше делать с лунным комплексом и как быть с существующей программой экспедиции. Я бы ответил на этот вопрос без малейших колебаний (хотя знаю, что на создание комплекса затрачены миллиарды рублей): на ракете Н-1 и корабле Л-3 поставить крест, модифицировать ракету Челомея УР-700 и строить принципиально новый лунный корабль, планируя нашу первую экспедицию на Луну на 1974-75 годы.

Мишин и его защитники боятся такого решения: в состав экспертной комиссии они подобрали в основном тех, кто будет «смотреть им в рот». Наиболее вероятно, что комиссия Келдыша будет рекомендовать и дальше «лечить» плохую ракету и не менее плохой корабль. Правда, за последние полтора года в конструкцию и системы ракеты Н-1 внесены существенные усовершенствования, но я убежден, что надежным носителем она никогда не станет. Еще хуже обстоит дело с кораблем Л-3. Мишин настаивал на том, чтобы ВВС поддержали его идею о приводнении лунного корабля в Индийском океане, но мы выступили против этого предложения и потребовали проведения морских испытаний. В первом же испытании корабль лег набок и выходной люк оказался наполовину в воде (при таком положении уже через 30–35 минут космонавты начнут задыхаться, а при попытке открыть люк корабль утонет). Л-3 имеет и принципиальные недостатки, связанные с издержками «идеологии» экспедиции на Луну: возможна высадка на лунную поверхность лишь одного космонавта; в полете по окололунной орбите необходимо дважды переходить из одного отсека корабля в другой через открытый космос; лунный скафандр получился очень громоздким и неудобным.

Одним словом, я считаю принятую нами программу экспедиции на Луну окончательно сорванной. В срыве программы виноваты Мишин, Келдыш, Смирнов, Сербин и Устинов, но они никогда не признают своей вины и будут продолжать тянуть время и маневрировать, делая ставку на пуски автоматических станций в ущерб пилотируемым полетам.

5 марта.

Вчера имел обстоятельный разговор с маршалом Кутаховым. Подробно доложил Главкому о работе Совета главных конструкторов, о состоянии станции ДОС-7К, об отправке ее на космодром и о новой дате пуска — 15 апреля. Рассказал и о создании экспертной комиссии по комплексу Н-1 — Л-3 под председательством Келдыша. Самым главным предметом нашего разговора был вопрос о длительности предстоящего пилотируемого полета.

Под нажимом со стороны Мишина, Сербина и Смирнова Главком уже трижды выражал свое неудовольствие моим упорством в этом вопросе. Я сказал, что космонавты готовы лететь на любой срок, как им прикажут, но в данном полете нет такой цели, ради которой можно было бы рисковать их жизнью и здоровьем: все цели полета достигаются при его продолжительности в 20–22 дня, а каждый дополнительный день лишь увеличивает его рискованность, практически ничего не прибавляя к числу наших достижений.

Ответственность за жизнь и здоровье космонавтов несут в первую очередь ВВС. Во всех случаях неприятностей с экипажем Мишин будет первым из тех, кто станет обвинять ВВС. В полете «Союза-9» нам повезло: экипаж сел прямо «на руки врачей». Но есть большая вероятность и посадки в сложных условиях ночью, в горах или тайге, на воду, при сильном ветре и плохой погоде, когда помощь экипажу может задержаться на несколько часов. В этих тяжелых условиях экипаж, ослабленный невесомостью и перегрузками, может сильно пострадать и даже погибнуть. Как заместитель председателя Государственной комиссии по пуску ДОС-7К я не могу согласиться с позицией Мишина и буду отстаивать свою точку зрения по вопросу о продолжительности

первого и второго полетов космонавтов на станции. Когда я сказал об этом Главкому, он задумался — ему было трудно отступать от данных Смирнову обещаний «укротить Каманина», — но он почувствовал, что в этом принципиальном споре правда на нашей стороне, и вынужден был согласиться с моей позицией. Я вовсе не уверен, что завтра Кутахов не изменит свое решение, но для меня это уже не будет иметь никакого значения.

Сегодня возвратился из госпиталя Г. С. Шонин с медицинским заключением: «Нуждается в продолжении лечения в санатории». Заключение врачей лишает меня юридической основы для строгого наказания Шонина, хотя я убежден, что фактически они прикрывают его от заслуживаемого возмездия.

6 марта.

Вчера состоялось собрание коммунистов моего аппарата. Я выступил с докладом о результатах проверки ЦПК и уточнении задач по космосу на 1971 год.

Три месяца назад при утверждении годового плана у нас были надежды на то, что в этом году в космос будут выведены три орбитальные станции и десять кораблей с двадцатью (и более) космонавтами на борту. Но, как и во все предыдущие годы, радужные вначале надежды постепенно бледнеют, и уже к середине года многие пункты плана придется вычеркивать. Сейчас уже ясно, что из трех станций на орбиту будет выведена в лучшем случае одна ДОС-7К (вторая ДОС-7К и станция «Алмаз» не будут готовы до конца года) и могут быть выполнены полеты только четырех кораблей — двух транспортных и двух «Союзов».

В прениях на партийном собрании выступили: И. И. Шаталов, В. С. Муравьев, Э. А. Васкевич, В. А. Юдин, И. Э. Рамазанов и Л. И. Горегляд. Интересную мысль высказал Рамазанов: он считает, что проект транспортного корабля Челомея имеет много общего с темой «Спираль», — по мнению Рамазанова, следует подумать над объединением усилий конструкторских бюро Челомея и Микояна в создании орбитального самолета. Судя по выступлениям коммунистов, их

больше всего беспокоят трудности с разработкой космических тренажеров и срывы планов строительства капитальных сооружений. С тренажерами положение у нас действительно тяжелое: Главный конструктор тренажеров С. Г. Даревский не имеет достаточной производственной базы, чтобы выполнить решения об их постройке.

Сегодня рассмотрел и подписал документы на присвоение почетных званий «Заслуженный деятель науки РСФСР» товарищам Бабийчуку, Карпову, Юганову и Лебедеву — все они более десяти лет работают по обеспечению пилотируемых космических полетов, начиная с подготовки полета Ю. А. Гагарина. Сегодня же полковники Ващенко и Нестеров приносили мне ленту с записью переговоров Гагарина с «Зарей» (перед стартом и во время полетов). Полный печатный текст переговоров у меня имеется, а вот сама лента из-за плохого хранения (по вине Карася и Спицы) оказалась сильно пострадавшей. По моей просьбе радиокомитет взялся переписать ее на пластинку. Выяснилось также, что ленты с записями переговоров во время полетов Титова, Терешковой, Леонова и других космонавтов хранятся в ракетных войсках в безобразных условиях, — есть угроза гибели ценных уникальных документов. Я приказал А. Г. Николаеву и И. П. Ващенко подготовить свои соображения по реставрации записей переговоров и организации их надежного хранения.

9 марта.

Начались комплексные тренировки трех экипажей ДОС-7К на тренажерах. В этом году мы решили совместить государственные экзамены космонавтов с их тренировками на тренажерах. Приказом Главкома ВВС для приема экзаменов у космонавтов создана большая комиссия. Председателем комиссии назначен я, заместителями председателя — академик В. П. Мишин и генерал Н. Ф. Кузнецов. Среди членов комиссии — генералы, летчики-космонавты, главные конструкторы систем, врачи, инженеры и другие специалисты. Весь процесс тренировок, приема экзаменов и оформления результатов по всем видам подготовки займет больше недели.

Сегодня в 8:30 первый экипаж в составе Шаталова, Елисеева и Рукавишникова занял места в кабине транспортного корабля «Союз», проверил его оборудование и в 9:16 произвел «подъем в космос». «Посадку» экипаж выполнил в 22:45 — за 15 часов «полета» космонавты проиграли основные операции по программе 30-суточного пребывания на станции ДОС-7К. За время тренировки космонавты получили пять «вводных» (отказ двигателя, повышенный расход рабочего тела и др.), по каждой из которых решение принималось не только экипажем, но и группами управления. Комплексные тренировки на тренажерах и сдача экзаменов космонавтами — это генеральная репетиция космического полета, причем в перерывах между тренировками члены комиссии и главные конструкторы изучают материалы хода подготовки экипажей, проводят с ними беседы и консультации, получая тем самым возможность более глубоко вникнуть в процесс обучения и дать объективную оценку знаний космонавтов.

Получил сегодня письмо от астронавта Уильяма Андерса с теплыми воспоминаниями о нашей встрече в Звездном. Он сожалеет о том, что встреча была очень краткой, и выражает надежду, что деловые связи и дружба между американскими астронавтами и советскими космонавтами будут крепнуть в интересах дальнейших исследований космоса и расширения контактов между США и СССР.

Вчера в Москву приехали представители шведской промышленной фирмы, которая будет строить для нас большую (радиусом 18 метров) центрифугу ЦФ-18. Семь лет боролся я за создание в нашей стране такой центрифуги. Моими главными противниками в этой борьбе были С. П. Королев и В. П. Мишин — при поддержке ЦК и правительства они добивались, чтобы самая большая в СССР центрифуга была в ведении Минздрава. Сегодня представители ВВС и Техмашимпорта должны заключить со шведами договор о строительстве центрифуги. Как ни странно, имеется еще немало людей, пытающихся помешать ее созданию, — такие люди есть даже в ВВС (генерал-полковник Ф. П. Полынин, генерал-майор С. Г. Фролов и другие). Но я верю

и надеюсь, что самая мощная в стране центрифуга будет установлена в НИИЦПК имени Ю. А. Гагарина.

11 марта.

Утром в «полет» на ДОС-7К отправился второй экипаж в составе Леонова, Кубасова и Колодина. Имитация старта, выведения на орбиту и стыковки со станцией прошла нормально — без замечаний по работе экипажа.

С группой специалистов ВВС обсудил план мероприятий по обеспечению ввода ЦФ-18 в строй действующих центрифуг. Интересные предложения по проекту основного здания центрифуги высказали полковники Гусаров, Филекин и Никольский. На проектирование и строительство здания может потребоваться не менее трех лет, но по договору со шведами монтаж ЦФ-18 должен быть начат ими в мае 1973 года, то есть в нашем распоряжении не три, а всего два года.

15 марта.

В субботу 13 марта зачетный «полет» на тренажере провел третий экипаж ДОС-7К в составе: Добровольский, Волков, Пацаев. Экипаж подготовлен хорошо, серьезных замечаний по его работе нет.

Имел обстоятельный разговор один на один с В. А. Шаталовым. Цель беседы уточнить позицию одного из лучших наших космонавтов по вопросу о длительности предстоящего полета. Шаталову, уже дважды побывавшему в космосе, предстоит выполнить третий полет продолжительностью до 30 суток (так, во всяком случае, пишется пока во всех документах о полете), он отлично знает станцию ДОС-7К и все ее оборудование. Короче говоря, мнение В. А. Шаталова о продолжительности полета может быть столь же авторитетным, что и мнение А. Г. Николаева. В беседе со мной Владимир Александрович высказал следующие соображения:

«Я не рвусь устанавливать новый рекорд продолжительности пребывания на орбите. Рекорд — это не цель данного полета. Я хорошо представляю себе все его трудности и понимаю, что летать 20 суток было бы значительно

легче, чем 30. На научной конференции, еще не зная, что мне придется первым лететь на ДОС-7К, я голосовал за длительность полета, не превышающую 20–22 дня. Но сейчас, когда я более детально познакомился со станцией и условиями пребывания на ней, у меня нет веских доводов против 30-суточного полета. Я еще раз повторяю, что было бы легче, приятнее и менее рискованно летать не больше двадцати суток, но разница между этим сроком и тридцатью сутками, на которых настаивает Василий Павлович Мишин, по-моему, не настолько велика, чтобы она могла оказать решающее влияние на состояние здоровья членов экипажа после полета. Я согласен с вами, Николай Петрович, что вопрос о продолжительности полета должны решать не космонавты, а врачи и руководители, ответственные за организацию пилотируемых космических полетов».

Побеседовал я и с космонавтом А. С. Елисеевым. Выяснилось, что Елисеев настроен так же, как Шаталов, с той лишь разницей, что он не намерен «перегружать» себя в полете физическими упражнениями, которые, по его словам, в условиях невесомости очень неприятны (головокружение, тошнота, прилив крови к голове, набухание вен) и даже могут отрицательно сказываться на работоспособности космонавта. Интересно, что Андриян Николаев после физзарядки в невесомости испытывал прилив бодрости и работоспособности, а вот Елисеев, Севастьянов и некоторые другие космонавты либо были равнодушны к физическим упражнениям, либо избегали их. По-видимому, наши первые впечатления и выводы о большой пользе физических нагрузок в длительном космическом полете справедливы не для всех космонавтов: кому-то из них эти нагрузки могут и не помочь перенести длительное воздействие невесомости.

17 марта.

Вчера провел заключительное заседание комиссии по приему экзаменов у космонавтов группы ДОС-7К. Присутствовали: Керимов, Мишин, Кузнецов, Николаев, Береговой, Пашков, Горегляд, Бабийчук, Рудный, Воробьев,

Черток, Трегуб, Бушуев и другие члены комиссии. О результатах комплексных тренировок экипажей, о состоянии здоровья космонавтов и готовности их к полетам на станции ДОС-7К № 1 доложили Кузнецов, Лебедев, Николаев и Севастьянов. Комиссия единогласно приняла решение о том, что космонавты Шаталов, Елисеев, Рукавишников, Леонов, Кубасов, Колодин, Добровольский, Волков и Пацаев отлично знают корабль 7КТ, станцию ДОС-7К, все оборудование корабля и станции, инструкции и все регламентирующие полет документы — экипажи к полетам подготовлены.

Я объявил космонавтам решение комиссии и пожелал им успешного выполнения задания. С пожеланиями успеха в полете к космонавтам обратился академик В. П. Мишин. В конце заседания командиры экипажей В. А. Шаталов, А. А. Леонов и Г. Т. Добровольский доложили комиссии, что экипажи готовы к полету и что они уверены в его успешном осуществлении.

В этот же день в Звездном побывала группа работников венгерского телевидения. Они привезли мне письмо от нашего посла в Венгрии товарища Титова с просьбой выступить по венгерскому телевидению в связи с предстоящим десятилетием полета Ю. А. Гагарина.

19 марта.

Сегодня состоялось заседание Государственной комиссии по пуску станции ДОС-7К № 1. От ВВС кроме меня присутствовали: Мишук, Горегляд, Углянский, Бабийчук, Рудный, Фролов, Кузнецов, Николаев и другие. Я предполагал, что на Госкомиссии будет решаться вопрос о продолжительности пребывания экипажа на станции, и поэтому привлек к участию в заседании все наши главные силы. Однако в ходе заседания Керимов, Мишин и все другие докладчики старательно обходили этот вопрос, сосредоточив основное внимание на технической готовности станции, кораблей, их систем и всех средств обслуживания. По заключению Мишина, работы на станции и кораблях проводятся на космодроме по графику — пуск станции может быть осуществлен в период с 15 по 18 апреля. Участники

заседания согласились с предложенным сроком пуска. Вылет членов Госкомиссии на космодром был назначен на 22 марта.

При обсуждении доклада генерала Углянского о готовности службы поиска косвенно был затронут и вопрос о продолжительности пилотируемого полета. Дело в том, что Мишин, стремясь во что бы то ни стало реализовать свою идею 30-суточного полета, так подобрал время старта транспортного корабля с экипажем на борту, что его возвращение на Землю с посадкой на территории СССР в светлое время возможно только на тридцатые сутки полета, да и то всего лишь за три часа до наступления темноты. Пришлось мне выступить с возражениями против такого выбора времени старта. Керимов и Мишин не рискнули спорить со мной и согласились поручить комиссии в составе Трегуба, Углянского и Кузнецова рассмотреть возможность переноса старта корабля на более приемлемое (по соображениям безопасности для экипажа) время.

20 марта. Тюра-Там.

Снова я на космодроме — в своей уютной комнате № 14 гостиницы «Космонавт». Последний раз я был здесь 10 месяцев назад, когда мы готовили полет «Союза-9» с Николаевым и Севастьяновым на борту.

На космодром я вылетел в 9 часов утра на самолете Ту-104 вместе с первым экипажем ДОС-7К — Шаталовым, Елисеевым и Рукавишниковым. Через 10–20 минут после нас взлетели еще два Ту-104 со вторым и третьим экипажами на борту. Через три часа полета все три самолета сели на аэродром Тюра-Там, где нас встретили Е. В. Шабаров и начальник штаба полигона. Кроме экипажей станции и космонавта Николаева на космодром прилетели около двух десятков врачей, инженеров и методистов. Мы договорились с Шабаровым, что сегодня же в 18:00 начнем занятия на второй площадке, где проводятся предстартовые испытания станции и кораблей. На двух автобусах мы отправились на вторую площадку, в МИКе которой установлены станция ДОС-7К и два транспортных корабля.

Площадка № 2, ее МИК и старт № 1 — это самые исторические места космодрома: отсюда стартовали первый

спутник и первый космонавт, здесь готовились и осуществлялись десятки наших славных космических полетов. Здесь на каждом шагу, в каждой комнате вспоминаются мне горячие дни полетов Гагарина, Николаева, Поповича, Терешковой и других космонавтов. А сколько здесь было встреч, бесед, а иногда и горячих споров с Сергеем Павловичем Королевым и другими руководителями космических полетов! Из тех, кто работал здесь в 1957–1961 годах, остались лишь немногие. Один из оставшихся ветеранов — Евгений Васильевич Шабаров — замещает сейчас на космодроме В. П. Мишина и руководит подготовкой станции и кораблей к полету.

Мы намеревались быть в МИКе до 24:00, но в ходе электрических испытаний возникли непредвиденные задержки и нам пришлось закончить занятия пораньше. После ужина провели короткое совещание по итогам работы за день. Николаев объявил план работ и распорядок дня на завтра, потом смотрели две кинокартины — болгарскую «Разрешение на брак» и советскую «Дипломат».

21 марта.

Спал в эту ночь очень крепко — проснулся в 6:00 по звонку будильника и долго не мог понять, где я нахожусь. Утром вместе со всеми был на физзарядке, пробежал километра два и выполнил обычный комплекс упражнений.

Задержки с электрическими испытаниями все еще не устранены: Шабаров сообщил, что космонавтам нецелесообразно приезжать на вторую площадку раньше 22:00. После завтрака космонавты занялись отработкой бортжурналов и подгонкой тренировочных костюмов, которые впервые будут использоваться в предстоящем полете. Назначение тренировочного костюма состоит в том, чтобы заставить мышцы тела работать в условиях невесомости. Костюм, изготовленный из плотной ткани по фигуре космонавта, имеет на передней своей части большое количество резиновых амортизаторов, создающих сжимающую осевую нагрузку от ног к голове, для преодоления которой мускулы ног, спины, живота и других частей тела должны постоянно работать. По идее, костюм может

быть очень полезным профилактическим средством, но он имеет кое-какие конструктивные недостатки, затрудняющие его применение: резиновые амортизаторы очень узкие, во многих местах они непрерывно трутся и через 5–6 дней работы могут порваться. Жаль, что этот костюм мы увидели только сегодня, — до полета его уже не успеют усовершенствовать.

Сегодня первый раз в этом году вышел на теннисный корт. В паре с Колодиным мы выиграли два сета у Николаева и Волкова, потом в одиночной игре я победил Колодина со счетом 6:1.

К 17 часам первый экипаж и Николаев уехали на вторую площадку, а через два часа туда отправились вместе со мной второй и третий экипажи. Все три экипажа проверяли работу систем связи ДОС-7К № 1 из всех возможных положений и со всех рабочих мест и убедились, что связь работает нормально. Во время тренировок экипажа Леонова я более часа был внутри станции. На обратном пути в автобусе я рассказал космонавтам о своих впечатлениях от посещения океанского корабля «Юрий Гагарин», предназначенного для обеспечения космических полетов. Судно водоизмещением 45 тысяч тонн (в шесть с лишним раз больше, чем у крейсера «Аврора»), оборудованное самыми мощными средствами связи и антеннами, стоит 120 миллионов рублей и по своей технической оснащенности превосходит любой из наземных НИПов.

22 марта.

Члены Государственной комиссии и главные конструкторы должны прибыть сегодня на космодром. Погода здесь неважная: сплошная облачность, сильный ветер, температура колеблется около ноля.

Во время вчерашних бесед со специалистами из промышленности выяснилось, что опять возникли неприятности с «Иглой» и средствами стабилизации станции. Шабаров пытается делать вид, что все работы идут по графику, но его ближайшие помощники утверждают, что пуск 15 апреля уже нереален. Сегодня по плану все три экипажа должны были начать занятия на корабле с 8 часов утра, сейчас уже 10:15, а со

второй площадки все еще нет команды на выезд по-видимому, там новые задержки в ходе испытаний.

С 12 до 16 часов все три экипажа проводили проверку средств связи транспортного корабля и набора инструментов на борту станции. Замечаний по средствам связи у экипажа нет, зато их много по бортовому ЗИПу: излишне большое количество отверток, плохие авторучки, плохие нож и шило и т. д. Но самый главный недостаток ЗИПа — отсутствие индивидуального крепления инструментов и запчастей: есть опасность, что в полете мелкие запчасти «разбегутся» по просторному помещению станции.

Вечером к нам приехал председатель Госкомиссии К. А. Керимов (он, Мишин и многие главные конструкторы прилетели сегодня из Москвы). Керим Алиевич сказал, что 26–27 марта состоится заседание ВПК, на котором будет принято решение о дате пуска ДОС-7К. Керимов еще ничего не знает о характере отказов, выявленных в процессе испытаний станции: Шабаров, встречавший председателя Госкомиссии на аэродроме, не рискнул без санкции Мишина доложить ему о неполадках с «Иглой».

Вечером я встречался на корте один на один с Ю. А. Суриновым руководителем физической подготовки космонавтов, одним из лучших теннисистов ЦПК. Первые четыре гейма были за Суриновым, но я сумел заставить себя улучшить свою игру и выиграл партию со счетом 8:6. Приходится все же признать, что играть один на один мне уже тяжело.

23 марта. Тюра-Там — Москва.

Вчера поздно вечером в городе сгорело четырехэтажное здание школы. Причина пожара пока неизвестна, школа восстановлению не подлежит. Космонавты попросили разрешения посмотреть хоккейный матч между сборными СССР и США пришлось отодвинуть отбой с 23 часов на два часа ночи, а подъем назначить на 9:00.

Сегодня первый раз за три дня показалось солнце, но температура не выше одного градуса тепла: с юга дует сильный холодный ветер. Вылет в Москву для участия в заседании ВПК

пришлось перенести на 12 часов местного времени (в Москве густой туман, и нас не принимают). Перед завтраком почти полтора часа занимались физподготовкой: я пробежал три километра, выполнил обычный комплекс упражнений и сыграл с Суриновым два сета (счет 6:0, 6:2 в мою пользу); космонавты во главе с Николаевым и Леоновым пробежали пять километров, потом играли в теннис и занимались «космическим» комплексом физических упражнений.

На часах уже 13:00 местного времени, а вылет в Москву снова задерживается; есть, правда, небольшая вероятность вылететь через два часа. Для летчиков первого класса, летающих на Ту-104, установлен минимум погоды: видимость — 2000 метров при высоте нижней кромки облачности в 200 метров (на мой взгляд, минимум погоды вполне можно было бы снизить соответственно до 1000 и 100 метров).

…Взлетели с аэродрома Тюра-Там в 13:00 по московскому времени. Вслед за нами с десятиминутным интервалом вылетели на Москву и два других Ту-104. До Волги погода была хорошей, но, чем ближе к Москве, тем хуже она становилась. На высоте 9000 метров летели в облаках. Перед самой Москвой погода заметно улучшилась, но у земли был сильный порывистый ветер под углом 90 градусов к ВПП и была плохая видимость из-за дымки. Все три экипажа Ту-104 отлично выполнили посадку.

Вечером мне на квартиру позвонил Л. И. Горегляд — он был заметно расстроенным и, как мне показалось, немного выпившим. Леонид Иванович сообщил, что в субботу на Военном совете ВВС вновь обсуждался вопрос: кем заменить Каманина? Кандидатура Горегляда даже не рассматривалась, генерал Мороз предложил кандидатуру Шаталова, но большинство членов Военного совета высказалось против нее. Решили пока оставить Каманина.

Такое «половинчатое» решение мне не нравится: можно было бы на один-два года назначить на мое место Горегляда, а Шаталова и Николаева сделать его заместителями с тем, чтобы через пару лет иметь двух неплохих кандидатов на мою должность. Но при любом варианте надо освобождать

Н. Ф. Кузнецова от должности начальника ЦПК, и, чем скорее, тем лучше для дела — Береговой, Леонов и Попович вполне справятся с управлением Центром.

24 марта.

Сегодня Кутахов вылетел во Львов, а Ефимов — в Каир. Генерал Горегляд более подробно рассказал мне о заседании Военного совета ВВС. Из Ленинграда приехали создатели телефильма о Ю. А. Гагарине «О моем друге» — я помог им протолкнуть его через цензуру. Ведущую роль в фильме исполняет А. А. Леонов, с воспоминаниями выступают В. И. Гагарина, А. Т. Гагарина, Г. С. Титов, П. Р. Попович, А. Г. Николаев и другие. Этот фильм — хорошая память о Гагарине и ценный исторический документ.

25 марта.

Решением комиссии от 19 марта Трегубу, Кузнецову и Углянскому было поручено проверить правильность расчетов времени старта первого экипажа на станцию ДОС-7К № 1. Вчера мне звонил Трегуб и вновь утверждал, что все расчеты правильны и он не будет ничего изменять в них. Лично проверив расчеты в присутствии Горегляда, Зацепы и Голубева, я убедился, что корабль с космонавтами можно сажать за 4–5 часов до наступления темноты (а не за 1 час 20 минут, как утверждает Трегуб), начиная примерно с восемнадцатых суток полета. Исходные данные для расчетов были выданы без обеспокоенности за надежность посадки и поиска корабля с экипажем, генерал Кузнецов этим вопросом совершенно не занимался, а Углянский убыл в командировку.

Сегодня утром я вызвал Трегуба, Кузнецова, Голубева и специалистов Митина, Гладкого, Филимонова — и еще раз проверил расчеты времени старта. Оказалось, что Трегуб и его баллистики хорошо подготовились к защите своих позиций, оправдывающих 30-суточную продолжительность полета, а Кузнецов, Голубев и другие специалисты ВВС плохо знали существо дела и даже не проявляли желания добиться более благоприятных условий посадки корабля (в светлое время суток): два месяца назад Кузнецов, Пушкин и их специалисты

подписали согласованный с ЦКБЭМ документ о времени старта, а потом стали выражать обеспокоенность недостаточной безопасностью ночной посадки. Такая беспринципность, особенно со стороны Кузнецова, возмутила меня до глубины души — я сказал ему, что он не защищает интересы космонавтов и ВВС, а работает на Трегуба. Я остаюсь глубоко убежденным в том, что лететь первому экипажу ДОС-7К на 30 суток очень рискованно, но с каждым днем у меня все меньше единомышленников и оснований для борьбы против Мишина: очень многие из моего лагеря трусливо перебегают к Мишину или в лучшем случае не проявляют активности в предотвращении его ошибок.

26 марта.

В Кремле состоялось вчера заседание ВПК. С докладом о готовности к полету ДОС-7К и двух транспортных кораблей выступил В. П. Мишин. По его мнению, пуск станции можно осуществить между 15 и 20 апреля, а старт первого корабля — через три дня после выхода на орбиту ДОС-7К; продолжительность полета первого экипажа — 30 суток; перерыв между возвращением первого экипажа и стартом второго — 25 суток; второй экипаж может находиться на станции 30–45 суток. Бугайский, Карась, Пушкин и Керимов доложили о готовности ракет, стартов, пунктов управления, средств поиска и всех служб обеспечения полетов. Заместитель министра здравоохранения А. И. Бурназян доложил о медико-биологическом обеспечении экипажей, выразил надежду на возможность выполнения 30-суточных полетов и высказался категорически против 45-суточного полета второго экипажа. В решении по всем этим докладам записали: планировать полет первого экипажа продолжительностью до 30 суток; вопрос о продолжительности полета второго экипажа будет решен после завершения первого пилотируемого полета, но станцию, второй корабль, все системы и ресурсы двигателей и агрегатов готовить к 45-суточному полету второго экипажа.

Я представил Смирнову и всем членам комиссии группу космонавтов «ДОС-7К» и доложил, что они полностью

закончили программу подготовки, отлично сдали экзамены, проверены по состоянию здоровья и готовы к космическим полетам. Комиссия утвердила состав экипажей, после чего Л. В. Смирнов задал космонавтам несколько вопросов, на которые Шаталов, Леонов, Добровольский, Елисеев и другие отвечали кратко, примерно в таком духе: «Все ясно. Сомнений нет. К полетам готовы. Приложим все силы, чтобы оправдать оказанное нам доверие».

27 марта.

Сегодня ровно три года со дня гибели Ю. А. Гагарина. Постепенно стихают боль и горечь утраты, даже самые близкие родственники — мать, жена, дети — и друзья Гагарина свыкаются с мыслью, что его уже нет среди нас. Да, Гагарина нет, но память о нем не умрет никогда: его имя так же бессмертно, как имена самых великих людей Земли.

В памяти человечества нужно сохранить не только имя и подвиг Гагарина, но и все обаяние его образа, его стремления, дела и идеалы. Мы, друзья и близкие Гагарина, обязаны собрать и сохранить для будущих поколений все, что связано с именем первого космонавта планеты Земля. За три года в этом направлении сделано уже многое, но далеко еще не все. Сохраняется космический корабль «Восток», поднявший Гагарина в космос, законсервирован и подготовлен для передачи в музей самолет УТИ МиГ-15, на котором он совершал тренировочные полеты, переданы в музеи три автомашины, собраны тысячи метров кинопленки с кадрами о Гагарине, хранятся ленты с записью его выступлений, продолжаются работы по сбору фотографий, книг и статей о нем. В музее Звездного и у В. И. Гагариной бережно хранятся сотни личных вещей, записи, письма и дневники Юрия Алексеевича. Я приказал начальнику ЦПК генералу Н. Ф. Кузнецову и начальнику политотдела полковнику И. М. Крышкевичу выделить несколько офицеров специально для сбора и организации длительного хранения всего того, что имеет отношение к памяти о Ю. А. Гагарине. Много раз я лично проверял ход этой работы и всегда оставался недовольным

достигнутым: чувствуя за собой ответственность за руководство ею, я буду продолжать вести контроль за ней. Приближается день десятилетия первого полета человека в космос, и сейчас особенно остро ощущается необходимость увековечения памяти о первом космонавте мира.

Вчера в ЦПК было много представителей печати, кино и телевидения — все горят желанием сказать что-то новое, интересное о Гагарине и его подвиге. Вчера, просмотрев несколько «новых» кинолент о Гагарине, я с удивлением обнаружил, что впервые вижу некоторые кадры, запечатлевшие его и С. П. Королева, — это лишнее доказательство ценности и необходимости работ по сбору материалов о первых космических полетах.

29 марта.

Маршал Кутахов подводил сегодня итоги работы ВВС за март этого года. Итоги плохие: в марте произошло десять катастроф и аварий, причем 80 процентов из них — по вине личного состава (три столкновения в воздухе: два МиГ-21 столкнулись в Египте, два МиГ-17 — в Хабаровске и два вертолета — в Ташкенте). А всего за первые четыре месяца учебного года случилось уже 29 происшествий (в прошлом году на эту дату было 18 катастроф и аварий), подавляющее большинство происшествий (до 70 процентов) — по вине личного состава. Главком ставил задачу: в предсъездовский месяц летать без аварий, а март оказался одним из самых аварийных месяцев. Сегодня, подводя плачевные итоги, Кутахов очень волновался: чувствовалось, что он глубоко переживает всплеск тяжелых летных происшествий. Он сказал: «Мне стыдно, товарищи… Но должно быть стыдно и вам. Мы плохо учим подчиненных и недостаточно требовательны к ним и к самим себе. Многие из нас жалеют себя, избегают волнений, хотят подольше пожить. Не надо долго жить — надо долго работать!» После этой тирады Главком наговорил много плохо продуманных рекомендаций, а в заключение сказал: «Я уверен, что мы найдем в себе силы резко поправить дело в апреле».

Через 15 минут после заключительного выступления Кутахова один из членов Военного совета ВВС, командующий Дальней авиацией генерал-полковник В. В. Решетников, входя в столовую, заявил во всеуслышание: «Придется пообедать, хотя это и противоречит последним указаниям Главкома!» Этой краткой, но очень меткой репликой Василий Васильевич как нельзя лучше охарактеризовал сегодняшнее выступление маршала Кутахова.

Кутахов уже четыре года работает в центральном аппарате ВВС и третий год — в должности Главкома. За это время он расшатал все основы «старого» порядка, разогнал опытнейших руководителей, всех издергал, удвоил поток бумаг, но добиться улучшения организации летной работы так и не сумел. Аварийность в строевых частях ВВС растет, а боеготовность падает. Я убежден, что летом 1971 года нас ждет новая большая вспышка летных происшествий, главными причинами которой будут несистематичность (частые запреты) полетов, неуверенность в завтрашнем дне у руководящих кадров («Гнать надо!») и полное отсутствие у них веры в разумность действий высшего руководства ВВС. Разумеется, я был бы рад ошибиться в своих мрачных прогнозах, но, похоже, все идет к тому, что они могут оправдаться. Кутахова не любят — его только боятся, он не находит поддержки даже у членов Военного совета. Сам Кутахов трудится очень много, цели и задачи, которые он ставит перед подчиненными, в основном правильные, но он не умеет работать, не верит в людей и тратит свое рабочее время по мелочам.

30 марта.

Яркое, солнечное утро, пахнет весной — уже несколько дней как прилетели грачи и скворцы. Сегодня в 10 часов в Кремле открывается XXIV съезд КПСС.

Вчера вечером докладывал Главкому о предстоящем полете станции ДОС-7К. Получил разрешение вылететь на космодром со всей экспедицией ВВС 6 апреля. Кутахов был в очень мрачном настроении, но я все же решил дать ему на подпись представления к почетному званию «Заслуженный деятель

науки РСФСР» А. Н. Бабийчука, Е. А. Карпова, Е. М. Юганова и к званию «Заслуженный врач РСФСР» П. Д. Мартимонова, Г. С. Сергеева и И. П. Шинкаренко. Во время моего доклада в кабинет Главкома вошел член Военного совета ВВС генерал И. М. Мороз и, узнав, о чем идет речь, сказал: «Бабийчука из списков надо исключить — его все равно не пропустят». Я стал защищать кандидатуру Бабийчука, маршал на минуту заколебался и все же подписал представление, сказав: «Мы подпишем, а там пусть вычеркивают». Но едва я успел войти в свой кабинет, как он позвонил мне по телефону и приказал: «Николай Петрович, перепечатайте представление, исключив из списка Бабийчука. Через 20–30 минут я готов подписать новый документ».

Ранее генерал Мороз дал мне согласие на выдвижение Бабийчука к присвоению почетного звания и две недели назад сам подписал соответствующее представление в Главное политическое управление, и вдруг он так резко изменяет свою позицию в этом вопросе. Такое поведение Мороза я могу объяснить только недобросовестной информацией, предоставленной ему генерал-майором Н. М. Рудным: Бабийчук справедливо требовал от Рудного наведения порядка в Институте авиационной и космической медицины, а тот вместо признания своих личных ошибок оговорил Бабийчука в неправильном, солдафонском отношении к ученым.

31 марта.

По гостевому билету был вчера на съезде. XXIV съезд КПСС — это грандиозная демонстрация возросшей мощи СССР и небывалого роста международного авторитета первой страны социализма. На съезде присутствуют почти пять тысяч делегатов, представляющих 14 миллионов коммунистов, и 101 иностранная делегация из 90 стран. Доклад Л. И. Брежнева продолжался более пяти часов — в нем наглядно и убедительно показаны итоги работы партии и страны за отчетный период, дана четкая характеристика современного международного положения и соотношения сил на мировой арене: силы социализма, мира и прогресса неуклонно растут, а агрессивный

лагерь империализма терпит поражение за поражением, хотя и способен еще оказывать яростное сопротивление нарастающему подъему революционного движения. Докладчик блестяще доказал, что на Земле нет сил, которые могли бы приостановить наше победное движение к коммунизму, и что коммунизм — это будущее всей планеты.

Среди делегатов съезда пять космонавтов — Николаев, Береговой, Шаталов, Елисеев и Терешкова (последняя избрана в президиум съезда). От руководства ВВС в работе съезда участвуют Кутахов, Мороз, Ефимов и Кожедуб. Иван Никитович Кожедуб работает сейчас заместителем у Кирсанова — начальника боевой подготовки ВВС (десять лет тому назад он уже занимал эту должность в звании генерал-майора). Последние годы он был сначала заместителем командующего одной из воздушных армий, а потом — заместителем командующего ВВС Московского военного округа. Мне кажется, что Кожедуба напрасно «зажали», не дав ему возможность самостоятельно покомандовать воздушной армией: трижды Герой Советского Союза генерал-полковник Кожедуб подчинен ничем не выдающемуся генерал-лейтенанту Кирсанову — можно было бы с большей пользой для дела поменять их местами.

1 апреля.

Звонил сегодня генерал-полковнику Н. П. Дагаеву. Он вылетает 15 апреля во Вьетнам — я договорился с ним о передаче для Левы учебной литературы и небольшой посылки.

Утром разговаривал с генералом Морозом с целью выяснить, откуда к нему поступили сведения, порочащие генерала Бабийчука. Я заявил Морозу, что если эти сведения поступили от Н. М. Рудного, то я готов полностью опровергнуть их и восстановить честь А. Н. Бабийчука. Мороз заюлил, сказал, что против кандидатуры Бабийчука возражают в ЦК, и отказался его реабилитировать, приказав отправлять списки на представление к почетным званиям без его фамилии. Я сделал для себя вывод, что делегат съезда генерал Мороз плохо слушал доклад Л. И. Брежнева и ничему не научился.

2 апреля.

Вчера мне позвонили из ЦК и сообщили, что 4 апреля в ЦПК приедет вьетнамская делегация во главе с первым секретарем Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном и другими гостями XXIV съезда КПСС. Принимать делегацию маршал Гречко поручил Главкому Кутахову. С советской стороны во встрече будут участвовать секретарь ЦК Д. Ф. Устинов, заместитель председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, руководители ЦПК и все летчики-космонавты.

Организовать встречу вьетнамской делегации Кутахов поручил мне. Его особенно волнует состояние дорог и территории Центра: весна изрядно попортила прекрасные пейзажи Звездного, зимних прелестей уже нет, а до зелени и цветов еще далеко — мокрые дороги, грязный снег и набухшая влагой оголенная земля не радуют глаз. Уже четыре дня сотни людей приводят в порядок дороги и территорию Центра. Вчера я проверил ход этих работ: сделано многое, но весна есть весна, и вид Звездного в эти дни будет хуже обычного летом или зимой.

Рассмотрел и утвердил программу встречи вьетнамской делегации. Вкратце она сводится к следующему. Гости на машинах подъезжают к зданию бассейна, где их встречает маршал Кутахов; вся группа фотографируется на фоне бассейна. В тренажном корпусе я коротко рассказываю гостям об истории создания Звездного, после чего космонавты знакомят их с устройством космических тренажеров. Затем переезжаем на машинах со служебной территории на жилую и проходим пешком по аллее Героев до Дома офицеров, демонстрируем новую киноленту «Наш Гагарин», осматриваем музей и приглашаем гостей на обед. Напоследок вручаем всем гостям медали Ю. А. Гагарина с надписью на обратной стороне: «На память о посещении Звездного».

На 6 апреля намечается приезд в ЦПК венгерской делегации во главе с Яношем Кадаром, а 7 апреля приедет чехословацкая делегация, возглавляемая товарищами Гусаком и Свободой. ЦК партии и военное руководство придают особое значение приему этих делегаций. Руководителям и всему личному составу Центра

придется крепко поработать, чтобы не ударить в грязь лицом как в прямом (я имею в виду весеннюю грязь), так и в переносном смысле.

5 апреля.

Встреча с вьетнамской делегацией прошла хорошо и точно по плану. Маршал Кутахов дал отличную оценку организации встречи, в которой участвовали космонавты Береговой, Николаев, Терешкова, Титов, Леонов, Попович, Шаталов, Волынов, Хрунов и Севастьянов. Ле Зуан и Кутахов посидели и сфотографировались в кабине корабля «Союз». За обедом было произнесено много дружеских тостов с обеих сторон.

Утром разговаривал по телефону с Керимовым и Мишиным, оба они улетают сегодня на космодром. Мишин подтвердил, что подготовка станции и транспортных кораблей к полету идет точно по графику.

Получил официальное разрешение от заведующего административным отделом ЦК Н. И. Савинкина на убытие на космодром делегатов XXIV съезда партии В. А. Шаталова и А. С. Елисеева. Завтра тремя самолетами Ту-104 на космодром вылетят все три экипажа, подготовленные к полетам на орбитальной станции ДОС-7К.

6 апреля. Тюра-Там.

Все три экипажа ДОС-7К (В. А. Шаталов, А. С. Елисеев, Н. Н. Рукавишников, А. А. Леонов, В. Н. Кубасов, П. И. Колодин, Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков, В. И. Пацаев) и десятка четыре специалистов ВВС прибыли сегодня на космодром. На аэродроме нас встретили председатель Госкомиссии К. А. Керимов и представители промышленности (К. Д. Бушуев, Б. Е. Черток, Е. В. Шабаров и другие). Керимов сообщил, что работы идут по графику — заправка станции горючим назначена на 10 апреля. С Шабаровым мы договорились о занятиях экипажей на станции и кораблях: для этой цели выделяются три дня — с 7 по 9 апреля.

Вечером провел совещание со всеми офицерами ВВС. В гарнизоне есть случаи заболевания корью, бешенством и дизентерией. Установил жесткий порядок в гостинице

«Космонавт», сократил до минимума общение космонавтов с посторонними, ограничил все другие пути контактов с местным населением. Поддержал предложение Шаталова резко сократить обычные консультации с разработчиками систем и программ экспериментов. После ужина смотрели кинокартину «Триста спартанцев».

7 апреля.

Сегодня экипажи Шаталова, Леонова и Добровольского проводили занятия на борту ДОС-7К. Станция полностью подготовлена к заправке горючим, установлены все приборы и агрегаты, подготовлены методики и аппаратура для проведения экспериментов на орбите. Ребята очень довольны возможностью еще раз осмотреть свое будущее «хозяйство», существенных замечаний у них нет, а мелкие дефекты завтра устранят.

Когда экипаж Шаталова возвращался на автобусе с занятий, генерал С. Г. Фролов завел с космонавтами разговор о качестве бортового рациона. Решительнее всех высказался Елисеев: «Качество продуктов плохое, многое из рациона остается нетронутым, некоторые продукты так надоедают, что не лезут в глотку…» Шаталов и Рукавишников высказались в том же духе. На вопрос Фролова: «Зачем же вы подписали акт дегустации?» — все трое ответили примерно следующее: «Мы хорошо знаем, что создание «космической» пищи со сроком хранения до трех и более месяцев — очень непростое дело. Когда пробуешь такую пищу один-два раза, она кажется вполне приемлемой, но любить ее в течение месяца невозможно — она быстро приедается, и значительная часть продуктов попадает в разряд нелюбимых». Эти высказывания подтверждают мое мнение о том, что над «космическим меню» надо еще много работать. Надо также предоставить космонавтам возможность подогревать пищу и пользоваться горячей водой на борту станции.

На второй площадке дважды встречался с К. П. Феоктистовым. Он пытается восстановить контакт со мной, но сегодня не решился на разговор о возобновлении подготовки его к полету, а лишь пробовал через К. Д. Бушуева выяснить мое отношение к этому вопросу.

К двум асфальтированным теннисным кортам на 17-й площадке прибавился третий — глинобитный. Его постройку по моей просьбе быстро организовал генерал А. М. Войтенко. Сегодня Шаталов и Елисеев больше часа с увлечением обновляли третий корт.

8 апреля.

Моему внуку — «Николаю Второму» — исполнилось сегодня шесть лет. Поздравил его по телефону с днем рождения.

Сегодня все космонавты занимаются на 17-й площадке уточнением записей в бортжурналах и проверкой текстов инструкций и методических указаний — работа скучная, но крайне необходимая.

Подполковник Степанцов — автор космического тренажера для физических упражнений (КТФ) — ознакомил меня с программой и методикой физзарядки космонавтов в полете. Надо признать, что полный комплекс мероприятий по обеспечению длительного полета недостаточно изучен членами экипажей. Они пока не верят, что КТФ («бегущая дорожка») может оказаться их лучшим союзником в борьбе с вредными воздействиями невесомости. По-видимому, в данном случае сказываются недостатки в методике обучения и организации тренировок. Степанцов просил ежедневно выделять один час на проведение наземных тренировок, а космонавты считают их пустой тратой времени. Обе стороны ударились в крайности, дойдя до взаимных обвинений. Пришлось употребить власть — приказал ежедневно заниматься на КТФ по 30 минут всем членам экипажей.

9 апреля.

На второй площадке в новом здании МИКа провели заседание Государственной комиссии. По докладам главных конструкторов, разработчиков систем и представителей полигона о готовности ракет, станции и двух транспортных кораблей приняли решение: готовить пуск станции ДОС-7К № 1 на 19 апреля.

Первый экипаж в полном составе и бортинженеры второго и третьего экипажей работают сегодня на борту станции. Они

проводят окончательную приемку всего оборудования, имущества и бортовых запасов на ДОС-7К. После их ухода врачи проведут дезинфекцию станции и опечатают входной люк.

Вечером к нам на просмотр кинокартины «Начало» приехало много гостей со второй площадки. Перед демонстрацией фильма я познакомил с устройством КТФ Керимова, Северина и Даревского, причем последний решился на опробование тренажера. Две-три минуты все умирали со смеху, глядя на неловкую позу и беспомощные движения Даревского при его попытке «оседлать» тренажер. Затем на КТФ встал Леонов и показал красивые плавные движения на дорожке, «бегущей» со скоростью от двух до десяти километров в час.

10 апреля.

В последние два дня резко похолодало: ночью и рано утром температура падает до -6 градусов, ветер усилился до пятнадцати метров в секунду. Холодно и неприятно. Десять лет назад, когда мы готовили полет Гагарина, апрель был более теплый.

Утром провел совещание с космонавтами и руководителями подготовки их к предстоящим полетам, уточнили программу занятий до 22 апреля. Космонавты единодушно выступают против настояний Степанцова об увеличении продолжительности занятий на КТФ. Они справедливо утверждают, что усиленные тренировки на земле могут привить им вредные навыки, поскольку использование тренажера в невесомости построено на принципиально иной основе. Решили не перегружать ребят наземными тренировками, а запланировать ежедневные занятия (по часу на экипаж) для освоения устройства КТФ, принципов его работы в невесомости и ознакомления с графиком нагрузок.

Вечером в Доме офицеров города Ленинска состоялось торжественное собрание, посвященное десятилетию полета Гагарина. Зал был переполнен. Присутствовали: Керимов, Курушин, Дашкевич, Фролов, Черток, Бушуев, Шабаров, Феоктистов, Леонов, Кубасов. Докладчик — заместитель

начальника полигона полковник В. А. Николаенок — и выступавшие товарищи (Черток, Кубасов, Леонов) очень тепло вспоминали Гагарина и Королева и благодарили коллектив полигона за большой вклад в дело освоения космоса. Леонов вручил генералу Курушину почетную грамоту от НИИЦПК.

11 апреля.

Воскресный день не порадовал нас хорошей погодой, снова было холодно и ветрено. Леонов предложил поехать на катерах по Сырдарье на рыбалку, но врачи и первый экипаж высказались против: Шаталов и Елисеев очень осторожны и делают все так, «как учили», без лишних напоминаний. Решили организовать соревнования по шахматам, волейболу, теннису и бильярду.

Я участвовал во всех видах соревнований, кроме волейбола, но мои результаты оказались неважными: я дошел только до второго тура. Особенно обидным был проигрыш в теннис в паре с Суриновым против Волкова и Колодина со счетом 2:6. Играл я плохо, но не лучше играл и Суринов. Во всех играх я волновался больше обычного — пора, по-видимому, бросать мне участия в состязаниях.

Прочитал воспоминания Главного маршала авиации А. Е. Голованова о его первых встречах со Сталиным. Голованов тенденциозно изложил в письме к Сталину состояние дел с радионавигацией и слепыми полетами в военной авиации накануне Великой Отечественной войны. Он много пишет о полетах своего экипажа в сложных метеоусловиях во время финской кампании и «забыл» упомянуть о том, что в тот период слепые и ночные полеты успешно осваивались большой группой военных летчиков во главе с И. Т. Спириным. Радиооборудование наших военных самолетов в 1940 году было малоэффективным и ненадежным, радионавигация и радиосвязь в авиации ранее недооценивались. Но эти недостатки были хорошо известны командованию ВВС, и меры, необходимые для их устранения, принимались задолго до инициативы Голованова.

12 апреля.

Исполнилось ровно десять лет со дня первого полета человека в космос. С космической скоростью пролетели эти годы. Сколько было изумительных побед, больших достижений и радостных событий! Были и поражения, были и дни глубочайшей печали — казалась непереносимой боль утраты Гагарина, гибели Комарова, безвременной смерти Королева. Но мы шли и продолжаем идти вперед.

В торжественном собрании в честь Дня космонавтики и десятилетия гагаринского полета, проходившем на второй площадке, участвовало более тысячи человек. Из десяти космонавтов — участников собрания — лишь один (Феоктистов) был на старте 12 апреля 1961 года, а всего среди присутствующих было человек пять-десять, видевших взлет Гагарина. Прошло только десять лет, а уже осваивается Луна (наш «Луноход-1» успешно передвигается по ее поверхности, восемь американских астронавтов[8] побывали там), построена первая долговременная космическая станция, и через неделю мы выведем ее на орбиту.

Главная задача полета ДОС-7К — это прежде всего проверка самой станции, ее оборудования и транспортных кораблей на соответствие поставленным целям, а также проверка работоспособности экипажа в длительном полете. Сейчас, после замены Шонина на Шаталова в роли командира первого экипажа, у меня нет больших сомнений в возможности осуществления 30-суточного полета. Но как скажется столь продолжительное пребывание на орбите на здоровье космонавтов? Газенко, Гуровский и Мишин считают, что все обойдется без каких-либо серьезных последствий для экипажа. Я тоже надеюсь на это, но только при условии полного использования космонавтами нагрузочных и других средств обеспечения длительного полета. Персонально в Шаталове я уверен — он успешно перенесет воздействие невесомости и перегрузок. А вот Елисеев и особенно Рукавишников меня беспокоят: не окажутся ли они (или хотя бы один из них) слабым звеном экипажа и не будет ли им слишком тяжко в

трудных условиях посадки и в первые дни после возвращения из космоса?

Сегодня мы получаем много приветствий по случаю Дня космонавтики: министр обороны Гречко, Вершинин, Руденко, Кутахов, Мишин, Тяжельников, Фурцева, Афанасьев, Дементьев и другие товарищи прислали свои поздравления и пожелания дальнейших успехов.

13 апреля.

Вчера разговаривал по телефону с генералом Кузнецовым, через день он вместе с Андрияном Николаевым вылетит на космодром, а 18 апреля сюда же должны прибыть все слушатели-космонавты во главе с Волыновым. Пуск станции событие историческое, и слушателям будет полезно посмотреть два старта за четыре дня (пуск «Союза-10» с экипажем Шаталова планируется на 22 апреля). Одновременно они смогут ознакомиться с ракетой Н-1, старт которой намечен на конец мая. Доработки по ракете Н-1 проведены настолько серьезные, что, возможно, на этот раз она и полетит, но хорошим носителем эта ракета никогда не будет.

Вопрос о тренировках на КТФ разрешился без особого нажима с моей стороны. Космонавты осознали необходимость занятий на нем и ежедневно тренируются. Правда, на тренажере многое еще не доделано, нет, в частности, индикатора количества движений, без которого в полете будет трудно нормировать персональные нагрузки для каждого из членов экипажа.

14 апреля.

Маршал Гречко прислал телеграмму, в которой поздравляет нас с награждением НИИЦПК имени Гагарина орденом Ленина. Сегодня утром я собрал весь личный состав гарнизона 17-й площадки и поприветствовал его в связи с этим радостным событием. Космонавты и офицеры гарнизона обещали оправдать высокую награду и доверие Родины.

Центр подготовки космонавтов неплохо работает уже одиннадцать лет, но мог бы работать и лучше. Нас сильно ограничивают в средствах и кадрах, плохо обеспечивают

тренажной и лабораторной аппаратурой — все это отражается на качестве учебного процесса и подготовки к полетам. Было за эти годы и немало ошибок, повинны в которых как руководители Центра, так и руководство ВВС.

Ракета УР-500 и станция ДОС-7К уже состыкованы и могут быть вывезены на старт. На состоявшемся сегодня заседании Госкомиссии представитель ОКБ Челомея Д. А. Полухин и разработчики систем ракеты подтвердили ее готовность к вывозке, а полковник В. С. Патрушев доложил о готовности станции. Казалось бы, все ясно — надо принимать решение о вывозке. Но совершенно неожиданно выступил Мишин с заявлением о том, что отсутствует заключение Челомея о готовности ракеты УР-500. И Мишин, и поддержавший его заявление Керимов забыли, что на заседании в Москве из-за болезни Челомея мы вывели его из состава комиссии, а вместо него ввели Полухина. Члены Госкомиссии и большинство присутствующих были недовольны этой грубой нападкой на Челомея, но промолчали, оставляя ее на совести Мишина. Приняли окончательное решение: 15 апреля вывезти ракету со станцией на старт, за четверо суток провести все предстартовые испытания и проверки, заправить ракету и осуществить пуск 19 апреля в 6:40 по местному времени.

Завтра исполняется 50 лет Георгию Береговому. Послал ему приветственную телеграмму.

15 апреля.

Рано утром состоялась вывозка ракеты и станции на старт. Все прошло благополучно, хотя накануне начальник космодрома генерал А. А. Курушин был очень обеспокоен прогнозом метеорологов, обещавших порывы ветра до 15 метров в секунду. Пускать ракету можно и при большей силе ветра, но при вывозке его скорость не должна превышать 10 метров в секунду. К счастью, метеорологи ошиблись — скорость ветра была заметно меньше предельно допустимой.

Народу на площадках полигона все прибывает. Вместе с Кузнецовым и Николаевым из Москвы прилетели Б. А. Строганов и В. А. Попов (ЦК), Б. А. Комиссаров, А. И. Царев, Г. К. Хромов и

Б. В. Щегольков (ВПК), П. А. Костин (Генштаб). К моменту старта здесь соберутся сотни лишних людей. В большинстве случаев это представители высоких инстанций, то есть люди, ни за что конкретно не отвечающие и ничего практически не делающие, а лишь мешающие работать. Хуже того, многие из них способны серьезно напакостить тем, кто рискнет пренебречь их многочисленными, но, как правило, запоздалыми, а нередко и плохо продуманными советами.

Сегодня В. П. Мишин проводил беседу с космонавтами. На его вопрос о самочувствии все ребята хором ответили: «Хорошее!» В ходе встречи Мишин поинтересовался набором инструментов на борту станции, разрешил взять в полет бинокль ночного видения и согласился с предложением Елисеева — до перехода в ДОС всем членам экипажа отдыхать одновременно. Космонавты высказали много претензий по качеству пищи и питьевой воды. Мишин признал, что в этом вопросе Минздрав оказался не на высоте и надо будет искать других поставщиков. Потом Василий Павлович много говорил о комплексе Н-1-Л-3 — он все еще тешит себя надеждами, что корабль Л-3 полетит на Луну.

16 апреля.

Заправка транспортного корабля № 31 (будущего «Союза-10») закончена, и сегодня он предоставлен в распоряжение экипажей для «отсидки». В 11:00 члены экипажа Шаталова займут свои места в корабле и в течение четырех часов будут осматривать и проверять все его оборудование (без включения электропитания).

Мои наблюдения за Андрияном Николаевым показывают, что он еще не восстановил своих физических способностей, которыми обладал до старта (сегодня он играл в теннис, и играл очень неважно). То же самое, как мне кажется, происходит и с Виталием Севастьяновым, прибывшим на космодром вместе с Николаевым. Это лишний раз подтверждает серьезность влияния на организм длительного воздействия невесомости. Предстоящий полет должен стать решающим в разведке границ приспособляемости человека к условиям невесомости и

возможностей последующей реадаптации. Границы эти будут, разумеется, различными для разных людей и будут зависеть от условий полета (чистоты воздуха, качества питания, бытового комфорта, возможностей для проведения физических упражнений и использования специальных средств), но я глубоко убежден, что без искусственной гравитации человек не способен годами жить и работать в космосе.

Вчера вечером все три экипажа по очереди ходили париться в бане. Надо отдать должное маршалу Н. И. Крылову, построившему здесь отличную баню, космонавты остались очень довольны ею. «Боюсь, что в космосе я буду часто вспоминать эту баньку!» — воскликнул Елисеев после возвращения из парилки.

17 апреля.

Тихое теплое утро (температура в 7 часов была +12 градусов). На деревьях уже лопаются почки, появились первые цветы...

Утром провел совещание руководящего состава: уточнили программу занятий космонавтов, внесли поправки в распорядок дня, рассмотрели списки лиц, едущих на пуск УР-500. Приказал всем обратить особое внимание на самое жесткое соблюдение мер профилактического режима, а Пущину и Лебедеву усилить контроль за подвозом продуктов, их хранением и приготовлением пищи.

В первой половине дня экипажи занимались уточнением программы научных экспериментов. Начальник отдела ЦКБЭМ по системам ориентации и управления движением Е. А. Башкин и его сотрудники С. А. Савченко, Э. В. Гаушус, С. Н. Максимов и В. П. Варшавский не только «с пристрастием» расспрашивали космонавтов, но и советовались с ними, совместно вырабатывая рекомендации по действиям в различных ситуациях полета, по всему комплексу динамических операций и ориентации, по использованию оптических датчиков и другого оборудования. Башкин и его коллеги были полностью удовлетворены знаниями космонавтов.

Вечером офицеры из Института авиационной и космической медицины ВВС провели занятия с первым экипажем по использованию вакуумной емкости и «Полинома». Экипаж Шаталова хорошо знает назначение и особенности применения этих устройств. Но космонавты не торопятся давать по ним положительные заключения, так как совершенно справедливо считают, что эффективность того или иного агрегата можно объективно оценить только после проверки в космических полетах. Осторожность космонавтов не нравится авторам вновь созданной аппаратуры, и на этой почве были взаимные упреки и нарекания. В последние дни нам удалось несколько сблизить позиции «противоборствующих сторон», и я надеюсь, что Шаталов, Елисеев и Рукавишников сумеют по достоинству оценить эту, в общем-то очень нужную, аппаратуру.

18 апреля.

Сегодня из Москвы прилетели генералы А. Н. Ефимов, М. Н. Мишук, Л. И. Горегляд и Н. А. Бабийчук. Вместе с ними прилетел и летчик-космонавт Волынов с отрядом слушателей-космонавтов, все они — Джанибеков, Илларионов, Березовой, Романенко, Исаулов, Дедков, Козлов, Попов и Фефелов — впервые на космодроме, и им здесь есть что посмотреть.

На 81-й площадке состоялось предстартовое заседание Госкомиссии: разрешена заправка ракеты УР-500 топливом и подтверждена готовность ее к пуску со станцией в намеченный ранее срок — 19 апреля в 6:40 местного времени. После обеда Ефимов, Мишук и Николаев с группой офицеров уехали на рыбалку. Леонов и другие космонавты просились поехать с ними, но я запретил им убывать с 17-й площадки: завтра они должны проходить контрольные медицинские проверки.

Провел совещание, на котором уточнили вопросы, связанные с участием личного состава ВВС в заседаниях Госкомиссии, подготовке пусков, управлении полетом, работе службы поиска и спасения. Весь личный состав разбили на три смены для круглосуточного дежурства на КП. Руководителями смен назначили генералов Горегляда, Кузнецова и Николаева.

19 апреля.

Утро выдалось прохладное, ночью был дождь с грозой. К 5:20 все члены Госкомиссии и «гости» собрались на наблюдательном пункте 95-й площадки. У меня была полная уверенность, что ракета сработает нормально, но по станции было много сомнений.

Ровно в 6:40 начался подъем, и на сороковой секунде полета ракета скрылась в облаках. В течение пяти-шести минут мы слушали репортаж о ходе полета, а после сообщения о включении третьей ступени ракеты я предложил выехать на КП второй площадки. Ефимов, Мишук и я поехали первыми, а за нами колонной потянулись десятка два автомашин. Накрапывал дождь, дорога была скользкой, и мы ехали со скоростью не более 60 километров в час. Но несмотря на все предосторожности избежать происшествий не удалось — уже на второй площадке мы узнали, что во время переезда перевернулась машина, в которой находились В. П. Глушко и В. С. Радутный (к счастью, пассажиры и водитель отделались легкими ушибами).

По первым докладам с ИПов мы убедились в успешном выходе станции ДОС-7К на орбиту и раскрытии ее антенн и солнечных батарей. Однако в конце первого витка выяснилось, что на станции не открылась крышка отсека научной аппаратуры. Этот дефект исключает возможность проведения ряда экспериментов, но он не должен отрицательно повлиять на полет станции, и поэтому нами было принято решение о вывозке на старт ракеты с транспортным кораблем.

Наши руководящие медики (Воробьев, Бабийчук, Гуровский) без совета со мной пытались уговорить членов экипажей пройти рентгеновское освидетельствование. Космонавты все как один высказались против, и тогда врачи пришли ко мне с просьбой, чтобы я приказал ребятам идти на рентген. Пришлось помочь медикам провести обследование, предварительно посоветовав им поменьше «играть в демократию».

Вечером космонавты еще раз сходили в баню. На мой вопрос: «Как попарились?» — Шаталов и Елисеев шутя

ответили: «Смыли все грехи, чувствуем себя, как новорожденные!»

20 апреля.

Полет станции проходит тревожно. Вернувшийся с ночного дежурства Л. И. Горегляд доложил об отказе шести из восьми вентиляторов системы жизнеобеспечения и терморегулирования. Они очень редко отказывали во всех предшествующих полетах, поэтому на станции имеются только два запасных вентилятора (считалось, что их вполне хватит на 90 дней полета). Причина возникшей неполадки пока не выяснена, и это всех нас, и в первую очередь космонавтов, очень волнует.

Более двух часов разбирались с инженерами и космонавтами в возможных причинах отказа вентиляторов. Установлено, что они вышли из строя не одновременно — это дает основание отвергнуть претензии к электропитанию. По общему мнению, наиболее вероятной причиной отказа может быть только засорение сеток вентиляторов пылью и мелкими кусками бумаги или ткани. Все считают, что экипажу «Союза-10» надо взлетать, стыковаться со станцией, оценить обстановку на месте и после консультаций с «землей» решить, что делать дальше.

В 17:00 в спортзале нашей гостиницы началось «парадное» (для прессы, кино и радио) заседание Государственной комиссии. В. П. Мишин доложил о ходе полета ДОС и о готовности к старту ракеты с «Союзом-10». Он признал, что на борту станции непорядок с вентиляторами, который, по его мнению, может быть легко устранен с переходом экипажа на станцию. Я доложил о готовности космонавтов и предложил утвердить основной экипаж в составе Шаталова, Елисеева и Рукавишникова, а экипажи Леонова и Добровольского назначить запасными. Госкомиссия согласилась с нашими предложениями и назначила пуск «Союза-10» на 22 апреля в 3:20 московского времени.

После заседания В. П. Мишин от имени ученого совета ЦКБЭМ вручил космонавтам и мне настольные медали Гагарина

в память о десятилетии первого космического полета человека. Мишин, Бушуев, Черток и Феоктистов всячески пытались подбодрить ребят и сгладить неприятное впечатление от отказов на борту станции. По-моему, старания Мишина и других были излишними: космонавты лучше, чем кто бы то ни было, осознают все трудности и ответственность предстоящего полета и ради выполнения задания готовы идти на риск.

21 апреля.

Погода в последние дни нас не радует — сплошная низкая облачность, моросит мелкий дождичек. Еще вчера я объявил космонавтам, что утренняя физзарядка в такую погоду не обязательна, но сам все же пробежал свои обычные пять километров. Поднимаясь после пробежки по гостиничной лестнице, я встретил Елисеева и Шаталова. «Мы тоже решили размяться, — сказал Шаталов. — Я наметил сегодня пробежать семь километров, ведь это последняя зарядка перед стартом!» Молодец Шаталов — он твердо знает, что надо делать, чтобы побеждать. За ним тянется и Елисеев, у которого, правда, были небольшие неприятности с сердцем.

Сегодня Юрий Фокин провел с экипажами пресс-конференцию. Ребята удачно отвечали на все вопросы, но меня и врачей очень смущал холодный пронизывающий ветер (пресс-конференция проходила в беседке неподалеку от обелиска в честь запуска первого спутника). Пришлось попросить Фокина и других корреспондентов предельно уплотниться во времени.

Итак, все решения приняты, все команды даны. Завтра рано утром «Союз-10» с тремя космонавтами на борту будет стартовать в космос, где их ждет ДОС «Салют». Я верю в экипаж Шаталова — он будет делать все возможное, чтобы выполнить трудное задание и устранить в ходе полета возникшие на станции неполадки. Но хватит ли сил у ребят? Сегодня, кстати, когда я им предложил через 15–20 суток после старта организовать разговор по радио с семьями, Шаталов и Рукавишников с радостью откликнулись на мое предложение, но Елисеев, помедлив с минуту, возразил: «Надо еще посмотреть, в каком состоянии мы будем...»

Сейчас на часах 15:45, до отбоя для космонавтов остается 15 минут (подъем назначен на 24:00). Завтра в 3:10 местного времени экипаж Шаталова займет свои места в корабле «Союз-10»…

До подъема космонавтов остается два часа, в гостинице тишина, все спят. Мне с группой офицеров в 23:00 надо выезжать на «заправочную» Госкомиссию, поэтому я поднялся пораньше. Заглянул в комнату Леонова и Кубасова — им надоело спать, и они устроили довольно громкую читку. Пришлось их утихомирить.

22 апреля.

На часах около 10 утра по местному времени, мы только что вернулись с просмотра кинокомедии «Кавказская пленница», организованного по просьбе экипажа Шаталова.

По программе полета «Союз-10» должен бы был уже делать четвертый виток по орбите, но (опять это злосчастное «но»!) Шаталову на пусках определенно не везет — корабль с его экипажем сегодня не поднялся в космос. Что же случилось на старте?

Видимо, из-за не прекращавшегося всю ночь дождя на корпусе ракеты появились блуждающие токи переменного знака (то «плюс», то «минус»), и все же мы сочли возможным продолжать подготовку к старту — ракету заправили топливом, посадили в корабль экипаж и выполнили обычные предпусковые операции и проверки. Нормально прошли все стартовые команды, оставалась одна минута до включения зажигания, и тут мы обнаружили, что не отходит кабель-мачта. Возникла крайне опасная ситуация: могла сработать САС, мог возникнуть пожар. Надо отдать должное В. П. Мишину и полковнику В. С. Патрушеву — они быстро оценили всю сложность обстановки и приняли правильное решение о немедленном прекращении пуска. Через считанные секунды были отданы все «отбойные» команды, необходимые для отключения САС, поднятия ферм обслуживания и подготовки эвакуации космонавтов из корабля.

После отключения САС вероятность отстрела корабля и возникновения пожара несколько уменьшилась, и к ракете была направлена аварийная команда. Вслед за ней туда же направились Мишин, Патрушев, Войтенко, Николаев, Леонов и я. Кроме опасности взрыва и пожара существовала еще одна — опасность простудить космонавтов во время эвакуации. В корабле при температуре «плюс 28» они сидели, одетые в легкие костюмы без головных уборов, а снаружи лил дождь, дул сильный ветер при нулевой температуре. Вот почему я настоял на том, чтобы ребятам в корабль были поданы куртки, брюки, утепленная обувь и шапочки. Минут через сорок Керимов, Афанасьев, Мишин, Бармин, Глушко, Карась и другие члены Госкомиссии с большой радостью встретили космонавтов у подножия ракеты.

Истинная причина задержки отхода кабель-мачты пока не установлена, но осмотр ракеты и стартовых сооружений дает основание надеяться, что пуск можно будет произвести завтра. Приняли предварительное решение: ракету не разряжать и готовить ее к старту 23 апреля. Со второй площадки космонавты, Кузнецов, Бабийчук и я возвращались в одном автобусе. Все были очень возбуждены и оживленно обсуждали ранее имевшиеся у нас задержки и переносы пусков. У Шаталова уже был случай, когда его перед самым пуском пришлось высаживать из корабля. Всего же за 10 лет мы насчитали две задержки стартов на сутки (обе с Шаталовым) и два переноса полетов на более длительные сроки. Кстати сказать, задержки, подобные сегодняшней, сильно сказываются на моральном и физическом состоянии космонавтов. Я надеюсь, что завтра экипаж Шаталова полетит в том же составе, но пока ребята еще не успокоились после пережитых ими волнений (Елисеев и Шаталов потеряли в весе по одному килограмму). Сегодня отбой для космонавтов назначен на 15:30, причем врачи решили дать всем троим из первого экипажа немного снотворного.

С. А. Афанасьев сообщил мне по телефону, что уже три раза пробовали отводить кабель-мачту, и все три раза она отошла

без замечаний. После многократных проверок специалисты службы В. П. Бармина пришли к заключению, что перед пуском кабель-мачта не отошла из-за замораживания дождевых капель в системе ее управления.

Старт намечен на 5:00, но окончательное решение примет Госкомиссия, заседание которой состоится в час ночи. Дождь прекратился, стало потеплее, но небо все еще хмурое. Хочется верить, что завтра пуск пройдет хорошо.

23 апреля.

…Все волнения уже позади — «Союз-10» с экипажем Шаталова в космосе. Орбита близка к расчетной, антенны и системы корабля работают нормально. При запуске повторился вчерашний дефект: три раза не проходила команда на отделение штекеров и отвод кабель-мачты. Если вчера Мишин принял правильное решение о прекращении пуска, то сегодня, уже зная причину дефекта, он поступил не менее правильно и добился успеха, разрешив продолжать пуск.

Большая группа наших товарищей во главе с генералами Ефимовым и Мишуком уже улетела в Москву, а я вместе с Николаевым, Фроловым и несколькими офицерами в 14:00 вылечу в Евпаторию.

30 апреля. Москва.

С 6 по 25 апреля был в командировке на космодроме и в Крыму. Постараюсь восстановить в памяти волнующие события двух последних дней командировки, связанные с полетом Шаталова, Елисеева и Рукавишникова на транспортном корабле «Союз-10».

К моменту старта «Союза-10» 23 апреля нам было известно, что на борту ДОС-7К (станция «Салют»), выведенной на орбиту четыре дня назад, не открылась крышка отсека научной аппаратуры — это грозило срывом большей части программы научных экспериментов. Кроме того, отказали шесть из восьми бортовых вентиляторов станции, что могло вызвать серьезные осложнения в работе системы жизнеобеспечения экипажа. Вся надежда была на космонавтов: перейдя на станцию, они могли бы попытаться устранить неполадки в ее оборудовании…

На первых витках полета «Союза-10» все шло хорошо, и это вселяло в нас уверенность в успешном преодолении возникших трудностей. Но на четвертом витке при попытке выполнить коррекцию орбиты корабля обнаружились сбои в работе интегратора и гироскопов. Это был первый неприятный сигнал с борта «Союза-10». Дали задание Шаталову выполнить коррекцию орбиты вручную, а сами вылетели на самолете Ил-18 в Евпаторию.

В салоне самолета пассажиров было больше, чем обычно: летели члены Госкомиссии, главные конструкторы, специалисты по различным системам корабля и станции. Чувствовалась общая усталость, у каждого было желание забыться и отдохнуть — люди не спали двое суток. Мишин все же попытался организовать небольшую выпивку, но Афанасьев умело переориентировал всю компанию на чай. Погода нам благоприятствовала, и еще до наступления темноты мы уже были на командном пункте в Евпатории. Быковский и Горбатко доложили обстановку в космосе: «На борту «Салюта» — без изменений, экипаж «Союза-10» вручную произвел коррекцию орбиты».

…В три часа 24 апреля началась стыковка «Союза-10» со станцией «Салют». Коррекцией орбит корабль и станция были сведены на расстояние 16 километров, после включения системы «Игла» осуществился «захват» и началось дальнейшее их сближение в автоматическом режиме с относительной скоростью до 27 метров в секунду. По мере сокращения расстояния между кораблем и станцией скорость сближения снижалась. Когда до «Салюта» оставалось полкилометра, она была снижена до двух метров в секунду. На расстоянии 200 метров от станции Шаталов взял управление стыковкой в свои руки. Соприкосновение «Союза-10» с «Салютом» произошло при относительной скорости 20–30 сантиметров в секунду.

Через 15 минут Шаталов доложил, что транспарант «Есть стыковка» не горит и нет сигнала, подтверждающего наличие электрической стыковки. По данным телеметрии мы убедились в неполной стыковке — корабль и станция не «дотянулись» друг

до друга на 90 миллиметров. В таком состоянии открывать люки для перехода на станцию без скафандров нельзя из-за отсутствия герметизации. Приказали экипажу пока ничего не предпринимать и ждать наших указаний. Через виток дали команду Шаталову попытаться «дожать» стыковочные узлы. Экипаж предпринял несколько попыток завершить стыковку, но успеха не добился…

На четвертом витке совместного полета выдали команду на расстыковку. Космонавты выполнили все наши рекомендации, однако корабль и станция не расстыковались. У нас имелись «в запасе» и другие варианты расстыковки, так что оснований для паники не было. И все же каждый, кто находился на КП, да и сами космонавты сознавали всю сложность обстановки. Ведь в случае значительных задержек с расстыковкой экипажу грозила неминуемая гибель, поскольку к этому моменту ресурс СЖО корабля по кислороду составлял всего 40 часов. А рядом — станция «Салют», на которой все необходимое для жизни экипажа в течение трех месяцев! Но этими запасами нельзя воспользоваться только потому, что на корабле и на станции нет скафандров и систем наддува. Так погоня Мишина за рекордной тридцатисуточной продолжительностью полета могла обернуться величайшей трагедий — гибелью на орбите трех космонавтов. К счастью, повторная команда на расстыковку прошла удачно, и корабль «Союз-10» отделился от станции.

В принципе можно было еще раз попробовать состыковать «Союз-10» со станцией, но за первую попытку стыковки израсходовалось 80 килограммов рабочего тела (почти в два раза больше нормы), и поэтому дальнейшее его расходование представлялось нам рискованным (гарантийный запас рабочего тела для осуществления посадки составляет 45 килограммов). В те минуты, которые потребовались для принятия решения о последующих действиях экипажа, станция и корабль все больше и больше расходились, а когда «земля» все же решилась выдать команду на «зависание», «Салют» оказался уже вне видимости космонавтов.

Только что пережив неприятности со стыковкой и расстыковкой, мы оказались перед угрозой новой серьезной опасности. С целью обеспечения посадки корабля в светлое время после 30-суточного полета старт «Союза-10» был произведен ночью. При посадке через двое суток полета приземление на территории СССР было возможно только в ночное время, когда исключена «ручная» ориентация корабля при спуске. Это означало, что в случае отказа системы автоматической ориентации посадка на территории страны станет невозможной. Мы начали готовить варианты приземления «Союза-10» в Южной Америке, Африке и Австралии, а Шаталову дали команду: выполнить ориентацию вручную, сориентированный корабль поручить гироскопам, следить за точностью выдерживания режима полета. Экипаж выполнил наше задание и доложил: «Гироскопы работают, точность выдерживания режима — хорошая». После этого сообщения появилась уверенность, что нам удастся посадить «Союз-10» на своей территории.

Посадочная комиссия, рассмотрев условия приземления на первых трех суточных витках, проходящих над полигоном, приняла решение: осуществить посадку корабля «Союз-10» на первом витке 25 апреля в 80-100 километрах северо-западнее Караганды. Во всех предшествующих полетах спуск с орбиты и посадка проходили в дневное время, экипажу Шаталова впервые предстояло совершить приземление ночью за четыре-пять минут до восхода солнца.

…Через несколько минут после окончания работы ТДУ поступило сообщение Шаталова: «Управляемый спуск… Перегрузки нарастают… За иллюминаторами очень светло, корабль лижут большие языки пламени…» Над Каспийским морем «Союз-10» засекли локаторы ПВО — к нам стали поступать доклады по радио о быстро сокращающемся удалении корабля от расчетной точки посадки. Вскоре с командного пункта ВВС доложили: «Экипаж вертолета Ми-4 наблюдает спуск корабля «Союз-10» на парашюте».

Прошло еще несколько тревожных минут, прежде чем к нам поступили заключительные доклады: «Корабль приземлился, стоит вертикально… Вертолет садится рядом с кораблем… Шаталов, Елисеев и Рукавишников вышли из корабля… Самочувствие космонавтов хорошее».

Закончились наши переживания, было обидно, что программа полета не выполнена в главном (переход экипажа на станцию и длительное пребывание на ней), но все радовались благополучному завершению полета. На заседании Госкомиссии решили образовать специальную комиссию под председательством Б. Е. Чертока для выяснения причин неполной стыковки корабля со станцией.

Вылет в Москву четырех самолетов ВВС я назначил на 7 часов утра 25 апреля. Узнав, что вылет самолета Мишина запланирован только на 15 часов, я предложил Афанасьеву, Керимову и представителям ЦК и ВПК лететь вместе со мной на нашем Ту-104. Все с удовольствием приняли мое приглашение, и я попросил Керимова составить список лиц, которые полетят со мной в Москву. Такой список был составлен, причем в него была включена и фамилия Мишина: подписавшие список министр Афанасьев и председатель Госкомиссии Керимов не хотели оставлять здесь Мишина одного, опасаясь, что он запьет. Выбрав момент, когда все отъезжающие собрались в комнате Госкомиссии, я зачитал список. И тут произошел инцидент, очень характерный для взаимоотношений между Мишиным и руководством МОМ. Услышав свою фамилию в списке, Мишин сразу вскипел и заявил: «Я не полечу, мне надо еще поработать здесь… Министр работать за меня не будет…» Афанасьев и Керимов молча проглотили эту «пилюлю», а всем нам было неудобно и за Мишина, и за его руководителей.

В Караганду я передал для Шаталова согласованное с Керимовым сообщение: «Экипажу прибыть 26 апреля в 14:00 на аэродром Чкаловская. После встречи на аэродроме состоится заседание Госкомиссии в Звездном — будем слушать отчет экипажа о полете». В 7:00 наш Ту-104 взлетел с аэродрома Саки и взял курс на Москву. В салоне самолета были Афанасьев,

Керимов, Комиссаров, Строганов, Царев, Попов, Карась, Щегольков, Костин, Северин, Николаев и я. Москва встретила нас прохладной погодой. Апрель в этом году везде был холодным, синоптики не обещают тепла и на первую половину мая.

3 мая.

30 апреля в Георгиевском зале Кремля состоялся правительственный прием в честь экипажа «Союза-10». Н. В. Подгорный поздравил космонавтов с успешным осуществлением полета и зачитал Указы Верховного Совета: Н. Н. Рукавишникову присвоены звания Героя Советского Союза и летчика-космонавта СССР, В. А. Шаталову присвоено звание генерал-майора авиации и вручен орден Ленина, А. С. Елисеев также награжден орденом Ленина. В постановлении Совета Министров, принятом еще в 1961 году, записано, что за первый полет в космос присваивается звание Героя, а за последующие полеты космонавты могут награждаться орденами или «Золотой Звездой» — в зависимости от важности и трудности полетного задания. Для первых космических полетов, когда на борту корабля был лишь один космонавт, это решение было правильным, но теперь оно явно устарело. В полете «Союза-10» основная роль принадлежала Шаталову, но Рукавишников получил тем не менее более высокое вознаграждение (звание Героя, 5000 рублей, автомобиль «Волга» и пр.).

На днях мне позвонил Мишин и попросил обдумать его предложения по изменению программы полета «Союза-11». Он считает возможным послать в очередной полет не трех, а только двух космонавтов, с тем, чтобы один из них вышел в открытый космос для осмотра стыковочного узла станции и крышки ее отсека, в котором размещена научная аппаратура. При встрече на приеме в Кремле Мишин подтвердил свое намерение изменить программу полета «Союза-11».

Месяцев семь-восемь назад, когда вырабатывалась программа полета ДОС-7К, мы настоятельно убеждали Мишина в необходимости иметь на станции и на транспортном корабле хотя бы по одному скафандру и все необходимое для выхода в

космос. Тогда он ответил категорическим «нет» и даже снял со станции и корабля баллоны для наддува. Сделал он это для того, чтобы иметь на борту «Салюта» кислород, воду и продовольствие на 75 суток полета (мы предлагали ограничиться запасами на 45–50 суток). После неудачной стыковки «Салюта» и «Союза-10» Мишин вспомнил о наших предложениях, но он не учитывает, что теперь, когда станция уже находится на орбите, реализовать их практически невозможно.

Сегодня я провел в ЦПК совещание, в котором участвовали Николаев, Шаталов, Леонов, Хрунов, специалисты-инженеры, врачи и руководство Центра. Мы все пришли к единой точке зрения:

1) на станции ДОС № 2 и на транспортных кораблях иметь скафандры и все необходимое для выхода в открытый космос;

2) на «Союзе-11» оставить экипаж в составе трех человек и выход в космос не планировать (скафандров еще нет, корабль и космонавты к выходу не подготовлены — на подготовку выхода потребуется минимум два-три месяца, а длительность полета «Салюта» осталась в пределах 60–70 суток).

3) к полету «Союза-12», старт которого намечен на первые числа июня, можно попытаться подготовить выход в космос, но лучше планировать его на последующие полеты.

4 мая.

В 10 часов вместе с экипажем «Союза-10» приехал на традиционную встречу в ЦК ВЛКСМ. Е. М. Тяжельников и другие секретари ЦК очень тепло приветствовали космонавтов. После того как Шаталов, Елисеев и Рукавишников рассказали о полете, комсомольцы наградили их почетными грамотами ЦК и значками «За воинскую доблесть». Евгений Михайлович Тяжельников провел встречу блестяще он один из самых талантливых секретарей ЦК комсомола из всех, кого я знал (я был хорошо знаком со всеми, начиная с Саши Косарева).

В 15 часов состоялась встреча экипажа с рабочими, инженерами и конструкторами ЦКБЭМ. Присутствовали все главные конструкторы и члены Госкомиссии, от ЦК КПСС был

И. Д. Сербин. Космонавты выступали удачно, но чувствовалось, что им нечего сказать о своем полете: правду говорить нельзя, а фантазировать и говорить не то, что думаешь, — очень неприятная обязанность.

Говорил с Мишиным, Керимовым, Чертоком и Бушуевым о предстоящем полете. Предложение Мишина организовать выход в космос одного из членов экипажа «Союза-11» никто не поддерживает, да и он сам, как мне кажется, понял всю абсурдность своей идеи. Все сходятся на том, что главной задачей полета «Союза-11» является стыковка его с «Салютом», причем для большей гарантии успешной стыковки космонавты должны иметь возможность дублировать часть заключительных операций по стягиванию корабля и станции. С большим опозданием и скрипом мы приходим к тому, с чего надо было начинать, приступая к решению проблемы стыковки в космосе, и что специалисты ВВС предлагали еще в 1962 году.

6 мая.

Вчера Шаталов, Елисеев и Рукавишников с женами были на встрече с телезрителями, которую проводил Юрий Фокин. Эта встреча оказалась для нас одной из самых трудных: космонавты и специалисты по космосу располагали очень ограниченным материалом для выступлений и были связаны уже опубликованными материалами полета.

В. А. Казаков провел сегодня совещание по вопросам строительства космических тренажеров для ЦПК. Даревский с поставкой тренажеров не справляется. Кутахов, Мишин и я неоднократно обращались к П. В. Дементьеву и Л. В. Смирнову с просьбами помочь ЦПК в создании тренажной базы, но по всем нашим обращениям так ничего и не сделано. Сегодня мы согласовали и подписали график работ, обязывающий МАП создать тренажер «Алмаз» к 1 декабря 1971 года. Но сам факт подписания такого графика еще не гарантирует выполнения всего объема работ — нужен систематический контроль за их ходом и усиленный нажим на ряд министерств и ведомств.

Был у заместителя председателя Моссовета А. К. Мельниченко, обсуждал с ним вопрос об открытии музея в

цоколе обелиска покорителям космоса. Моссовет заканчивает оборудование помещений будущего музея, а специальная комиссия из представителей МОМ, МАП, ВВС и других ведомств должна подготовить план экспозиций.

8 мая.

Вчера мы с Мусей были на приеме в посольстве Чехословакии. Среди многочисленных гостей были Мазуров, Капитонов, Гречко, Покрышкин, Кожедуб, Береговой, Севастьянов. Жена чехословацкого посла бросила всех «именитых» гостей и до неприличия долго рассказывала моей жене о том, как она в 1961 году летела со своими двумя детьми в одном самолете со мной и Гагариным из Москвы в Прагу.

Сегодня генерал С. Г. Фролов доложил мне, что на вчерашнем Совете главных конструкторов Мишин предложил запустить к станции «Салют» еще два корабля с экипажами: «Союз-11» в июне и «Союз-12» в июле. На «Союзе-11» до 18 мая должны быть закончены доработки стыковочного узла. Совет главных конструкторов рекомендовал передать космонавтам заключительные операции по стыковке при отключенной автоматике. На пульте командира экипажа будут установлены кнопка управления двигателями сближения и штурвал для стягивания корабля и станции. Необходимость таких доработок не вызывает сомнений, но спешка, с которой они проводятся, не гарантирует их высокого качества и надежности.

10 мая.

Праздник победы провел на даче. Был хороший солнечный день, все много работали в саду.

Госкомиссия рассмотрела вероятные причины незавершения стыковки «Союза-10» с «Салютом». Б. Е. Черток доложил о результатах проведенного анализа и подробно обрисовал наиболее вероятную причину, заключающуюся, по его мнению, в поломке муфты амортизационных лап в активной части стыковочного узла. В ходе дополнительных испытаний муфта разрушилась при нагрузке 130 килограммов, превышающей расчетную примерно на 60 процентов. Фактическая нагрузка на

муфту в реальном процессе стыковки из-за раскачки объектов колебалась в пределах 160–200 килограммов. По предложению Чертока комиссия приняла решение: 1) усилить муфту в два раза; 2) предоставить экипажу возможность управлять ходом стыковочного штыря и работой двигателей причаливания и ориентации.

12 мая.

Вчера на совещании у Л. В. Смирнова заслушали доклад В. П. Мишина о мероприятиях по обеспечению надежной стыковки. Доклад у Мишина получился очень неудачным, и хотя Смирнов наводящими вопросами пытался ему помочь, все же пришлось попросить Чертока доходчиво объяснить причины неполной стыковки и меры по их устранению. В прениях хорошо выступил Шаталов, его умело поддержали Елисеев, Леонов и Добровольский. Мишин и Керимов высказались за последовательные полеты «Союза-11» и «Союза-12» продолжительностью по 30 суток.

Я считаю, что в сложившейся обстановке настаивать на двух 30-суточных полетах просто неразумно (пуск «Союза-12» намечается на 15–18 июля, когда гарантийные ресурсы СЖО станции «Салют» будут уже почти исчерпаны). Перед совещанием я советовал Мишину не упорствовать и отказаться от своих планов, но он заявил, что таково решение ЦК и пересматривать его он не будет. Попросив слова, я предложил прежде всего четко определить главную цель предстоящего полета «Союза-11». По моему мнению, она состоит в осуществлении успешной стыковки корабля с «Салютом», в переходе космонавтов на станцию и в ее «оживлении», а сколько суток — пять, двадцать или тридцать — будет летать экипаж, это не должно иметь решающего значения.

Большинство присутствующих, в том числе и Смирнов, согласились с моей точкой зрения. В заключительном слове Смирнов сказал: «Мы вас не торопим с датой пуска и не требуем 30-суточной длительности полета, но мы решительно высказываемся за его безопасность. Подумайте, проведите необходимые расчеты, проверки и испытания. И если у вас

будет полная уверенность, что полет пройдет благополучно, докладывайте в ЦК. Помните, что товарищи Брежнев и Косыгин дадут согласие на полет только после того, как вы доложите, что уверены в его успехе».

Сегодня я доложил маршалу Кутахову о результатах совещания у Смирнова. Внимательно выслушав мой доклад, Кутахов задал прямой вопрос: «Есть у тебя уверенность, что в этом полете мы не погубим экипаж?» Я ответил без колебаний: «Экипаж мы не погубим, но твердой уверенности, что будет осуществлена стыковка, переход космонавтов на станцию и ее «оживление», у меня нет».

Я еще раз рассказал Кутахову о неполадках на «Салюте», о возможных отказах автоматики, о недостаточной прочности стыковочного узла и плохом обзоре с корабля «Союз». В ответ на это Кутахов сказал: «Вы и Мишук являетесь членами Государственной комиссии. Давайте вместе с вами напишем письмо в ЦК о малой вероятности успеха в предстоящем полете». Я отказался писать такое письмо — лавры перестраховщика меня не прельщают. Буду делать все от меня зависящее, чтобы экипаж не пострадал и выполнил свои задачи, а за надежность техники должны отвечать главный конструктор и ГУКОС.

14 мая.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. Уточнял с космонавтами программу подготовки экипажа «Союза-11», условия и даты пуска и посадки.

Мишин дал согласие на пуск 6 июня и не возражал против сокращения длительности полета до 25 суток. Таким образом, наши основные требования по продолжительности полета и гарантии посадки корабля в светлое время были удовлетворены. Правда, баллистики Мишина и наши штурманы немного напутали с расчетами времени приземления корабля, и поэтому у меня нет уверенности, что через 25 суток полета условия посадки (при старте 6 июня) будут хорошими. Я приказал специалистам ВВС еще раз проверить все расчеты и предупредил, что лично проконтролирую эту работу.

Встречался вчера с К. П. Феоктистовым по его просьбе. Речь шла о включении его в состав четвертого экипажа для полета на ДОС № 2. Константин Петрович конечно же знал, что по этому поводу Мишин обратился ко мне с письмом, на которое я ответил письменным отказом. Главный довод в пользу кандидатуры Феоктистова: он работает и будет работать над совершенствованием ДОС, ему было бы полезно самому прочувствовать все особенности длительных полетов, чтобы узнать, как долго и при каких условиях можно летать в космосе без гравитации. Я откровенно сказал Феоктистову, что очень высоко ценю его как конструктора, но, учитывая состояние его здоровья, не могу изменить своего мнения.

Сегодня более часа разбирался со специалистами в расчетах даты старта и условий посадки «Союза-11». Мои опасения подтвердились: при пуске 6 июня нам придется сажать корабль с космонавтами, ослабленными длительным полетом на «Салюте», в ночное время. Самые лучшие дни для старта приходятся на 11–12 июня, когда после 25-суточного полета обеспечивается посадка за час до наступления темноты (правда, и при таком старте с 6-е по 24-е сутки полета посадка возможна только ночью и только на гироскопах).

Состоялось совещание по предстоящему полету «Союза-11» у секретаря ЦК КПСС Д. Ф. Устинова. Повестка дня была та же, что и на встрече у Смирнова 11 мая, было только побольше министров (ВВС представлял сам Кутахов). В прениях по докладу Мишина удачно выступили Шаталов и Леонов. В результате трехчасовой беседы Устинов, которого так же, как и Смирнова, больше всего волнует надежность стыковки, основательно ознакомился с состоянием дела. Полной уверенности в том, что стыковка состоится и «Салют» заработает как пилотируемая орбитальная станция, он, конечно, не получил, но и оснований для запрета полета «Союза-11» у него не появилось. Относительно даты пуска Устинов высказался так: «Мы не торопим вас с полетом. Конкретную дату старта назначит Государственная комиссия».

На совещании никаких замечаний в адрес ВВС высказано не было, наши предложения и уточнения в программе полета были приняты. Довольный итогами встречи, Кутахов не преминул напомнить мне: «Надежность и добросовестность залог успеха».

15 мая.

Маршал Кутахов вызывал для беседы космонавта Шаталова. Во время встречи Главком, по словам Шаталова, интересовался ходом подготовки экипажей к полету, состоянием дел в Центре и в полку, а в конце разговора сказал, что он намерен поставить перед Военным советом ВВС вопрос о выдвижении Шаталова на должность, занимаемую Каманиным. Несколько месяцев тому назад у меня уже был разговор с Шаталовым на эту тему — тогда мы договорились, что он даст согласие на выдвижение своей кандидатуры. Что касается меня, то мне, видимо, придется еще работать до конца года, и я не допущу каких-либо послаблений в своей работе до последнего дня службы.

Сегодня у меня были Попович и Севастьянов — оба они готовятся к поездке в Париж (2 июня им предстоит вместе с американскими астронавтами выступать по французскому телевидению). У Поповича и Севастьянова было много неясного по программе их пребывания во Франции и по содержанию ответов на ряд щекотливых вопросов: «Когда полетите на Луну? Каковы данные станции «Салют»? Почему экипаж «Союза-10» не перешел на станцию?». В течение двух часов мы обстоятельно рассматривали все возможные ситуации и основные пункты программы поездки. Я сказал космонавтам, что после наших последних достижений («Луна-16», «Луноход-1», «Союз-9», «Салют») мы можем не тушеваться перед американскими успехами в космосе, как это было в 1969 году.

17 мая.

Вчера у нас на даче был Виктор Крашенинников, мы с ним крепко поработали на участке. Весна в этом году затяжная: по ночам дело доходит до заморозков. Наш сад еще не цветет, а в Крыму уже в двадцатых числах апреля было белым-бело.

Сегодня мне звонил Трегуб — он снова ходатайствовал о включении Феоктистова в состав одного из экипажей для полета

на «Салюте». Два экипажа ДОС-7К № 1 во главе с Леоновым отправились сегодня на несколько дней отдыхать в одно из охотничьих хозяйств Комитета по делам физкультуры и спорта, расположенное под Владимиром. Думаю, что через день-другой ребята сбегут оттуда со скуки.

18 мая.

Уже дважды звонил из Ленинграда режиссер Рассомахин: его телефильм о Ю. А. Гагарине «Рассказ о моем друге» так и не увидел свет. Все специалисты и руководство Комитета радиовещания и телевидения горячо одобрили фильм, и он был включен в программу телепередач на 12 апреля, но Ю. А. Мозжорин и И. Т. Бобырев заявили, что в фильме показаны только космонавты да специалисты ВВС и нет представителей промышленности, и сделали все возможное, чтобы забраковать его. Я переговорил по телефону с Мозжориным — он дал согласие принять завтра Рассомахина и еще раз просмотреть его фильм.

19 мая.

Холода, кажется, кончились: сегодня утром за городом было +14, а днем обещают до 27 градусов тепла. В 5 часов утра пробежал по лесу свои обычные пять километров, не встретив за полчаса пробежки ни одной живой души. Жаль мне людей, которые долго спят, — в лесу сейчас как в раю, идеально чистый воздух, которого так не хватает в городе.

Вчера получил письмо от Левы — он пишет, что встречался с нашим послом, который рассказал ему о приеме в Звездном вьетнамской делегации во главе с первым секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном. Пошел уже пятый месяц пребывания Левы во Вьетнаме, он пишет нам очень добрые и даже нежные письма без каких-либо намеков на трудности командировки, но я-то знаю, что ему там трудновато.

20 мая.

Неделю назад Муся перенесла острый гипертонический криз: артериальное давление подскочило у нее от 130/70 до 220/110. До вчерашнего дня мне казалось, что она уже на пути к полному выздоровлению, но мои надежды не оправдались:

вчера вечером ей опять стало плохо. Главная причина болезненного состояния Муси — повышенная нервозность: ее выводит из равновесия любая мелочь, но особенно сильно она нервничает из-за внучки Оли. Надо признать, Ольга плохо воспитана, своенравна, непочтительна со старшими, невнимательна и мало работает над собой — все ее интересы ограничиваются нарядами, побрякушками и телевизором. Правда, она очень способная и хорошо рисует, но у нее много лени. Вчера у меня с Олей был очень серьезный разговор, придется мне и впредь уделять побольше внимания воспитанию внучки и внука.

ТАСС сообщил о запуске «Марса-2». Несколько дней назад у нас, так же, как и в США, был неудачный пуск ракеты к Марсу (на орбите не включился разгонный блок), были неудачи с «Марсами» и раньше. В этом году планировалось одну станцию вывести на орбиту спутника Марса, а две посадить на его поверхность, причем предполагалось, что радиосигналы от двух последних станций будут ретранслироваться на Землю искусственным спутником Марса. Недавний отказ разгонного блока марсианской ракеты нарушил четкий план экспедиции, но будем надеяться, что «Марс-2» и стартующий за ним 28 мая «Марс-3» выполнят свои задачи.

Сегодня Главком весь день был занят подготовкой к докладу руководителям партии и правительству о состоянии и перспективах развития военной авиации. Завтра на полигоне во Владимировке должен состояться показ авиационной техники на земле и в воздухе.

Заходил ко мне маршал С. И. Руденко. Говорили с ним о монинской академии, об освоении космоса и о новом руководстве ВВС. В откровенной беседе больше всех досталось Мишину и Кутахову.

Несколько раз звонили Валя и Андриян. Им надо 22 мая вылетать в Болгарию, а решения ЦК до сих пор нет (оттуда мне сообщили: «Ждите, решение будет»). Поразительный бюрократизм: аппарат ЦК целый месяц не может оформить решение, санкционированное Л. И. Брежневым.

21 мая. Тюра-Там.

Космонавты Береговой, Леонов, Кубасов, Колодин, Добровольский, Волков и Пацаев вместе со мной прилетели на космодром в кратковременную командировку, главная цель которой — дать экипажам практику работы с модифицированной системой стыковки. Оказалось, что комплект «Игла», ранее установленный на «Союзе-11», опять отказал — его сняли и отправили в Москву на проверку. На корабле смонтирован новый комплект, осуществлены все доработки по системе «Игла» и установлен дополнительный пульт для управления стыковкой.

В этот день военно-строительное управление полигона справляло свой двадцатилетний юбилей. На аэродроме нас встретила целая делегация строителей во главе с генералом Гуриным — они настойчиво просили космонавтов быть у них на торжествах. Строителей Байконура мы все очень уважаем — они в труднейших условиях делают все необходимое для обеспечения нормальной работы многочисленных служб космодрома, для улучшения быта его сотрудников и «гостей». Отказать строителям в их просьбе было неудобно, но, поскольку космонавты совершенно не располагали свободным временем, пришлось отправить на праздник одного Берегового, а экипажи сразу же поехали на вторую площадку.

С 20 до 24 часов местного времени оба экипажа проводили тренировки в корабле «Союз-11», проверяли все средства связи, работали с «Иглой». Я наблюдал за тренировкой экипажа Леонова — действия его были уверенными, сбоев в работе техники тоже не было. Для космонавтов, да и для меня, этот прилет на космодром оказался очень полезным: мы убедились в работоспособности новых стыковочных узлов, проверили усовершенствованные способы проведения завершающих операций причаливания. Разумеется, стопроцентной гарантии в том, что «Игла» вновь не подведет нас, мы не имеем, но сегодня шансов на успех больше, чем вчера.

22 мая. Тюра-Там — Москва.

Вчера, вернее сегодня, лег спать в час ночи, а в семь утра был уже на ногах. Ребята еще спали — я разрешил не поднимать их раньше восьми. В 7 часов температура воздуха была +22 градуса, при такой температуре бегать тяжеловато, но я все же пробежал обычные пять километров. День обещал быть жарким (в 9:30, когда мы выезжали на аэродром, было уже +30).

Ровно в 10:00 наш Ту-104 взлетел и взял курс на Москву. Как правило, я не разрешаю летать двум (и более) космическим экипажам на одном самолете, но сегодня со мной на одном самолете возвращаются оба экипажа — второй пришлось оставить для Берегового, вылетающего сегодня ночью…

…Москва встретила нас прохладной дождливой погодой. Генерал Л. И. Горегляд доложил по телефону, что Главком на месте, а генерал Ефимов еще в Египте. По словам Горегляда, показ авиационной техники Брежневу и другим высоким руководителям прошел хорошо. Леонид Иванович сообщил также, что Кутахов приказал до своего отъезда в Париж 25 мая оформить приказом назначение генерала А. Г. Николаева на должность инспектора по космосу в состав моего аппарата. В свое время я просил ввести для Николаева генеральскую должность, но Главком решил, по-видимому, форсировать омоложение моего аппарата и в ближайшее время освободить меня и Горегляда от занимаемых должностей. Не стану кривить душой, мне жаль уходить от активной работы, но я подготовил себя к этому событию, да и работать под руководством Кутахова нет никакого желания.

25 мая.

Главком улетел сегодня во Францию вместе с делегацией МАП, в состав которой входит и летчик-космонавт Севастьянов. Вчера Севастьянов был у меня и просил разрешения оставаться во Франции до закрытия авиационной выставки (Мишин отпустил его только на два дня). Дело в том, что Севастьянов включен в состав четвертого экипажа ДОС и поэтому не следовало бы посылать его в зарубежную командировку. Однако поскольку решение ЦК о поездке Севастьянова состоялось, то

было бы целесообразно дать ему возможность посмотреть выставку и вместе с Поповичем и экипажем «Аполлона-14» выступить 2 июня по французскому телевидению. После того, как Мишин вынужден был согласиться с моими доводами, я отправил в Париж телеграмму Зорину: «Летчику-космонавту Севастьянову разрешено остаться до окончания салона».

Сегодня на космодром отправляется наша передовая команда, а завтра туда вылетают Керимов и члены Госкомиссии. Я вместе с космонавтами и специалистами ВВС полечу в Байконур 28 мая.

27 мая.

Сегодня у меня был М. Ф. Ребров. Мы с ним готовим небольшую книжку о полете орбитальной станции «Салют» и кораблях «Союз-10» и «Союз-11». Ребров — очень способный журналист, влюбленный в космос и космонавтов, более десяти лет мы работаем вместе и довольны друг другом. Сегодня Михаил Федорович рассказал мне много интересного о своих беседах с П. И. Колодиным и В. Г. Лазаревым. В оценке личности Колодина наши мнения совпали: Колодин способен выполнить космический полет, но после полета он может стать вторым Волковым (космонавт В. Н. Волков болтлив, излишне самоуверен и часто выступает в роли всезнайки). Что же касается Лазарева, то как космонавту и просто человеку я не поставил бы ему больше «четверки», но Ребров считает, что он заслуживает более высокой оценки. Как и многие другие, Ребров нелестно характеризует генерала Н. Ф. Кузнецова, а я уже давно пришел к твердому убеждению, что Кузнецов — плохой руководитель космонавтов. В интересах дела его давно надо было освободить от должности начальника Центра, я неоднократно настаивал на необходимости такого решения, но маршал Кутахов всякий раз уступал нажиму со стороны защитников Кузнецова из ЦК и ВПК.

Принимал у себя специалистов из Министерства внешней торговли. Речь шла об оформлении заказа шведской фирме на изготовление центрифуги ЦФ-18. Решение ЦК о закупке ЦФ-18 было принято три года назад, но на 1969–1970 годы Госплан не выделил необходимых средств. Заказ на строительство

центрифуги нам разрешили оформлять только сейчас — после трех поездок в Швецию и во Францию. При оформлении заказа мы встречаем большие препятствия теперь уже со стороны ВВС и Министерства обороны. На закупку ЦФ-18 правительство отпустило 12 миллионов рублей золотом, но трех миллионов, необходимых для строительства здания центрифуги, нам пока не дают. Надо иметь поистине стальные нервы, чтобы пробиться через все эти преграды…

28 мая. Тюра-Там.

Около 22:00 местного времени вся наша экспедиция на трех самолетах Ту-104 прилетела на космодром. Со мной прилетели Леонов, Кубасов, Колодин, Добровольский, Волков, Пацаев, Шаталов, Елисеев и Рукавишников (экипаж Шаталова я взял на космодром для консультаций и передачи опыта экипажу Леонова). Кроме космонавтов прилетели генерал-полковник Пономарев, генерал-майор Кузнецов, врачи, инженеры, методисты — всего 46 человек.

Пролетая над Аральским морем, мы наблюдали на высоте 20–30 километров красивые серебристые облака: казалось, они имеют какие-то внутренние источники света, а не только отражают солнечные лучи. Алексей Леонов после пролета Урала почти не отходил от иллюминаторов, находя много нового и интересного для себя как на земле, так и в небе. Его особенно восхищали серебристые облака, багрово-красный закат и отблески заходящего солнца на совершенно белой ленте реки Сырдарьи.

На аэродроме нас встретили Керимов, Черток, Шабаров, Семенов, Львов, Даревский, Масленников и другие товарищи. После взаимных приветствий Керимов сообщил нам, что час назад ракета УР-500К вывела на трассу Земля — Марс автоматическую межпланетную станцию «Марс-3». Итак, две АМС («Марс-2» и «Марс-3») летят к Марсу — обе они предназначены для посадки на его поверхность. Жаль, что впереди них не летит еще одна станция, которая должна была стать спутником Марса и ретранслятором для двух последних.

29 мая.

Сегодня участвовал в совещании руководящего состава полигона с представителями промышленности, ГУКОС и ВВС. Обсуждали перспективы развития космонавтики и космодрома. Выступления были в основном правильные, но почти бесполезные, — мы говорим больше, чем делаем, а делаем многое совсем не так, как говорим. Нас заедает ведомственность: план развития космодрома составляется на 15 лет, но в нем нет ни слова о нуждах подготовки космонавтов. Ракетчики считают, что этим должны заниматься ВВС, а Министерство обороны не дает нам на такие цели ни одной копейки.

После совещания пришлось остаться на обед, устроенный начальником полигона А. А. Курушиным по случаю присвоения ему звания генерал-лейтенанта. На обеде в адрес Александра Александровича было сказано много хорошего. Надо признать, что генерал Курушин — умелый руководитель и организатор, работающий с полной отдачей. Космодром — это одна из самых больших наших воинских организаций. Я был командующим воздушной армией, базировавшейся на территории пяти среднеазиатских республик, но управлять полигоном, по-моему, куда сложнее и ответственнее, чем командовать любой армией. Курушин успешно управляет космодромом, работать с ним приятно. Поздравляя его с новым воинским званием, мы высказали ему пожелания добиваться еще больших успехов в работе по укреплению боеготовности и мощи наших Вооруженных Сил.

30 мая.

Накануне вечером смотрели «Великолепную семерку». Ребята были готовы смотреть и другие кинофильмы — пришлось мне напомнить им о распорядке дня.

В этот выходной день я встал в обычное для себя время, а космонавты спали до 9 часов (только Шаталов и Елисеев встали пораньше — они вместе с генералом Пономаревым поехали на рыбалку). Сегодня А. А. Леонову исполняется 37 лет. По этому поводу выпущен специальный номер стенгазеты, и все очень тепло поздравили Алексея Архиповича.

Звонил Мусе на дачу — это был мой первый успешный выход на связь с дачей с космодрома. До установки на даче прямого московского телефона все мои попытки пробиться через коммутаторы были безрезультатными. Слышимость была удовлетворительной, Муся сообщила, что соседский мальчишка сильно ударил Колю палкой по лицу — у внука на лице образовался большой шрам.

31 мая.

Все экипажи занимались на второй площадке подгонкой кресел, привязных ремней, шлемофонов, костюмов. Тренировочные костюмы фирмы Г. И. Северина сделаны очень просто, но, пожалуй, именно они будут довольно эффективным средством против вредного влияния невесомости, если космонавты будут пользоваться ими постоянно.

В. Н. Правецкий доложил, что атмосфера на «Салюте» нормальная и для беспокойства нет никаких оснований. Вопрос о состоянии воздушной среды на станции обсуждался в Москве на межведомственном совещании с участием представителей ВВС. Участники совещания подписали акт о том, что при входе экипажа в станцию загрязнения ее атмосферы и запахи не будут представлять опасности для здоровья космонавтов. Дай-то бог, чтобы так и было! И все же этот вопрос меня очень тревожит — надо будет еще раз внимательно рассмотреть его со специалистами.

К. П. Феоктистов напомнил космонавтам о некоторых изменениях на борту «Союза-11» по сравнению с «Союзом-10»: запас рабочего тела увеличен на 10 килограммов, проведены все доработки по системе стыковки, продолжительность автономного полета увеличена с трех до четырех суток. Как всегда, Константин Петрович высказал много новых идей, советов и предложений — мне даже пришлось несколько ограничить его по времени, чтобы не перегрузить космонавтов «излишней» информацией.

Вечером получил печальное известие из Москвы: умер Георгий Иванович Яроцкий. Я знал его с 1938 года, он был у меня начальником штаба Харьковской авиабригады, а во время

войны — начальником штаба корпуса. После войны он более 20 лет работал преподавателем академии Генерального штаба. Генерал-майор Яроцкий был блестящим штабным офицером.

1 июня.

Утром провел совещание с офицерским составом нашей экспедиции: уточнил задачи по занятиям космонавтов; потребовал жесткого соблюдения режима и предохранительных мероприятий; Кузнецову, Масленникову, Лебедеву и Суринову указал на их конкретные ошибки в обслуживании экспедиции.

Во второй половине дня экипажи поочередно ездили на вторую площадку для занятий в корабле. Подготовка «Союза-11» к полету полностью закончена: проведены все виды испытаний и проверок, все агрегаты оборудования размещены на своих местах. Занятия космонавтов проводились с целью, чтобы они могли посидеть в корабле, осмотреться и проверить размещение оборудования — то есть получше подготовиться к предстоящему полету.

2 июня.

С 9 до 13 часов провели занятия по стыковке и возможным отказам техники. Черток, Феоктистов, Башкин, Варшавский и другие специалисты подробно разобрали с космонавтами программу полета, ответили на их многочисленные вопросы, внесли некоторые поправки и уточнения в бортжурналы. Можно считать, что на этом подготовка экипажей полностью закончена: Леонов, Кубасов, Колодин и дублирующий экипаж знают станцию, корабль, систему стыковки и всю программу полета не хуже, чем знают свои творения главные конструкторы систем.

На занятиях космонавты поднимали вопросы, связанные с длительным пребыванием станции на орбите (загрязнение атмосферы станции ядовитыми газами, возможная порча продуктов и питьевой воды, прилипание входного люка и пр.). По всем этим вопросам Черток, Правецкий и Феоктистов дали обстоятельные рекомендации и советы, как действовать в каждом конкретном случае.

3 июня.

Вчера вечером все космонавты играли в теннис. Этой игрой особенно увлекаются Колодин и Волков, Шаталов больше любит бег, а Леонов в равной степени занимается всеми спортивными играми и физическими упражнениями.

Врачи доложили мне о том, что на второй площадке отмечены два случая заболевания дизентерией. Я приказал сократить до минимума контакты офицеров ВВС с «населением» второй площадки и усилить меры профилактики и контроля. Вчера и сегодня утром разговаривал с Мусей по телефону, она чувствует себя неважно — по-видимому, ее сильно нервируют внучата.

Сегодня при прохождении космонавтами предстартового медицинского обследования у Валерия Кубасова была обнаружена опухоль в правом легком. Врачи утверждают, что это начальная стадия туберкулеза, — лететь в космос Кубасову нельзя. Для нас такое заключение медиков прозвучало как гром с ясного неба: Кубасов считался одним из самых крепких космонавтов. Еще вчера он пробежал пять километров, играл в теннис. И сегодня у него нет никаких жалоб, хороший анализ крови, и тем не менее на «Союзе-11» он не полетит.

В предвидении подобных ситуаций мы подписали с ответственными представителями МОМ и Минздрава согласованное решение: «Если до отъезда на космодром заболеет один из членов основного экипажа, то его можно заменить соответствующим дублером из другого экипажа. На космодроме индивидуальные замены не производить. В случае необходимости замену на космодроме проводить только экипажами». Казалось бы, все ясно: экипаж Леонова надо заменить экипажем Добровольского. Но предстоит очень сложный полет, в котором еще не летавшим Добровольскому и Пацаеву надо будет выполнить стыковку и труднейшие операции на станции «Салют». Взвесив все «за» и «против», космонавты, врачи, руководство ЦПК и я высказались за индивидуальную замену Кубасова Волковым. Керимов и Мишин сначала согласились с нами, но час назад Мишин сообщил мне

по телефону, что в Москве все за то, чтобы полетел экипаж Добровольского, и что сам он тоже за такое решение.

Итак, осложнения уже начинаются, и впереди их будет немало. Меня все время преследует сомнение: правильно ли мы поступаем, пытаясь «оживить» станцию «Салют»? Станция имеет множество недостатков, работать на ней космонавтам будет трудно и даже опасно, но у меня нет веских аргументов, чтобы выступить против предстоящих полетов.

На состоявшемся сегодня совещании членов Госкомиссии принято решение: «Произвести вывозку на старт ракеты и корабля «Союз-11» в 6:00 4 июня. Пуск осуществить 6 июня в 7:55 московского времени».

4 июня.

Рано утром ракету и корабль вывезли на старт. Присутствовавшие на вывозке члены Госкомиссии собрались затем на совещание о составах основного и дублирующего экипажей «Союза-11». Е. И. Воробьев доложил о болезни Кубасова. Я внес предложение: учитывая сложность предстоящего полета, оставить экипаж Леонова основным, заменив в нем Валерия Кубасова Владиславом Волковым. Мишин выступил за полную замену экипажа. Кузнецов, Пономарев, Шабаров, Черток и другие поддержали Мишина.

После завтрака я собрал всех офицеров ВВС и объявил им решение, принятое на совещании Госкомиссии: основным экипажем «Союза-11» будет назначен экипаж Добровольского. Одновременно я запретил вести какие-либо разговоры о причинах, вызвавших принятие такого решения. В 15:30 из Москвы прилетела группа врачей во главе с генералом Бабийчуком. Они тщательно изучили материалы о болезни Кубасова, осмотрели и прослушали его, после чего подтвердили неутешительный диагноз.

В 18:00 состоялось заседание Госкомиссии. По докладу Мишина о готовности ракеты и корабля решено произвести пуск утром 6 июня. По моему предложению утвержден основной экипаж в составе Добровольского, Волкова и Пацаева.

Леонов и Колодин, удрученные перемещением их в дублеры, пытались уговорить Керимова и Мишина отменить принятое решение. Леонов на заседании вел себя несдержанно, заявив: «Я уже имел возможность на предыдущем заседании благодарить комиссию за доверие, а сейчас я могу лишь высказать сожаление по поводу случившегося». Я сочувствую Леонову и Колодину, но их реакция на замену экипажей не делает им чести.

В 19 часов Юрий Фокин провел телесъемку нового экипажа «Союза-11» и пресс-конференцию, на которой Добровольскому и его товарищам пришлось отвечать на многочисленные вопросы журналистов.

Сегодня мы с генералом А. А. Курушиным подписали письмо на имя маршала Крылова о необходимости строительства на 17-й площадке новой столовой и трехэтажной гостиницы.

5 июня.

В 10 часов утра на второй площадке провели митинг с боевым расчетом и представителями промышленности. Обычно перед закрытием митинга основной экипаж и дублеры делают круг почета. Леонов знал об этой традиции, но нарушил ее: когда Добровольский, Волков и Пацаев двинулись по кругу, экипаж Леонова остался на месте.

Кубасов и Леонов вообще не хотели ехать на митинг, но не рискнули ослушаться моего приказания. Кубасов, требовавший от врачей немедленного обследования, не постеснялся заявить: «Если я здоров, то я должен лететь, а если я болен, то мне нечего делать на митинге». Врачи провели повторное освидетельствование Кубасова и еще раз подтвердили, что лететь ему нельзя. Весь экипаж Леонова очень некорректно реагировал на замену его дублирующим экипажем, и виноваты в этом и сами космонавты, и целый ряд больших начальников, поощрявших их капризы.

Я и Курушин доложили маршалу Крылову (он сегодня прибыл на полигон) наши предложения по строительству на 17-й площадке. Маршал утвердил план строительства трехэтажного здания, столовой и спортивного зала. Можно надеяться, что лет

через пять на космодроме будут созданы вполне приличные условия для космонавтов. Сейчас многое зависит и от нас: надо хорошо продумать, что и как строить.

Вечером на космодром прилетели генералы Ефимов, Чугунов и Горегляд. Сейчас здесь десять генералов ВВС, а для дела нужны из них не больше двух-трех.

6 июня. Тюра-Там — Евпатория.

Только что (на часах 13:30 местного времени) вернулся со второй площадки. Старт «Союза-11» прошел отлично, и уже на втором витке мы установили связь с Добровольским. На четвертом витке проведем коррекцию орбиты и в 15:00 московского времени вылетим в Евпаторию…

…В полете были 4 часа 30 минут: над Кавказом пришлось обходить мощную грозовую облачность. Встретивший нас на аэродроме Саки Андриян Николаев доложил, что полет «Союза-11» проходит нормально. В Евпаторию со мной прилетели Пономарев, Фролов, Шаталов и 12 офицеров-специалистов. Кроме Николаева и Шаталова здесь находятся космонавты Елисеев, Феоктистов, Быковский и Горбатко (Леонов, Кубасов, Колодин, Рукавишников и генералы Ефимов, Чугунов, Кузнецов и Бабийчук улетели с космодрома в Москву, генерал Горегляд с небольшой группой офицеров ВВС остался на космодроме).

Завтра утром будем пытаться осуществить стыковку «Союза-11» со станцией «Салют».

7 июня.

К 7 часам утра на евпаторийском КП собрались все члены Государственной комиссии и главные конструкторы — Афанасьев, Керимов, Мишин, Немцов, Воробьев, Пономарев, Северин, Мнацаканян, Даревский, Бугайский, Черток и другие. Наступал решающий момент полета «Союза-11» — стыковка корабля со станцией (в случае неудачи со стыковкой вся программа работ на ДОС № 1, связанная с пусками трех ракет и полетами двух кораблей и самой станции, оказалась бы сорванной).

В момент включения «Иглы» корабль и станция находились на расстоянии 7 километров друг от друга. В процессе сближения и причаливания экипаж Добровольского действовал безукоризненно и толково вел репортаж о ходе стыковки. Непосредственное соприкосновение «Союза-11» с «Салютом» произошло уже вне зоны УКВ-связи, и долгие полтора часа нам оставалось только ждать и надеяться. И наши надежды не были обмануты: в очередном сеансе связи экипаж доложил, что стыковка осуществлена.

Последующие четыре витка полета также были полны тревожных ожиданий. Мы опасались неполной герметизации стыковочных узлов, боялись, что не откроется переходной люк, беспокоил нас и газовый состав атмосферы «Салюта». Но все прошло отлично. Перешедший на станцию первым Виктор Пацаев включил установку регенерации воздуха и освещение, заменил два отказавших вентилятора и произвел общее обследование оборудования. По докладу экипажа, атмосфера на станции была неприятной, с сильным запахом гари. Для полной очистки воздуха потребуется не менее 20 часов, поэтому мы разрешили экипажу первую ночь после стыковки провести в корабле.

8 июня.

Атмосфера на «Салюте» очистилась, работают все восемь вентиляторов и все фильтры. Законсервировав корабль «Союз-11», Добровольский, Волков и Пацаев перешли на станцию и приступили к работе по программе «ДОС». Работает экипаж хорошо, хотя и допускает отдельные ошибки (забыли выполнить приказание о блокировке расстыковки, нечаянно выключили программу закрутки и пр.). Космонавты еще не надевали тренировочные костюмы и не занимались физическими упражнениями: видимо, они еще недостаточно адаптировались к невесомости. Сегодня они выполнили коррекцию орбиты и закрутку станции на солнце.

У всех нас сегодня превосходное настроение. Газеты, радио и телевидение полны сообщений о новой большой победе в космосе. Победа действительно большая: на орбите начала

функционировать первая долговременная пилотируемая станция!

Сегодня В. А. Шаталова срочно вызвали в Москву — по-видимому, с ним будут вести переговоры в ЦК о назначении на мою должность. Улетел в Москву и С. А. Афанасьев с частью членов Госкомиссии. Керимов и Мишин остались в Евпатории.

9 июня.

В 7:00 Горбатко доложил, что на борту «Салюта» все в порядке — экипаж после ночного отдыха приступил к выполнению программы дня.

Я несколько раз наблюдал Добровольского и его товарищей по телевидению, слушал их радиообмен с «землей», смотрел объективные данные медицинского контроля — судя по всему, космонавты чувствуют себя неплохо. Они надели тренировочные костюмы, но к регулярным занятиям на КТФ (бегущей дорожке) пока не приступали: согласно их утверждениям, бег на КТФ вызывает большие колебания всей станции, что может привести к неприятным последствиям.

По остаткам ресурса СЖО и запасам рабочего тела двигателей, воды и продовольствия для космонавтов станция может просуществовать до 20 августа. Мы намерены вернуть экипаж «Союза-11» на Землю в один из последних дней июня, а 20 июля на «Салют» должен отправиться экипаж «Союза-12».

Сегодня провел первое заседание посадочной комиссии. Решили собираться ежедневно и готовить все данные, необходимые на случай преждевременной (аварийной) посадки.

10 июня.

На посадочной комиссии уточнили ресурсы «Союза-11» по СЖО, запасам питания и горючего. Оказалось, что запасы вполне достаточны: после расстыковки со станцией «Союз-11» может автономно летать 57 часов, причем горючего должно хватить на ориентацию и два включения ТДУ в посадочном режиме.

К. П. Феоктистов предложил резко сократить переговоры экипажа «Салюта» с «землей». Надо признать, что лишних разговоров во время сеанса связи ведется много. Константин

Петрович считает, в частности, что нет никакой надобности ежедневно передавать на борт станции сообщения по формам 14 и 23 со сведениями, необходимыми экипажу на случай вынужденной посадки (номер витка и его начало, отсчитываемое от экватора; время входа в тень; время выхода из тени; способ ориентации по-посадочному; время включения ТДУ и пр.). Все эти данные экипаж может получить, используя бортовой глобус. Точность данных, получаемых по глобусу, несколько хуже, но она вполне достаточна для осуществления срочной вынужденной посадки. Мнения специалистов на этот счет разошлись: решили узнать соображения членов экипажа по данному вопросу и осуществить два-три небольших эксперимента по проверке точности показаний бортового глобуса.

11 июня.

Проснулся в 5 часов, пробежал 6 километров, искупался в море. Утро хмурое: туман, земля парит (последние два дня шли дожди).

Виктор Горбатко доложил с КП: «Экипаж выходил на связь, на борту станции все в порядке».

В 10:00 я с группой офицеров вылетаю в Москву, Керимов и Мишин вылетят в 14:00. На КП я оставляю за себя А. Г. Николаева, а через пять дней вернусь в Евпаторию и буду здесь до окончания полета экипажа Добровольского.

12 июня. Москва.

С 28 мая по 11 июня был на космодроме и в Евпатории — участвовал в подготовке и осуществлении пуска «Союза-11» с космонавтами Добровольским, Волковым и Пацаевым на борту. Волнений, как всегда, было много, но к общей радости (и моему изумлению), старт «Союза-11», его стыковка с «Салютом» и пять суток работы экипажа Добровольского на станции прошли просто отлично, каких-либо серьезных замечаний по работе техники пока не было и нет.

Сегодня в восемь часов утра Николаев доложил из Евпатории, что на борту «Салюта» все в порядке. За прошедшие одиннадцать лет я впервые нахожусь в Москве во время

пилотируемого полета и чувствую себя как-то не совсем удобно — мне неловко перед летающим в космосе экипажем. 16 июня я вернусь в Евпаторию и буду на КП до окончания полета. Уверен, что за пять дней моего отсутствия на КП ничего плохого на станции не произойдет. Я обязал Николаева ежедневно по два-три раза сообщать мне о ходе полета, а в случае возникновения каких-либо трудностей — докладывать немедленно в любое время суток.

В Москве за Главкома остался генерал А. Н. Ефимов (маршал Кутахов и его заместители находятся в Крыму на военном учении «Юг», проводимом лично министром Гречко). Я был у Ефимова, доложил ему о ходе полета экипажа Добровольского на «Салюте» и о своем намерении возвратиться в Евпаторию. Ефимов ни звука не проронил по поводу вызова В. А. Шаталова в ЦК КПСС для переговоров о назначении его на мою должность. Правда, я и без Ефимова хорошо знаю, что такие переговоры уже состоялись. Ну что же, Шаталов достоин выдвижения, я сам рекомендовал его кандидатуру Кутахову. Я люблю свою работу и чувствую в себе достаточно сил, чтобы еще лет пять потрудиться на «космической ниве». Думаю, что меня могли бы и оставить на службе, если бы вдруг мне пришло в голову высказать такое желание, но я не стану этого делать: работать с Кутаховым трудно, и я без сожаления расстанусь с ним.

В 11 часов звонили из Евпатории Николаев и Трегуб — оба подтвердили, что полет станции проходит успешно. Трегуб просил направить в Евпаторию экипажи Филипченко, Лазарева и Воробьева, предназначаемые для очередных полетов на «Союзах».

15 июня.

Весь вчерашний день провел в Звездном. Беседовал с Шаталовым — он рассказал о своих поездках в ЦК и в Главное управление кадров. Судя по всему, уже в июле будут закончены все формальности, связанные с освобождением меня от должности помощника Главкома ВВС и назначением на нее

Шаталова, кандидатура которого была одобрена начальником административного отдела ЦК и секретарем ЦК Д. Ф. Устиновым.

Провел совещание с участием Кузнецова, Крышкевича, Пашкова, Шаталова, Леонова и Поповича. Рассмотрели состояние готовности экипажей для ДОС и «Союзов», решили сформировать несколько новых экипажей. Для «Союзов» сформировали шесть экипажей: № 18 — Филипченко и Гречко; № 19 — Лазарев и Макаров; № 20 — Воробьев и Яздовский; № 21 — Яковлев и (предварительно) Порваткин; № 22 — Коваленок и (предварительно) Исаков, № 23 — Щеглов (фамилия второго члена экипажа в тексте рукописи не указана. — Ред.). Для орбитальных станций «Салют» наметили сформировать пять экипажей: 1) Леонов, Рукавишников, Колодин; 2) Губарев, Севастьянов, Воронов; 3) Климук, Артюхин…; 4) Быковский, Алексеев…; 5) Горбатко…… (в состав трех последних экспедиций также должны быть включены космонавты от ЦКБЭМ).

Экипажи Леонова и Губарева будут полностью подготовлены к полету на «Союзе-12» к 30 июня, в первых числах июля им предстоит вылет на космодром. Пуск «Союза-12» возможен в период между 15 и 20 июля. Вчера Леонов опять проявил мальчишество: после совещания он обратился ко мне с просьбой разрешить ему в первых числах июля съездить на два-три дня в ГДР. «Если не хочешь поставить себя в глупейшее положение, — сказал я Леонову, — то никому не говори об этом своем желании. Но знай, что я буду категорически против твоей поездки в ГДР». Остается чуть больше двух недель до вылета на космодром, а командир «Союза-12» думает не столько о полете в космос, сколько о вручении своих картин Дрезденской галерее.

Сегодня звонил К. А. Керимов, он интересовался временем моего вылета в Евпаторию. Я ответил, что вылетаю завтра и буду оставаться на КП до посадки «Союза-11». «Когда вы находитесь на КП, я чувствую себя увереннее и спокойнее», — сказал Керим Алиевич, заканчивая наш разговор.

16 июня. Москва-Евпатория.

Сегодня в 14:00 я возвращаюсь в Евпаторию. До вылета я должен побывать еще в ЦПК.

Ночевал на даче, проснулся в 5 часов и вышел в сад. Прекрасное утро, чудесная зелень — сейчас этот уголок Подмосковья кажется мне частичкой рая. На нашем доме поселились четыре семьи ласточек, в саду много скворцов, есть даже «свои» скворцы, прилетающие к нам из года в год. До завтрака часа два косил траву. В 8:30 Муся, Оля и Коля проводили меня за ворота дачи.

Перед отлетом в Евпаторию я снова побывал в ЦПК, где узнал печальную весть: вчера на 70-м году жизни скончался академик Василий Васильевич Парин, с которым мы сотрудничали более десяти лет. Вместе с Яздовским, Газенко, Сисакяном и другими учеными Парин закладывал основы космической медицины.

Беседовал с Павлом Поповичем — он жаловался на плохое состояние дел со строительством «Алмаза». Челомей часто и подолгу болеет, а его заместители не горят желанием драться за свое детище. Сейчас, когда «Салют» уже летает в космосе, Мишин еще настойчивее напирает на Устинова и Смирнова, добиваясь закрытия челомеевской программы «Алмаз» и расширения своей программы «ДОС-7К». Пока ему разрешили строить только четыре экземпляра ДОС, но он намеревается получить заказ на изготовление десяти экземпляров. Борьба Мишина против строительства станции «Алмаз» и корабля ВИ наносит нашей оборонной программе трудно восполнимый урон.

Павел Попович и Виталий Севастьянов подробно рассказали мне о своей поездке во Францию и встрече там с экипажем «Аполлона-14».

Провел беседу с Евгением Хруновым — он просил ориентировать его по ряду вопросов, связанных с предстоящей ему поездкой в США.

Незадолго до отъезда из Центра на аэродром у меня состоялся нелегкий разговор с Борисом Волыновым, который уже второй год командует отрядом слушателей-космонавтов. Назначая Волынова на это «тихое» место, я откровенно

объяснил ему, что в ближайшие два-три года его не разрешат послать в новый космический полет и будут ограничивать в выездах за границу. В ЦК (Сербин) и ВПК (Царев) мне довольно прозрачно намекнули на то, что еврейские родственники Волынова «будут висеть на нем тяжелым грузом». Волынов, однако, не хочет мириться с обидными ограничениями и при каждой встрече со мной просит включить его в один из экипажей, готовящихся к очередным полетам. Сегодняшняя наша беседа была предельно откровенной и потому особенно трудной — я пытался убедить Бориса, что в сложившейся обстановке ему лучше пока не напоминать о себе и не настаивать на новом полете. Я, правда, не уверен, что после этой беседы он прекратит поиски ответа на мучительное для него «почему?»...

...Евпатория. 23:00. Только что вернулся с КП после переговоров с Добровольским и Пацаевым (Волков отдыхает). Чувствуется, что космонавты очень устали. На мой вопрос об обстановке на станции и самочувствии экипажа Добровольский ответил: «На борту почти нормально. Вероятно, мы сможем продолжать полет».

Перед стартом «Союза-11» мы договорились с Георгием Добровольским о том, что, давая оценку состояния станции и экипажа, он будет употреблять выражения «отличное» или «хорошее», если нет сомнений в возможности продолжать полет, и «удовлетворительное» — в случае появления таких сомнений. Командир экипажа «забыл» о нашей договоренности и предоставил «земле» право решать трудный вопрос: не следует ли космонавтам досрочно покинуть станцию «Салют»? К моменту моего разговора с ними явной угрозы для их жизни и здоровья не было, поэтому я дал «добро» на продолжение полета. Постараюсь, однако, кратко изложить последовательный ход событий второй половины этого дня.

Около 13 часов, когда я обедал в летной столовой Центра, ко мне подошел взволнованный Владимир Шаталов и передал очень неприятное сообщение: «На борту «Салюта» сильно пахнет гарью, появился дым. Экипаж перешел в корабль». Через

40 минут должен был состояться очередной сеанс связи с экипажем, и я попросил Шаталова уточнить ситуацию на станции и позвонить мне на аэродром, где нас ждал подготовленный к вылету Ту-104. Перед самым взлетом Шаталов доложил, что «Салют» и «Союз-11» продолжают совместный полет, но положение на борту остается напряженным: экипажу дано задание выключить первый генератор и включить фильтры очистки воздуха и второй генератор.

В 14:05 наш Ту-104 взлетел и взял курс на Крым. Через 25 минут после взлета ко мне подошел штурман корабля и доложил, что получен приказ руководителя полетов: «Немедленно вернитесь на аэродром Чкаловская». «Приказ есть приказ, выполняйте», — ответил я спокойным голосом, хотя на душе у меня кошки скребли, а в голове роились десятки различных версий о причине поступления такого приказа. К счастью, ни одна из них не оправдалась: приказ о возвращении оказался банальной ошибкой одного из офицеров КП аэродрома, перепутавшего позывные находящихся в воздухе самолетов (приказ предназначался командиру другого самолета), но из-за этой ошибки мы потеряли два часа…

На аэродроме Саки нас встретили подполковник Егупов и майор Глазков. На мои вопросы об обстановке на «Салюте» они не могли ответить ничего определенного, поскольку выехали на аэродром больше трех часов назад. Тревожные мысли о судьбе космонавтов не покидали меня еще час, пока мы добирались до евпаторийского КП. Я успокоился только после доклада Быковского: «Обстановка на борту улучшилась, дыма и запаха гари нет, но экипаж за последние шесть часов сильно переволновался, много работал, не обедал и не отдыхал». Надо отдать должное Николаеву и Елисееву, остававшимся старшими на командном пункте, — они действовали правильно и оперативно, приказав экипажу перейти в корабль и подготовиться к расстыковке. Одновременно они рекомендовали космонавтам попытаться найти причину появления запаха гари на станции.

17 июня.

Ночь прошла спокойно. В восемь утра Добровольский и Пацаев еще спали, на связь вышел Волков, который вчера, по докладу Быковского, нервничал больше всех и слишком много «якал» («Я решил…», «Я сделал…» и тому подобное). От имени Мишина ему было передано указание: «Все решает командир экипажа, выполняйте его распоряжения», на что Волков ответил: «Мы все решаем экипажем. Мы сами разберемся, как нам быть». Весь состав командного пункта неодобрительно отзывается о вчерашнем поведении Владислава Волкова. Торопливость, переоценка своих знаний, излишние эмоции и пренебрежительное отношение к мнению товарищей по полету и находящихся на КП — вот далеко не полный перечень его ошибок. Сегодня я прослушал два сеанса связи с Волковым: он заметно притих и пытается исправляться.

В 11 часов я доложил Ефимову и Керимову, что обстановка на борту станции заметно улучшается и пока нет причин для прекращения полета экипажа. Керимов сообщил, что во второй половине дня он с группой специалистов вылетит из Москвы в Евпаторию.

Поздно вечером на КП прибыли Керимов, Трегуб и Правецкий. Генерал Агаджанов подробно проинформировал их о состоянии станции и о наших рекомендациях экипажу. Сейчас положение на «Салюте» удовлетворительное, непосредственной опасности для космонавтов нет, но нет и уверенности, что она вновь не возникнет, так как экипажу не удалось обнаружить причину короткого замыкания. Вся бортовая научная аппаратура пока выключена, но мы решили последовательным включением проверить все агрегаты и приборы потребители электроэнергии, — чтобы локализовать источник аварийной ситуации и разрешить космонавтам использовать хотя бы часть научного оборудования. Керимов одобрил все наши мероприятия.

18 июня.

Самочувствие космонавтов сегодня заметно лучше, чем вчера. Волков и Пацаев в течение пяти минут провели

телерепортаж о научной аппаратуре станции, в том числе и о солнечном телескопе, который произвел на всех нас внушительное впечатление. Правда, на этом впечатляющем фоне небритые лица ребят выглядели некоторым диссонансом.

С космодрома звонил В. П. Мишин. Старт ракеты Н-1, намечавшийся на 20 июня, задерживается на двое суток. Судя по настроению Василия Павловича, у него нет большой уверенности в успешном пуске.

Сегодня Керимов, Трегуб, Агаджанов, Башкин, Елисеев и я вместе со специалистами-электриками подробно проанализировали состояние электросети «Салюта», получили необходимые консультации по телефону от находящегося в Москве Б. Е. Чертока. По нашим рекомендациям экипаж включил в сеть медицинские и некоторые другие научные приборы — пока все они работают нормально. Разработчик ряда научных экспериментов Е. А. Башкин настаивает на постепенном подключении и другой аппаратуры. Черток, Трегуб и Елисеев предлагают ограничиться тем, что уже проверено и включено, — они законно опасаются, что мы можем сами вновь создать аварийную ситуацию на борту «Салюта», которая вынудит нас прервать полет экипажа «Союза-11» и сделает невозможным полет «Союза-12». Керимов, Агаджанов и я поддержали мнение Чертока, Трегуба и Елисеева, но обязали их подумать, какие эксперименты можно выполнить за время полета экипажа Добровольского, не рискуя осложнить обстановку на борту станции к моменту прибытия на нее экипажа «Союза-12».

Идут тринадцатые сутки полета, а программа медицинских обследований и профилактических упражнений не выполняется полностью из-за неисправностей на борту «Салюта» и недостаточной активности самих космонавтов. У врачей нет пока бодрых прогнозов о возможной продолжительности пилотируемого полета.

19 июня.

Космонавт-25 Виктор Иванович Пацаев отметил свой день рождения. Юрий Фокин, Андриян Николаев, жена и дети

Пацаева и все, кто находился на командном пункте, тепло приветствовали именинника и пожелали ему и всему экипажу благополучного завершения полета.

Рекомендовали космонавтам постепенно увеличивать физические нагрузки. Решили отказаться от проведения ряда научных экспериментов и сократить взаимообмен излишней информацией.

20 июня.

Этой ночью число витков «Салюта» вокруг Земли перевалило за тысячу. Поздравляя космонавтов с тысячным витком станции, Горбатко пожелал им успешно «крутиться» на ней и вторую тысячу витков. Космонавты не растерялись и тут же ответили: «С удовольствием, но только не до конца!» Дело в том, что до двухтысячного витка «Салюта» остается больше двух месяцев, а по программе полета экипаж «Союза-11» должен еще пробыть в космосе не более 10–11 суток.

Несмотря на то, что самочувствие всех членов экипажа пока хорошее, я не уверен, надо ли оставлять их на станции даже на этот срок, поскольку все оптимистические заверения врачей Минздрава о возможности 30-суточного полета на «Салюте», мягко говоря, не оправдываются. За 14 суток пребывания на орбите космонавты занимались физическими упражнениями значительно меньше времени, чем намечалось, по следующим причинам: 1) тренировочные костюмы не выдерживают необходимой нагрузки (рвутся амортизаторы); 2) у вакуумной емкости в первые же дни полета сломались две стойки из трех; 3) при тренировках на бегущей дорожке вся станция «ходит ходуном» (вибрируют панели солнечных батарей, плещется горючее в баках, шум от работающей дорожки не дает заснуть отдыхающим членам экипажа).

Сегодня провел совещание офицерского состава ВВС, обратил внимание на недостатки в работе (нечеткие формулировки, многословие при переговорах по радио), на случаи грубого нарушения режима и дисциплины. Подполковника Гуляева за самовольный уход с дежурства и опоздание на 10 часов при возвращении из города отстранил от

должности руководителя смены и отправил в Москву. Полковнику Горбатко и майору Глазкову за передачу по УКВ на борт станции телеграмм, не записанных предварительно в журнал, объявил выговор. Генерал Николаев уже не первый раз руководит полетом на командном пункте дело он знает отлично, но допускает излишнюю мягкость в обращении с подчиненными, чем и злоупотребляют некоторые из офицеров. Характерно, что после того, как я объявил свое решение об отстранении Гуляева от должности, ко мне с просьбой о его «помиловании» по очереди приходили Николаев, Быковский, Филипченко, Крышкевич, Румянцев и другие товарищи. Пришлось еще раз твердо сказать им: «Нет, вы не правы».

Пошли пятнадцатые сутки полета экипажа Добровольского. Пока мы будем ориентироваться на выполнение 25-суточной программы полета, но не исключено, что нам придется досрочно вернуть экипаж на Землю. Все будет зависеть от состояния станции, самочувствия космонавтов и от метеоусловий в районе посадки. Последние дни сила ветра на полигоне посадки достигает 20–25 метров в секунду — это очень опасно!

21 июня.

Председатель Государственной комиссии генерал К. А. Керимов улетел в Москву. На КП кроме меня остались Агаджанов, Трегуб и пятеро космонавтов, в том числе прилетевший сегодня из Москвы Владимир Шаталов. Еще 15 июня я разрешил Шаталову уйти в отпуск, но Кутахов властью Главкома «пригнал» его в Евпаторию. Больше того, Кутахов отменил и мое решение о поездке в Женеву Андрияна Николаева — он решил направить туда Шаталова, который не сможет теперь отправиться на отдых до середины июля. Разумнее было бы дать ему хотя бы месячный отпуск (здесь мы без него как-нибудь обошлись бы), а с первого августа назначить на мою должность. Но Кутахов все перепутал и испортил отпуска многим генералам ВВС. Ну да бог с ним, с Кутаховым, — сейчас я мечтаю только о том, чтобы побыстрее оборвалась моя зависимость от прихотей этого строптивого маршала.

Прослушал три сеанса связи с экипажем «Союза-11», изучил все данные о состоянии станции и самочувствии космонавтов. Вывод пока однозначный: полет можно продолжать до 27–30 июня.

22 июня.

Сегодня исполнилось ровно 30 лет со дня начала Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 года меня разбудило тревожное слово — война! Я был тогда полковником — командиром авиационной дивизии в Ашхабаде. А мои сегодняшние соседи — Николаев и Шаталов — были босоногими мальчишками. За 30 лет было столько тяжелых поражений, столько гигантских катастроф и несчастий, что иногда кажется невероятным, что мы смогли перенести все это. Тяжелые годы сталинских репрессий, военные поражения и гибель друзей, смерть старшего сына, разрушение Ашхабада и Ташкента, гибель Комарова и самое тяжелое для меня несчастье — гибель Гагарина, — пережить все это и найти в себе силы идти дальше, идти вперед — это возможно только при непоколебимой вере в народ, вере в помощь народа, в помощь людей, идущих рядом.

Мне всегда везло на хороших товарищей, на крепких помощников и умных друзей. Поэтому рядом с поражениями и несчастьями были и великие победы, и великие свершения, и много хорошего человеческого счастья. Для меня было уже счастьем и большой победой, когда я выбрался из меленковской глухомани и стал военным летчиком эскадрильи имени Ленина. А Челюскинская эпопея и звание Героя Советского Союза, члена ЦИК СССР, депутата Верховного Совета СССР! В 30 лет я уже был командиром авиационной дивизии. Это была крутая лестница подъема вверх — на большие высоты, но у меня никогда не кружилась голова. Работа, работа и еще раз работа — вот моя генеральная линия на всю жизнь.

Участником Великой Отечественной войны я стал осенью 1942 года, когда мощная волна наступающих немецких армий в основном была остановлена и началось наше продвижение с востока на запад, когда у всех советских людей окрепло ощущение приближающейся Великой победы. Война есть война,

мы несли неизбежные потери, но боевой дух наших воинов в эти годы был настолько высок, что даже в самых тяжелых сражениях они, презирая смерть, оставались верными своему долгу перед Родиной.

После войны мне посчастливилось видеть многие из наших городов, восстановленных волею народа из руин: Минск, Киев, Одесса, Севастополь, Сталинград, Воронеж стали еще краше по сравнению с тем, какими они были до нашествия гитлеровских полчищ. Я хорошо знал и любил Ашхабад и Ташкент, мне довелось видеть эти города разрушенными до основания сильнейшими землетрясениями, и я видел их восставшими из пепла. Я был участником подготовки первого полета человека в космос. Семь лет находясь рядом с Гагариным, я испытывал чувство гордости за успехи нашей Родины. Вместе с космонавтами уже 11 лет я участвую в подготовке и осуществлении пилотируемых космических полетов.

Вот и сегодня идут уже семнадцатые сутки полета экипажа «Союза-11» на ДОС «Салют». На борту станции все в порядке, полет уверенно продолжается. В соседней комнате после напряженной работы на командном пункте отдыхают два генерала, два дважды Героя Советского Союза — А. Г. Николаев и В. А. Шаталов. Последний скоро займет мое место: в октябре мне исполнится 63 года — пора уступать дорогу молодым. Я верю, что Шаталов, Береговой, Николаев, Леонов, Попович, Елисеев и другие космонавты станут со временем большими руководителями нашей космической программы.

23 июня.

Уже неделю я нахожусь в Евпатории, но еще ни разу не искупался в море: стоит прохладная погода с сильными ветрами, к тому же я немного простудился — заложило горло и нос. Врачи запретили мне бегать и попытались напичкать лекарствами. После введения в нос санорина у меня начался такой сильный насморк, какого никогда в жизни не было. Создалась реальная угроза заболевания гайморитом, врачи стали намекать на необходимость прервать командировку и улететь в Москву. Я вежливо выслушал их советы и пообещал

быть «примерным больным». Но до посадки экипажа «Союза-11» болеть мне нельзя: в последние дни полета космонавтам в любой момент может потребоваться моя помощь и поддержка. После ухода врачей я выбросил все таблетки и капли, оделся потеплее и пробежал два километра. Уже на первом километре произошло «чудо»: я почувствовал, что совершенно свободно могу дышать носом. Утром следующего дня было холодно, шел дождь, неприятно завывал ветер, а после сна мой нос опять заложило. Одним словом, следуя советам медиков, я должен был бы лежать в теплой постели. Но я отправился на пробежку и, пробежав пять километров, почувствовал, что окончательно победил болезнь. Вчера и сегодня мое самочувствие вполне нормальное.

Последние три дня я часто беседовал с врачами о ходе полета экипажа «Союза-11». Из Москвы прилетели сюда Бурназян (заместитель министра здравоохранения), Газенко, Генин и другие «звезды» космической медицины. Год тому назад они дали согласие на месячный полет космонавтов на «Салюте», заверяя всех, что их послеполетная реадаптация будет не такой болезненной, как у экипажа «Союза-9». Свою уверенность в безвредном для здоровья космонавтов исходе полета они обосновывали наличием на борту «Салюта» новых эффективных средств предохранения экипажа от воздействия длительной невесомости (КТФ, «Полином», профилактические костюмы и пр.). Я, врачи ВВС и сами космонавты, признавая возможную пользу от применения новых средств и методов противодействия невесомости, настаивали на более осторожном увеличении продолжительности полетов. Мы предлагали планировать продолжительность пребывания на станции первого экипажа не более чем 22–24 дня, а не 30–45 дней, как планировал Мишин при безропотном согласии руководства Минздрава. Ход полета экипажа «Союза-11» уже доказал, что Мишин и Минздрав были не правы: после 23–24 суток полета на «Салюте» космонавтам будет очень трудно вернуться к земным условиям существования. Бурназян и Газенко, предчувствуя провал своих прогнозов, пытаются оправдать его ссылками на

недостатки в организации полета и суточного режима космонавтов, но ссылки эти неубедительны и бесплодны.

По моим наблюдениям, экипаж «Союза-11» сохранит достаточную работоспособность до запланированного окончания полета, но период реадаптации будет для всех троих очень тяжелым. Думаю, особенно трудной реадаптация окажется для Волкова: в полете он меньше других занимается физическими тренировками, наотрез отказывается от мясной пищи, проявляет раздражительность и уже делает много ошибок. Врачи Минздрава, наоборот, считают, что Волков должен перенести все послеполетные тяготы легче, чем его товарищи по экипажу.

Вчера провели заседание посадочной комиссии. Решили: рекомендовать Государственной комиссии произвести посадку космического корабля «Союз-11» 30 июня на третьем суточном витке в районе 150–200 километров юго-западнее Караганды.

24 июня.

Добровольский и Пацаев выполнили очень ценный в военном отношении эксперимент по программе «Свинец» — фиксирование ночного старта боевых ракет с помощью специальной аппаратуры. Руководитель этого эксперимента генерал-лейтенант Королев, а также наши специалисты дали высокую оценку работе экипажа.

Пуск ракеты Н-1 опять отложен — теперь Мишин надеется вывести ее в космос 27 июня, но отказов и неполадок так много, что и этот срок может оказаться нереальным. Сегодня с космодрома звонил генерал Карась, настроение у него мрачное: отказала телеметрия ракеты Н-1, есть и другие неполадки, устранение которых может снова задержать пуск. Эта неудачная ракета тяжелейший крест для нашей космонавтики.

Позавчера собиралась посадочная комиссия, на которой мы решили рекомендовать Госкомиссии осуществить посадку «Союза-11» 30 июня на третьем суточном витке, а сегодня Я. И. Трегуб пытался убедить меня в необходимости сажать корабль не на третьем, а на втором витке. Основной аргумент Трегуба в пользу посадки на втором витке сводится к тому, что в спускаемом аппарате корабля очень тесно и экипажу, если

потребуется, будет трудно летать в нем еще одни сутки. Я отстаивал решение, принятое посадочной комиссией. На третьем витке корабль приземлится за 24 минуты до восхода солнца, то есть практически в светлое время, а на втором — более чем за час до рассвета. В будущем нам обязательно придется сажать космические корабли ночью, но сейчас ни корабль «Союз-11», ни служба поиска не готовы к ночной посадке. Ослабленному после длительного полета экипажу может понадобиться срочная медицинская помощь, а у нас нет уверенности, что ночью группы поиска смогут оказать ее достаточно быстро.

25 июня.

Только что (в 22:30) вернулся с командного пункта. Экипаж «Союза-11» совершил уже 315 витков вокруг Земли и почти на 50 часов превысил абсолютный мировой рекорд продолжительности космического полета, установленный в июне прошлого года Николаевым и Севастьяновым. Елисеев и Горбатко поздравили ребят с новым мировым достижением.

Прошедшей ночью успешно провели еще один эксперимент по программе «Свинец» (с самоходной установки пускалась ракета на твердом топливе). Георгий Добровольский и его товарищи отлично выполнили поставленную им задачу. И все же внимательное наблюдение за экипажем показывает, что ребята сильно устали: у них ослаблено внимание и затруднено восприятие указаний с «земли», на вопросы о самочувствии они дают уклончивые ответы («сносное», «всякое бывает»). Однако врачи Минздрава продолжают твердить о высокой работоспособности космонавтов, предпочитая не замечать у них явные признаки значительного переутомления.

Провел заседание посадочной комиссии. Заслушали доклад Андрияна Николаева о выборе посадочного витка и точки прицеливания. Единогласно решили производить посадку «Союза-11» на третьем суточном витке 30 июня с точкой прицеливания, расположенной на 200–250 километров юго-западнее Караганды. Прогноз погоды на полигоне посадки пока благоприятный. Н. Н. Гуровский доложил о том, что

медицинская группа, вновь изучив рекомендации по действиям экипажа после приземления, предлагает ничего не менять в имеющейся инструкции (космонавтам рекомендуется меньше двигаться и ждать прибытия врачей) — это предложение комиссией было принято. В своем докладе Гуровский еще раз заявил, что, по мнению врачей Минздрава, состояние экипажа «Союза-11» после посадки будет менее тяжелым, чем в случае с экипажем «Союза-9». Посадочная комиссия не согласилась с таким прогнозом и рекомендовала врачам готовиться к более сложной ситуации.

Сегодня погода в Евпатории несколько улучшилась, ветер стих, температура воздуха повысилась до +22, а воды — до +19 градусов. Впервые за последние девять дней искупался в море (больше недели штормило, температура воды была не выше 14 градусов).

26 июня.

Все научно-технические эксперименты на станции «Салют» закончены. Последние три-четыре дня полета отводятся космонавтам для проведения усиленных физических тренировок, медицинских обследований и предпосадочных работ.

Перед тем, как перейти в корабль, экипаж обязан навести на борту «Салюта» образцовый порядок: проверить и выключить аппаратуру и приборы, оставив включенными только те из них, которые необходимы для автономного полета станции; отобрать и перенести на корабль все то, что надо доставить на Землю; убрать все отходы жизнедеятельности; проверить качество запасов воды и пищи для очередного экипажа, а также проделать множество других ответственных операций, гарантирующих дальнейшее существование станции и благополучное возвращение самих космонавтов.

Экипаж уже приступил к консервации станции. На командном пункте мы будем вести строгий контроль за точным выполнением космонавтами всех пунктов бортовой инструкции, и особенно за тем, чтобы они не перегрузили корабль и не нарушили его центровку. На станции очень много ценного

оборудования, приборов, кино- и фотопленок, записей, но экипажу разрешается вернуть на Землю только то, что предусмотрено к возвращению специальной инструкцией.

27 июня.

В газетах опубликован некролог о смерти Алексея Михайловича Исаева выдающегося конструктора авиационных и ракетных двигателей. Ушел из жизни еще один ветеран, участник всех пусков наших космических кораблей.

Сегодня в 2 часа ночи на космодроме была предпринята еще одна, третья по счету, попытка вывести на орбиту наш самый мощный носитель — ракету Н-1. Но чуда не произошло: на 57-й секунде полета нарушилась стабилизация ракеты — ее двигатели автоматически выключились, и, частично разрушившись уже в воздухе, она рухнула на землю и взорвалась.

Итак, все три попытки заставить летать ракету Н-1 закончились мощными взрывами (на этот раз стартовые сооружения, к счастью, не пострадали). Всего изготовлено 13 экземпляров ракеты, из которых три уже использованы в наземных испытаниях и еще три разрушились при пусках. Доводка носителя Н-1 с использованием оставшихся семи экземпляров будет, по-видимому, продолжаться, но я убежден, что это совершенно бессмысленное дело. Уже три-четыре года назад было ясно, что лунный комплекс Н-1 — Л-3 никуда не годится и его тогда же надо было забраковать. Но у Устинова, Смирнова, Келдыша и Мишина по-прежнему не хватает честности доложить правительству об этом грандиозном провале, стоившем стране миллиарды рублей.

Заканчиваются 22-е сутки полета экипажа Добровольского. Сегодня я придирчиво наблюдал за космонавтами — чувствуется, что они очень утомлены, хотя и делают все необходимое для сохранения работоспособности. В полете, по общему заключению, наиболее активным и энергичным выглядит Владислав Волков. Я по-прежнему опасаюсь, что излишняя активность Волкова дороже обойдется ему в процессе реадаптации к земным условиям.

28 июня.

Экипаж Добровольского уже второй день подряд занимается подготовкой к спуску с орбиты и консервацией «Салюта», оказавшейся (неожиданно для многих из нас) очень трудоемким делом. Космонавты должны не просто перейти со станции в корабль и расстыковаться, но и оставить ее в таком состоянии, чтобы она экономично работала в автоматическом режиме и была полностью подготовлена к прибытию нового экипажа. Для этого надо тщательно проверить работу всех систем, приборов и оборудования, все привести в соответствие с бортовой инструкцией, проконтролировать и записать, чтобы «земля» и очередной экипаж могли разобраться в обстановке на станции. Необходимо также провести генеральную уборку в отсеках станции — удалить отходы, остатки пищи, тару и т. д.

«Салют» — наша первая орбитальная станция, рассчитанная на длительный полет со сменой двух-трех экипажей. Условия для работы на ней, бесспорно, намного комфортнее, чем в корабле, и все же она нуждается в значительном усовершенствовании. В первую очередь должны быть созданы: отсек ликвидации отходов; отсеки солнечных батарей и научной аппаратуры, способные автономно вращаться и стабилизироваться; отсек управления, а также отдельное помещение для отдыха экипажа. Короче говоря, я убежден, что систематические и эффективные полеты на ДОС длительностью до двух месяцев и более станут возможными лишь лет через десять, а не в 1971 году, как об этом мечтал и все еще мечтает В. П. Мишин.

Рекордный полет человека в космос продолжительностью до 45–60 суток можно установить уже в следующем году, но это был бы примерно такой же рекорд, как если бы спортсмен в высоком темпе пробежал 100 километров и свалился замертво за финишной чертой. Нам не нужны такие рекорды!

Сегодня из Москвы прилетел Керимов с большой группой специалистов, необходимых для обеспечения расстыковки и спуска корабля с орбиты. Афанасьев, Келдыш, Мишин и Карась все еще находятся на космодроме.

29 июня.

Только что вернулся с вечерней прогулки к морю. Вскоре на КП закипит напряженная работа по управлению расстыковкой и посадкой «Союза-11», а пока мы целый час отдыхали и наслаждались морем, отрешившись от предстоящих трудностей и от недавней неудачи с ракетой Н-1. Четыре часа назад Мишин и Афанасьев вместе с другими участниками пуска Н-1 прилетели с космодрома, где им пришлось пережить тяжелую драму… Но никто не хотел вспоминать об этом несчастье — на прогулке говорили о разных пустяках, а Мишин собирал в банку божьих коровок для своего подмосковного сада (в последние дни на берегу мириады этих симпатичных жучков).

Сегодня на заседании Госкомиссии мы подписали решение о посадке «Союза-11» на третьем суточном витке 30 июня в 02:18 московского времени примерно в сотне километров к востоку от Джезказгана. Теперь от нас требуется большое терпение и умение ждать и молчать — молчать тогда, когда хочется крикнуть: «Как сел корабль? Как самочувствие космонавтов?»

Я предупредил членов комиссии, что космонавты после приземления не будут открывать люк и выходить из корабля — нам придется ожидать минут 20–30, пока группа поиска подойдет к «Союзу-11», откроет люк и доложит о состоянии экипажа. Сейчас все согласны с тем, что космонавтам не следует пытаться выйти из корабля без помощи врачей, но через минуту после посадки об этом забудут и станут требовать немедленных ответов на десятки мучительных вопросов…

3 июля. Москва.

Вчера на Красной площади хоронили Георгия Добровольского, Владислава Волкова, Виктора Пацаева. Кремлевская стена приняла останки еще троих наших космонавтов…

Уходящая неделя была черной для советской космонавтики. Позже я попытаюсь восстановить в памяти и описать трагические события этих дней, а сейчас я должен ехать на аварийную комиссию по разбору причин гибели экипажа «Союза-11».

5 июля.

Воскресенье провел на даче. Работал в саду до одурения и отсыпался. Впервые за последнюю неделю смог поспать семь часов подряд — физическую усталость удалось снять, но душевное равновесие и спокойствие придут, наверное, нескоро.

Тяжесть утраты настолько тяжела, что я непрерывно думаю об одном и том же — а все ли мы сделали для предотвращения трагической гибели экипажа «Союза-11»? И я не могу убедить себя в том, что сделано все: мы сумели предусмотреть и избежать многих опасных ситуаций, которые могли бы привести к печальному исходу полета, но конкретной причины гибели Добровольского, Волкова и Пацаева не предупредили. А можно ли было ее предупредить? Да, можно было предупредить!

Космонавты и специалисты ВВС много раз и устно, и письменно (вплоть до обращений в ЦК КПСС) настаивали на необходимости иметь на борту корабля скафандры и средства наддува воздуха, но нам все время (на протяжении семи лет!) отвечали отказом. В ответ на наши просьбы В. П. Мишин неоднократно заявлял, что мы — перестраховщики, что разгерметизация корабля «Союз» полностью исключена и, стало быть, на нем «можно летать в трусиках».

На борту «Союза-11» можно было бы иметь скафандры лишь в том случае, если бы его экипаж состоял не из трех, а только из двух космонавтов (три скафандра весят около 80 килограммов и требуют дополнительного объема). Имеется решение правительства, которое предоставляет главному конструктору право принимать окончательный вариант конструкции и оборудования корабля. Следует признать, что трехместный вариант корабля «Союз» при отсутствии на нем скафандров — принципиальная ошибка. Ошибочным является и решение о снятии с борта «Союза» баллона наддува, принятое Мишиным вопреки протестам специалистов ВВС.

В субботу 3 июля заседала Госкомиссия, наметившая программу и план расследования происшествия. Создано десять подкомиссий, которым поручено в недельный срок представить материалы расследования. Председателями шести подкомиссий

назначены представители ВВС — Каманин, Шаталов, Николаев, Фролов, Береговой, Бабийчук. Я возглавляю комиссию по определению состояния «Салюта» и подготовке предложений о дальнейшем его использовании.

В тот же день было однозначно установлено, что причиной гибели экипажа «Союза-11» явилась разгерметизация корабля из-за самопроизвольного открытия вентиляционного клапана. На пленках бортовой записывающей аппаратуры «Мир» точно зафиксированы начало и конец разгерметизации: давление воздуха в кабине «Союза-11» стало резко снижаться сразу же после разделения отсеков корабля и за 112 секунд упало до нуля.

Причина открытия клапана пока не выяснена. Установить ее — вот главная задача аварийной комиссии. Остается добавить, что в бортовой инструкции экипажу о клапане написано следующее: «В случае посадки на воду при невозможности открыть люк из-за волнения моря, а также в случае длительного отсутствия групп поиска (более часа) космонавтам разрешается открыть вентиляционный клапан». Только через час после посадки разрешается открыть клапан, а он открылся на высоте 170 километров…

6 июля.

У меня появилась возможность хотя бы частично восполнить пробелы в моем дневнике, что я и попробую сделать.

29 июня.

В 19:30 все члены Госкомиссии собрались на евпаторийском КП для руководства расстыковкой «Союза-11» с «Салютом» и посадкой корабля. Генерал Николаев доложил: «На борту станции все в порядке. На 15-м суточном витке полета в 19:45 начнется сеанс связи с экипажем». Сеанс связи начался вовремя, Добровольский и Волков сообщили, что консервация станции закончена, все возвращаемые с орбиты материалы и документация уложены в спускаемом аппарате, экипаж надел противоперегрузочные костюмы и готов покинуть станцию. Во время переговоров Елисеева с экипажем выяснилось, что Волков не включил на борту станции фильтр вредных примесей. Волков

пытался доказать, что «земля» якобы приказала фильтр не включать, но после просмотра записей вчерашних переговоров убедился, что допустил ошибку, включил фильтр и доложил об этом.

После перехода экипажа со станции на борт корабля и закрытия переходного люка между бытовым отсеком и спускаемым аппаратом мы услышали взволнованный голос Владислава Волкова: «Люк негерметичен!.. Что делать?.. Что делать?..» Оказалось, что транспарант «Люк открыт» не погас. Елисеев, проводивший сеанс связи с экипажем, отреагировал на эту ситуацию очень спокойно: «Не волнуйтесь. Откройте люк, выберите штурвал влево до отказа. Закройте люк и поверните штурвал вправо на шесть с половиной оборотов». Волков и Добровольский выполнили указание Елисеева и доложили, что транспарант «Люк открыт» по-прежнему горит. Затем они повторили процедуру открытия-закрытия люка еще несколько раз, но транспарант продолжал гореть…

Тщательно оценив ситуацию с люком, мы решили проверить его на герметичность чуть позже, а пока порекомендовали космонавтам подложить под контактный концевик транспаранта клочок бумаги. После того, как Добровольский вновь открыл люк, подложил под концевик кусочек пластыря и затянул штурвал на 6,5 оборотов, раздался радостный возглас Волкова: «Погас, погас транспарант! Все в порядке!» Более двадцати минут продолжались неприятности с люком, державшие космонавтов и всех нас в состоянии предельного нервного напряжения…

Во второй половине пятнадцатого витка давление воздуха в бытовом отсеке было спущено до 160 миллиметров — люк был герметичен. На шестнадцатом витке экипажу было дано разрешение на расстыковку с «Салютом». Расстыковка — один из ответственных этапов полета, и, ожидая доклада космонавтов, мы все очень волновались, но, как вскоре выяснилось, волновались совершенно напрасно. В 21:35 экипаж доложил: «Расстыковались. Все прошло нормально. Видим, как станция удаляется от корабля». Мы приказали Добровольскому

включить двигатель, замедлить расхождение, подойти к станции на 10–15 метров и сфотографировать ее. Добровольский выполнил приказание, и Пацаев сделал несколько снимков «Салюта» с расстояния 30–40 метров.

30 июня.

В 00:16 я вышел на связь с Добровольским (до посадки корабля оставалось около двух часов).

Каманин: «Янтарь», я — 16-й, как меня слышите?

Добровольский: 16-й, слышу вас отлично.

Каманин: Даю условия посадки. Над территорией СССР малооблачно — 3–4 балла. В районе посадки ясно, видимость — 10 километров, ветер — 2–3 метра в секунду, температура — 16 градусов, давление у земли — 720 миллиметров. Напоминаю: при спуске ведите постоянный репортаж по КВ и УКВ на всех антеннах, и особенно на щелевой и парашютной. После посадки действуйте по инструкции, люк не открывайте, резко не двигайтесь, ждите группу поиска. Желаю мягкой посадки. До скорой встречи на Земле!

Добровольский: Вас понял, условия посадки отличные. На борту все в порядке, самочувствие экипажа отличное. Благодарим за заботу и добрые пожелания.

По объективным данным телеметрии и докладам экипажа, на третьем витке свободного (после отделения от станции) полета «Союза-11» космонавты были спокойны и уверены в благополучном приземлении. За пятнадцать минут до включения ТДУ все члены Госкомиссии, главные конструкторы и специалисты Афанасьев, Керимов, Мишин, Трегуб, Карась, Воробьев, Шаталов, Елисеев, Феоктистов и другие собрались в зале оперативно-технического руководства.

По программе спуска ТДУ должна включиться в 01:35:24 и через 187 секунд — выключиться. Все с нетерпением ждут докладов о включении и выключении ТДУ, Шаталов настойчиво вызывает «Янтарь» на связь, но экипаж молчит… В 01:47:28 должно произойти разделение корабля (от спускаемого аппарата отделяются приборный и бытовой отсеки), но докладов о разделении нет. Не ясно, пошел ли «Союз-11» на

спуск или он остался на орбите? Наступает время сеанса связи (01:49:37–02:04:07), предусмотренного на случай, если корабль не сошел с орбиты. Гнетущая тишина царит в зале — связи с экипажем и каких-либо новых данных о «Союзе-11» по-прежнему нет. Все понимают: на корабле что-то произошло, но что именно, пока никто не знает. Страшно медленно тянутся минуты ожидания…

Но вот в 01:54 с КП ВВС поступает сообщение: «Удаление корабля от расчетной точки посадки 2200 километров». У нас появляется надежда: возможно, отказала только радиосвязь с экипажем, а сам корабль нормально спускается и все обойдется благополучно. «Удаление 1800… 1000… 500… 50 километров от расчетной точки», — продолжает докладывать КП ВВС. Вскоре должен раскрыться парашют, на стренге которого есть антенна для КВ- и УКВ-каналов связи. Штатный спуск корабля на парашюте с высоты 7000 метров длится около пятнадцати минут, о ходе спуска на парашюте космонавты обязаны докладывать по КВ- или УКВ-каналам. Почти при всех спусках «Союзов» такая связь была, но экипаж «Союза-11» продолжает молчать…

В 02:05 с КП ВВС доложили: «Экипажи самолета Ил-14 и вертолета Ми-8 видят корабль «Союз-11», спускающийся на парашюте». В 2 часа 18 минут по московскому времени «Союз-11» приземлился примерно в двухстах километрах восточнее Джезказгана, почти одновременно рядом с кораблем сели четыре поисковых вертолета. Более получаса мы ждали, просили и требовали докладов от КП ВВС, но получали только один ответ: «Ждите». Наконец, меня подозвали к телефону «ВЧ» и доложили: «Генерал Горегляд, вылетевший с места посадки корабля в Джезказган, сообщил по радио, что исход космического полета самый тяжелый». Для меня стало ясно, что экипаж «Союза-11» погиб, о чем я оповестил Государственную комиссию. Керимов, Афанасьев, Мишин и многие другие не хотели верить этому страшному известию, требуя его неопровержимого подтверждения. Прошло еще около часа, прежде чем поступило такое подтверждение: из доклада

генерала Углянского по «ВЧ» выяснилось, что уже через две минуты после приземления «Союза-11» специалисты группы поиска в присутствии Горегляда открыли люк корабля и обнаружили всех трех космонавтов без признаков жизни.

После доклада Устинову и Смирнову в 6 часов утра представители Госкомиссии вылетели из Крыма к месту происшествия. На самолете Ту-104 мы долетели до Актюбинска, пересели там на Ан-10 и добрались на нем до Джезказгана. В Джезказгане нам доложили, что самолет с генералом Гореглядом и телами погибших космонавтов уже улетел в Москву. Из Джезказгана мы перелетели на двух вертолетах к месту посадки «Союза-11».

К 16 часам местного времени кроме врачей и специалистов из групп поиска у корабля уже были Афанасьев, Мишин, Керимов, Карась, Шаталов, Елисеев, Феоктистов, Северин, Воробьев и другие товарищи. Примерно через час после нас из Караганды прилетели генералы Мороз, Мишук, Фролов, Кузнецов, Василевский, космонавты Леонов и Севастьянов и более десятка специалистов. До наступления темноты мы успели произвести только общий осмотр корабля, кабины, кресел, парашютной системы и другого оборудования.

Судя по результатам осмотра, корабль «Союз-11» произвел мягкую посадку — серьезных внешних повреждений на нем не обнаружено. В кабине выключены все передатчики и все приемники. Плечевые ремни Волкова и Пацаева отстегнуты, а привязные ремни Добровольского находятся в запутанном состоянии (застегнут только поясной замок). Вентиль одного из двух воздушных клапанов вывернут на 10 миллиметров. Других отклонений от нормы в кабине не замечено.

В 23 часа группу товарищей во главе с Мишиным и Карасем я отправил самолетом Ан-10 в Москву, а на КП ВВС передал приказание: завтра в 5:00 доставить в Джезказган группу специалистов и аппаратуру для проверки герметичности корабля «Союз-11».

1 июля.

К 8 часам утра мы вновь собрались на месте посадки «Союза-11», чтобы проверить его кабину на герметичность. Закрыли люк и все другие штатные отверстия в корпусе корабля, создали в кабине давление, превышающее атмосферное на 100 миллиметров, и… не обнаружили ни малейших признаков негерметичности. Повысили избыточное давление до 150, а затем до 200 миллиметров. Выдержав корабль под таким давлением в течение полутора часов, окончательно убедились в полной герметизации кабины. Было ясно, что в корабле нет «нештатной дыры» и что его разгерметизация при спуске могла произойти только «по вине» одного из двух вентиляционных клапанов. О том, что космонавты погибли из-за разгерметизации корабля, нам было уже известно по данным медицинской экспертизы — у погибших обнаружены следы кровоизлияния в мозг, кровь в легких, повреждения барабанных перепонок и выделение азота из крови. Через 4 секунды после начала разгерметизации частота дыхания у Добровольского подскочила до 48 вдохов в минуту (при норме 16), началась агония, и через 20–30 секунд наступила смерть.

На этом наше расследование на месте происшествия закончилось. После того, как корабль был при нас опечатан, я дал команду отправить его в Москву.

В 19:30 мы были уже в Москве, и в 21:40 я уже стоял в почетном карауле у праха космонавтов. Волков лежал в гробу, как живой, а лица Добровольского и Пацаева изменились до неузнаваемости. Первоначально было объявлено о прекращении доступа в ЦДСА в 10 часов вечера, но пришедших проститься с космонавтами было так много, что церемония прощания продолжалась до полуночи. Около часа ночи состоялась кремация…

7 июля.

Сегодня написал три страницы о полете и гибели экипажа «Союза-11», которыми будет завершаться выходящая в Политиздате книга «Летчики и космонавты». Из 25 наших космонавтов, побывавших на околоземных орбитах, 19

продолжают работать, пять — захоронены в Кремлевской стене и один — на Новодевичьем кладбище.

Пришло время поставить точку в «Космических дневниках», которые я вел более десяти лет подряд. Но прежде, чем сделать это, я не могу не вернуться еще раз к постигшему нас несчастью. Такое больше никогда не должно повториться! Считаю своим долгом сказать об этом трагическом случае все, что я о нем думаю, невзирая на точку зрения высокого начальства в лице Устинова, Сербина и Смирнова.

Меня насторожили разговоры, которые вели Мишин, Афанасьев и Бушуев с руководителями партии и правительства. Нашлись люди, пытавшиеся с умным видом утверждать, что «дырку в корабле можно было заткнуть пальцем». Другие возлагали вину за отсутствие радиосвязи с экипажем на самих космонавтов, якобы забывших включить передатчики перед спуском корабля с орбиты. Кое-кто договаривался даже до того, что причина кроется в «неудачном подборе экипажа». Но больше всего меня поразило «смелое и принципиальное» заявление маршала Кутахова: «Мы виноваты в том, что космонавты летали без скафандров».

Экипажи наших космических кораблей летают без скафандров уже семь лет. Об опасности таких полетов космонавты писали Хрущеву, Брежневу, Устинову, Смирнову. О том, что космонавты «летают в трусиках», знал и Кутахов, подписавший письмо Мишину с просьбой иметь на борту корабля скафандры. Но на все наши просьбы мы неизменно получали категорический отказ — сначала от Королева, а в последние годы от Мишина. Нам заявляли, что летали сотни кораблей (с учетом беспилотных) и не было ни одного случая разгерметизации. Нас обвиняли в трусости, называли перестраховщиками…

Только что из ВПК мне сообщили о назначении Правительственной комиссии под председательством Келдыша для расследования обстоятельств и причин гибели экипажа «Союз-11». От ВВС в комиссию включены Мишук и Шаталов. Я полагал, что Устинову удастся затянуть или вовсе отбить

назначение комиссии — ведь для него невыгодно допускать «посторонних» к расследованию провалов в промышленности. Но Устинов и на этот раз нашел выход из трудного положения, поставив во главе комиссии безвольного и преданного ему Келдыша.

Я уверен, что в аварийной обстановке космонавты до конца боролись за свою жизнь, но они были обречены. Можно ли обвинять их в том, что они не сумели «заткнуть дырку в корабле пальцем»? Сделать это еще никто не пробовал, да и можно ли сделать это вообще? Ведь за бортом корабля космический холод и глубокий, вызывающий мгновенное вскипание крови вакуум. Думаю, и в спокойной обстановке вряд ли кому удастся продержать палец в открытом космосе хотя бы несколько секунд, а экипажу «Союза-11» надо было прежде всего в считанные мгновения обнаружить причину начавшейся разгерметизации, а потом, «заткнув дырку пальцем», поддерживать герметичность кабины в течение 15–17 минут при нарастающих в ходе спуска перегрузках.

Анализ имеющихся в моем распоряжении материалов расследования — записей бортовой аппаратуры «Мир», данных телеметрии, акта о состоянии кабины, медицинского заключения о причине смерти космонавтов — позволяют представить, что могло происходить на борту «Союза-11» в течение 25–30 секунд после разделения его отсеков.

…Заканчивается рабочий цикл ТДУ, экипаж ощущает нарастание перегрузок — значит, корабль пошел на спуск. На борту все нормально, однако космонавты, помня о недавних неприятностях с переходным люком, во все глаза следят за давлением в кабине. Слышится хлопок — есть разделение! Но что это? Давление в кабине начинает быстро падать… Разгерметизация! Отстегнув привязные ремни, Добровольский бросается к люку. Люк герметичен, но давление продолжает падать, слышен свист уходящего в космос воздуха. Из-за шума включенных передатчиков и приемников невозможно понять: где же свистит воздух? Волков и Пацаев отстегивают плечевые ремни и выключают радиоаппаратуру. Свист воздуха слышится

над креслом командира — там, где расположен вентиляционный клапан. Добровольский и Пацаев пытаются закрыть вентиль, но, обессиленные, падают в кресла. Добровольский, теряя сознание, все же успевает застегнуть поясной замок перепутанных ремней…

1973–1978 годы

За годы, прошедшие со времени полуторачасового одновиткового полета Юрия Гагарина, советская космонавтика добилась многого — стали реальностью тысячевитковые полеты вокруг Земли продолжительностью более 100 суток. Дальнейшие успехи в освоении космического пространства будут зависеть только от выделяемых для этой цели денежных сумм, размер которых напрямую связан с состоянием международной обстановки: чем больше опасность возникновения новой большой войны, тем меньше расходы на «мирный космос» и тем значительнее затраты на форсированное развитие военной космонавтики. Я глубоко убежден, что у человечества есть все возможности уже к началу нового тысячелетия создать постоянные поселения в космосе.

12 декабря 1973 года. Дача «Заборье».

Более двух лет не прикасался к дневнику. За это время я привел в порядок все свои записи (12 книг по 200 машинописных страниц в каждой), написал повесть о Валентине Терешковой. Рукопись повести приняли в Политиздате с условием значительного и очень существенного ее сокращения. Я отказался изъять из текста фамилии дублеров Терешковой и многих товарищей из ЦПК, готовивших ее к полету, описания встреч с Хрущевым и многое другое, чего еще не было в печати.

На днях ко мне на дачу приезжали писатели Е. И. Рябчиков и А. С. Магид они поделились со мной своими соображениями, планами и трудностями в совместной работе над книгой о Туполеве. Рябчиков подарил мне книгу «Русские в космосе», изданную на английском языке в США. Эта книга — последнее напоминание о наших блестящих успехах в космосе. После трагической гибели первого экипажа станции «Салют» прошло тридцать «пустых» месяцев. В 1973 году у нас были предприняты две попытки запуска орбитальной станции, но обе они оказались неудачными. Американцы, закончив в декабре

прошлого года свою лунную программу, вывели на околоземную орбиту станцию «Скайлэб», на которой сейчас работает уже третий сменный экипаж со сроком пребывания в космосе до 85 суток. Единственным нашим «достижением» в 1973 году стал лишь двухсуточный полет В. Г. Лазарева и О. Г. Макарова на «Союзе-12» (в этом полете проверялась система спасения экипажа в случае аварийной разгерметизации корабля. — Ред.).

Блестящее завершение в США лунных экспедиций и три длительных пилотируемых полета на орбитальной станции «Скайлэб», и на этом фоне двухсуточный полет нашего «Союза-12» — вот к какому позору привели нашу космонавтику Мишин и его покровители: Устинов, Смирнов и Келдыш. Десять лет возятся они с ракетой Н-1, все четыре испытательных пуска которой заканчивались взрывами (четвертая и последняя попытка запуска ракеты Н-1 была предпринята 23 ноября 1972 года. — Ред.).

Мне и некоторым моим товарищам еще семь лет тому назад было ясно, что Н-1 не тот конь, который может вывезти нас на Луну. Но это до сих пор не ясно секретарю ЦК Устинову, продолжающему тратить десятки миллиардов рублей на заведомый брак.

19 декабря.

Самый короткий (7 часов) зимний день. С 23 декабря дни начнут понемногу прибывать. Про это время в народе говорят: солнце — на лето, зима — на мороз. В прошлом году в декабре было еще совсем мало снега, а сейчас вся земля ровно прикрыта полуметровым снежным покрывалом.

Вчера в 14:55 по московскому времени выведен на орбиту «Союз-13» с двумя космонавтами на борту: командир корабля — Климук Петр Ильич (в 1965 году я принимал его в ЦПК), бортинженер — Лебедев Валентин Витальевич первый космонавт, получивший «путевку в космос» не из моих рук. От всей души желаю успеха этой «чертовой дюжине».

Сегодня исполнилось 67 лет Л. И. Брежневу — четвертому руководителю партии и страны после Великой Октябрьской революции. Еще при Сталине Брежнев стал секретарем ЦК, но

Сталин довольно скоро убрал его оттуда, назначив заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии. Хрущев вернул Брежнева в ЦК, а позже выдвинул на должность Председателя Верховного Совета СССР. У Брежнева хватило смелости и мужества сместить Хрущева — для страны это был безусловно полезный акт, так как в последние годы своего правления Хрущев наделал очень много крупных ошибок.

Прошло девять лет с тех пор, как Л. И. Брежнев встал за руль государственного корабля. Что можно сказать о Леониде Ильиче как о руководителе страны? На нем лежит ответственность за многие ошибки Хрущева, он мало что делает для восстановления авторитета Сталина, хотя и разрешил напечатать правду о Верховном Главнокомандующем в книгах Жукова, Кузнецова, Василевского, Штеменко и других авторов. В народе Брежнева не ругают, как ругали Хрущева, и не боятся, как боялись Сталина. Первое — хорошо, а второе — не совсем. Дело в том, что у нас еще очень плохо с дисциплиной, много очковтирательства и бюрократизма. Курс, взятый партией после смерти Сталина на демократизацию порядков в стране, в основном правильный, но нельзя забывать, что полная демократия возможна только при очень высоком уровне сознания и культуры народных масс. В условиях же, когда среди граждан имеются хотя бы три-пять процентов безответственных, недисциплинированных, некультурных людей, полная демократия может легко превратиться в анархию. У нас очень мало строгих законов, а те, что есть, часто нарушаются, и нарушители их далеко не всегда несут наказания. Страна идет вперед, но наши бесспорные достижения могли бы быть более значительными, если бы мы научили всех граждан уважать и выполнять все советские законы. Надо признать, что партия еще слабо борется с бюрократизмом и не добилась высоких результатов в воспитательной работе и укреплении дисциплины.

В плане личного поведения Л. И. Брежнев допускает, на мой взгляд, особенно много ошибок. Напрасно он целуется со всеми направо и налево — это страшно некультурно и просто негигиенично. Леонид Ильич повесил сам себе на грудь четыре

«Золотые Звезды» — так говорят в народе, — которые не украшают, а принижают его достоинство как руководителя страны. Особенно неприглядно то, что он принял из рук подхалимов звезды Героя Советского Союза и Героя Болгарии. В последнее время имя Брежнева ежедневно мелькает во всех газетах, с него начинаются все передачи радио и телевидения. Плохо, что он не замечает, как подхалимы раздувают его личное участие в делах партии и народа. Встав во главе державы, Брежнев тем самым взял на себя очень почетный и очень ответственный долг. Успехи и слава народа — это успехи и слава и его руководителя, и никакое выпячивание личных заслуг ничего прибавить к этому не может, а может лишь убавить.

22 декабря.

Сегодня ко мне на дачу приезжал режиссер Сальников с двумя кинооператорами. Комитет по телерадиовещанию поручил ему снять кинофильм к сорокалетию Челюскинской эпопеи. Сальников уже был у меня в октябре — тогда я, Молоков и Шелыганов вели с ним беседу о будущей кинокартине и отвечали на его многочисленные вопросы. В ноябре Сальников побывал на Чукотке, а теперь приступил к натурным съемкам (сегодня операторы засняли несколько моментов моей обычной пробежки).

Картина делается кое-как, на скорую руку, и маловероятно, что получится что-то приличное. Меня в этом деле больше всего интересуют кадры 40-летней давности, снятые Савицким и Шафраном.

27 декабря.

Вчера после восьмисуточного полета произвел благополучную посадку экипаж «Союза-13». Полеты «Союза-12» и «Союза-13» чуть-чуть затушевали провал основной нашей космической программы на 1973 год (запуск орбитальной станции «Алмаз» и экспедиция на станцию «Салют-2»), но они и резко подчеркнули наше большое отставание от США: за весь этот год у нас выполнено 20 человеко-дней космического полета, а в США — свыше 500.

25 декабря состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации нашего дома — Дома правительства № 2. На учете в ней числится 161 коммунист, из них 15 человек с дореволюционным партийным стажем, 23 вступили в партию при Ленине, а большинство остальных имеют стаж по 30 и более лет. В течение девяти лет секретарем парторганизации работал генерал-полковник Хозин Михаил Семенович. Работал он отлично, и только ослабленное здоровье и возраст (ему уже 77 лет) стали препятствием для его большой и плодотворной деятельности. Последнюю неделю Хозин болел, но нашел в себе силы (заставил себя!) подготовить отчетный доклад. В день собрания он почувствовал себя совсем плохо и попросил меня выступить с докладом вместо него. Собрание прошло хорошо. В новый состав партбюро избрали 11 коммунистов с большим авторитетом и опытом партийной работы. Секретарем парторганизации избрали меня, а генерал-полковника Комарова Владимира Николаевича — моим заместителем по пропаганде и агитации.

2 января 1974 года. Дача «Заборье».

Новый год всей семьей встречали на даче. Все было хорошо, только погода подмочила Деда Мороза: все последние дни температура почти не опускалась ниже нулевой отметки. Только сегодня стало холодать, утром выпал небольшой снег. Ребята соскучились по лыжам, и сегодня я совершил с ними два лыжных похода. Коля прошел более десяти километров — для него это рекордная дальность. Завтра я на два дня уеду в Москву: буду участвовать в работе партактива района и заниматься делами нашей парторганизации.

4 января.

Сегодня на Новодевичьем кладбище похоронили Главного маршала авиации Константина Андреевича Вершинина. Вершинин был самым лучшим Главкомом ВВС, сделавшим много полезного для укрепления военной мощи нашей Родины. На похоронах встречался с Гречко, Якубовским, Соколовым, Кутаховым, Толубко и с десятками других высоких военачальников. Устарел наш генералитет: многим давно пора

на пенсию, но они судорожно хватаются за любую соломинку — лишь бы удержаться «на плаву».

8 января. Москва.

Провел заседание партийного бюро, на котором разобрали более десятка вопросов и решили создать комиссию содействия капитальному ремонту дома № 2. Кроме членов партбюро на заседании присутствовали М. С. Хозин, Г. П. Лешуков, А. А. Маслова и другие. Скоро будет два месяца, как сняли с должности управляющего домом Л. А. Николаева, а замены ему пока нет. Придется усилить поиски нового кандидата на пост управляющего (временно эту должность исполняет А. А. Маслова).

16 января. Дача «Заборье».

Вчера и сегодня готовил доклад об итогах декабрьского пленума ЦК КПСС и обращении ЦК к партии и советскому народу. Подробно изучил материалы пленума, сессии Верховного Совета, обращения ЦК и речи Брежнева на пленуме. Наше продвижение вперед бесспорно — оно подтверждается тысячами примеров самоотверженного, героического труда. Но нам сильно мешают недисциплинированность, пьянство, прогулы, воровство, бракодельство, махровый бюрократизм и сотни других пороков, с которыми мы еще плохо боремся. Нужны более строгие законы, нормы и правила поведения граждан на производстве, на улицах, в быту. Только уговорами мы не укрепим дисциплину и не наведем порядок: нужны строгие наказания за нарушение законов и норм поведения.

17 января.

Несколько дней безрезультатно «охотился» за кометой Когоутека — мешали огни санатория «Подмосковье» и дымка у горизонта. Наконец сегодня в 17:25 я ее увидел с помощью ночного электронного бинокля, но и в бинокль она была едва видна — ее выдавал «хвост», который был уже не очень большой (комета быстро удаляется от Земли). Место наблюдения я выбрал так, чтобы деревья не закрывали горизонт, а огни «Подмосковья» не отсвечивали. Над юго-западным горизонтом ярко светила Венера, а южнее и выше ее

был хорошо виден Сатурн. Чуть выше линии Венера-Сатурн я первый раз в жизни наблюдал комету. Было обидно за наших ученых, обещавших, что комета не только будет видна невооруженным глазом, но и займет своим «хвостом» почти половину небосвода, — она стала удаляться от Земли значительно раньше, чем считали наши астрономы.

Сегодня мне звонил Юрий Летунов. Он сообщил, что Комитет по телерадиовещанию решил создать кинофильм о В. В. Терешковой. Летунов просил помощи и моего участия в создании фильма. Обещал ему и то, и другое.

27 января.

Вчера ко мне на дачу приезжал Юрий Летунов с группой телевизионщиков для съемок фильма о Терешковой — снимали меня вместе с Колей. А сегодня я получил из Будапешта пять экземпляров моей книги «Летчики и космонавты», изданной на венгерском языке.

В одной из книг о Владимирском крае нашел еще одно подтверждение тому, что в 1978 году мой родной город Меленки будет отмечать свое 200-летие: «…в 1778 году города Владимирской губернии Муром, Ковров, Меленки и другие получили наименование уездных…» Мне захотелось уточнить, кто из моих предков жил в Меленках в 1778 году. С этой целью я составил родословную (по нисходящей) «династии» Каманиных:

Имя, отчество Год рождения
Николай Львович 1965
Лев Николаевич 1934
Николай Петрович 1908
Петр Иванович 1870
Иван Васильевич 1832
Василий Кондратьевич 1799
Кондратий (?) 1763

Получается, что дедушке моего деда — Кондратию Каманину было в ту пору всего 15 лет.

30 января.

Провел вчера собрание рабочих, служащих и жильцов дома. Присутствовало более 150 человек. Доклад об итогах работы домоуправления и задачах на 1974 год сделала исполняющая должность управляющего Анна Александровна Маслова. Я отчитался за работу группы народного контроля. Выступили Москаленко, Гоморев, Ушаков и другие товарищи. Собрание прошло хорошо, но меня неприятно поразило то, что молодые рабочие — а их у нас довольно много — держатся в тени и не выступают. Я вспомнил, что за последние несколько лет в нашей парторганизации не было принято ни одного нового члена партии. Придется самому взяться за изучение базы роста нашей парторганизации, с тем, чтобы уже в этом году принять в партию 5–6 человек.

Сегодня разобрал завал с почтой, прочитал более 30 писем (в основном от школьников и ветеранов войны), ответил на 14 из них. Обещал помогать 7 «Б» классу (18 школьников детской колонии) «вырасти такими, как Вы», послал им книгу «Летчики и космонавты» и теплое письмо.

7 февраля.

Наш дом — Дом правительства № 2 — был построен 43 года тому назад, и теперь он нуждается в капитальном ремонте. Почти в полную непригодность пришло все инженерно-техническое оборудование дома (трубы горячей и холодной воды, газовые трубы, электропроводка, сантехника и пр.), часто отказывают лифты (из 25 подъездов только 4 имеют по два лифта), кое-где еще нет мусоропроводов, покоробились двери, разваливаются окна. В этом году на ремонтные работы (а они проводятся сразу по всем подъездам — в одном ремонтируют лифт, в другом делают мусоропровод, в третьем меняют трубы и т. д.) отпущено всего 300 тысяч рублей. На партбюро мы рассмотрели вопросы капитального ремонта и решили добиваться квалифицированного обследования дома и составления плана ремонтных работ, рассчитанного на завершение их к 1980 году.

Вчера я был у начальника Главного управления высотных зданий и гостиниц Мосгорисполкома В. П. Соловьева. В

присутствии своего первого заместителя и главного инженера Соловьев обещал помочь в составлении ремонтной документации и выделять ежегодно на ремонт 1,2–1,5 миллиона рублей. При этом он предупредил, что не сможет помочь нам в подыскании подходящей строительной организации, и рекомендовал мне самому обратиться по этому вопросу к заместителю председателя Моссовета товарищу Исаеву. Соловьев положительно решил и еще два вопроса, которые более двух лет не решались его аппаратом и портили настроение нашим рабочим и служащим. Встреча была полезной и даже приятной.

Капитальный ремонт такого дома, как наш, — дело очень и очень трудное, но я берусь за него с уверенностью в успехе.

15 февраля.

Вчера участвовал в работе 28-й партийной конференции Октябрьского района Москвы. От 40 тысяч коммунистов района на конференцию были избраны 616 делегатов, в том числе 356 секретарей первичных парторганизаций, 107 рабочих, несколько академиков и министров. Познакомился с первым секретарем райкома Татьяной Петровной Архиповой — она произвела на меня хорошее впечатление. На конференции присутствовали секретари МГК Гришин и Ягодкин.

В президиуме конференции встретился с трижды Героями Социалистического Труда министром атомной промышленности Е. П. Славским и президентом Академии наук СССР М. В. Келдышем. Уже два с половиной года не виделся я с Мстиславом Всеволодовичем, за это время он сильно постарел и теперь выглядит очень плохо. На мой вопрос: «Как здоровье, Мстислав Всеволодович?» — он попытался улыбнуться и ответил: «Пока тяну…» Келдыш продолжает очень много курить, не занимается физкультурой и медленно, но верно движется к печальному концу.

Встретился с В. В. Гришиным — первый раз мы с ним встречались в Сталинграде, когда он был секретарем обкома, — но Виктор Васильевич узнал меня и в гражданском костюме. Я рассказал Гришину о плачевном состоянии Дома правительства

и попросил дать распоряжение Моссовету о его техническом обследовании и составлении необходимой для капитального ремонта документации, а также о включении ремонта дома в планы Моссовета на 1975 год и в план десятой пятилетки. Виктор Васильевич внимательно выслушал меня и сказал: «Николай Петрович, ну что мы тут с тобой разведем тары-бары, а я возьму и забуду наш разговор — такое со мной бывает. Давай договоримся: ты как секретарь партийного бюро напишешь мне официальное письмо, а я обещаю рассмотреть его и дать необходимые распоряжения».

Члены партийного бюро одобрили мое обращение к Гришину и единодушно согласились поддерживать все мероприятия по капитальному ремонту дома. На днях приступил к исполнению своих обязанностей новый управляющий домом Сапрыкин Николай Устинович. Буду надеяться, что мы с ним сработаемся, хотя в первых трех встречах он еще не полностью раскрылся как руководитель, хорошо уже то, что я не заметил каких-либо изъянов за ним в самом начале его работы.

23 февраля.

Сегодня, в день Советской Армии, получил более сотни писем и приветствий. В феврале я уже семь раз выступал с докладами на встречах с общественностью, до конца месяца мне предстоят еще два выступления. Вчера сделал доклад на собрании коммунистов нашего дома об итогах 28-й партконференции Октябрьского района города Москвы и о задачах домовой партийной организации.

С 1 по 21 февраля стояла совершенно незимняя погода, температура почти все время не опускалась ниже нуля градусов. В этом месяце я прошел на лыжах в три раза меньше километров, чем в январе, — пришлось больше бегать. Сегодня температура резко понизилась (18 градусов мороза). Очень похолодало в Средней Азии и Краснодарском крае, где уже начался сев. Внезапно пришедший с севера холод может повредить будущему урожаю во многих южных и юго-восточных районах страны.

24 февраля.

Мороз пока не ослабевает. Вчера я прошел на лыжах 27 километров, столько же намерен пройти и сегодня.

Позавчера отвел внука на первое занятие в детской теннисной группе. Занятия группы проводятся в спортзале на шестом этаже нашего дома.

4 марта.

Вчера в возрасте 92 лет умер один из старейших наших коммунистов Медне Эдуард Мартынович — пенсионер союзного значения, член партии с 1903 года.

5 марта.

Получил сообщение о том, что Моссовет по указанию В. В. Гришина принял решение о проведении технического обследования нашего дома. Вместе с Н. У. Сапрыкиным мы побывали у начальника Мосжилпроекта В. А. Власова и договорились с ним о сроках обследования. Власов обещал закончить обследование до 1 июля.

9 марта.

Установилась ясная погода, ночью температура опускается до -15 градусов, а днем повышается до нуля. За девять дней марта я прошел на лыжах 236 километров — больше, чем за весь февраль.

Ровно сорок лет тому назад я отправился на пароходе «Смоленск» из Петропавловска-Камчатского на север, чтобы принять участие в спасении челюскинцев. Не знал я тогда, что в тот день — 9 марта 1934 года — на Смоленщине родился Юрий Гагарин — человек, с которым сведет меня судьба в славной борьбе за победы в космосе. Мы вместе с ним не только готовили первые полеты космонавтов по околоземным орбитам, но и мечтали об экспедициях на Луну, на Марс, на Венеру. Нелепая случайность оборвала жизнь Гагарина — его безвременная смерть тяжелейшим бременем легла на мои плечи и давит до сих пор. Владимир Комаров, Юрий Гагарин, Павел Беляев — с ними я связывал свои мечты и планы на будущее: они, казалось мне, могли бы многое сделать для Родины, но неумолимая смерть вырвала их из наших рядов и затормозила наше продвижение в космическое пространство.

Сегодня на даче собралась вся наша семья: Ольга Карловна, Муся, Лева, Люда, Оля, Коля и я. Лева весь день провозился со своим «Жигуленком», а Оля и Коля встретились со своими друзьями с соседней дачи и не пошли со мной на лыжах. Живя постоянно на даче, я уже отвык от шумных компаний — меня неудержимо тянет в сад, в поле, в лес. Сегодня в память сорокалетия Юрия Гагарина прошел на лыжах 40 километров.

10 марта.

Сегодня было несколько телефонных звонков из Москвы — телевизионщики очень просят меня выступить 12 марта в программе, посвященной сорокалетию Челюскинской эпопеи и первым Героям Советского Союза. С аналогичными просьбами в Москве ко мне приходили несколько делегаций школьников, а на дачу приезжали ребята из Домодедова и Заборья. В феврале я выступал на разных встречах одиннадцать раз, в марте будет, видимо, не меньше выступлений.

10 апреля.

Целый месяц не брался за дневник, было много работы и много встреч. Сегодня ездил на машине во Владимир, где редакция местной газеты «Призыв» и облвоенкомат устроили встречу Героев Советского Союза — уроженцев области. Всего за 40 лет это высокое звание получили 152 моих земляка, больше половины из них погибли на войне, многие умерли в послевоенные годы. Во встрече участвовали 17 Героев, я выступал дважды. В Москву возвратился в 17 часов и выступил еще перед студентами Института имени академика Губкина.

11 апреля.

Сегодня утром провел встречу с сотрудниками музея Вооруженных Сил, рассказал им о челюскинцах и о космонавтах, ответил на их многочисленные вопросы. Руководство музея настойчиво просит передать ему на хранение все сохранившиеся вещи, фото и документы Аркадия. Я обещал через пару недель подобрать для музея летный шлем, перчатки и куртку Аркадия, а также фотографии военного времени и книги о нем.

12 апреля.

Вчера в Доме офицеров академии имени Жуковского был вечер, посвященный Дню космонавтики и 40-летию учреждения звания Героя Советского Союза. Встречу вели начальник академии В. В. Филиппов и генерал С. М. Белоцерковский. Зал клуба был заполнен до отказа. С речами выступили Генеральный конструктор ильюшинского КБ Г. В. Новожилов, академик А. Ю. Ишлинский, космонавт Андриян Николаев и я.

Сегодня в 17:00 в Театре Советской Армии состоялось торжественное собрание, но из-за болезни Ольги Карловны я вынужден был оставаться на даче. И все же я кое-что сделал к празднованию Дня космонавтики: провел более десяти встреч, написал три статьи, участвовал в съемках телевизионной программы «Человек, Земля, Вселенная». Ведущий этой программы В. И. Севастьянов очень много работает по подбору интересных материалов для очередных передач. Сегодня, например, телезрители увидели мать Гагарина Анну Тимофеевну, — которая передала Юрию так много хорошего и сумела заложить в его душу основы нравственного «я». В передаче участвовал и Алексей Архипович Леонов — он с такой теплотой и задушевностью говорил о Гагарине, что у меня в глазах появились слезы, а в горле — какой-то комок. Леонов отлично провел девять лет после своего триумфального полета с выходом в открытый космос. Он много и плодотворно работал по подготовке очередных космических полетов в роли начальника управления и заместителя начальника ЦПК. Успешно работает Леонов и как общественный деятель, и как художник.

13 апреля.

Ровно сорок лет исполняется сегодня со дня завершения Челюскинской эпопеи: 13 апреля 1934 года Молоков, Водопьянов и я на самолетах Р-5 произвели последние полеты в ледовый лагерь О. Ю. Шмидта. Все 104 челюскинца были вывезены летчиками со льдины на материк. По прошествии 40 лет в живых осталось менее 30 челюскинцев — нет уже Шмидта, Боброва, Воронина, Кренкеля и многих других, нет летчиков

Леваневского, Слепнева, Доронина, — а к полувековому юбилею в 1984 году в живых останутся единицы.

На днях получил два экземпляра книги «Летчики и космонавты» на киргизском языке. Книга отлично издана в полном объеме. Она уже переведена на венгерский язык, готовятся ее издания на немецком и болгарском языках.

Сегодня в Подмосковье вернулась зима — ночью выпал снег, плотно укрывший землю 15-сантиметровым слоем. Рано начавшаяся в этом году весна затянулась, и теперь, в середине апреля, дарит она нам морозы и снегопад.

20 апреля.

День проведения коммунистического субботника. К этому дню наша партийная организация готовилась долго и основательно. В предыдущие годы на субботники в нашем доме выходили 70–80 человек (в основном жильцы-пенсионеры и домохозяйки), все остальные работали на предприятиях, в учреждениях и школах. Сегодня на субботник вышли 240 жильцов дома и все рабочие и служащие домоуправления.

Вечером был в ЦК ВЛКСМ, где принимались рапорты делегатов 17-го съезда комсомола от Дальнего Востока и Сибири. Встречался со многими известными всей стране людьми: бывшим секретарем ЦК ВЛКСМ Михайловым, заместителем министра иностранных дел Зориным, матерью Зои Космодемьянской, Героем Советского Союза Мариной Чечневой, знатным комбайнером Бориным, одной из зачинательниц стахановского движения Марией Виноградовой, знаменитым пограничником Никитой Карацюпой. Е. М. Тяжельников вручил мне гостевой билет на все дни заседаний 17-го съезда.

21 апреля.

Всей семьей смотрели телепередачу «Встреча первых Героев Советского Союза — Каманина, Молокова, Ляпидевского и Водопьянова — с молодежью». Оля и Коля внимательно следили за происходящим на телеэкране, а я придирчиво искал изъяны в наших выступлениях, но крупных ошибок так и не обнаружил. Правда, Ляпидевский не совсем удачно определил значение слова «подвиг» и зря сказал, что молодое поколение

умнее, чем старшее (надо полагать, он имел в виду не развитие ума, а образованность).

31 августа.

Более четырех месяцев не брал в руки свой дневник, но вчера произошли два события, заставившие меня снова взяться за перо.

В полдень 30 августа в городе Гагарине (бывший Гжатск) состоялось открытие памятника первооткрывателю космоса Юрию Алексеевичу Гагарину. Я намеревался поехать на открытие памятника, но это событие совпало с возвращением в Москву экипажа «Союза-15» — Г. В. Сарафанова и Л. С. Демина. Шаталов и Береговой просили меня быть на встрече экипажа, и я решил удовлетворить их просьбу. В город Гагарин поехали Валентина Ивановна Гагарина, Алексей Леонов, Петр Климук и другие товарищи из ЦПК.

Минут за 20 до посадки самолета с экипажем «Союза-15» на Чкаловском аэродроме собралось человек пятьсот встречающих. Шаталов, Береговой, Николаев, Попович, Елисеев, Филипченко, Феоктистов, Рукавишников и другие космонавты приехали на аэродром вместе с семьями Сарафанова и Демина, причем последнего встречал и его первый внук. Демин — первый дедушка, побывавший в космосе, — ему 48 лет, и он только на год моложе одного из американских астронавтов (имеется в виду Доналд Слейтон — участник совместного полета кораблей «Аполлон» и «Союз», выполненного в июле 1975 года. — Ред.). Экипаж «Союза-15» встречали также Афанасьев, Глушко, Челомей, Григорьев, Карась и другие руководящие деятели нашей космонавтики. Мне было приятно повидаться со многими «ветеранами космоса», участвовавшими в подготовке и осуществлении первых космических полетов.

Долго беседовал с Валентином Петровичем Глушко, с которым мы вели совместную борьбу против Мишина и его бесславной ракеты Н-1. Упрямство Мишина и его хронические неудачи с Н-1 помогли американцам «обскакать» нас и первыми высадиться на Луну. В этой самой крупной нашей неудаче в космосе кроме Мишина повинны Келдыш, Смирнов, Устинов и

ряд других руководителей. Наконец-то все работы по носителю Н-1 полностью прекращены, что мы с Глушко предлагали сделать еще семь лет тому назад. Валентин Петрович считает, что экспедицию советских космонавтов на Луну с использованием новой лунной ракеты можно будет осуществить не раньше конца 10-й пятилетки, то есть в 1980 году.

Полет «Союза-15» завершился благополучно, но его программа не выполнена. Намечалось, что «Союз-15» состыкуется со станцией «Салют-3» и его экипаж совершит на ней полет продолжительностью до 30 суток, но из-за отказа системы стыковки «Игла» переход космонавтов на станцию не состоялся и они были вынуждены досрочно вернуться на Землю.

После встречи на аэродроме состоялся митинг в Доме офицеров Звездного, а затем — заседание Госкомиссии, на котором Сарафанов и Демин коротко, но убедительно доложили о том, что программа полета оказалась сорванной из-за отказа аппаратуры «Игла». Потом был небольшой банкет, но я пировать не остался, а вместе с Андрияном Николаевым заехал ненадолго в штаб Центра, где он преподнес мне свою книгу «Космос — дорога без конца».

1 сентября.

Сегодня я буду ночевать на даче в одиночестве. За все прожитые мною годы я никогда и нигде не скучал: работа, общение с людьми, занятия спортом не оставляли времени для скуки. Прошло 26 лет, как мы построили дачу в поселке Заборье, и за все эти годы она в любой день и час была готова гостеприимно встретить каждого из нашей немаленькой семьи. После смерти в 1958 году Михаила Николаевича — отца Муси — за дачей присматривала ее мать Ольга Карловна. Сейчас ей уже 87 лет, последний год она часто болеет и стала плохо видеть. Мы решили не оставлять ее одну, и сегодня Лева отвез ее в Москву. Муся и Коля тоже уехали: завтра ребята пойдут в школу. Впервые мне немного грустно, и грустно не столько от того, что я остался один, сколько потому, что резко сократились мои возможности помогать Мусе, взвалившей на себя заботы о матери и трех поколениях нашей семьи.

15 октября.

В последние годы природа не скупится на самые разнообразные «рекорды», один из них будет установлен в этом году: за сентябрь и октябрь в Московской области выпало менее 30 процентов от обычной нормы осадков, а температура превышает обычную на 8 — 10 градусов. Синоптики утверждают, что такой теплой, сухой и солнечной осени не было за 100 лет проведения метеонаблюдений. Красивая осень радует глаз, но отсутствие дождей может вредно отразиться на урожае будущего года.

19 октября.

Провели субботник во всех шести домах жилуправления № 2. В нашем доме субботник прошел удовлетворительно, хотя в основном в нем участвовали рабочие и служащие домоуправления, а также пенсионеры-коммунисты. Самые трудоспособные и не достигшие пенсионного возраста жильцы дома — студенты, школьники, домохозяйки — на субботники не выходят, считая, что наведение порядка во дворах не их дело.

Вчера всей семьей собрались в московской квартире, чтобы отметить мое 66-летие. Пока я не ощущаю тяжести надвигающейся старости, продолжаю много работать физически, ежедневно пробегаю по пять километров, но врачей беспокоит мое артериальное давление (180–200 на 100–105) и наличие сахара в крови. Мои партийные дела идут нормально, но хотелось бы освободиться от обязанностей секретаря партбюро, отнимающих у меня два-три дня в неделю. Я говорил со всеми членами бюро на эту тему — все просят остаться секретарем еще хотя бы на год.

23 октября.

Ночью прошел сильный дождь — уже третий за последнюю неделю: засушливая осень окончилась, но она продолжает оставаться теплой (днем было около +10 градусов).

Часа три возился со своей «Волгой», работал в саду и на подъездной дорожке. Потом смотрел по телевизору передачу о праздновании в Ташкенте 50-летия Узбекской республики. Вспомнились годы моей работы в Средней Азии, поход в Иран и

первый воздушный парад в Кабуле. В 1958 году правительство поручило мне помочь королю Афганистана организовать и провести воздушный парад над Кабулом. Парад, в котором участвовало около сотни самолетов 73-й Воздушной армии и десятка три самолетов Афганистана, прошел отлично.

25 октября.

Вчера скончалась Екатерина Алексеевна Фурцева. Последние 30 лет она высоко держала знамя наиболее выдающихся советских женщин. В пятидесятые годы мы вместе с ней много работали по организации воздушных парадов в Тушине. Позже, работая секретарем ЦК КПСС, а затем министром культуры, Екатерина Алексеевна поддерживала тесные связи с космонавтами и помогала Звездному и космодрому в оформлении и проведении многих наших культурных мероприятий.

22 ноября.

Вчера состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации нашего дома. Отчетный доклад прошел нормально. В новый состав партбюро избраны 13 коммунистов: Каманин, Комаров, Мазурук, Луковникова, Сапрыкин, Москаленко, Николаев, Гоморев, Зимин, Ушаков, Добровольская, Вахрушева и Горчаева. Состав бюро хороший, будем надеяться, что в следующем году мы поработаем лучше, чем в этом.

26 ноября.

Начались первые в этом году заморозки. В дневные часы температура опускается до -7 градусов, но снега еще нет.

Вечером ко мне приехал полковник Долгополов. Долго вспоминали друзей по совместной работе в ДОСАВ. Узнал печальную весть: умер А. Ф. Волков — он был в ЦК ДОСАВ моим первым заместителем.

12 января 1975 года. Дача «Заборье».

Вчера стартовал в космос «Союз-17». Командир корабля Алексей Губарев и бортинженер Георгий Гречко получили звания космонавтов еще при мне, но долго ожидали своей очереди на полет. Экипаж «Союза-17» должен состыковать корабль со станцией «Салют-4» и летать на ней около месяца.

Ребята дельные, хорошо подготовлены, и такая задача им по плечу.

14 января.

Звонил Григорий Петрович Лешуков. Сегодня умерла в больнице его жена Полина Ильинична. В годы войны она служила в моем корпусе, а все послевоенные годы Лешуковы были нашими соседями по даче, да и в Москве мы жили в одном с ними доме более 30 лет.

26 февраля.

С 27 января по 17 февраля я «лежал» в Кремлевской больнице в Кунцеве. Сам я не чувствовал необходимости ложиться в больницу, лечащий врач Ангелина Николаевна Круглова также не отмечала ничего угрожающего моему здоровью, но кардиологи, проанализировав показания ЭКГ, решили немедленно меня госпитализировать с диагнозом: предынфарктное состояние (пульс — 48, артериальное давление — 260 на 110). Все время я был в сознании и ни одного дня не был без движения, хотя врачи настаивали на постельном режиме. Через неделю я уже прогуливался по больничному парку, проходя по 12–14 километров в день. Прошло восемь дней, как я вернулся на дачу, медленно, но уверенно восстанавливаются мои силы, — я уже ездил в Москву на автомашине, а сегодня опробовал лыжи.

Хочется уяснить себе причины ухудшения работы сердца и наметить правильную «линию поведения» на дальнейшее. Кроме естественной причины старости — свою отрицательную роль здесь сыграли следующие факторы:

1) длительные физические перегрузки (ночные поездки на машине, лыжные походы);

2) усиленная общественная работа — руководство партийным бюро, 3–4 выступления в неделю;

3) недостаточное питание (за месяц потерял 3 килограмма веса).

Надо признать, что по всем этим трем пунктам мне некого винить, кроме самого себя. Вывод: надо лучше питаться и заметно сократить физические и нервные нагрузки.

18 марта.

Прошел месяц после моего возвращения из больницы, но по-былому крепким и энергичным я себя еще не чувствую, и все же сегодня решил возобновить занятия бегом.

Вчера со мной произошел удивительный случай. Я ходил в магазин в центре деревни Заборье, а когда вернулся на дачу, то обнаружил пропажу бумажника, в котором были паспорт, водительские права и 370 рублей. Вместе с Мусей мы обыскали весь дом: бумажника нигде не было. Я хорошо помнил, что не вынимал его из кармана брюк (для оплаты покупок у меня были деньги в кармане плаща), в пути туда и обратно я был один, а в магазине никто близко ко мне не подходил. Десятки раз обсудив с Мусей все обстоятельства пропажи бумажника, мы пришли к выводу: бумажник сам вывалился из кармана, когда я, возвращаясь с двумя тяжелыми сумками в руках, нагибался, чтобы снегом очистить брюки и ботинки от грязи. С момента моего возвращения из магазина прошло почти 6 часов, но все же я решил отправиться на поиски пропажи и, чтобы сократить путь к деревне, «срезал угол», пройдя полем до Каширского шоссе. Двигаясь вдоль обочины, я вскоре обнаружил свой бумажник, лежавший на снегу в одном метре от асфальтового покрытия дороги. Невероятно, но факт: за шесть часов по шоссе в обе стороны прошли десятки пешеходов, проехали несколько десятков автомашин, и никто не заметил большой ярко-желтый бумажник на фоне белого снега. Мне до сих пор не верится, что это нелепое происшествие так благополучно закончилось.

13 ноября 1977 года. Дача «Заборье».

Почти два с половиной года не прикасался к дневнику — думал, что ничего интересного я уже не запишу, да и другой «работы пером» было немало. За это время написал четыре книжки: о Терешковой («Чайка»), «Сотвори себя», «Космос начинается с зарядки» и «Старты в небо» (последние две уже изданы и давно разошлись). Работа над рукописью «Сотвори себя» оказалась самой трудной, в первом варианте она закончена, но после каждого прочтения возникает желание вновь и вновь доработать ее отдельные места.

14 ноября.

Закончилось празднование 60-летия Октября — оно, по общему мнению, отмечалось более широко и торжественно, чем 50-летний юбилей. 2 и 3 ноября во Дворце съездов состоялось торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, в котором участвовали около 6 тысяч человек, в том числе 122 делегации из разных стран. Из числа космонавтов на заседание были приглашены лишь Терешкова и дважды Герои — Шаталов, Береговой, Леонов, Попович, Волынов, Горбатко, Климук, Севастьянов, Кубасов и другие. Открыл заседание М. А. Суслов, с докладом выступил Л. И. Брежнев. В перерывах я встречался со многими знакомыми — Келдышем, Симоновым, Томским, Тяжельниковым, Пастуховым, Покрышкиным, Кожедубом и другими. Среди участников заседания были также бывшие председатели Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян и Н. В. Подгорный, они сидели в средних рядах партера; руководство поступило очень глупо, не пригласив их в президиум заседания. Я сидел в третьем ряду, совсем близко от трибуны. Брежнев, Суслов, Косыгин, Пельше и Кириленко заметно одряхлели, из членов Политбюро неплохо выглядят только Романов, Кулаков и Устинов (последний всего на 12 дней моложе меня, но он молодец — работает как вол).

В предпраздничные дни всем ветеранам партии вручали приветственные адреса и подарки, многим повысили пенсии на 15–20 процентов. Я получил в подарок от ЦК КПСС цветной телевизор «Аврора» и комплект праздничных изданий, посвященных 60-летию Октября.

15 ноября.

10 ноября посмотреть ход капитального строительства нашего дома (ул. Серафимовича, 2) приезжал первый заместитель председателя Моссовета С. М. Коломин. Мы показали ему отремонтированные «эталонные» квартиры в подъезде № 21 (строители обещали закончить все работы в нем к 5 декабря, а в подъезде № 20 — до конца года). Коломин разрешил увеличить стоимость ремонта до 90 рублей за

квадратный метр и дал согласие на установку улучшенной арматуры и сантехники, а также на перестройку в 3–4 подъездах многокомнатных квартир (6–7 комнат общей площадью 100–120 квадратных метров) в одно-, двухи трехкомнатные. В ответ на мою просьбу ускорить создание домоуправления для Дома правительства Коломин заверил меня, что оно будет создано в ближайшее время, — соответствующее решение Мосгорисполкома должно состояться 15 ноября.

16 ноября.

Осень в этом году совершенно необычная: в конце сентября были заморозки и снегопады, в октябре на несколько дней установился снежный покров при 10-градусных морозах, а в первые две недели ноября устойчиво держится плюсовая температура.

Сегодня мне звонили сотрудники ВДНХ. Они хотели бы, чтобы я приехал в павильон «Космос» и посмотрел там готовящуюся к открытию новую экспозицию о жизни и полете Гагарина. Обещал им посетить выставку на будущей неделе.

Вчера опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении членам экипажа «Союза-25» В. В. Коваленку и В. В. Рюмину званий летчиков-космонавтов СССР и Героев Советского Союза. Девять лет тому назад я обращался в ЦК КПСС и Совет Министров с просьбой пересмотреть решение о награждении космонавтов, принятое сразу после полета Гагарина. Согласно этому решению звание Героя присваивается космонавту за каждый полет в космос, и это было правильно для первых 10–15 полетов. Но теперь, когда пилотируемые космические полеты уже не являются столь новым и опасным делом, каким они представлялись на первых порах, присвоение звания Героя за любой полет только принижает значимость этой высокой награды. Тогда, в 1968 году, со мной не согласились, и решение от 1961 года осталось и до сего времени остается в силе, в результате чего несколько человек получили звание Героя за явно неудачные полеты в космос, одним из которых явился и полет «Союза-25».

Этот полет мог бы стать нашим новым достижением в освоении космоса. Высокое руководство рассчитывало, что он наглядно продемонстрирует всему миру успехи советской науки и техники в дни празднования 60-летия Октября, но этого не случилось. Планировалось, что «Союз-25» состыкуется с орбитальной станцией и космонавты будут летать на ней не менее 100 суток, однако стыковка по вине экипажа не состоялась. В невыполнении задания виноват не только экипаж, но и руководители полета — Афанасьев, Глушко, Шаталов: нельзя было посылать в такой ответственный полет сразу двух новичков.

Сегодня президент Академии наук СССР А. П. Александров вручил Л. И. Брежневу золотую медаль Карла Маркса за выдающиеся заслуги в развитии марксизма-ленинизма. Брежнев явно перебарщивает с получением бесконечного количества наград и почетных званий. Высокое положение руководителя партии и государства обязывает быть скромнее, но он, по-видимому, придерживается другого взгляда на эти вещи. Особенно неприятно, когда руководителя восхваляют и «награждают» его же подчиненные.

18 ноября.

Уже четыре года отработал я секретарем бюро партийной организации нашего дома. Главное, чего мне удалось добиться за эти годы, — это решение Моссовета о капитальном ремонте Дома правительства и о создании специального домоуправления для руководства его ремонтом и эксплуатацией. Вчера провел заседание партбюро, на котором обсудили мероприятия по подготовке и проведению 24 ноября отчетно-выборного собрания. У меня было большое желание не баллотироваться в новый состав бюро, чтобы иметь возможность вплотную заняться написанием книги о Ю. А. Гагарине. Я побеседовал с коммунистами Хозиным, Лешуковым, Мазуруком, Машиным, Луковниковой и Савостьяновым каждый из них, по моему мнению, мог бы работать секретарем бюро, — но все они ответили отказом. Члены партбюро настойчиво просили меня остаться секретарем еще хотя бы на год. Пришлось согласиться

с ними, хотя при постоянном проживании на даче руководить работой такой большой парторганизации, как наша, очень непросто.

21 ноября.

За 30 лет местность вокруг дачи резко изменилась к худшему — вчера, прогуливаясь по окрестностям, я еще раз убедился в этом. Много новостроек, заборов, канав, мусора — ни пройти, ни проехать. Строители изуродовали берега реки Рожайки, входящие в территории санатория «Подмосковье» и пионерлагеря «Полярник», заметно пострадал от «общения» с людьми и лес. В овраге перед старым зданием санатория построили плотину, образовался большой и глубокий пруд. Вчера на этом пруду я впервые в жизни видел, как плавает мышь.

25 ноября.

Вчера и сегодня был в Москве, ездил поездом, так как дорога от шоссе до дачи совершенно размокла, — четыре дня подряд идут непрерывные дожди. Такого устойчиво теплого и дождливого ноября на моей памяти еще не было.

Вчера провели отчетно-выборное партийное собрание. Присутствовали 111 коммунистов из 130, состоящих на учете (много больных). Отчетный доклад сделал я, в прениях выступили 9 коммунистов. Четверо из выступавших предложили признать работу партбюро удовлетворительной и объявить мне благодарность за большую и настойчивую работу по организации капитального ремонта дома и по созданию специального домоуправления № 7. Пришлось в заключительном слове просить собрание не выделять успехи лично секретаря из общих достижений всего партбюро и ограничиться удовлетворительной оценкой его работы. В новый состав бюро избрали 11 человек и приняли решение на очередном собрании доизбрать еще четырех коммунистов из числа рабочих дома (пока все они состоят на учете в другой парторганизации). Из 111 коммунистов против моей кандидатуры голосовал лишь один, остальные члены бюро получили по 2–8 голосов «против». На первом заседании

партбюро нового состава меня вновь избрали секретарем, заместителями секретаря стали Савостьянов, Луковникова и Червяк.

30 ноября.

Последний день осени и первый морозный день в ноябре. Открыл лыжный сезон, правда, прошел всего два километра: из-под снега кое-где выступает вода.

Сегодня по почте отправил маршалу В. А. Судцу один из последних экземпляров книги «Летчики и космонавты». Судец несколько раз укорял меня за то, что я забыл преподнести ему свою книгу. Я обещал сделать это, когда виделся с ним последний раз в Кремле на праздновании 60-летия Октября. На торжественном заседании во Дворце съездов у меня были десятки интересных встреч, но самой интересной была, пожалуй, встреча с ветераном партии из Ленинграда товарищем Росляковым, который, подойдя ко мне, спросил: «Николай Петрович, хотите посмотреть фотографию, где вы сняты вместе с Кировым?» На групповой фотографии, которую он оставил мне для получения копии, были запечатлены Киров, я и моя жена во время встречи с ленинградцами в год спасения челюскинцев.

Вчера говорил с Ю. И. Ребезовым о подборе управляющего для домоуправления № 7. Я предложил назначить на эту должность товарища Савостьянова, но Ребезов «забраковал» его кандидатуру по возрасту (Савостьянову 72 года).

2 декабря.

Встречался вчера с делегацией ветеранов

292-й штурмовой авиадивизии, которой я командовал в 1942 году. Вспоминали дни формирования дивизии и дни боевой работы под городом Белым и в районе Великих Лук. С тех пор прошло 35 лет, все мы заметно постарели, а кого-то уже и нет в живых — Присяжнюка, Чижикова, Яковлева, Курмина и многих других.

3 декабря.

Прошелся на лыжах по 10-километровому кругу, внутри которого находятся территории двух санаториев, двух домов отдыха и трех пионерских лагерей (зимой в выходные дни в них

отдыхают взрослые), и нигде не видел ни одной лыжни. Вместо того, чтобы в утренние часы пройтись на лыжах, отдыхающие проводят время за картами и домино (реже — за шахматами) или в лучшем случае прогуливаются пешком. И такой «отдых» предпочитает у нас подавляющее большинство людей.

4 декабря.

Звонил корреспондент журнала «Сельская жизнь» — он просил в порядке подготовки к 17-му съезду комсомола написать статью с воспоминаниями о моем участии в 10-м и других съездах ВЛКСМ. Я согласился встретиться с ним.

Сегодня у нас тихо: ребята на дачу не приехали. Приятно, когда они на даче, но для Муси их приезды приносят очень много дополнительных хлопот.

5 декабря.

Корреспондент из Братиславы передал мне приветственное письмо от мэра города. Я — почетный гражданин Братиславы, и приятно, что словаки помнят об этом. Кроме того, я являюсь почетным гражданином еще пяти городов Пловдива, Карл-Маркс-Штадта, Риги, Калуги и Винницы.

Сегодня всю ночь и весь день шел обильный снег, а сильный восточный ветер наметал большие сугробы. Пришла настоящая зима, лес оделся в сказочный наряд.

7 декабря.

Печальную весть узнал вчера вечером по телевизору: 5 декабря скончался маршал А. М. Василевский. Во время войны я всего несколько раз встречался с Александром Михайловичем, встречи эти были краткими и не могли дать полного представления о личности маршала и его талантах. Близко мы познакомились уже после войны, когда Василевский стал министром обороны, а я — председателем ЦК ДОСАВ. Семь лет подряд я участвовал в подготовке и проведении тушинских воздушных парадов, а Василевский очень тщательно лично контролировал нашу работу. Десятки раз встречался я с министром один на один в его кабинете, много было встреч и в присутствии Жигарева, Руденко, Агальцова и Василия Сталина, и всегда Александр Михайлович производил на меня

благоприятное впечатление: умный, тактичный, терпеливый и в то же время решительный руководитель — таким он остался в моей памяти. Вчера мне припомнилась одна из встреч с маршалом Василевским.

В 1949 году в ДОСАВ произошли неприятнейшие происшествия: два летчика улетели на легкомоторных самолетах за границу — один в Турцию, другой в Югославию. Политбюро решило закрыть все приграничные аэроклубы симферопольский, одесский, ленинградский, бакинский и другие. Маршал Василевский вызвал меня к себе для окончательного редактирования решения Политбюро, и я убедил его в нецелесообразности включения ташкентского аэроклуба (600 километров от границы) в число закрываемых. Александр Михайлович решил все же посоветоваться по этому вопросу с Н. А. Булганиным и позвонил ему по кремлевскому телефону, но начал разговор не совсем удачно: «Николай Александрович, мы тут с товарищем Каманиным редактируем решение Политбюро, он предлагает ташкентский аэроклуб не закрывать…» Булганин не дослушал Василевского, и я услышал, как он грубо закричал в телефонную трубку: «Пусть он не решение Политбюро редактирует, а наводит порядок в подчиненных ему организациях, а то мы ему…» Я смотрел на Александра Михайловича и видел, как быстро краснело его лицо, — он плотнее прижимал трубку телефона к уху, стараясь избавить меня от угроз и ругани Булганина. Тот все еще продолжал бушевать, а Василевский лишь коротко успевал отвечать: «Да… понятно… ясно…» Когда, наконец, он положил трубку, то произнес всего одну фразу: «Николай Александрович не согласен». Только один этот эпизод характеризует Василевского как очень тактичного и культурного человека, особенно в сравнении с грубияном Булганиным.

9 декабря.

Сегодня ездили с Мусей в Звездный. Договорился с генералом Пашковым о проведении в Центре экскурсии для группы учителей из меленковской средней школы № 1, которую я окончил ровно полвека тому назад. Встречался с Виктором

Крашенинниковым — он сегодня уезжает в Меленки за матерью. Моей старшей сестре Марусе пошел уже 80-й год, чувствует она себя плоховато (высокое давление, нервный тик, слабое зрение) и очень неохотно приезжает в Москву ей кажется, что в Меленках она легче переносит свои недуги. Болезни Маруси это и мои болезни, только со значительно большими нервными перенапряжениями.

11 декабря.

Вчера и сегодня на даче были Лева, Оля и Коля. Мы с Левой занимались «Жигулями». Сегодня впервые ездил на «Жигулях» и пока не в восторге от этой машины: видимо, сказывается длительная практика езды на «Волге» ГАЗ-21 — мне жаль расставаться с этим, бесспорно, отличным автомобилем.

Вчера на орбиту был выведен «Союз-26», а сегодня он успешно состыковался со станцией «Салют-6» и экипаж — мои старые знакомые Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко — перешел с корабля на станцию. Ребятам предстоит выполнить длительный полет, посмотрим, сколько они продержатся (Гречко летит второй раз).

Получил от Г. К. Денисенко большой пакет фотографий военных лет (в основном групповые фотографии летчиков 235-го штурмового авиаполка). Усилиями Денисенко и Безденежного 235-й полк стал самым активным подразделением корпуса по работе с ветеранами — они готовят книгу о боевом пути полка. Я написал теплое письмо Денисенко с благодарностью за энергичную работу с ветеранами, одновременно выслал ему по его просьбе свою фотографию.

12 декабря.

Отправил по разным адресам несколько писем и четыре бандероли с книгами «Летчики и космонавты», «Старты в небо», «Стриженок» — их присылают мне со всех концов страны с просьбой написать автограф.

Сегодня ходил любоваться созвездиями. Такие яркие звезды я наблюдал, пожалуй, только 12 лет назад, когда вместе с Гагариным и Николаевым был на охоте на одном из озер в районе Касимова. А сегодня рядом со мной «наблюдали»

звездное небо два забавных котенка — Шнурок и Епифан. Они так привязались ко мне, что ходят за мной по пятам, как послушные собачки.

13 декабря.

Позвонил В. А. Шаталов и пригласил меня и Марию Михайловну на свой 50-летний юбилей, который будет отмечаться вечером 17 декабря в Звездном. Шаталов один из лучших наших космонавтов, он хорошо справляется с обязанностями, которые я выполнял в течение одиннадцати лет, и мне нужно было бы присутствовать на его юбилее. Правда, Муся возражает против поездки, да и у меня самого нет большого желания ехать зимой на машине в Звездный в такое темное время суток. К тому же в субботу 17 декабря проездом из Горького в Ригу в Москву прибудет Николай Трескин — друг юности, с которым у меня до сих пор очень хорошие отношения. Он звонил и сказал, что, возможно, заедет на несколько часов к нам на дачу. Мне очень хотелось бы встретиться с ним (последний раз мы виделись три года назад).

15 декабря.

Провел очередное заседание партбюро. Познакомился с Солдатенковым Борисом Викторовичем — кандидатом на должность управляющего домоуправлением № 7. Ему 42 года, член партии с 1963 года, образование — среднетехническое, специальность — электротехник, имеет опыт строительных и ремонтных работ, проживает с семьей из пяти человек в трехкомнатной квартире на проспекте Вернадского. На всех членов бюро Солдатенков произвел хорошее впечатление. Решили согласиться с назначением его на должность управляющего.

16 декабря.

На дачу приезжал корреспондент журнала «Сельская молодежь» О. И. Новопокровский. Ему поручена подготовка статьи о комсомольцах 20-х годов. За каких-нибудь полчаса я ответил на все его многочисленные вопросы.

17 декабря.

Не поехали мы с Мусей на 50-летие Шаталова: в 69 лет мне уже трудно «скакать за сто верст киселя хлебать» (от дачи до ЦПК 85 километров, ехать туда и обратно ночью по обледенелому шоссе очень опасно, а после застолья тем более).

Сегодня у нас на даче ночевал Трескин — мой школьный товарищ, примерный гражданин и хороший, честный коммунист. Последние годы он работает в Риге на автозаводе, выпускающем микроавтобусы «Рафики», и руководит там кружком политпросвещения. Трескин утверждает, что рабочие откровенно смеются над многими фактами из сообщений о Л. И. Брежневе — награждениями, почетными званиями и бесконечными ссылками на выводы из его речей. О таких фактах много разговоров и в Москве, и ведутся они не без основания: подхалимы опошляют образ руководителя партии и страны, превращая его в нового Мао, над которым все мы так дружно смеялись.

20 декабря.

Два последних дня температура колебалась вокруг нуля, а на завтра метеорологи обещают похолодание до -25 градусов. Погода дикая, с очень резкими перепадами температуры, но и прогнозы синоптиков ниже всякой критики: обещают осадки — светит солнце, и наоборот, а в предсказании температуры воздуха ошибаются, как правило, на 5-10 градусов. Как ни странно, 40–50 лет назад прогнозы погоды были более точными.

Сегодня ездил на «Жигуленке» в город Видное, зарегистрировал в местном телеателье цветной телевизор «Радуга-716». Телевизор проработал уже три месяца, серьезных отказов пока не было, но четкость изображения оставляет желать лучшего.

23 декабря.

Вчера на открытом партсобрании выступил с докладом «Быт — забота общая». Присутствовали 150 человек, для выступлений в прениях записались 16, выступили 9. Среди некоторых жильцов нашего большого дома еще сильны барские привычки, часто возникают ссоры и скандалы в коммунальных квартирах, нередки и случаи громких пьянок. Основная масса

(90 процентов) жильцов ведет себя безупречно, и тем обиднее, что незначительное меньшинство портит жизнь подавляющему большинству. Есть случаи, когда среди 30–40 семей, проживающих в одном подъезде, выявляются 2–3 семьи, систематически нарушающие нормы общественного поведения. На собрании хорошо выступали Андреев, Микоян, Кукушкина и другие товарищи. Я представил управляющего домоуправлением № 7 Б. В. Солдатенкова. Он произвел на всех хорошее впечатление. Будем надеяться, что Борис Викторович не обманет наших ожиданий.

24 декабря.

Из Вязников к нам на дачу приезжал П. Г. Хохлов — мой товарищ по службе в эскадрилье имени Ленина. Полвека длятся наша дружба и взаимное уважение, и каждая встреча с Павлом Герасимовичем воскрешает в моей памяти много далеких событий и дорогих мне людей. Хохлов перенес уже пять инфарктов, ему 73 года, но он подвижен, бодр и энергичен, как и 50 лет назад.

Сегодня заболел наш Коля — грипп, температура под 39. В последние дни эпидемия гриппа быстро распространяется по Москве. Коля сказал, что из 34 учеников его класса на уроки ходят не больше десяти-одиннадцати.

2 января 1978 года. Дача «Заборье».

Новый год всей семьей встречали на даче, в гостях у нас была тетка Люды Варвара Поликарповна и Миша — друг Оли. Ребята украсили елку. Внешне все было благопристойно, но отношения внутри семьи (Лева — Люда, Оля — Муся) оставляют желать лучшего. Начались школьные каникулы, и Коля будет с нами на даче до 10 января.

4 января.

Звонил Безуглов — сценарист кинофильма об Аркадии «Отец и сын». Он сказал, что фильм готов, и просил приехать завтра на его просмотр.

5 января.

Были с Колей в Комитете кинематографии РСФСР на просмотре нового художественного фильма «Отец и сын» (в

прокате фильм шел под названием «И ты увидишь небо». — Ред.). Пока я не готов сделать подробный анализ этой кинокартины, могу лишь сказать, что она лучше, чем я ожидал.

6 января.

Сегодня звонил Безуглов и просил «по секрету» высказать ему мою оценку фильма, снятого по его сценарию. Я сказал, что кинофильм вполне удовлетворительный и его главное достоинство в том, что фигура отца не заслонила образ сына. Правда, образ Аркадия ограничен его увлеченностью полетами, и это несколько обедняет его, а ведь он был еще и большим любителем музыки, литературы, спорта, и главное — он был примерным сыном. Жаль также, что из всех подразделений авиакорпуса в фильме показана только эскадрилья связи, а большая боевая работа штурмовиков и истребителей не чувствуется даже за кадром.

10 января.

Закончились школьные каникулы, и сегодня я отвез Мусю и Колю в Москву. Мусе не хотелось оставлять меня одного на даче, но обстоятельства сложились так, что ребята (Оля и Коля) остаются в Москве одни: Люда уехала на курорт, а Лева 13 января уезжает на сборы преподавателей. Придется мне одному покуковать дней десять на даче.

Сегодня, когда я был в партбюро, ко мне пришла дочь Николая Щорса председательница совета одного из подъездов нашего дома. Она рассказала о безобразнейшем происшествии: вчера в квартире Галицких был обнаружен труп полковника Галицкого. Его отец, генерал армии Галицкий, давно умер, и он жил холостяком в квартире своей родной матери — участницы гражданской войны, коммунистки с 60-летним партстажем, награжденной тремя орденами Ленина. И у таких вот родителей сын оказался закоренелым пьяницей. До поры до времени матери удавалось скрывать от окружающих факты недостойного поведения сына, но потом она тяжело заболела и ее положили в больницу. Оставшись в квартире один, полковник запил так, что дважды напивался до белой горячки (оба раза пришлось вызывать милицию). Об этих случаях сообщили начальству

Галицкого, но оно никаких мер не приняло. И вот наступил закономерный финал: встречая Новый год, полковник Галицкий напился до посинения и помер. Больше восьми суток его тело пролежало в квартире, но за это время ни военное начальство, ни мать не проявили никакого беспокойства, — квартиру Галицких вскрыли только после того, как забили тревогу жильцы подъезда.

Сегодня стартовал в космос «Союз-27». Командир корабля подполковник В. А. Джанибеков и бортинженер О. Г. Макаров были приняты в ЦПК еще при мне. «Союз-27» должен состыковаться со станцией «Салют-6». Впервые в мире два космических корабля — «Союз-26» и «Союз-27» будут в совместном полете с орбитальной станцией.

11 января.

Стыковка «Союза-27» с «Салютом-6» пока не состоялась: по-видимому, вывод корабля на орбиту был недостаточно точен, и поэтому потребовалась ее коррекция. Будем надеяться, что стыковка все же состоится.

Сегодня прошел на лыжах 24 километра, а всего за 11 дней января мною пройдено 160 километров.

12 января.

Весь день был в Москве. Провел заседание комиссии по переселению жильцов нашего дома в связи с его капитальным ремонтом. Провел заседание партийного бюро, принял шестерых посетителей.

Осуществлена стыковка «Союза-27» со станцией «Салют-6». По телевидению я наблюдал очень трогательную сцену встречи двух экипажей на борту орбитальной станции. Создание на орбите космического комплекса «Салют-6»-«Союз-26»-«Союз-27» имеет, бесспорно, историческое значение для мировой космонавтики: оно открывает новые большие перспективы для дальнейшего освоения околоземного космического пространства.

14 января.

Два дня подряд был обильный снегопад, но сегодня он прекратился установилась отличная тихая погода с небольшим

морозцем. Прошел на лыжах 42 километра по изумительно чистому снегу. Чувствую себя хорошо подготовленным к тому, чтобы пройти за день и более 50 километров.

15 января.

Сегодня у меня на даче гостил полковник в отставке Долгополов Виталий Степанович — один из лучших моих помощников по работе в ДОСАВ в начале 50-х годов. В свое время он был летчиком-инструктором, ему довелось обучать летному делу многих из ставших впоследствии руководящими деятелями ВВС, в том числе будущего Главкома Вершинина. Долгополову уже 72 года, но он бодр, энергичен и для своих лет прекрасно выглядит. А многих наших общих друзей и сослуживцев уже нет, остались единицы, да и те расходуют свои последние жизненные ресурсы.

21 января.

Вчера был выведен на околоземную орбиту грузовой космический корабль «Прогресс-1». Он создан на базе пилотируемого корабля «Союз» и предназначен для доставки на орбитальные станции необходимых грузов (топливо, продовольствие, кислород, запчасти и пр.) и возвращения на Землю материалов проводимых в космосе исследований (автор ошибается: корабли серии «Прогресс» на Землю не возвращаются. — Ред.). Все операции по сближению, стыковке и расстыковке грузовой корабль выполняет в автоматическом режиме. Создание космического грузовика-автомата кладет начало новому важному этапу в исследовании космического пространства.

Сегодня на дачу приехали Оля, Миша и Коля. Лева все еще на учебных сборах, а Люда осталась в Москве.

22 января.

Грузовой космический корабль «Прогресс-1» причалил к орбитальной станции «Салют-6». 22 января 1978 года — это дата начала существования постоянных (я бы даже сказал — вечных) обитаемых искусственных спутников Земли. Пока они небольшие, могут быть и перерывы в пребывании людей в космосе, но это не так уж и важно, — главное в том, что создана

техническая возможность существования постоянных околоземных поселений. Теперь все будет зависеть только от того, решится ли человечество осваивать космос объединенными силами и выделять для этой цели достаточное количество средств или на Земле будут продолжаться варварские распри и войны между народами. Я верю в то, что на нашей планете победит коммунизм и тогда начнется по-настоящему интенсивное освоение космоса в интересах всего человечества.

24 января.

Зарубежная пресса (Париж, Лондон, Рим и другие столицы) высоко оценивают стыковку космического грузовика «Прогресс-1» со станцией «Салют-6». Сотрудники телевидения настойчиво уговаривали меня по телефону принять участие в телевстрече «Знаменитые летчики за круглым столом», посвященной 60-летию Вооруженных Сил. Во встрече будут участвовать Громов, Кожедуб, Коккинаки и другие. Мне эта затея не нравится и по существу, и особенно потому, что вести передачу будет генерал-полковник Мороз, которого я, мягко выражаясь, не уважаю. От приглашения отказался.

26 января.

В Москве встречался с Коряковым и Безденежным — командирами полков 5-го штурмового авиакорпуса. Решили начать подготовку встречи ветеранов корпуса, намеченной на август этого года. Г. К. Денисенко прислал очень удачный эскиз значка «Ветеран 5-го штурмового авиакорпуса». Эскиз одобрили и решили заказать 500 экземпляров значка.

Получил печальное известие из Вязников: 15 января умер Павел Герасимович Хохлов. Кроме меня, из летчиков Ленинской эскадрильи теперь уже никого не осталось в живых (последними ушли из жизни Власов, Чижиков, Хохлов).

Провел заседания партбюро и комиссии по переселению жильцов нашего дома. Дела в новом домоуправлении № 7 понемногу налаживаются. Замечаний по работе Солдатенкова у меня пока нет.

1 февраля.

Вчера весь день был в Москве, провел заседание комиссии по переселению, встречался с работником Моссовета Устиновым. Строители уже три раза предъявляли 21-й подъезд к сдаче после ремонта, но комиссия домоуправления отказывается принимать его: не работает лифт, проложен временный электрокабель, не подсоединены телефоны.

26 февраля.

Почти месяц не брался за свои записки — интересных событий было немало, и я много думал о них, но свои мысли не решался доверить даже дневнику. Меня и особенно Мусю давно беспокоит судьба семьи сына: Лева, Люда и Оля ведут себя не лучшим образом, что отрицательно влияет и на Колю. Плохая обстановка в семье мешает мне писать, я чувствую себя не вправе рассуждать на темы воспитания: меня все время беспокоит мысль о том, что я не справился с ролью воспитателя даже в собственной семье.

Внешние события тоже не радуют. Размышляя о «самодельных героях», прихожу к выводу, что непрерывные восхваления и взаимные награждения наших больших руководителей наносят непоправимый ущерб воспитательной работе среди молодежи и всего населения страны. Все военные, кроме некоторых подхалимов вроде А. А. Епишева, возмущаются награждениями за «подвиги», якобы совершенные 35 лет тому назад. Я считаю, что две «Золотые Звезды» Героя Советского Союза, звание маршала и орден «Победа» не прибавляют авторитета Л. И. Брежневу, а наоборот, принижают его как руководителя такого великого дела, как дело Ленина. Глубоко убежден, что Ленин строго осудил бы всех «самодельных героев». Мое возмущение самонаграждениями высоких руководителей было и остается настолько сильным, что я дважды (22 и 23 февраля) демонстративно не пошел в Кремль на торжественное заседание и прием по случаю 60-летия Вооруженных Сил.

27 февраля.

Три дня подряд ездил в Москву. Коля, Оля, Люда, а сегодня и Лева заболели гриппом. Грипп какой-то странный: все

жалуются на боли в животе и тошноту. Коля сегодня уже ходил в школу, а всем остальным врачи рекомендуют постельный режим. Мы с Мусей пока держимся.

Наконец-то домоуправление приняло 22 февраля отремонтированные квартиры в 21-м подъезде. Моссовет при заселении подъезда в основном учел наши предложения, отказал только семьям Москаленко, Червяка и Фридлянда (откровенно говоря, мы и сами сомневались, правильно ли мы поступаем, представляя их к заселению). В 21-м подъезде получили большие квартиры Галустян, Вахрушев, Поспелов и другие товарищи, об улучшении квартирных условий которых мы ходатайствовали перед Моссоветом.

5 марта.

На стартовавшем 2 марта корабле «Союз-28» в космос поднялся первый интернациональный экипаж в составе Алексея Губарева (СССР) и Владимира Ремека (ЧССР). Через сутки после старта «Союз-28» состыковался с орбитальной станцией «Салют-6». Сейчас в космосе одновременно летают трое русских космонавтов и один чехословацкий. Юрий Романенко и Георгий Гречко уже перекрыли абсолютный рекорд продолжительности космического полета, принадлежавший американцам. Полеты космонавтов на «Салюте-6» и «Союзах-26, -27, -28» не только очень эффектны внешне, но и подтверждают тот факт, что уже создана материальная база для постоянного пребывания людей в космосе. Кроме того, с полета «Союза-28» начинается история международных космических экипажей.

16 марта.

Сегодня Юрий Романенко и Георгий Гречко вернулись на Землю на корабле «Союз-27» после рекордного 96-суточного полета на станции «Салют-6» (корабль приземлился в 250 километрах западнее Целинограда). По сообщениям радио и телевидения, космонавты перенесли длительный полет хорошо. Я не имею пока точных данных о самочувствии Романенко и Гречко, но хорошо знаю, что после такого длительного пребывания в невесомости им будет очень тяжело на Земле в первые дни после посадки. Все будет зависеть от того, как

много и насколько добросовестно они занимались физическими упражнениями в полете.

22 марта.

Вчера был в ЦПК, встречался с Береговым, Николаевым, Шониным, Филипченко и другими товарищами. Прилет с космодрома Романенко и Гречко ожидается в последние дни марта или даже в начале апреля. Береговой и врачи сказали мне, что Романенко и Гречко чувствуют себя на Земле значительно хуже, чем все их предшественники по длительным космическим полетам. Даже при небольших физических нагрузках у них резко возрастает пульс (до 100–120 ударов в минуту), а затем внезапно падает. Такое явление наблюдается впервые. Есть заметные изменения и в составе крови. В связи с этими отклонениями в состоянии космонавтов после 96-суточного полета приходится вносить изменения в планы очередных длительных полетов. Запланированный ранее полет на 135 суток уже отменен, продолжительность следующего полета сокращена до 95-105 суток. Будем надеяться, что через два-три месяца Романенко и Гречко обретут свое нормальное земное состояние.

Сейчас еще рано делать окончательные выводы: необходимы новые длительные полеты и систематические медицинские наблюдения за участниками таких полетов. Есть, однако, все основания думать, что пребывание людей в космосе без искусственной тяжести подходит к своему естественному пределу.

26 марта.

Сегодня я, Муся и Лева были на похоронах моей сестры Тони. Она умерла 22 марта в возрасте 67 лет, причина смерти — последствия тяжелого инфаркта, который она перенесла полгода назад. На похоронах были все наши родственники, проживающие в Москве, кроме старшей моей сестры Маруси. Мы решили пока не говорить ей о смерти Тони, чтобы не волновать ее перед трудной дорогой в Меленки, куда она собирается на днях поехать.

28 марта.

Был сегодня в Звездном, где мы вместе с Виктором Крашенинниковым встречали наших земляков, — из Меленок приехали 33 учителя средней школы № 1, которую я окончил в 1927 году, а Виктор — в 1943. Я прошелся с ними по Звездному, рассказал им, как он создавался, и ответил на их многочисленные вопросы. Всей группой сфотографировались на фоне памятника Гагарину. Андриян Николаев подробно рассказал гостям о самочувствии и впечатлениях космонавтов в космических полетах, а также о процессе подготовки их в ЦПК. Потом мы показали нашим землякам музей Звездного и кинофильм о Гагарине. Гости были очень довольны экскурсией.

25 апреля.

Сегодня открылся 18-й съезд ВЛКСМ. Выступление Л. И. Брежнева на съезде было восторженно встречено комсомольцами. Брежнев настойчиво стремится убедить всех, что можно и нужно бороться за мир и сокращение вооружений, за улучшение условий жизни, за коммунизм. Советским людям эти идеи близки и понятны, гораздо труднее воспринимаются призывы к укреплению трудовой дисциплины, повышению качества работы, соблюдению норм коммунистической морали. У нас в стране десятки тысяч передовиков труда, энтузиастов в борьбе за мир и коммунизм, но, к сожалению, рядом с ними много лодырей, пьяниц, тунеядцев, равнодушных обывателей, которые тормозят наше продвижение вперед.

26 апреля.

Имею пригласительный билет на все дни работы съезда, но был только на одном заседании. Встречался с делегатами Приморья, Амурской области и Донбасса, а также с космонавтами Леоновым, Береговым, Романенко и Волыновым. В перерывах невозможно показываться в вестибюле — непрерывные просьбы автографов и фотосъемки.

5 мая.

Поездка Брежнева в ФРГ проходит успешно: по-видимому, руководители этой страны понимают, что война для них равнозначна самоубийству, и не видят другого пути, кроме разрядки напряженности и поддержания добрососедских

отношений с Востоком. Этот визит должен внести заметный вклад в укрепление внешних позиций СССР.

9 мая.

33-я годовщина победы совпала по времени с выходом в свет повестей Л. И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение». Повести, безусловно, удачные и полезные, но плохо то, что многочисленные подхалимы пытаются представить боевые действия 18-й армии на Малой земле как едва ли не решающий фактор в достижении нашей победы. За четыре года войны я ни разу не слышал о сражении 18-й армии за Малую землю и убежден, что оно не имело и не могло иметь определяющего значения для успеха наших крупных наступательных операций. Брежнев обязан был бы одернуть зарвавшихся подхалимов, но он, к сожалению, не замечает вреда, наносимого воспитанию молодежи бесконечным потоком восхвалений в его адрес.

28 июня.

Лето в этом году запаздывает почти на месяц: июнь, как и май, холодный и дождливый. В начале июня я, Муся, моя сестра Полина и Виктор Крашенинников ездили на «Волге» в Меленки. Почти всю дорогу туда и обратно машину вел Виктор, ошибок у него еще очень много — ему нужно получить длительную практику управления автомобилем. В Меленках побывал на могилах матери, отца, брата Александра и других родственников.

7 августа.

Провел сборы ветеранов 5-го ШАК. Все собравшиеся (более 500 человек) были очень довольны организацией встречи. Первое собрание провели 5 августа в Краснознаменном зале ЦДСА, а весь день 6 августа были в Звездном. Мне и Виктору Крашенинникову пришлось изрядно потрудиться, особенно много хлопот было с выделением мест в гостиницах (пришлось обратиться в Моссовет к товарищу Никольскому) и организацией дружеского обеда (гостей размещали в трех залах).

15 августа.

Лето заканчивается, не начавшись: таких холодных и дождливых летних месяцев я не припоминаю за все свои 70 лет.

Сегодня на даче отметили день рождения Ольги — ей исполнилось 19 лет. Нашими гостями были Варвара Поликарповна и жених Ольги — Михаил Солодовников.

17 августа.

В Монино собрались несколько десятков ветеранов авиационного полка имени В. И. Ленина — бывшей 40-й эскадрильи имени Ленина, в которой я служил на Дальнем Востоке в 1929–1933 годах. Для меня это была очень грустная встреча: ни одного знакомого лица, кроме трех бывших командиров полка. Все мои надежды встретить хотя бы одного ветерана, служившего вместе со мной, так и не оправдались. В декабре этого года полку исполняется 60 лет. Полк базируется все там же (станция Мучная Дальневосточного края), откуда в 1934 году я отправился спасать челюскинцев.

19 августа.

Сегодня Миша Солодовников и моя внучка Оля стали мужем и женой. Это событие мы скромно отметили в нашей московской квартире. Отец Миши — Виктор Михайлович Солодовников — произвел на меня приятное впечатление.

20 августа.

Был в Центре управления космическими полетами. Елисеев и Газенко попросили меня переговорить с экипажем станции «Салют-6». Я давно уже не говорил с космонавтами, находящимися на орбите, и с удовольствием согласился выполнить эту малюсенькую часть большой работы по психологической поддержке экипажа. Космонавты Владимир Коваленок и Александр Иванченков не были предупреждены о предстоящих радиопереговорах со мной. Я увидел их по телевидению, когда станция пролетала над Сахалином, — они были еще без наушников. Через полминуты радиосвязь была установлена, и я обратился к ним с вопросом: «Как слышите меня, «Фотоны»? Говорит Каманин». Мне показалось, что ребята даже вздрогнули от неожиданности. Я поздравил их с Днем авиации и передал наилучшие пожелания от ветеранов 5-го ШАК и авиационного полка имени Ленина. Владимир и Саша были рады нашей радиовстрече, они кратко рассказали мне о

ходе полета и заверили в том, что полностью выполнят свою программу, рассчитанную на 140 суток.

После окончания сеанса связи с космонавтами я беседовал с врачами и руководителем полета Елисеевым. Все надеются, что ребята смогут продержаться запланированные 140 суток, но никто не знает, какой след оставит этот полет на здоровье космонавтов. Я всегда был за более частые полеты, но без резкого увеличения их продолжительности, и поэтому рекомендовал сегодня Елисееву и академику Газенко завершить полет Коваленка и Иванченкова после установления ими нового мирового рекорда (107 суток пребывания на орбите).

3 сентября.

Успешно завершен полет третьего международного экипажа в составе Валерия Быковского, теперь уже трижды побывавшего в космосе, и космонавта из ГДР Зигмунда Йена. Итак, уже трое космонавтов из союзных с нами стран — чех, поляк и немец — побывали на околоземных орбитах. За годы, прошедшие со времени полуторачасового одновиткового полета Юрия Гагарина, советская космонавтика добилась многого — стали реальностью тысячевитковые полеты вокруг Земли продолжительностью более 100 суток. Дальнейшие успехи в освоении космического пространства будут зависеть только от выделяемых для этой цели денежных сумм, размер которых напрямую связан с состоянием международной обстановки: чем больше опасность возникновения новой большой войны, тем меньше расходы на «мирный космос» и тем значительнее затраты на форсированное развитие военной космонавтики. Я глубоко убежден, что у человечества есть все возможности уже к началу нового тысячелетия создать постоянные поселения в космосе. Но создание таких поселений будет всецело зависеть от успехов борьбы народов планеты за коммунизм. Коммунизм — это всеобщее процветание, мир и «большой космос».

18 октября.

Сегодня мне исполнилось 70 лет. Опубликован Указ Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Октябрьской революции (о том, что готовится такой Указ, я знал

еще неделю тому назад: мне позвонила и заранее поздравила с награждением Валентина Терешкова). В 17:30 состоялось заседание Военного совета ВВС, посвященное моему юбилею. Главный маршал авиации Кутахов, члены Военного совета Мороз, Кирсанов, Мишук, Решетников и другие, Береговой, Климук и другие космонавты наговорили обо мне излишне много хорошего. Я получил десятки приветственных адресов — от Устинова, Покрышкина, Кутахова, Берегового и других товарищей, — сотни писем и телеграмм с поздравлениями, телефонные звонки не умолкали на протяжении трех последних дней. Очень много писем от ветеранов 5-го ШАК — все благодарят за организацию сборов в августе и высказывают пожелания о новых встречах. В «Комсомольской правде» опубликован очерк Муртазаева обо мне, написан он слабовато, но в нем есть два-три поучительных факта из моей биографии.

20 октября.

Был в Москве. На заседании партийного бюро обсуждали подготовленный мною отчетный доклад, замечаний было немного. А вот при обсуждении кандидатов в состав нового партбюро разгорелись большие дебаты. На мой вопрос: «Кто не намерен вновь избираться в бюро?» — последовал контрвопрос: «А вы остаетесь?» Я не стал объяснять присутствующим причины, по которым мне хотелось бы освободиться от партийной работы, и дал согласие продолжать работать в бюро. Я хотел бы иметь побольше времени для работы над книгами о войне и космосе, но пока идет капитальный ремонт нашего дома, с таким трудом начатый при моем участии, мне нельзя бросать это дело на полпути. Получив мой утвердительный ответ, все четырнадцать членов бюро заявили: «Тогда и мы остаемся!»

При выдвижении кандидатов на пост секретаря цеховой парторганизации управляющий домоуправлением № 7 Солдатенков предложил кандидатуру своего заместителя Попова, а большинство членов бюро были за Гоморева, проработавшего секретарем на протяжении десяти последних лет. За отчетный период между Солдатенковым и Гоморевым

было много споров и принципиальных расхождений. Много неприятностей наговорили они друг другу и на сегодняшнем заседании, на котором было принято такое решение: поручить Солдатенкову от имени партбюро предложить собранию членов цеховой организации кандидатуру Гоморева. Солдатенков выразил свое возмущение принятым решением: «Я не буду голосовать за Гоморева!» Пришлось строго напомнить ему о партийной дисциплине.

22 октября.

Г. Ф. Байдуков рассказал мне по телефону о своей поездке в Польшу. По его словам, в Польше по-прежнему наблюдается большое засилие частной инициативы, люди живут неплохо, отношение поляков к русским заметно улучшается.

27 октября.

По два-три раза в день встречаюсь с комсомольцами. Сегодня был в Кремле на торжественном заседании ЦК ВЛКСМ, посвященном

60-летию комсомола. Встречался с первым секретарем ЦК Б. Н. Пастуховым, он просил выслать ему рукопись моей книги «Сотвори себя».

31 октября.

Сегодня в Кремле заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищ Поляков вручил мне орден Октябрьской революции.

1 ноября.

Был на торжественном собрании коллектива редакции и издательства газеты «Красная звезда», посвященном 61-й годовщине Октября. На встрече были космонавты Макаров и Артюхин, а также представители всех видов Вооруженных Сил.

2 ноября.

Завершился 140-суточный полет космонавтов Владимира Коваленка и Александра Иванченкова. Я внимательно следил по телевизору за их первыми после возвращения из космоса шагами по родной земле и за тем, как они проводили первую послеполетную пресс-конференцию. Несмотря на длительное воздействие невесомости и перегрузки при спуске с орбиты,

ребята выглядят отлично. Я не ожидал, что им удастся сохранить нормальный внешний вид и хорошую работоспособность. После полета Гагарина у нас было много значительных достижений в освоении космоса, но полет Коваленка и Иванченкова — это событие особо выдающееся. «Салюты», «Союзы» и «Прогрессы» полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды.

14 ноября.

Сегодня Коваленок и Иванченков прилетели с космодрома в Звездный. Целых двенадцать дней восстанавливали ребята свои земные навыки, и сейчас их самочувствие вполне удовлетворительное — это результат усиленных занятий физическими упражнениями. И все же я опасаюсь, не оставит ли 140-суточный полет свой коварный след на здоровье рекордсменов.

18 ноября.

Сегодня в академии имени Жуковского состоялась встреча по случаю 40-летия выпуска слушателей 1938 года. Из 186 выпускников присутствовали 56, причем из 26 выпускников командного факультета были только четверо Шелыганов, Зиновьев, Кувинов и я. Приятно было встретиться с генералом В. С. Пышновым, который преподает в академии уже в течение 53 лет. На встрече были генералы В. В. Филиппов, А. Н. Пономарев и Н. Д. Кузнецов (академик, генеральный конструктор авиационных двигателей).

19 ноября.

Прочитал повесть П. Шуфа и А. Меламеда «Орленок из Ташкента», опубликованную в десятом номере журнала «Звезда Востока». Авторы повести проделали колоссальную работу по сбору материалов о жизни Аркадия Каманина в Ташкенте в 1941–1942 годы. Учителя, школьники, рабочие, близко знавшие Аркадия в те далекие годы, рассказали о нем много нового и интересного — все эти материалы и легли в основу повести.

25 ноября.

После окончания работы над книгой «Сотвори себя» я долго не решался сделать выбор между темами «Юрий Гагарин» и

«Боевой путь 5-го ШАК». По обеим этим темам материалов так много, что они просто распирают меня и заставляют браться за перо. Вчера я более двух часов просматривал записки, альбомы, фотографии и другие материалы военного времени и принял, наконец, решение: буду писать о боевом пути 5-го штурмового авиакорпуса. Думаю, что над рукописью этой книги придется потрудиться года два.

9 декабря.

Пять дней назад я был неожиданно вызван Главкомом ВВС Главным маршалом авиации Кутаховым, который обратился ко мне с еще более неожиданной просьбой: заняться делами первой «космической» семьи. 4 декабря я побывал в Кунцеве в больнице у Андрияна Николаева, а потом встретился в Москве с Валей Терешковой. Из продолжительных бесед с Андрияном и Валей мне стало ясно, что их семья на грани развала.

21 декабря.

Встречался с Валей Терешковой, а затем ездил в Архангельское к Андрияну Николаеву. Прогресс в «переговорах о мире» пока небольшой. Доложил Главкому Кутахову свои впечатления от бесед с Валей и Андрияном. Кутахов высказал пожелание, чтобы я продолжил выполнение моей трудной «миссии».

22 декабря.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Пастухов сообщил мне по телефону о том, что он прочитал рукопись «Сотвори себя» и одобрил ее издание в «Молодой гвардии». Через час позвонил директор издательства и подтвердил намерение издать мою книгу (повесть Н. П. Каманина «Сотвори себя» вышла в свет только в 1982 году, когда ее автора уже не было в живых. — Ред.).

Послесловие

В течение 1960–1971 гг. Николай Петрович Каманин, будучи руководителем подготовки советских космонавтов, активно участвовал в организации первых пилотируемых космических полетов в Советском Союзе и нес за это свою долю ответственности. Николай Петрович был романтиком космонавтики, беззаветно любил ее. Он полностью отдавал себя любимому делу, отстаивал свою точку зрения в нередко возникавших спорах между руководителями космической отрасли, реально формировавшими программу отечественных пилотируемых полетов. В спорных вопросах для Каманина не было безоговорочных авторитетов — он мог противостоять и С. П. Королеву, и министрам, и своим непосредственным начальникам в Министерстве обороны. Можно с уверенностью сказать, что если бы на месте Каманина был другой генерал, то список первых советских космонавтов наверняка был бы несколько иным.

Автор «Космических дневников» вел свои записи в годы, когда опубликование в открытой печати каких-либо сведений о ракетно-космической технике и ее создателях находилось под строжайшим запретом: писать можно было только о космонавтах, причем лишь о тех из них, кто уже побывал в космосе. В общественное сознание в то время непрестанно внедрялась пропагандистская мысль о том, что советские космические ракеты и корабли обладают абсолютной надежностью, полностью исключающей возможность отказов в их системах и оборудовании. На самом деле отказов и аварийных ситуаций было предостаточно — как при пусках автоматических космических аппаратов, так и в полетах кораблей с космонавтами на борту. Сокрытие их от широкой общественности нашей страны становилось невозможным для советского руководства лишь тогда, когда полеты заканчивались катастрофически — гибелью космонавтов.

Рассказывая на страницах своих дневников не только о первых летчиках-космонавтах СССР, но и об их дублерах, о министрах и причастных к космонавтике военачальниках, о конструкторах и испытателях, Н. П. Каманин рисковал быть обвиненным в разглашении «секретов государственной важности» со всеми вытекающими отсюда последствиями. А ведь он еще писал и о крупных недостатках и просчетах в организации космических исследований в Советском Союзе, явившихся, в частности, основной причиной провала столь престижного для великой державы проекта, каким была в то время программа осуществления первой в мире экспедиции на Луну.

«Космические дневники генерала Каманина» — это исторический документ, с наибольшей достоверностью отражающий развитие отечественной космонавтики и сложную взаимосвязь событий в первое десятилетие пилотируемых космических полетов. Но документы подобного рода имеют не только лишь историческую ценность, они очень важны и с практической точки зрения, потому что без ясного представления о прошлом невозможно осмыстить настоящее, а без понимания настоящего нельзя делать прогнозы на будущее.

Редакционная коллегия

Примечания

1

Нет, это 1-й пуск — *Хл.*

2

8 одиночных, три с двумя космонавтами на борту и четыре — с тремя. Вероятно «Союз-4» и «Союз-5» где было 1+3, подсчитан как 2+2.

3

у сына Дьюка — *Хл.*

4

У. Ширра и Т. Стаффорд летали на «Джемини-6», а Ф. Борман, Дж. Ловелл на «Джемини-7»

5

На «Джемини-7».

только 2, еще 2 — на орбите ИСЗ — *Хл.*

а там только вручную — *Хл.*

еще только 6 — *Хл.*

Оглавление

Annotation 1
Н. П. Каманин СКРЫТЫЙ КОСМОС 2
Книга четвертая 1969–1978 гг. 3
1969 год 4
1970 год 144
1971 год 310
1973–1978 годы 435
Послесловие 481
Примечания 483
1 484
2 485
3 486
4 487
5 488
6 489
7 490
8 491

AvE4eVaMuViMixRecords © AvE4eVaMuViMixRecords